ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ

ЗАМОК ЛОРДА ВАЛЕНТИНА

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ

ЗАМОК ЛОРДА ВАЛЕНТИНА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Перевод с английского

НОВОСИБИРСК 1993

ББК 84.7 США
С 36

Силверберг Роберт

С 36 Замок Лорда Валентина: Фантастический роман / Пер. с англ.— Новосибирск: Фирма «Тимур», 1993.— 432 с. (Серия «Шедевры фантастики»).

ISBN 5—85513—002—9

Тема борьбы добра со злом — вечна. И хотя действие романа происходит на далекой планете Маджипур, населенной представителями многих рас: людьми, скандарами — четверорукими косматыми существами, метаморфами — существами, способными изменять свою форму, и другими, описываемые события напоминают нашу земную жизнь. Правящий Корональ в результате интриг становится бродячим жонглером. О его странствиях, о восстановлении справедливости рассказывается в романе.

С $\frac{4703040100—02}{ЛР\ 061507—93}$ Без объявл.

ББК 84.7 США

© Молокин М. А., 1993
составление
© Завлавный А. А., 1993
оформление

ISBN 5—85513—002—9

Часть I

КНИГА КОРОЛЯ СНОВ

Глава 1

После долгого дня пути в золотой дымке влажного тепла, которая собиралась над ним как легкая мокрая шерсть, Валентин пришел к большому выступу обнажавшегося белого камня, который возвышался над городом Пидруд. Пидруд был провинциальной столицей, расползшейся, пышной. Это был самый большой город, который Валентин когда-либо видел. Ну, самый большой город за долгое время странствий, во всяком случае.

Здесь он остановился, сел на край мягкого, крошившегося белого гребня, погрузив обутые в сапоги ноги в хлопья осыпавшегося камня, и глядел вниз на Пидруд, моргая, словно только что проснулся. В этот летний день до сумерек оставалось еще несколько часов, и солнце висело высоко на юго-западе за Пидрудом, над Великим Морем.

«Отдохну здесь некоторое время,— подумал Валентин,— а потом спущусь в Пидруд и найду место для ночлега.»

Отдыхая, он услышал, что позади, с вершины гребня, катятся камешки. Он неторопливо оглянулся. Появился погонщик, мальчик с соломенного цвета волосами и веснушчатым лицом. Он вел вереницу из пятнадцати или двадцати верховых животных вниз по горной тропе. Это были откормленные, лоснившиеся пурпурные животные, хорошо ухоженные. Животное, на котором ехал мальчик, выглядело старше других, менее толстым, умным и строгим.

— Эй! — окликнул мальчик Валентина.— Куда направляешься?

— В Пидруд. А ты?

— Тоже. Веду этих животных на рынок, а такая работа вызывает жажду. У тебя есть вино?

— Немного,— сказал Валентин. Он похлопал по фляжке на бедре, там где более воинственный человек носил бы оружие.— Хорошее красное вино. Жаль, что остатки.

— Дай мне попить, и я позволю тебе вместе со мной въехать верхом в город.

— Договорились,— сказал Валентин.

Когда мальчик спешился и спустился по выступу, Валентин предложил ему фляжку.

Мальчику было не более четырнадцати-пятнадцати лет. Для своего возраста он был мал ростом, но широкогруд и мускулист. Он едва доставал до локтя Валентина, высокого, однако не чрезмерно, крепкого мужчины плотного сложения, с широкими плечами и большими руками.

Мальчик покрутил фляжку, принюхался со знанием дела, одобрительно кивнул, сделал большой глоток и вздохнул.

— Глотал пыль всю дорогу от Фалкинкипа! И жара чертовская — прямо душит! Еще один час без питья — и я бы стал покойником.— Он вернул флажку Валентину.— Ты живешь в городе?

Валентин нахмурился.

— Нет.

— Значит, пришел на фестиваль?

— Какой фестиваль?

— А ты не знаешь?

Валентин покачал головой. Он чувствовал взгляд светлых, насмешливых глаз мальчика, и это его смущало.

— Я путешествовал и не следил за новостями. Сейчас в Пидруде фестивальное время?

— На этой неделе, сказал мальчик. Начало в Звездный день. Большой парад, цирк, Королевское торжество. Посмотри вниз. Разве ты не видишь даже отсюда, как ОН вступает в город?

Валентин проследил за вытянутой рукой мальчика, указывающей на южную окраину Пидруда, однако увидел только скопление зеленых черепичных крыш и лабиринт древних улиц. Он снова покачал головой.

— Да вон,— нетерпеливо сказал мальчик,— внизу, у гавани. Видишь корабли? Пять потрясающих кораблей с его знаменем на мачтах. А вон процессия, идущая через Ворота Дракона, чтобы выйти на Черное Шоссе. Наверное, это его колесница проезжает теперь через Арки Снов. Неужели не видишь? Может, у тебя неладно с глазами?

— Я не знаю города,— мягко сказал Валентин.— Ну да, я вижу гавань и пять кораблей.

— Хорошо? Теперь смотри чуть вглубь города. Видишь большие каменные ворота и широкое шоссе, проходящее через них? А это — церемониальная арка...

— Да, теперь я вижу ее.

— И его знамя над колесницей?

— Чье знамя? Ты извини, что я бестолковый, но...

— Чье? Как чье? Знамя Лорда Валентина! Колесница Лорда Валентина! По улицам Пидруда идут телохранители Лорда Валентина! Разве ты не знаешь, что прибыл Кородаль?

— Нет.

— А фестиваль-то? С чего бы ему быть летом, как не для того, чтобы приветствовать Короналя?

Валентин улыбнулся.

— Я путешествовал и не следил за новостями. Хочешь еще вина?

— Там мало осталось,— сказал мальчик.

— Пей. В Пидруде я куплю еще.

Он протянул мальчику фляжку и вновь повернулся к городу, пробежав глазами по склону через лесные окрестности к перенаселенному городу и в другую сторону, к воде и большим кораблям, к знаменам, к маршировавшим воинам, к колеснице Короналя. Наверное, это был великий момент в жизни Пидруда, потому что Кородаль правит из далекого Горного Замка на другой стороне мира, так далеко, что и он сам, и Замок стали почти легендарными в мире Маджипура. Коронали Маджипура не часто бывают на западном континенте. Однако Валентина почему-то не трогало присутствие внизу его сиятельного тезки.

«Я здесь, и Кородаль здесь,— думал он,— и он будет ночевать в каком-нибудь дворце хозяев Пидруда, а я — в какой-нибудь копне сена, а потом будет большой фестиваль, а мне-то что?»

Ему было почти стыдно, что он так спокоен рядом с возбужденным мальчиком. Это было невежливо, и он сказал:

— Прости меня, я так мало знаю о том, что произошло в мире за эти несколько месяцев. Почему Кородаль здесь?

— Он совершает большое шествие по всему королевству, чтобы отметить свой приход к власти. Понимаешь, это новая власть. Лорд Валентин всего два года на троне. Он брат умершего Лорда Вариакса. Ты знаешь, что Лорд Вариакс умер и что Лорд Валентин стал нашим Короналем?

— Я слышал,— неопределенно ответил Валентин.

— Ну так вот, он в Пидруде. Он обходит королевство с того времени, как получил Замок. Он был целый месяц на юге, в лесных провинциях, а третьего дня приплыл к берегу Пидруда. Ночью он войдет в город, и несколько дней здесь будет фестиваль: еда и выпивка для всех, игры, танцы, удовольствия, большая ярмарка, где я продам этих животных за хорошую цену. Потом он поедет через весь континент Зимрол от столицы к столице столько тысяч миль, что у меня голова болит думать об этом, а с восточного берега он поплывет обратно в Алханрол, в Горный Замок, и никто из нас в Зимроле не увидит его еще лет двадцать, а то и больше. Хорошее, наверное, дело — быть Короналем! — мальчик засмеялся.— Хорошее было вино. Меня зовут Жанамир. А тебя?

— Валентин.

— Валентин? Знаменательное имя!

— Обычное, по-моему.

— Поставь впереди Л о р д — и будешь Короналем!

— Это не так просто. Да и зачем мне быть Короналем?

— Власть,— сказал Жанамир. Он широко раскрыл глаза.— Хорошая одежда, еда, вино, драгоценности, дворцы, женщины...

— Ответственность,— сумрачно сказал Валентин,— время. Ты думаешь, Короналю нечего больше делать, кроме как пить золотое вино и ходить в процессиях? Ты думаешь, он прибыл сюда для своего удовольствия?

Мальчик задумался.

— Может, и нет.

— Он правит миллиардом миллиардов людей на территории такой огромной, какую мы даже представить себе не можем. На его плечах лежит все: проводить Декреты Понтификса, поддерживать порядок и справедливость на всей планете — мне даже подумать об этом страшно, мальчик. Он следит, чтобы мир не скатился в хаос. Я не завидую ему. Пусть делает свое дело.

Жанамир, помолчав, сказал:

— А ты не так глуп, Валентин, как я сначала подумал.

— Значит, ты думал, что я дурак?

— Ну, простоватый. Ты взрослый мужчина, а о некоторых вещах знаешь так мало, что я, вдвое моложе тебя, должен тебе объяснять. Но я, как видно, недооценивал тебя. Ну, поехали в Пидруд?

Глава 2

Валентин мог сесть на любое из животных, которых мальчик вел на рынок, однако все они казались ему одинаковыми, так что он только сделал вид, что выбирает, и, взяв одного наугад, легко взобрался в естественное седло на спине животного. Сидеть было удобно, потому что эти животные специально выводились в течение тысячелетий из древних искусственных животных, созданных с помощью магии. Они были сильны, неутомимы, терпеливы, могли есть что угодно. Искусство изготовлять их было давно утрачено, но теперь они размножались сами, как настоящие животные, и без них передвигаться по Маджипуру было бы весьма обременительно.

Дорога на Пидруд примерно с милю шла вдоль высокого гребня, а затем внезапно резко спускалась на прибрежную равнину.

Валентин дал мальчику полную возможность болтать, и Жанамир рассказывал, что до округа, где он живет, два с половиной дня пути к северо-востоку. Там он, его отец и братья выращивают животных для продажи на рынке Пидруда и прилично живут на это. Что ему тринадцать лет и он о себе высокого мнения, что он никогда не бывал за пределами провинции, столицей которой является Пидруд, однако когда-нибудь он пройдет по всему Маджипуру, совершит паломничество на Остров Сна и преклонит колени перед Леди, пересечет Внутреннее Море до Алханрола, дойдет до подъема к Горному Замку, направится на юг, может быть, даже за парящие тропики в сожженную область Короля Снов, ибо нельзя быть молодым и здоровым в мире, наполненном чудесами, чтобы не путешествовать.

— А ты, Валентин, кто ты, откуда и куда идешь? — спросил он вдруг.

Валентин был захвачен врасплох. Убаюканный болтовней мальчика и мерным ходом животного, спускавшимся по извилистой тропе, он не был готов к вопросу и сказал только:

— Я из восточных провинций. Дальше Пидруда пока не планировал ничего. Останусь здесь, пока не будет причины уйти.

— Зачем ты идешь?

— А почему мне не идти?

— Ах, — сказал Жанамир, — ладно. Я узнаю уклончивый ответ, когда слышу его. Ты младший сын герцога

в Ни-мойе или Пилиплоке, ты навел на кого-то нехороший сон, тебя поймали на этом, и твой отец дал тебе кошелек с деньгами и отправил в дальнюю часть континента. Правильно?

— Точно,— сказал Валентин, подмигнув.

— Ты нагружен риалами и кронами и устроишься в Пидруде как принц, и будешь пить и плясать, пока не истратишь последнюю монету, а потом наймешь морской корабль и поплывешь в Алханрол, и возьмешь с собой меня, как своего оруженосца. Так или нет?

— Точно, мой друг. За исключением денег. Эту часть твоей фантазии я не предусмотрел.

— Но хоть к а к и е - т о деньги у тебя есть? — спросил Жанамир уже более серьезно.— Ты ведь не нищий? В Пидруде очень строги к нищим. Там не разрешают никакого бродяжничества.

— У меня есть несколько монет,— сказал Валентин.— Их хватит, чтобы прожить время фестиваля и еще немного, а там увидим.

— Если ты пойдешь в море, возьми меня с собой, Валентин.

— Если пойду — возьму.

Теперь они уже наполовину спустились со склона. Пидруд лежал в глубокой чаше вдоль берега, окруженный низкими холмами с внутренней стороны и по большей части берега. Лишь в одном месте холмы прерывались, пропуская океан, который образовал здесь бухту и великолепную гавань.

Когда поздним вечером Валентин и Жанамир спустились к морю, они почувствовали холодный береговой ветер, снимающий жару. К берегу с запада тянулся белый туман, воздух имел резкий привкус соли и был сейчас насыщен водой, всего несколько часов назад омывавшей рыб и морских драконов.

Валентин был потрясен размерами города, лежащего перед ним. Он не мог вспомнить, видел ли он когда-либо город больше этого. Однако он, в сущности, не только это, а очень многое не мог вспомнить.

Это был край континента. Весь Зимрол лежал за спиной Валентина, и он знал только, что прошел его из конца в конец от одного из восточных портов — Ни-мойе или Пилиплока. Но он знал, что достаточно молод, и сомневался, возможно ли было пройти такой путь пешком. Валентин не помнил, чтобы у него были какие-нибудь верховые животные, если не считать того, на котором

он сегодня ехал. С другой стороны, он вроде бы умел ездить верхом и уверенно сел в широкое седло животного, и это доказывало, что он, очевидно, пользовался ими и раньше. Но это все неважно. Он здесь и не чувствует усталости. Раз уж он каким-то образом прибыл в Пидруд, в Пидруде он и останется, пока не будет причин идти еще куда-то. У него не было жажды Жанамира к путешествиям.

— Я буду жить в этом городе,— думал Валентин,— найду способ заплатить за пищу и ночлег и буду счастлив.

— У тебя, естественно, не заказано места в гостинице? — сказал Жанамир.

— Об этом стоило бы подумать. Конечно, нет.

— В городе сейчас все забито, потому что фестиваль, и Корональ уже здесь. Где ты будешь спать, Валентин?

— Где-нибудь. Под деревом. На куче песка. В общественном парке. Вон, например, парк с высокими деревьями.

— Ты помнишь, что я тебе говорил насчет бродяг в Пидруде? Тебя найдут и посадят под замок на месяц, а потом ты будешь убирать навоз, а плата будет такова, что ты будешь заниматься этим до конца дней.

— Во всяком случае, это — работа постоянная,— сказал Валентин.

Однако Жанамир не засмеялся.

— Есть гостиница, где останавливаются продавцы верховых животных. Мы как-нибудь устроим тебя туда. Ну, что бы ты делал без меня?

— Ты так говоришь, будто по-настоящему не думаешь, что я стал бы мусорщиком.

Мальчик коснулся уха животного, остановил его и пристально взглянул на Валентина.

— Есть ли тебе до чего-нибудь дело, Валентин? Я тебя не понимаю. То ли ты дурак, то ли просто самый беспечный человек на Маджипуре.

— Я и сам хотел бы это знать,— сказал Валентин.

У подножия гребня тропа соединялась с шоссе, которое шло с севера и поворачивало на запад к Пидруду. Новая дорога, широкая и прямая, шла по цветущей долине, и по бокам ее стояли низкие белые мемориальные доски с двойным гербом Понтификса и Короналя — Лабиринтом и горящей звездой. Дорога была покрыта гладким голубовато-серым материалом, слегка пружинившим, без единого изъяна. Она, наверное, была такой же древней, как множество других прекрасных вещей в этом мире. Жи-

вотные шли без устали. Поскольку они были синтетическими, они почти не чувствовали усталости и могли пройти от Пидруда до Пилиплока практически без отдыха. Время от времени Жанамир оглядывался назад, проверяя, не отбился ли кто-нибудь от стада, однако все животные шли друг за другом вдоль шоссе, почти уткнув морды в хвосты передних.

Солнце уже приняло бронзовый вечерний оттенок, и город был совсем близко. Эта часть дороги сама по себе представляла потрясающее зрелище. С обеих сторон ее росли благородные деревья, в тридцать раз превышающие рост человека, с гладкими стволами в темно-синеватой коре и мощными кронами блестящих зеленых листьев, острых как кинжалы. Среди этих листьев были ошеломляющие гроздья цветов, красных с желтым. Они сияли, как маяки.

— Что это за деревья? — спросил Валентин.

— Огненные пальмы, — ответил Жанамир. — Они растут только вблизи побережья и цветут всего одну неделю в году. Пидруд славится ими. Зимой с них падают кислые ягоды. Из них делают крепкое вино. Вечером попробуешь.

Корональ выбрал подходящее время для своего прибытия.

Я думаю, не случайно.

Двойной ряд блестящих деревьев продолжался, и они двигались вдоль него до открытых полей, за которыми находились первые загородные виллы. Дальше шла пригородная дорога с более скромными домами, затем пыльная зона маленьких фабрик и, наконец, древняя стена самого Пидруда высотой в два раза ниже огненных пальм, продырявленная остроконечной аркой с архаически выглядевшими пристройками.

— Ворота Фалкинкипа, — возвестил Жанамир, — восточный вход в Пидруд. Мы входим в столицу. Одиннадцать миллионов душ, Валентин. Здесь можно найти все расы Маджипура, не только людей, а всех: скандары, хьорты, лимены и прочие. Говорят, есть даже небольшая группа Меняющих Форму.

— Кто это?

— Древняя раса, первоначальные.

— Мы называем их еще как-то, — неуверенно сказал Валентин. — Метаморфы, кажется.

— Да. Это то же самое. Я слышал, что на востоке их называют так. У тебя странный акцент. Ты знаешь об этом?

— Не страннее твоего, дружище.

Жанамир засмеялся.

— Мне твой акцент кажется странным, а у меня его вообще нет. Ты как-то чудно выговариваешь слова: «Мы зовем их метаморфы»,— передразнил он.— Вот как это у тебя звучит. Так говорят в Ни-мойе?

Валентин только пожал плечами.

— Я боюсь этих изменяющих форму,— сказал Жанамир,— метаморфов. Без них планета, наверное, была бы счастливее. Шныряют вокруг, имитируют других, делают зло. Я бы хотел, чтобы они оставались на своей территории.

— Их много или не очень?

— Много. Однако говорят, что их понемногу в каждом городе. Замышляют неведомо какие неприятности для всех нас.

Жанамир наклонился к Валентину, схватил его за руку и серьезно посмотрел ему в лицо.

— Их можно встретить где угодно, скажем, сидящих на гребне горы в жаркий полдень и глядящих на Пидруд.

— Значит, ты считаешь меня метаморфом в другом обличье?

Мальчик хихикнул.

— Докажи, что ты не метаморф!

Валентин поискал какой-нибудь способ продемонстрировать свою подлинную сущность, не нашел, скроил страшную гримасу, растянул щеки, словно они были резиновыми, свернул рот в сторону и выкатил глаза.

— Вот мое настоящее лицо,— сказал он.— Ты разоблачил меня.

Оба засмеялись и проехали через ворота Фалкинкипа в город Пидруд. За воротами все казалось еще более старинным. Дома были выстроены в любопытном угловатом стиле, горбатые стены были направлены наружу и выше крытых черепицей крыш, а сама черепица была растрескавшаяся, расколотая, усеянная густыми пучками низкой травы с мясистыми стеблями, растущей в трещинах.

Над городом висел тяжелый слой тумана, под ним было темно и холодно. Почти в каждом окне горел свет. Главное шоссе все сужалось, пока, наконец, Жанамир повел своих животных по очень узкой, однако все еще идеально прямой улице. От нее во все стороны отходило множество улочек.

Улицы были полны народа. Всякая толпа была чем-то неприятна Валентину. Он не мог вспомнить, бывало ли когда-нибудь вокруг него так много людей, почти вплотную

проходивших мимо его верхового животного: толкавшаяся, пробивавшая дорогу локтями толпа носильщиков, торговцев, моряков, мелких разносчиков, людей с холмов, вроде Жанамира, доставивших на рынок животных или продукты, туристов в нарядных плащах с яркими вышивками и вездесущих ребятишек под ногами. Фестиваль в Пидруде!

С верхних этажей зданий через улицу тянулись ярко-зеленые флаги с гербом горящей звезды и яркой надписью, приветствовавшей Лорда Валентина Короналя и его приезд в самую большую западную метрополию.

— Далеко еще до твоей гостиницы? — спросил Валентин.

— На полпути через город. Ты проголодался?

— Чуточку. Может, даже больше, чем чуточку.

Жанамир подал сигнал своим животным, и они послушно отправились в тупичок между двумя арками, где Жанамир их и оставил. Затем он указал на крошечный грязный ларек на другой стороне улицы. Над горящими углями висели нанизанные на вертел сосиски. Продавец был лимен, приземистый, с молотообразной головой, с рябой черно-серой кожей и тремя глазами, сверкавшими как угли. Мальчик объяснил жестами, и лимен подал им два вертела с сосисками и налил светло-янтарного вина.

Валентин достал монету и положил ее на стойку. Это была толстая, яркая, блестящая монета, а лимен посмотрел на нее так, словно Валентин предложил ему скорпиона. Жанамир поспешно схватил монету, вернул ее Валентину и положил на стойку свою — четырехугольную, медную, с треугольной дыркой в середине. Затем они пошли со своим обедом в тупичок.

— Я сделал что-то не так? — спросил Валентин.

— За эту твою монету можно купить самого лимена со всеми его сосисками и месячным запасом вина! Где ты ее взял?

— Из своего кошелька.

— В нем есть еще такие?

— Наверное, — сказал Валентин.

Он осмотрел монету. На одной стороне ее было изображение старика, худого и морщинистого, а на другой — лицо молодое и сильное. Достоинство монеты было пятьдесят реалов.

— Значит, она слишком ценная, чтобы давать ее где попало? Что можно на нее купить?

— Пять моих животных, — ответил Жанамир. — Жить целый год, как принц, съездить в Алханрол и обратно.

Любое из этого, а может, и еще больше. Многим из нас надо работать за нее несколько месяцев. Ты совсем не представляешь ценности вещей?

— Похоже, что так,— сказал Валентин, глядя вниз.

— Эти сосиски стоят десять весовых единиц. Сто весовых единиц — крона, десять крон — реал, а эта монета — пятьдесят реалов. Теперь понял? Я разменяю ее для тебя на рынке, а пока держи ее при себе. Это честный город, здесь более или менее безопасно, но с кошельком, набитым такими монетами, ты искушаешь судьбу. Почему ты не сказал мне, что у тебя целое состояние? — Жанамир развел руками.— Потому что не знал, я полагаю. Странная какая-то у тебя простота, Валентин. Я чувствую себя перед тобой мужчиной, хотя я еще мальчик. Ты вообще что-нибудь знаешь? Ты знаешь хоть, сколько тебе лет? Допивай пиво и поедем дальше.

Валентин кивнул. Сто весовых единиц — крона, десять крон — реал. Он задумался, как ответить Жанамиру насчет возраста. Двадцать восемь? Тридцать два? Он не имел представления. Что сказать?

«Тридцать два,— решил он.— Это хорошо звучит. Да, мне тридцать два года, и десять крон — это реал, а блестящая монета, где изображены старик и юноша, ценится в пятьдесят реалов.»

Глава 3

Дорога в гостиницу шла прямиком через центр Пидруда, через кварталы, где даже в этот поздний час было полно возбужденного народа. Валентин спросил, не по поводу ли это визита Короналя, однако Жанамир ответил, что нет, что город всегда такой, поскольку он — главный порт на западном побережье Зимрола. Отсюда корабли уходят во все порты Маджипура, не только в обе стороны вдоль побережья, но и через Внутреннее Море в далекое путешествие к Алханролу, длящееся большую часть года, и есть даже небольшая торговля со слабо населенным южным континентом Суврейлом, выжженной солнцем берлогой Короля Снов. Когда Валентин думал о всем Маджипуре целиком, он чувствовал, как его подавляет тяжесть мира, его масса, хотя он осознавал, что все это глупость, потому что Маджипур — свет и воздушное пространство, огромный, гигантский пузырь на планете, и человек всегда чувствует себя на поверхности. Откуда же это чувство

подавленности, откуда эти моменты необоснованного страха? Он постарался привести себя в более хорошее настроение.

Скоро он ляжет спать, а утром будут новые чудеса.

— Пересечем Золотую Площадь,— сказал Жанамир,— и двинемся по Портовой Дороге, ведущей к пирсам, а наша гостиница в десяти минутах ходьбы по этой дороге. Площадь тебя ошеломит.

Так оно и было, насколько Валентин мог видеть: громадное четырехугольное пространство, на котором могли бы проводить учения две армии, со всех сторон застроенное громадными зданиями, широкие плоские фасады которых были инкрустированы потрясающими узорами из золотых листьев, так что при вечернем освещении громадные башни сверкали и отражали свет более ярко, чем горели огненные пальмы.

Однако оказалось, что сегодня пересечь площадь нельзя: в сотне шагов от восточного входа она была перегорожена толстым витым шнуром из красного плюша, а за ним стояли отряды в униформе телохранителей Короналя, чопорные, бесстрастные, сложившие руки на груди зеленых с золотом камзолов. Жанамир спрыгнул со спины животного и быстро заговорил с торговцем-разносчиком. Вернувшись, он угрюмо сказал Валентину:

— Все полностью загорожено. Да пошлет им Король Снов мучительный сон в эту ночь!

— Что случилось?

— Корональ поместился в главном дворце. Это самое большое здание с зубчатыми золотыми завитками на стенах на той стороне площади. Никто не должен проходить близко от него. Мы не можем даже обогнуть площадь по внутреннему краю, потому что там сгрудилась куча народа, желающего хоть мельком увидеть Лорда Валентина. Так что объезжать придется далеко, а времени это займет с час, если не больше. Ну, ладно, спать — это не главное, я думаю. Смотри, вот он!

Жанамир показал на высокий балкон на фасаде главного дворца. На нем появились фигуры. На таком расстоянии они казались не больше игрушечных солдатиков, но с достоинством и значительностью, одетых в роскошные одежды. Фигур было пять, и центральная наверняка была Короналем.

Жанамир вытянулся и встал на цыпочки, чтобы лучше видеть. Валентин сумел разглядеть немногое: темноволосый человек, кажется, с бородой, в тяжелом белом меховом

плаще поверх зеленого или светло-синего камзола. Корональ стоял у перил балкона, протянув руки к толпе, которая изображала растопыренными пальцами символ горящей звезды и снова и снова выкрикивала его имя.

— Валентин! Лорд Валентин!

Жанамир, стоя рядом с Валентином, тоже кричал:

— Валентин! Лорд Валентин!

Валентин почувствовал дрожь отвращения.

— Послушать только! — пробормотал он. — Вопят, словно само Божество спустилось пообедать в Пидруде. Он же только человек, не так ли? Когда его кишки полны, он опорожняет их, верно?

Жанамир испуганно заморгал.

— Он Корональ!

— Он для меня ничто, как и я для него, — меньше, чем ничто.

— Он правит, он следит за справедливостью, он отгоняет хаос. Ты сам говорил это. Разве все это не заслуживает уважения?

— Уважения — да, но не поклонения.

— В поклонении королю нет ничего нового. Мой отец рассказывал мне о старых временах. Короли были давным-давно, еще на Старой Земле, и я готов держать пари, что им поклонялись куда более диким образом, чем сегодня.

— И одни были утоплены собственными рабами, другие отравлены своими министрами, третьи задушены своими женами, были и свергнутые народом, которому они, якобы, служили, и всякого последнего короля зарывали и забывали. — Валентин почувствовал в себе странный жар злости и с отвращением сплюнул. — А множество стран на Старой Земле вообще обходилось без королей. Зачем они нам на Маджипуре, эти экспансивные Коронали, страшный старый Понтификс, прячущийся в своем Лабиринте, посланец скверных снов с Суврейла? Нет, Жанамир, может, я и слишком глуп для понимания этого, однако для меня это не имеет смысла. Это безумие! Эти восторженные вопли! Спорю, что никаких восторгов не бывает, когда по улицам проезжает мэр Пидруда!

— Нам нужны короли, — настаивал Жанамир. — Этот мир слишком велик, чтобы управляться одними мэрами. Нам нужны великие и могучие символы — монархи, почти равные богам, чтобы держать все вместе. Смотри! — мальчик указал на балкон. — Видишь маленькую фигурку в белом плаще? Это Корональ Маджипура. Неужели ты не чувствуешь никакого трепета, когда я говорю это?

— Никакого.

— И ты не взволнован, зная, что в этом мире столько миллиардов людей и только один Корональ и что сегодня ты видишь его собственными глазами, а больше никогда не увидишь? Ты не чувствуешь благоговения?

— Нет.

— Странный ты человек, Валентин. Я никогда не встречал другого такого. Как может быть, чтобы человека не трогало лицезрение Короналя?

— Да,— сказал Валентин и слегка пожал плечами.— Я сам слегка запутался с этим. Давай пойдем отсюда. Я устал от этой толпы. Давай найдем гостиницу.

Обходить площадь было долгим делом, потому что все улицы шли к ней, а параллельных было очень мало. Валентин и Жанамир двигались все расширяющимися кругами, в то же время стараясь держаться западного направления, а цепочка животных безмятежно постукивала копытами следом за ними. Наконец они вышли из квартала отелей и богатых магазинов в район складов и добрались до захудалой гостиницы с покосившимися черными балками и обтрепанной соломенной крышей, со стойлами на заднем дворе. Жанамир устроил своих животных и пошел через двор к жилью хозяина гостиницы, оставив Валентина одного. Валентин ждал довольно долго. Ему казалось, что даже здесь он слышит приглушенные расстоянием крики: «Валентин! Лорд Валентин!» Но эти многочисленные возгласы для него ничего не означали, потому что это было имя другого человека.

Вернулся Жанамир, легко и быстро пробежав через двор.

— Все устроено. Дай мне какую-нибудь монету.

— Пятьдесят реалов?

— Мельче, много мельче, что-нибудь вроде полкроны.

Валентин достал монеты, рассортировал их при тусклом свете лампы и протянул несколько потертых монет Жанамиру.

— За ночлег? — спросил он.

— Взятка сторожу,— ответил Жанамир.— Спальные места сегодня трудно найти. Появление лишнего человека означает уменьшение мест для остальных, и, если кто-нибудь сосчитает головы и пожалуется, сторож нас выкинет. Иди за мной и помалкивай.

Они вошли внутрь дома. Там пахло соленым воздухом и плесенью. За столом сидел жирный хьорт с серым лицом, похожий на огромную жабу. Жанамир положил перед

ним монеты, и хьорт чуть заметно двинул головой. Дальше шла длинная узкая комната без окон, освещенная красноватым светом от трех висевших в разных местах ламп. Во всю длину комнаты на полу рядами лежали матрацы, и почти все они были заняты.

— Сюда,— сказал Жанамир.

Он слегка подтолкнул один матрац носком сапога, быстро снял верхнюю одежду и лег, оставив место Валентину.

— Приятного сна,— сказал он.

— И тебе тоже,— ответил Валентин.

Он разделся и лег рядом. Отдаленные крики все еще звучали в его ушах, а может, и в мозгу, и это его удивило: это могло относиться к ночному сну, а за ним следовало внимательно следить, чтобы понять его значение. Однако сначала должен быть глубокий сон, как сон при сильной усталости. А утром? Новый день. Ничего не случится. Ничего.

Глава 4

Сон, конечно, был где-то среди ночи.

Валентин поместил себя на некотором расстоянии от сна и следил за его развитием, как его учили с детства. Сны имели большое значение, они были посланиями Сил, правящих миром, и направляли жизнь человека. Они отклоняли опасность, потому что были выражением глубочайшей истины. Валентин увидел себя идущим по обширной пурпурной равнине под зловещим пурпурным небом и набухшим янтарным солнцем. Он был один, лицо его было истощенным, с ввалившимися глазами. Он шел, а земля перед ним растрескивалась, зияющие щели были внутри ярко-оранжевыми, и из них выскакивали какие-то существа, как детские игрушки из коробки, визгливо смеялись над ним и быстро отступали в трещины, когда те закрывались.

Вот и все. Неполный сон, поскольку он ни о чем не рассказывал, не имел рисунка конфликтов и решения. Это был только образ, странная сцена, кусочек большой картины, которая еще не явилась ему. Валентин даже не мог сказать, кем послан этот сон: благословенной Леди с Острова Снов или злобным Королем Снов.

Он лежал, наполовину проснувшись, обдумывая некоторое время сон. И, наконец, решил не придавать ему

большого значения. Он чувствовал себя как-то странно отдаленным от своего внутреннего «я», будто он вообще не существовал до вчерашнего дня, и даже мудрость сна теперь от него скрыта.

Он вновь уснул, и ничто не тревожило его покоя, кроме недолгого, но шумного дождя, и снов больше не видел. Его разбудил свет, теплый золотисто-зеленый свет, лившийся с дальнего конца узкого длинного холла. Дверь была открыта. Жанамира не было. Кроме Валентина, в комнате спали еще двое.

Валентин встал, потянулся, размял руки и ноги, оделся, умылся над раковиной у стены и вышел во двор, чувствуя себя бодрым, энергичным, готовым ко всему, что принесет ему день. Утренний воздух был плотным и влажным, однако теплым и свежим, и ночной туман исчез. С чистого неба лился жар летнего солнца. Во дворе росли три больших вьющихся лозы, по одной на каждой стене. Их искривленные стволы были шире человеческой талии, глянцевитые лопатообразные листья имели глубокий бронзовый оттенок, а молодая поросль — светло-красный. Лозы были усыпаны ярко-розовыми цветами, похожими на маленькие трубочки, но, кроме цветов, на них были также и созревающие плоды — тяжелые бело-голубые ягоды, блестевшие от влаги. Валентин сорвал одну ягоду и съел. Она была сладкая, с привкусом молодого вина. Он съел вторую, потянулся за третьей, однако передумал.

Обойдя двор, он заглянул в стойла и увидел животных Жанамира, спокойно жевавших солому, но самого Жанамира не было: наверное, убежал по делам. До Валентина донесся запах жареной рыбы, и он сразу почувствовал голод. Он открыл расшатанную дверь и оказался в кухне, где маленький усталый человек готовил завтрак для дюжины постояльцев различных рас. Он без интереса взглянул на Валентина.

— Я опоздал к еде? — мягко спросил Валентин.

— Садись. Рыба и пиво. Тридцать весовых единиц.

Валентин нашел монету в полкроны и положил на плиту. Повар дал ему несколько медяков сдачи и бросил второй кусок рыбного филе на сковородку. Валентин сел у стены. Несколько завтракавших собрались уходить. Стройная, гибкая женщина задержалась перед Валентином.

— Пиво в этом кувшине,— сказала она.— Обслуживай себя сам.

— Спасибо,— сказал Валентин, однако она уже вышла.

Он налил полную кружку. Пиво было крепкое, с резким привкусом. Через минуту он получил вкусную рыбу, зажаренную до хруста. Он быстро съел ее.

— Еще,— сказал он повару.

Повар мрачно посмотрел на него, но уступил.

Валентин заметил, что сидевший за соседним столиком хьорт, толстый, с одутловатым лицом, пепельной рябой кожей и большими выпуклыми глазами, внимательно разглядывает его. Это странное внимание было неприятно Валентину. Через некоторое время он быстро взглянул на хьорта. Тот заморгал и сразу отвел глаза.

Через несколько минут хьорт опять повернулся к Валентину и спросил:

— Только что прибыл?

— Ночью.

— Надолго?

— До конца фестиваля, во всяком случае,— ответил Валентин.

В этом хьорте явно было что-то, что не нравилось Валентину. Может быть, просто его внешний вид, поскольку Валентин находил хьортов непривлекательными, грубыми и надменными созданиями. Конечно, это было нехорошо: ведь хьорты не виноваты, что так выглядят, и люди, наверное, тоже казались им существами с отвратительной гладкой кожей. А может быть, Валентину не нравилось вторжение в его жизнь — разглядывание, вопросы. А может, и то, что хьорт был слишком размалеван оранжевой краской. Однако, так или иначе, он вызывал у Валентина чувство тошноты и беспокойства.

Но ему было стыдно за такие предрассудки и не хотелось казаться необщительным, поэтому он заставил себя улыбнуться и сказал:

— Меня зовут Валентин. Я из Ни-мойе.

— Далеко заехал,— ответил хьорт, шумно прожевывая пищу.

— Ты живешь неподалеку?

— Чуть к югу от Пидруда. Звать Винорқис.

Он нервно резал пищу, а через минуту снова переключил внимание на Валентина, пристально уставившись на него своими рыбьими глазами.

— Ты путешествуешь с этим мальчиком?

— Нет. Я встретился с ним на пути в Пидруд.

Хьорт кивнул.

— После фестиваля вернешься в Ни-мойе?

Поток вопросов начал надоедать, однако Валентину все еще не хотелось быть невежливым даже перед такой надоедливостью хьорта.

— Еще не знаю,— сказал он.

— Значит, думаешь остаться здесь?

Валентин пожал плечами.

— Я вообще ничего не планирую.

— М-м-м,— сказал хьорт,— хороший образ жизни.

Из-за гнусавой интонации хьорта трудно было понять, с одобрением это сказано или с саркастическим осуждением. Но Валентина это мало беспокоило. Он уже достаточно выполнил свои общественные обязанности, так он решил и замолчал. У хьорта, по-видимому, хватило ума не приставать больше. Он покончил с завтраком, со скрипом отодвинул стул и неуклюже, как и все хьорты, поплелся к двери, сказав:

— Иди теперь на рыночную площадь и оглядись там.

Валентин вышел во двор, где теперь шла странная игра. У дальней стены стояли восемь фигур и перебрасывались кинжалами. Шестеро были скандарами, крупными косматыми существами с черными руками и грубой серой кожей, а двое — людьми.

Валентин видел их за завтраком, когда вошел в кухню,— стройная, темноволосая женщина и худой мужчина со строгим взглядом, удивительно белой кожей и длинными белыми волосами. Кинжалы летали с ошеломляющей быстротой, сверкая на утреннем солнце, все лица были зловеще сосредоточены. Никто ни разу не уронил кинжал, никто не схватил его за острие, и Валентин даже не мог сосчитать, сколько кинжалов носилось взад и вперед. Все они, казалось, постоянно бросались и схватывались, все руки были заняты, и все больше оружия летало в воздухе. Он подумал, что это тренируются жонглеры, готовясь к выступлению на фестивале.

Скандары, четверорукие и тяжеловесные, проявляли чудеса координации, однако мужчина и женщина не уступали им и жонглировали столь же искусно. Валентин стоял на безопасном расстоянии, очарованно следя за летающими кинжалами.

Затем один скандар хрюкнул: «Хоп!»

Рисунок сменился: шесть чужаков начали бросать кинжалы только друг другу, удваивая и вновь удваивая интенсивность, с которой они действовали, а двое людей отошли в сторону. Девушка улыбнулась Валентину.

— Эй, давай с нами!

— Что?

— Играть с нами!

Глаза ее лукаво блеснули.

— Опасная, я бы сказал, игра.

— Все хорошие игры опасны. Лови! — она без предупреждения бросила ему кинжал.— Как тебя звать, парень?

— Валентин,— выдохнул он и отчаянно схватил кинжал за рукоятку, когда тот пролетал мимо его уха.

— Хорошо схватил,— сказал беловолосый.— А ну-ка этот!

Он тоже метнул кинжал. Валентин засмеялся, схватил его чуть менее неуклюже и встал, держа по кинжалу в каждой руке.

Скандары, полностью игнорируя эту сцену, методично продолжали посылать каскады кинжалов в обе стороны.

— Верни бросок,— сказала девушка.

Валентин нахмурился и бросил излишне осторожно, боясь задеть ее. Кинжал описал небольшую дугу и упал к ногам девушки.

— Ты мог бы бросить лучше,— насмешливо сказала она.

— Извини.

Он бросил другой кинжал с большей силой. Она спокойно поймала его, выхватила еще один у беловолосого и бросила их один за другим Валентину. Думать не было времени: цап, цап — и он схватил оба. На лбу у него выступил пот, но он вошел в ритм.

— Давай,— сказала она.

Он бросил ей один, второй, поймал от беловолосого третий и послал его в воздух, однако к нему уже летели один и другой. Хорошо бы это были тупые кинжалы, но он знал, что это не так, и стоял, волнуясь. Это занятие вырабатывало у человека автоматизм, заставляло тело сосредоточиться. Необходимо было, непрерывно глядя на подлетающий кинжал, согласованно бросать другой.

Валентин двигался равномерно, ловил, бросал, ловил, бросал, и все время один кинжал летел к нему, а другой отправлялся обратно. Валентин понял, что настоящий жонглер должен пользоваться обеими руками одновременно, однако он не был жонглером, так что ухитрялся только скоординировать хватку и бросок и делал это хорошо. Он подумал, скоро ли произойдет неизбежный промах, и он будет ранен. Жонглеры смеялись и убыстряли темп. Он тоже смеялся с ними и бросал и ловил еще

добрых три минуты, пока не почувствовал, что его мышцы слабеют от напряжения. Пора было остановиться. Он хватал и намеренно бросал кинжалы поочередно вниз, пока все три не легли у его ног, а потом наклонился над ними, хлопая себя по бедрам и тяжело дыша. Оба жонглера-человека зааплодировали.

Скандары не прекращали чудовищное кружение кинжалов. Но вот один из них опять крикнул: «Хоп!»

Секстет чужаков двинулся прочь, не сказав ни слова, в направлении спальных помещений.

Молодая женщина подошла к Валентину.

— Я — Карабелла,— сказала она.

Она была не выше Валентина и совсем молода. В ее маленьком мускулистом теле была неукротимая жизненная сила. На ней был плотно облегающий темно-зеленый камзол и брюки, а на шее — тройная нитка полированных раковин. Глаза ее были такие же темные, как и волосы. Она улыбалась тепло и приветливо.

— Ты раньше жонглировал, друг? — спросила она.

— Никогда,— ответил Валентин. Он вытер лоб.— Хитрый спорт. Удивляюсь, как я не порезался.

— Никогда не жонглировал? — вскричал беловолосый.— Только природная ловкость и больше ничего?

— Полагаю, что именно так,— сказал Валентин.

Он пожал плечами.

— Можно ли этому поверить? — спросил беловолосый.

— Думаю, что можно,— сказала Карабелла.— Он хорош, Слит, однако он не в форме. Ты же видел, что его руки двигаются то туда, то сюда за кинжалами, чуточку нервно, чересчур жадно, а не ждут, когда рукоятка окажется в нужном месте. А его броски? Ни один из тренированных не мог бы так имитировать неумение, да и зачем бы? У этого Валентина хороший глаз, Слит, но он сказал правду. Он никогда не бросал.

— Глаз у него более чем хороший,— пробурчал Слит,— а его проворству можно позавидовать. У него дар.

— Откуда ты? — спросила Карабелла.

— С востока,— уклончиво ответил Валентин.

— Я так и думала. Ты говоришь как-то странно. Ты из Вилатиса или, может быть, из Кантора?

— Из тех краев.

Отсутствие уточнений не ускользнуло от Карабеллы и Слита. Они переглянулись.

Валентин задался вопросом, не отец ли это с дочерью. Пожалуй, нет. Слит вовсе не так стар, как это казалось

с первого взгляда. Он был средних лет, вряд ли старше. Белизна кожи и волос преувеличивала его возраст. Он был крепким, подтянутым, с тонкими губами и короткой остроконечной бородкой. От уха до подбородка шел рубец, теперь уже бледный.

— А мы с юга,— сказала Карабелла.— Я из Филонона, а Слит из Нарабала.

— Вы приехали выступать на фестивале Короналя?

— Именно. Только что наняты труппой Залзана Кавола, чтобы помочь им выполнить недавний указ Короналя насчет найма людей. А ты? Что привело тебя в Пидруд?

— Фестиваль,— сказал Валентин.

— Найти работу?

— Просто посмотреть на игры и парад.

Слит понимающе засмеялся.

— Не стесняйся нас, друг. Нет ничего постыдного в том, чтобы продавать животных на рынке. Мы видели, как ты прибыл с ними и с мальчиком прошлой ночью.

— Нет, я только вчера встретился с молодым погонщиком, когда подходил к городу. Это его животные. Я просто пришел с ним в гостиницу, потому что я здесь чужой. И у меня нет никакого товара.

В дверях показался один из скандаров, гигантского роста, раза в полтора выше Валентина, страшно неуклюжий, с тяжелой жесткой челюстью и узкими желтыми глазами. Его четыре руки свисали до самых колен, кисти походили на громадные корзины.

— Идите в дом! — резко крикнул он.

Слит поклонился и поспешил туда. Карабелла помедлила, улыбаясь Валентину.

— Ты очень необычный,— сказала она.— Ты не врешь, однако и правды не говоришь. Я думаю, ты и сам мало чего знаешь о собственной душе. Но ты мне нравишься. От тебя исходит свет, ты знаешь это, Валентин? Свет невинности, простоты, тепла и еще чего-то — не пойму,— она почти робко коснулась двумя пальцами его руки.— Да, ты мне нравишься. Может быть, мы снова будем жонглировать.

Она побежала вслед за Слитом.

Глава 5

Он был один, Жанамира не было и следа. Он очень хотел бы провести день с жонглерами, особенно с Кара-

беллой, однако надеяться на это не приходилось. Было еще утро. У него не было никакого плана, и это смущало его, но не очень. Перед ним лежал Пидруд.

Он пошел по извилистым улицам, полным зелени. Пышные лианы и деревья с толстыми поникшими ветвями росли повсюду, радуясь влажному теплу солнечного воздуха; издалека доносились звуки музыки, если скрипучую и бухающую мелодию можно было считать репетицией к большому параду. Пенившаяся вода бежала по сточной канаве, дикая живность Пидруда резвилась в ней — минтоны, чесоточные собаки и маленькие шипоносые дроли. Битком набитый город, где все и вся, даже бездомные животные, имели какие-то важные дела и торопились их сделать. Все, кроме Валентина, который шел бесцельно, не выбирая дороги. Он останавливался, чтобы заглянуть то в какую-нибудь темную лавочку с гирляндами кусков и образчиков ткани, то в какой-то заплесневелый склад пряностей, то в ухоженный элегантный сад с цветами всевозможных оттенков, зажатый между двумя высокими узкими зданиями. Прохожие глядели на него как на чудака, который мог себе позволить роскошь бесцельной прогулки.

На одной улице он остановился посмотреть на детей, разыгрывавших что-то вроде пантомимы. Мальчик с повязкой на лбу из полоски ткани золотистого цвета стоял в центре и делал угрожающие жесты, а остальные танцевали вокруг него, делая вид, что боятся, и пели:

— Старый Король Снов сидит на троне.
Он никогда не спит, он никогда не бывает один.
Старый Король Снов приходит ночью.
Если ты плохо себя вел, он приносит тебе страх.
У старого Короля Снов каменное сердце.
Он никогда не спит, он никогда не бывает один.

Когда дети заметили, что Валентин за ними наблюдает, они повернулись к нему и стали делать угрожающие гротескные жесты, гримасничать, поднимать руки и указывать на него. Он засмеялся и пошел дальше.

К середине утра он оказался в порту. Длинные пирсы тянулись далеко в гавань, и все казались местом лихорадочной активности. Докеры четырех или пяти рас разгружали корабли, пришедшие из портов всех трех континентов, нанимались временные рабочие, чтобы перетаскивать тюки с товарами на пристань, а оттуда на склады. Здесь было много крика и яростного искусного маневрирования с огромными тюками.

Валентин следил за всем этим с пристани, когда вдруг почувствовал резкий удар между лопатками. Обернувшись, он увидел толстомордого холерического хьорта, размахивавшего руками и показывавшего на пирс.

— Давай туда,— сказал он.— Нам нужно еще шестерых для работы на сувлейлском корабле!

— Но я не...

— Быстро! Пошевеливайся!

Ладно. Валентин не был расположен спорить. Он пошел на пирс и присоединился к группе грузчиков, которые ревели и рычали, спуская на пирс скот из трюма. Валентин тоже ревел и рычал вместе с ним до тех пор, пока животные, длинномордые годовалые блавы, не оказались на пути к скотным дворам или к бойням. Затем он быстро ускользнул и пошел по набережной до пустого пирса. Там он постоял несколько минут, глядя через гавань на море, бронзово-зеленое, белопенное море, и прищурился, словно пытаясь разглядеть за горизонтом Алханрол и его Горный Замок, поднимавшийся к небесам.

Разумеется, Алханрол не был виден отсюда, с расстояния десятков тысяч миль, через океан, такой широкий, что между берегами двух континентов могла бы разместиться какая-нибудь планета. Валентин взглянул под ноги и подумал, что лежит на той стороне планеты. Наверное, западная половина Алханрола.

География была для него туманной и запутанной. Ему казалось, что он забыл очень многое из того, что учил в школе, и старался вспомнить хоть что-то. Возможно, он теперь находился как раз напротив — по диаметру через планету — убежища Понтификса, страшного Лабиринта, старого и скрытого, прямо напротив убежища великого монарха. А может быть, и это вполне вероятно, прямо под ногами Валентина лежит Остров Сна, где живет ласковая Леди; ее жрецы и жрицы вечно поют, посылая благословенные послания всем спящим мира. Валентин с трудом мог поверить, что такие места существуют, что в мире есть такие персонажи и такие Силы, как Понтификс, Леди Острова, Король Снов и даже Корональ, хотя он, Валентин, лишь несколько часов тому назад видел Короналя своими собственными глазами. Эти властелины казались нереальными. Реальностью были доки Пидруда, гостиница, где Валентин спал, жареная рыба, жонглеры, мальчик Жанамир и его животные, а все остальное было фантазией, миражом.

Жара усилилась, хотя с моря дул приятный ветерок. Валентин снова проголодался. На краю набережной он

купил за пару медяков полоски голубой рыбы, маринованной в горячем пряной соусе и поданной на лучинках. Он запил ее чашей пальмового вина поразительного золотого цвета и на вкус более обжигающего, чем соус. Затем он решил вернуться в гостиницу, однако сообразил, что она далеко от портового квартала. Невелика потеря, если он и не найдет гостиницы: все его имущество было при нем. Но он никого не знал в Пидруде, кроме Жанамира и жонглеров, и ему не хотелось так быстро расставаться с ними.

Он пошел обратно и быстро запутался в лабиринте одинаковых улочек и переулков. Он три раза находил гостиницы, однако все они оказывались не той, когда он подходил ближе. Время шло, было уже, наверное, часа два дня. Валентин понял, что так и не найдет гостиницу, и ему стало грустно, когда он подумал о Карабелле, о прикосновении ее пальцев к его руке, о быстроте ее рук, когда она бросала кинжалы, о блеске ее темных глаз.

«Но что пропало, то пропало, — думал он. — И что пользы оплакивать потерянное. Придется искать новую гостиницу и новых друзей, пока не стемнело.»

Он повернул за угол и оказался на рынке. Это было обширное огороженное пространство, почти столь же громадное, как и Золотая Площадь, только здесь не было дворцов с башнями и отелей с золотыми фасадами, а лишь бесконечные ряды крытых черепицей навесов, открытых скотных дворов и лавчонок. Здесь присутствовали все ароматы и все зловоние мира и была выставлена для продажи половина мировой продукции. Валентин очарованно окунулся в это. Под навесами на громадных крюках висели туши животных. Другие навесы занимали мешки с пряностями.

В одном загоне были поразительные птицы-прядильщики, поднимавшиеся выше скандаров на своих несуразных ярких ногах. Они клевали и лягали друг друга. В другом находились емкости с блестящими змеями, свивавшимися и извивавшимися, как потоки злобного пламени. Вот место для общественных писцов, которые писали за неграмотных, а тут — менялы, быстро обменивавшие деньги дюжины миров, а здесь — ряд совершенно одинаковых ларьков с сосисками, и в каждом — вроде бы одинаковые димены крутили вертела над дымящимися углями.

Тут и предсказатели судьбы, и колдуны, и жонглеры — только не те, кого знал Валентин, — и сидящие

на корточках рассказчики, повествовавшие за несколько медяков о сложных и малопонятных приключениях Лорда Стиамота, знаменитого Короналя, жившего восемь тысяч лет тому назад, деяния которого стали уже мифом. Валентин послушал минут пять, однако не уловил смысла рассказа, который приводил в такое восхищение пятнадцать или двадцать бездельников. Он пошел дальше мимо балаганчика, где золотоглазый вруон наигрывал на серебряной флейте несложную мелодию, чтобы очаровать какое-то трехголовое существо в плетеной корзинке, мимо ухмыляющегося мальчишки лет десяти, зазывавшего его играть в раковины и бусы, мимо ряда разносчиков, продававших флаги с изображением горящей звезды Короналя, мимо факира, подвешенного над чаном с каким-то мерзким горячим маслом, мимо ряда толкователей снов и прохода, забитого продавцами лекарств, мимо места переводчиков, мимо продавцов драгоценностей и, наконец, повернув за угол, где торговали всевозможной одеждой, добрался до скотного двора, где продавались верховые животные.

Сильные пурпурные животные стояли бок о бок сотнями, если не тысячами, стояли спокойно и равнодушно смотрели на все, что происходило перед их мордами. Здесь было что-то вроде аукциона, но Валентин обнаружил, что разобраться в нем также трудно, как и в легенде о Лорде Стиамоте. Продавцы и покупатели стояли двумя длинными рядами друг к другу лицом и делали рубящие жесты по запястьям, гримасничали, постукивали сжатыми кулаками и совершали внезапный рывок локтем назад. Не произносилось ни одного слова, однако общение явно было на высоте, потому что писцы, стоявшие позади рядов, все время записывали акты продажи, и запись подтверждалась отпечатком пальца, окунутого в зеленые чернила, а торопливые писцы привязывали бирку со штампом Лабиринта Понтификса к бедрам то одного, то другого животного. Идя вдоль линии аукциона, Валентин наконец дошел до Жанамира, который с яростью стучал кулаками, дергал локтями и рубил покупателя по запястью. Через минуту все было кончено, и мальчик выскочил из ряда с радостными воплями. Он схватил Валентина за руку и в восторге завертелся вокруг него.

— Все продал! И за высокую цену! — он держал пачку расписок, которую дал ему писец.— Пойдем со мной в казначейство, а потом нам останется только развлекаться! Ты поздно встал?

— Наверное, поздно. Гостиница была почти пуста.

— Я пожалел будить тебя. Ты храпел, как блав. Что ты делал?

— Главным образом, осматривал порт. Я пытался вернуться в гостиницу и случайно наткнулся на рыночную площадь. Мне повезло, что я набрел на тебя.

— Еще десять минут — и ты потерял бы меня навеки, — сказал Жанамир. — Вот сюда.

Он сжал запястье Валентина и потянул его в длинную светлую аркаду, где писцы за решеткой меняли расписки на деньги.

— Давай твою полсотню, — шепнул он. — Я здесь ее тебе разменяю.

Валентин отдал толстую блестящую монету и отошел в сторону, в то время как мальчик встал в очередь. Через несколько минут Жанамир вернулся.

— Это твои, — сказал он.

Он высыпал в раскрытый кошелек Валентина целый ливень — несколько монет по пять реалов и множество крон.

— А это мои, — добавил он.

Он лукаво улыбнулся, показывая три большие монеты по пятьдесят реалов, вроде той, которую он только что разменял для Валентина. Он положил их в пояс под камзолом.

— Выгодное путешествие оказалось! Во время фестиваля все быстро тратят свои деньги. Теперь пошли назад в гостиницу и отпразднуем это фляжкой пальмового вина за мой счет!

Гостиница, как оказалось, находилась всего в пятнадцати минутах ходьбы от рынка. Как только они вышли на эту улицу, Валентин сразу узнал ее. Он подозревал, что в своих бесплодных поисках прошел мимо нее. Но теперь это было неважно, он здесь, и вместе с Жанамиром. Мальчик свободно вздохнул, избавившись от своих животных, и радовался выручке, полученной за них. Он болтал насчет того, что будет делать в Пидруде, прежде чем вернется домой: танцы, игры, выпивка, представления.

Когда они сидели в таверне гостиницы за вином Жанамира, появились Слит и Карабелла.

— Можно сесть с вами? — спросил Слит.

Валентин сказал Жанамиру:

— Это жонглеры из труппы скандаров, которая будет участвовать в параде. Я познакомился с ними утром.

Он представил их друг другу. Жонглеры сели, и Жанамир предложил им вина.

— Ты был на рынке? — спросил Слит.

— Был и все продал за хорошую цену.

— А теперь что? — спросила Карабелла.

— Побуду несколько дней на фестивале,— сказал мальчик,— а потом, наверное, домой, в Фалкинкип.— Он чуточку приуныл, подумав об этом.

— А ты? — Карабелла взглянула на Валентина.— Какие у тебя планы?

— Посмотреть фестиваль.

— А потом?

— Там видно будет.

Вино прикончили. Слит резко махнул рукой, и появилась вторая фляжка. Ее щедро разлили по кругу. Валентин чувствовал покалывание в языке от жгучей жидкости и легкое головокружение.

— А ты не хотел бы стать жонглером и войти в нашу труппу? — спросила Карабелла.

Валентин даже испугался.

— Я не умею!

— У тебя природные способности,— сказал Слит,— только нет тренировки. Это мы с Карабеллой тебе устроим. Ты быстро научишься, могу поклясться.

— Я буду путешествовать с вами, вести жизнь бродячего артиста и ходить из города в город?

— Точно.

Валентин взглянул через стол на Жанамира. Глаза мальчика сияли. Валентин почти физически ощутил его возбуждение и зависть.

— Но с какой стати? — спросил Валентин.— Зачем приглашать чужеземца, новичка, ничего не знающего?

Карабелла сделал знак Слиту, и тот быстро вышел из-за стола.

— Залзан Кавол объяснит,— сказала она.— Это не каприз, а необходимость. Нам не хватает рук, Валентин, и ты нам нужен. К тому же, тебе больше нечего делать. Ты, кажется, в этом городе случайно. Мы предлагаем тебе сотрудничество и заработок.

Через минуту Слит вернулся с гигантом-скандаром. Залзан Кавол был внушающей почтение фигурой, массивной, высоченной. Он с трудом сел на сиденье за их столом: оно угрожающе затрещало под его весом. Скандары пришли из какого-то далекого продуваемого ветром ледяного мира, и, хотя они жили на Маджипуре уже тысячи лет, работая на тяжелых работах, требовавших большой силы и необычной быстроты глаза, они всегда выглядели

злобными и недовольными теплым климатом Маджипура. Может быть, дело просто в природных чертах их лица, думал Валентин, однако считал скандаров неприятным и унылым племенем.

Скандар налил себе выпивки двумя внутренними руками, а другую пару рук раскинул через стол, словно хотел захватить его в собственность. Грубым грохочущим голосом он сказал:

— Я видел, как ты утром кидал кинжалы со Слитом и Карабеллой. Ты можешь нам пригодиться.

— Чем?

— Мне нужен третий жонглер-человек и быстро. Ты знаешь, что новый Кораль приказал недавно относительно выступающих на публике?

Валентин улыбнулся и пожал плечами.

— Это глупо и бессмысленно,— сказал Залзан Кавол,— но Кораль молод и, я думаю, пускает стрелы куда попало. Был приказ, что во всех артистических труппах, состоящих более чем из трех индивидуумов, одна треть должна быть из граждан Маджипура человеческой расы, и этот приказ вступает в силу в этом месяце.

— Такой указ,— сказала Карабелла,— не даст ничего, кроме межрасовой розни на планете, где множество рас тысячелетиями жило мирно.

Залзан Кавол нахмурился.

— Тем не менее, указ существует. Наверное, какие-нибудь шакалы в Замке напели этому Лорду Валентину, что другие расы слишком многочисленны, что люди Маджипура голодают, когда мы работаем. Глупость, и глупость опасная. В обычное время никто и внимания не обратил бы на такой указ, однако тут фестиваль в честь Короналя, и, если мы хотим получить разрешение на выступление, мы должны повиноваться правилам, пусть даже идиотским. Я и мои братья много лет зарабатываем хлеб жонглерством, и это не вредило ни одному человеку, но теперь мы должны пополнить труппу. Я нашел в Пидруде Слита и Карабеллу и включил их в нашу программу. Через четыре дня мы выступаем в параде, и мне нужен третий человек. Хочешь стать нашим учеником, Валентин?

— Но разве я научусь жонглировать за четыре дня?

— Ты будешь просто учеником,— сказал скандар.— Мы найдем тебе какое-нибудь жонглерское дело на параде, чтобы ты не осрамил ни себя, ни нас. Насколько я понимаю, закон не требует, чтобы все члены труппы имели равную от-

ветственность или умение. Главное — чтобы трое были людьми.

— А после фестиваля?

— Пойдешь с нами из города в город.

— Вы обо мне ничего не знаете, а приглашаете меня разделить вашу жизнь.

— Я ничего о тебе не знаю и не хочу знать. Мне нужен жонглер твоей расы. Я буду оплачивать твой ночлег и стол там, куда мы прибудем, и, кроме того, платить тебе десять крон в неделю. Согласен?

Глаза Карабеллы странно вспыхнули, как будто она говорила ему: «Ты можешь просить вдвое больше и получить, Валентин». Однако деньги для него мало значили. Ему достаточно было иметь пищу и место, где спать, и он будет со Слитом и Карабеллой, с двумя из троих людей, которых он знал в этом городе и — как он понял с некоторым смущением — во всем мире. Потому что прошлое было для него пустым местом. У него были какие-то смутные представления о родителях, о кузенах и сестрах, о детстве где-то на востоке Зимрола, о школе и путешествиях, но ничто из этого не казалось ему реальным, ничто не имело сути. И насчет будущего тоже была пустота. Эти жонглеры обещали наполнить ее. Но только...

— Одно условие,— сказал он.

— Какое? — спросил Залзан Кавол с недовольным видом.

Валентин кивнул на Жанамира.

— Я думаю, этому парнишке надоело разводить животных в Фалкинкипе, и он, наверное, хочет путешествовать. Я прошу, чтобы ты принял его в свою труппу, как...

— Валентин! — вскричал мальчик.

— Как грума или слугу, или даже как жонглера, если он сможет,— продолжал Валентин.— Если он желает быть с нами, прими его вместе со мной. Примешь?

Залзан Кавол помолчал, как бы прикидывая, и откуда-то из глубин его громоздкого тела вырвался рычащий звук. Затем он спросил Жанамира: «Ты хочешь присоединиться к нам, парень?»

— Я-то? Еще бы!

— Этого я и боялся,— угрюмо сказал скандар.— Значит, решено. Мы нанимаем вас обоих за тридцать крон в неделю плюс ночлег и пища. Идет?

— Идет! — крикнул Жанамир.

Залзан Кавол одолел остатки пальмового вина.

— Значит так. Карабелла, возьмите этого иноземца во двор и начинайте делать из него жонглера. А ты, парень, пойдешь со мной. Я хочу, чтобы ты посмотрел на наших животных.

Глава 6

Они вышли. Карабелла побежала за снаряжением. Валентин любовался ее изящными движениями и представлял, как играют гибкие мышцы под одеждой. Слит сорвал голубовато-белую ягоду с дворовой лозы и кинул ее в рот.

— Что это? — спросил Валентин.

Слит бросил ему ягоду.

— Токка. В Нарабале, откуда я родом, лозы токки прорастают за одно утро и к вечеру достигают высоты дома. Правда, в Нарабале благодатная почва, и на заре каждый день дожди. Еще?

— Пожалуйста.

Быстрым движением Слит бросил ягоду. Жест был еле заметным, однако эффективным. Слит был человеком экономичным, без единой унции лишней плоти, с точными жестами, с сухим, хорошо поставленным голосом.

— Жуй семена,— посоветовал он.— Они усиливают мужественность.

Он легко усмехнулся.

Карабелла вернулась с многоцветными резиновыми мячиками, которыми она по дороге жонглировала, не сбиваясь с шага. Она бросила один мячик Валентину, три — Слиту, а три оставила себе.

— Не кинжалы? — спросил Валентин.

— Кинжалы для выступления. А сегодня мы займемся основами,— сказал Слит,— философией искусства. Кинжалы будут отвлекать.

— Как это — философией?

— Ты думаешь, что жонглирование — просто трюк? — обиженно спросил маленький человек.— Развлечение для зевак? Средство выколотить пару крон на провинциальном карнавале? Все это так, но прежде всего это образ жизни, друг, кредо, образец для поклонения.

— И род поэзии,— сказала Карабелла.

Слит кивнул.

— Да, и поэзия тоже, и математика. Жонглирование учит расчету, контролю, равновесию, чувству места вещей

к основной структуре движения. Тут беззвучная музыка. Однако прежде всего — дисциплина. Я говорю вычурно?

— Может, звучит и вычурно,— сказала Карабелла,— но все, что он сказал,— правда,— она озорно блеснула глазами.— Ты готов начать?

Валентин кивнул.

— Сначала успокойся,— сказал Слит,— очисти мозг от всех ненужных мыслей и расчетов. Войди в центр своего существа и держи себя там.

Валентин прочно встал на землю, сделал три глубоких вздоха, расслабляя плечи, чтобы не чувствовать своих болтавшихся рук, и ждал.

— Я думаю,— сказала Карабелла,— что этот человек живет большую часть своего времени в центре своего «я». А может, он без центра и поэтому не может отойти далеко?

— Ты готов? — спросил Слит.

— Готов.

— Мы будет учить тебя основам по одной маленькой вещи за раз. Жонглирование — это серия отдельных мелких движений в быстрой последовательности, что создает впечатление постоянного и одновременного потока. Одновременность — иллюзия, когда ты жонглируешь и даже когда не жонглируешь. Все события происходят по одному за раз.

Слит улыбнулся. Он, казалось, говорил с расстояния во много тысяч миль.

— Закрой глаза, Валентин. Ориентация в пространстве и времени очень важна. Думай, где ты и где находишься по отношению к миру.

Валентин представил себе Маджипур, могучий шар, висящий в пространстве; половина его, если не больше, поглощена Великим Океаном. Валентин видел себя, крепко стоящего на краю Зимрола. Море было позади, а континент развернулся перед ним. На Внутреннем Море была точка — Остров Сна, а дальше — Аохарол, и громадная выпуклость Горного Замка, и солнце, желтое, с бронзово-зеленым оттенком, посылающее обжигающие лучи на пыльный Суврейл и на тропики и греющее все остальное. И луны где-то далеко, и еще дальше — звезды и другие миры, те миры, откуда пришли скандары, хьорты, лимены и все прочие. И даже тот мир, откуда эмигрировал народ Валентина четырнадцать тысяч лет тому назад,— Старая Земля, маленькая голубая планета, абсолютно крохотная по сравнению с Маджипуром. Она очень далеко, почти забыта где-то в другом конце вселенной. Валентин вер-

нулся через звезды обратно в этот мир, на этот континент, в эту гостиницу, в этот двор, на этот маленький клочок влажной плодородной земли, в который вросли его сапоги, и сказал Слиту, что он готов.

Слит и Карабелла стояли, согнув руки, прижав локти к бокам, раскрыв ладони, в правой — мячик. Валентин встал в ту же позу.

— Представь, — сказал Слит, — что у тебя на руках поднос с драгоценными камнями. Если ты будешь двигать плечами или локтями, поднимать или опускать кисти рук, камни рассыплются. Понятно? Секрет жонглирования состоит в том, чтобы тело двигалось как можно меньше. Двигаются вещи, ты управляешь ими, однако сам остаешься неподвижным.

Мячик Слита неожиданно перелетел из правой руки в левую, хотя в теле Слита не было даже намека на движение. Мячик Карабеллы сделал то же самое. Валентин, подражая им, перебросил мячик из одной руки в другую, чувствуя усилие и движение.

Карабелла сказала:

— Слишком много пользуешься запястьем, слишком много — локтем. Раскрой ладонь, расставь пальцы. Ты выпускаешь пойманную птицу. Так. Рука раскрыта, птица летит вверх.

— Совсем без запястья? — спросил Валентин.

— Чуть-чуть и незаметно. Толчок исходит от ладони. Вот так.

Валентин попробовал. Минимальное движение предплечья вверх, мимолетное сжатие запястья, толчок на центр ладони и из центра самого существа Валентина. Мячик перелетел в согнутую левую ладонь.

— Так, — сказал Слит. — Еще раз.

Еще раз, и еще, и еще. Пятнадцать минут все трое перекидывали мячик из одной руки в другую. Они заставляли Валентина посылать мячик по почти неизменяемой дуге перед лицом и не позволяли ни поднимать, ни поворачивать голову, чтобы следить за ним. Руки ждут, мячик летает. Через какое-то время Валентин стал делать это автоматически. Из стойл вышел Жанамир и растерянно уставился на целеустремленные броски, а затем поплелся прочь. Валентин не останавливался. Пусть это перебрасывание одного мячика мало походило на жонглирование, но в данный момент это было событие, и он целиком отдался ему. Потом он заметил, что Слит и Карабелла перестали перекидывать мячик, что он один действует как машина.

— Лови,— сказал Слит.

Он бросил ему только что сорванную ягоду токка. Валентин поймал ее в промежутке между бросками мячика и держал, как бы думая, не следует ли жонглировать и ей, однако Слит жестом пояснил, что ягоду нужно съесть — это его награда, премия.

Карабелла бросила ему второй мячик в левую руку, а третий — в правую, рядом с первым.

— У тебя большие руки,— сказала она,— тебе это будет легко. Следи за мной и делай так же.

Она стала перебрасывать мячик из руки в руку, ловя его в корзинку, составленную из трех пальцев, а два других мячика держала в каждой ладони. Валентин стал подражать ей. Хватать мячик с полной ладони было труднее, чем с пустой, но не намного, и скоро он стал действовать безошибочно.

— Теперь,— сказал Слит,— пойдет начало искусства. Мы делаем обмен. Так.

Один мячик пролетел по дуге на уровне лица из правой руки Слита в левую. Пока он летел, Слит приготовил ему место в левой руке, бросив мячик, который был в ней, по более низкой дуге под летящим мячиком в правую руку. Маневр казался довольно простым — быстрый взаимный переброс, однако, когда Валентин попытался это сделать, мячики столкнулись и отлетели в сторону. Карабелла с улыбкой поймала и вернула их Валентину. Он попытался еще раз, но с тем же результатом, и Карабелла показала ему, как бросить первый мячик, чтобы он упал на дальнюю сторону левой ладони, в то время как другой мячик пойдет внутри траектории первого, когда Валентин бросит его вправо. Валентин сделал несколько попыток, чтобы усвоить это. Он несколько раз промахнулся, хватая мячик, а взгляд его метался из стороны в сторону. Слит тем временем выполнял обман за обманом, а Карабелла натаскивала Валентина в двойном броске. Казалось, это длилось часами, а может, так оно и было.

Когда Валентину удалось это сделать, он сначала почувствовал усталость, но прошел через нее к состоянию полной гармонии и осознал, что мог бы бросать мячики таким образом целый месяц подряд, не уставая и не роняя ни одного мячика. Вдруг он заметил, что Слит жонглирует всеми тремя мячиками сразу.

— Давай и ты,— сказала Карабелла.— Это только кажется невозможным.

Легкость, с которой он сделал бросок, удивила не только его самого, но и Слита с Карабеллой. Она захлопала в ладоши, а Слит одобрительно хмыкнул.

Валентин интуитивно бросил третий мячик, пока второй летел из левой руки в правую. Он схватил второй и снова бросил, и дальше так и пошло: бросок, захват, бросок, захват, и один мячик все время находился в воздухе, другой падал в ожидавшую его руку, а третий ждал, когда его бросят. Валентин сделал три, четыре, пять чередований, прежде чем осознал трудность того, что делал, и нарушил синхронность: мячики столкнулись и покатились по двору.

— У тебя талант,— пробормотал Слит,— явный талант.

Валентин был смущен столкновением мячиков, однако это почти не имело значения по сравнению с тем фактом, что он сумел с первой попытки жонглировать тремя мячиками. Он подобрал их и начал вновь, а Слит стоял напротив него и продолжал серию бросков, которую так и не прерывал.

Подражая стойке и синхронности Слита, Валентин начал бросать, уронил два мячика, поднял, бормоча извинения, начал опять и на этот раз уже не останавливался. Пять, шесть, семь чередований, десять, а потом он потерял счет, потому что это уже не выглядело чередованием, а шло бесконечным процессом. Его сознание как бы расщеплялось: одна часть следила за точностью и аккуратностью бросков и захватов, а другая — управляла взлетом и падением мячиков и быстро рассчитывала скорость, угол и темп спуска. Сканирующая часть его мозга тут же передавала информацию другой части, управлявшей бросками и захватами. Время, казалось, делилось на бесконечно малые отрезки, однако же, как ни парадоксально, он не чувствовал их последовательности. Три мячика оказались как бы зафиксированы на своих местах: один все время в воздухе, два других — в руках, и, хотя в каждый момент эти положения занимали разные мячики, это уже было несущественным.

Каждый мячик был всеми, время — безвременным. Валентин не двигался, не бросал, не ловил, он только наблюдал за потоком, а поток этот застыл вне времени и пространства. Теперь Валентин понял секрет искусства. Он вступил в бесконечность своим расщепленным сознанием, он объединил ее. Он шел к внутренней природе движения и понял, что движение — иллюзия, а последо-

вательность — ошибка восприятия. Руки его действовали в настоящем, глаза изучали будущее, и не было больше ничего, кроме этого мига настоящего.

Когда дух Валентина пошел к высотам экзальтации, Валентин почувствовал еле заметной вспышкой своего разделившегося сознания, что он более не стоит на месте, а каким-то образом движется вперед, магически притягиваемый вращавшимися по орбите мячиками, которые чуть отделились от него. Они двигались через двор с каждой серией бросков, и он теперь снова ощущал, что это серийность, а не бесконечный, безостановочный процесс, и ему приходилось двигаться все быстрее, чтобы успевать за ними, и, в конце концов, он буквально бежал, пошатываясь и кренясь, вокруг двора. Слит и Карабелла отскочили в сторону. Наконец мячики совершенно отошли от него, хотя он сделал последний отчаянный рывок к ним, и запрыгали по двору в разных направлениях. Валентин, задохнувшись, упал на колени. Он услышал смех своих инструкторов и тоже засмеялся.

— Что случилось? — спросил он наконец.— Я начал так хорошо, а затем...

— Мелкие ошибки накапливаются,— сказала Карабелла.— Ты увлекся и бросил мячик чуть-чуть неправильно, ты потянулся вперед, чтобы поймать его, и в результате следующий бросок был еще более неправильным, и так шло до тех пор, пока мячики не отошли от тебя. Ты стал охотиться за ними, однако, в конце концов, преследование стало невозможным. Такое случается вначале со всеми. Не думай об этом.

— Подними мячики,— сказал Слит.— Через четыре дня ты будешь жонглировать перед Короналем.

Глава 7

Он тренировался целыми часами, работая всего с тремя мячиками, но делал это до тех пор, пока раз десять не проник в бесконечность, переходя от скуки к экстазу и обратно к скуке, так что сама скука стала экстазом. Одежда его промокла от пота и прилипла к телу. Даже когда пошел обычный для Пидруда короткий легкий дождь, Валентин продолжал перекидывать мячики. Дождь кончился и уступил место сумеркам. Вечернее солнце закрылось легким туманом. Валентин продолжал жонглировать. Безумная интенсивность переполнила его.

Он смутно видел фигуры, шедшие по двору,— Слита, Карабеллы, скандаров, Жанамира, незнакомцев, приходивших и уходивших, однако не обращал на них внимания. Он был пустым сосудом, который наполнился этим искусством, этой тайной, и не смел остановиться, боясь, что потеряет это и вновь будет выжатым и пустым. Затем кто-то подошел к нему, и он остался вдруг с пустыми руками. Оказалось, что Слит перехватил мячики один за другим, когда они пролетали в воздухе. Какое-то время руки Валентина еще продолжали двигаться в заданном ритме, глаза были сфокусированы только на плоскости, через которую пролетали мячики.

— Выпей это,— мягко сказала Карабелла.

Она поднесла к его губам стакан. Это было пальмовое вино. Валентин выпил его, как воду. Карабелла подала второй стакан.

— У тебя изумительный дар,— сказала она.— Не только координации, но и сосредоточенности. Ты прямо испугал нас, Валентин, когда не мог остановиться.

— В Звездный день ты будешь лучшим из нас,— сказал Слит.— Сам Корональ выберет тебя, чтобы похвалить. Эй, Залзан Кавол, что скажешь?

— Я скажу, что он весь мокрый и ему надо переодеться,— прогромыхал скандар и протянул Слиту несколько монет.— Сходи на базар и купи ему подходящую одежду, пока ларьки не закрылись. Карабелла, отведи его в очиститель. Через полчаса будет есть.

— Пойдем,— сказала Карабелла.

Она провела все еще ошалевшего Валентина через двор в спальни и дальше. К боковой стене здания был пристроен грубый, открытый сверху очиститель.

— Животное! — сердито сказала она.— Не сказал тебе ни словечка похвалы. Я знаю, что хвалить вообще не в его привычках, однако ты произвел на него впечатление.

— На Залзана Кавола?

— Да. Он был поражен. Но разве он может хвалить человека? У тебя всего две руки! Ну, и вообще хвалить не в его стиле. Сюда. Раздевайся.

Она быстро разделась, и он сделал то же, бросив мокрую одежду на землю. В ярком лунном свете он видел наготу Карабеллы и весь сжался. Тело ее было стройное, гибкое, почти мальчишеское, если не считать маленьких круглых грудей и неожиданной выпуклости бедер ниже узкой талии. Под кожей виднелись хорошо развитые мускулы. На крепкой ягодице был вытатуирован цветок, красным и зеленым.

Она подвела Валентина под очиститель, и они стояли рядом, пока вибрация снимала в них пот и грязь. Затем они голые вернулись в спальни, где Карабелла достала для себя чистые брюки из мягкой серой ткани и камзол. Вскоре вернулся Слит с рынка и принес Валентину новую одежду: темно-зеленый камзол с алой отделкой, плотные красные брюки и темно-синий, почти черный, легкий плащ. Этот костюм был куда более элегантным, чем тот, который Валентин скинул. Надев его, Валентин почувствовал себя как бы выше рангом и нарочито высокомерно пошел за Слитом и Карабеллой в кухню.

На обед было тушеное мясо, обильно смоченное пальмовым вином. Шесть скандаров сели за один конец стола, а четверо людей — за другой. Поев, Залзан Кавол и его братья встали, не говоря ни слова, и вышли.

— Мы их чем-нибудь обидели? — спросил Валентин.

— Это их обычная вежливость, — ответила Карабелла.

Хьорт, заговоривший с Валентином за завтраком, Виноркис, пересек комнату и навис над плечом Валентина, пристально глядя вниз своими рыбьими глазами. Очевидно, у него была такая привычка. Валентин неохотно улыбнулся.

— Я видел, как ты жонглировал сегодня во дворе. Очень здорово.

— Спасибо.

— Это твое хобби?

— Именно. Никогда раньше этим не занимался. Тем не менее, скандары, похоже, взяли меня в свою труппу.

На хьорта это, кажется, произвело впечатление.

— Вот как? И ты пойдешь с ними дальше?

— Похоже на то.

— А куда?

— Не имею представления. Это еще не решено. Но куда бы они не направились — для меня все одинаково хорошо.

— Ах, свободная жизнь, — сказал Виноркис. — Я и сам хотел бы. Может, скандары наймут и меня тоже?

— Ты умеешь жонглировать?

— Я могу вести счета. Я жонглирую цифрами. — Виноркис захохотал и сердечно хлопнул Валентина по спине. — Тебе это нравится? Ну, спокойной ночи!

— Кто это? — спросила Карабелла, когда хьорт вышел.

— Я встретился с ним сегодня утром за завтраком. Это местный торговец, кажется.

Она сделал гримасу.

— Мне он что-то не нравится. Впрочем, хьортов мало кто любит. Безобразные существа. — Она грациозно встала. — Пошли?

В эту ночь он опять спал крепко. Казалось бы, после событий дня ему должно было присниться жонглирование, но нет: он снова оказался на пурпурной равнине — смущающий признак, ибо маджипурцы с детства знали, что повторяющиеся сны имеют исключительно важное значение, чаще всего плохое. Леди редко посылает повторяющиеся сны, однако Король часто практикует это. И вновь сон был фрагментарным. В небе парили насмехавшиеся лица. Водовороты пурпурного песка кружились на тропе. Из земли вырастали шипы. Все содержало угрозу, дурное предзнаменование. Но сон не имел ни действующих лиц, ни событий. Он только предвещал зловещее.

Мир сна уступил место миру рассвета. На этот раз Валентин проснулся первым. Жанамир рядом блаженно посапывал. Слит свернулся, как змея, в дальнем конце. Рядом с ним Карабелла улыбалась во сне. Скандары, видимо, спали в другой комнате, из чужаков здесь были только два глыбообразных хьорта и трио вруонов, свернувшийся в трудноразличимый клубок рук и ног.

Валентин достал из чемоданчика Карабеллы три жонглерских мячика и вышел в туманный рассвет заострить свою расцветающую ловкость. Слит, появившийся часом позже, застал его за этим занятием и всплеснул руками.

— У тебя прямо страсть, друг! Ты жонглируешь как одержимый. Однако не утомляйся чрезмерно. Сегодня мы будем учить тебя более сложным вещам.

Утренний урок состоял из вариаций основного положения. Теперь Валентин упражнялся в трюке так бросать мячики, чтобы один все время был в воздухе, и он овладел им, добившись за полдня контроля над техникой, хотя Карабелла говорила, что это требует многих дней практики. Его заставляли ходить, бегать, поворачиваться и даже прыгать. Он жонглировал тремя мячиками, поднимаясь и спускаясь по лестнице, жонглировал, присев на корточки, жонглировал, стоя на одной ноге, как важная чихорн-птица с болот Зимра, жонглировал, опускаясь на колени. Теперь он был абсолютно уверен в гармонии глаза и руки, а все то, что делало остальное его тело, никак не влияло на жонглирование.

Днем Слит учил его новым хитростям: бросать мячик из-за спины, из-под ноги, жонглировать со скрещенными руками. Карабелла учила его, как бросать мяч в стену

и мягко переводить его возвращение в полет и как посылать мячик из одной руки в другую и тут же отправлять его обратно тыльной стороной кисти, вместо того, чтобы ловить и бросать. Все это он быстро усвоил. Карабелла и Слит не осыпали его комплиментами — постоянно хвалить не годится, — однако он замечал, как часто они изумленно переглядывались, и это было ему приятно.

Скандары жонглировали в другой части двора, репетируя то, что они покажут на параде, — чудеса с серпами, кинжалами и горячими факелами. Валентин мельком взглянул на них и восхитился работой этих четвероруких существ. Но, в основном, он был сосредоточен на собственной тренировке.

Так прошел Морской день. На четвертый день его стали учить жонглировать булавами вместо мячиков. Это было сложно, потому что, хотя принципы были, в основном, те же, булавы были больше и менее удобны, и Валентину приходилось бросать их выше, чтобы иметь время сделать захват. Он начал с одной булавы, перебрасывая ее из руки в руку. Карабелла указывала, как держать булаву, как бросать и как ловить, и он делал, как она говорила, и скоро усвоил.

— Теперь, — сказала она, — возьми в левую руку два мячика, а в правую — булаву.

Сначала его смутила разница в массе и скорости, однако не надолго, и после этого были две булавы в правой руке и один мячик в левой, а к вечеру четвертого дня он уже работал с тремя булавами и, хотя запястья болели и глаза стягивало от напряжения, работал, не желая и почти не имея возможности остановиться.

Вечером он спросил:

— Когда я стану учиться перебрасываться булавами с другими жонглерами?

Карабелла улыбнулась.

— Позднее, после парада, когда мы направимся на восток через небольшие населенные пункты.

— Я мог бы сделать это и сейчас.

— Сейчас не время. Ты показал чудеса, но есть границы тому, что ты можешь усвоить за три дня. Если бы мы стали жонглировать на параде с новичком, нам пришлось бы опуститься до твоего уровня, и Короналю будет от этого мало радости.

Он признал справедливость ее слов, однако мечтал о том времени, когда он примет участие во взаимной игре

жонглеров, будет перебрасываться с ними булавами, кинжалами или факелами, как член единого сообщества.

Ночью четвертого дня шел дождь, необычно затяжной для субтропического лета Пидруда, где короткие ливни были правилом, и утром пятого дня двор был мокрым, как губка, и трудным для ног. Но небо было чистое, солнце яркое и жаркое.

Жанамир, болтавшийся в городе во время тренировок Валентина, рассказывал, что подготовка к великому параду идет полным ходом.

— Повсюду ленты и флаги,— говорил он.

Он стоял на безопасном расстоянии, когда Валентин с утра начал разминку с тремя булавами.

— Знамена с горящей звездой выставили вдоль дороги от Ворот Фалкинкипа до Ворот Дракона, а от Ворот Дракона вдоль всего порта, как я слышал, на много миль украшения, даже золотые ткани и зеленая роспись по дороге. Говорят, все это стоит не одну тысячу реалов.

— А кто платит? — спросил Валентин.

— Как кто? Народ Пидруда,— сказал мальчик. Он был удивлен.— Кто же еще? Ни-мойе? Вилатис?

— Я бы сказал — пусть Корональ платит за свой фестиваль.

— А чьими деньгами он будет платить? Налогом со всего мира? Зачем бы городам Алханрола платить за фестиваль в Зимроле? Кроме того, это честь — принимать Короналя! Пидруд охотно платит. Послушай, как ты умудряешься бросать булаву и хватать ее в то же самое время и той же рукой?

— Бросок раньше, дружище. Но только чуть-чуть раньше. Смотри внимательно.

— Я смотрю и все-таки не могу представить себе этого.

— Когда у нас будет время — как кончится парад, я покажу тебе, как это делается.

— Куда мы отправимся отсюда?

— Не знаю. Карабелла говорила, что на восток. Мы пойдем в любое место, где ярмарка, карнавал или фестиваль и где наймут жонглеров.

— Я тоже стану жонглером, Валентин?

— Если захочешь. Я думал, ты хочешь идти в море.

— Я и в самом деле хочу путешествовать,— сказал Жанамир,— однако не обязательно по морю. Я не хочу возвращаться в Фалкинкип. Восемнадцать часов в день в стойлах, в заботе о животных — нет, это не для меня, хватит уж! Ты знаешь, в ту ночь, когда я покинул дом,

я видел во сне, что научился летать. Это был сон от Леди, Валентин, я сразу понял, а полет означает, что я пойду туда, куда надеялся. Когда ты сказал Залзану Каволу, чтобы он взял и меня, если хочет иметь тебя, я затрясся. Я думал... Я чувствовал все... — Он овладел собой. — Валентин, я хочу быть таким же хорошим жонглером, как ты.

— Я еще не хороший. Я только начинающий.

Однако, самоуверенность Валентина возросла, и он стал бросать булавы по более низким дугам, в какой-то мере рисуясь.

— Не могу поверить, что ты научился этому за два дня.

— Слит и Карабелла хорошие инструкторы.

— Я никогда не видел, чтобы кто-то чему-то научился так быстро, — сказал Жанамир. — У тебя, наверное, мозг особенный. Бьюсь об заклад, что ты был когда-то важной особой, пока не стал бродяжничать. Ты выглядишь таким добродушным, таким простым, однако же...

— Скрытые глубины, — дружелюбно сказал Валентин.

Он попытался бросить свою булаву из-за спины, и она с треском ударила его по левому локтю. Все три булавы упали на мокрую землю, а он морщился и потирал ушиб.

— Мастер-жонглер, — сказал он. — Видал? Обычно требуется несколько недель, чтобы научиться так бить свои локти!

— Ты это сделал, чтобы сменить тему разговора, — более чем наполовину серьезно сказал Жанамир.

Глава 8

Утро Звездного дня, дня парада, дня Короналя, первый день великого фестиваля Пидруда, а Валентин спал, свернувшись, и видел спокойный сон: пышная зелень холмов, прозрачные озера с голубыми и желтыми водяными цветами. Его разбудили пальцы, воткнувшиеся в его ребра. Он сел, моргая и бормоча что-то. Было темно. До рассвета было еще далеко. Над ним нагнулась Карабелла. Он ощущал ее кошачью грацию, запах крема от ее кожи, слышал ее легкий смех.

— Почему так рано? — спросил он.

— Чтобы занять хорошее место, когда Корональ пойдет мимо. Поторопись. Все уже готовы.

Он нехотя встал. Запястья ныли от жонглирования булавами. Он раскинул руки и потряс расслабленными

кистями. Карабелла усмехнулась, взяла его руки в свои и посмотрела на него.

— Ты будешь великолепно жонглировать сегодня,— тихо сказала она.

— Надеюсь.

— В этом нет никаких сомнений, Валентин. Что бы ты ни делал, все у тебя выходит отлично. Это соответствует твоей личности.

— А ты знаешь, что я за личность?

— Конечно, знаю. Наверное, даже лучше, чем знаешь ты. Валентин, ты можешь сказать, какая разница между сном и явью?

Он нахмурился.

— Не понял.

— Я иногда думаю, что для тебя то и другое одинаково, что ты живешь во сне или спишь в жизни. Однако вообще-то я так не считаю, и Слит тоже. Ты околдовал его, а Слита нелегко околдовать. Он везде бывал, многое видел, но он постоянно говорит о тебе, пытается понять тебя, заглянуть в твоей мозг.

— Не думал, что я так интересен. По-моему, я скучный.

— По мнению других — нет.— Ее глаза блеснули.— Ну, давай одевайся и поешь перед парадом. Утром мы будет смотреть, как проедет Кораль, днем у нас представление, а ночью...

— Да? Что ночью?

— Ночью мы празднуем фестиваль! — крикнула она и выскочила за дверь.

Туманным утром труппа жонглеров направилась к забронированному для них Залзаном Каволом месту на главном шоссе.

Путь Короналя начинался от Золотой Площади, где он проводил ночь, шел к востоку по изогнутому бульвару, ведущему к одним из второстепенных городских ворот, и кругом к главному шоссе, по которому Валентин и Жанамир въехали в Пидруд и где стояли в два ряда огненные пальмы в цвету, оттуда через Ворота Фалкинкипа обратно в город, через него по Портовой Дороге к Арке Снов и из Ворот Дракона в порт, где на краю бухты был построен главный стадион Пидруда, так что парад был, в сущности, двойной: сначала Кораль проходит мимо народа, а потом народ проходит мимо Короналя. Парад будет продолжаться весь день и всю ночь, до зари Солнечного дня.

Поскольку жонглеры были частью королевского развлечения, им необходимо было занять место где-нибудь

вблизи конца порта, иначе они не смогут вовремя пройти через переполненный город и попасть на стадион для своего выступления. Залзан Кавол сумел выбрать для них место возле Арки Снов, однако это означало, что они потратят большую часть дня в ожидании, когда парад подойдет к ним. Но тут уж ничего не поделаешь. Они шли пешком по диагонали через окраинные улицы и, наконец, добрались до нижнего конца Портовой Дороги. Как и говорил Жанамир, город был обильно украшен, загромождён орнаментами, знаменами и свисавшими со всех домов светильниками. Сама дорога была заново раскрашена в цвета Короналя — блестящий ярко-зеленый с золотой окантовкой.

В этот ранний час дорога была уже забита зрителями; но в толпе быстро образовалось место, когда появились скандары-жонглеры и Залзан Кавол показал пачку билетов. Люди Маджипура, как правило, миролюбивы, вежливы и сговорчивы. К тому же, кое-кто здесь остерегался связываться с шестью угрюмыми скандарами.

И вот — ожидание. Утро было теплое, скоро стало жарко. Валентину ничего не оставалось, кроме как стоять и ждать, пялясь на пустое шоссе и на богато украшенный черный полированный камень Арки Снов. Карабелла была прижата к Валентину слева, Жанамир — справа. Время тянулось бесконечно долго. Разговоры быстро иссякали. Минутным отвлечением явилась удивительная фраза, которую Валентин выхватил из разговора позади себя.

— Не понимаю всех этих приветствий. Я ему ни капли не верю.

Валентин прислушался. Двое зрителей — гейрогов, судя по голосам,— говорили о новом Коронале,. и отнюдь не благожелательно.

— Он издает слишком много указов, если хочешь знать мое мнение. То одно регулирует, то другое, тычет пальцами туда-сюда. Этого вовсе не нужно.

— Он хочет показать, что он работает,— примирительно сказал другой.

— Не нужно! При Лорде Вариаксе, а до него при Лорде Малиборе все шло хорошо и без этих дурацких правил. Это признак неуверенности, я считаю.

— Тихо! Сегодня особый день, об этом говорить не следует.

— Если хочешь знать, парень, он еще не уверен, что он действительно Корональ, вот он и обращает наше внимание на себя. Вот так я тебе скажу.

— А я тебя не спрашиваю,— раздраженно ответил второй.

— И еще одно. Имперские надзиратели все внезапно слетели с мест. Чего он хочет? Насадить свою полицию, чтобы шпионили для Короналя? А зачем? Что он хочет найти?

— Если он найдет что-то, то тебя первого притянут. Заткнешься ты или нет?

— Я никакого вреда не делаю,— возразил первый гейрог.— Видишь, я держу знамя с горящей звездой, как все прочие. Разве я не лояльный гражданин? Однако мне не нравится, как идут дела. Граждане имеют право заботиться о благе государства, разве нет? Если нам что не нравится, мы должны говорить. Это же в наших традициях, разве нет? Если мы сейчас позволим хоть мелкое злоупотребление, кто знает, как обернется дело лет через пять?

«Интересно,— подумал Валентин,— при всех этих диких приветствиях и размахиваниях руками, отнюдь не все обожают нового Короналя и восхищаются им. Хотелось бы знать, много ли таких, кто выказывает энтузиазм просто из страха или личного интереса.»

Гейроги замолчали. Валентин прислушался к другим разговорам, но ничего интересно не услышал. Время снова еле ползло. Валентин переключил внимание на Арку и рассматривал ее, пока не запомнил всех ее украшений, разных изображений древних Сил Маджипура, героев далекого туманного прошлого, генералов войны с метаморфами, прошедшей давным-давно, Короналей, предшествовавших легендарному Стиамоту, древних Понтификсов, Благословенных Леди. Эта Арка, по словам Жанамира, была древнейшей и самой почитаемой в Пидруде, ее возраст девять тысяч лет, она была вырезана из блоков вилатисского мрамора и противостояла всем климатическим воздействиям. Пройти под ней — означало стать под защиту Леди и в течение месяца получать полезные сны.

Утро оживляли слухи о продвижении Короналя через Пидруд. Корональ, как говорили, выступил с Золотой Площади, направился к Воротам Фалкинкипа, останавливался, чтобы разбросать две пригоршни пятикроновых монет в кварталах, населенных преимущественно хьортами и вруонами, остановился утешить плакавшего ребенка, остановился помолиться у гробницы своего брата Лорда Вариакса, нашел, что слишком жарко, и отдыхал несколько часов днем, сделал то, сделал это. Корональ, Корональ,

Корональ! Сегодня все внимание было обращено на Короналя. Валентин размышлял: что это за жизнь — все время делать такие громадные объезды, улыбаться, махать рукой, раздавать монеты, участвовать в бесконечном безвкусном спектакле, показывать себя в вечном параде то в одном, то в другом городе, демонстрировать в одном физическом теле всю правительственную власть, принимать весь этот почет, это шумное общественное возбуждение и при всем том еще ухитряться держать бразды правления. А вообще-то, надо ли их держать? Система была такой древней, что, наверное, действовала сама собой.

Понтификс, старый и по традиции закрытый в таинственном Лабиринте где-то в центральной части Алханрола, издавал декреты, которыми управлялась планета, а его наследник и приемный сын Корональ правил как исполнитель и первый министр с вершины Горного Замка в то время, когда не предпринимал церемониальных походов вроде теперешнего. И не были ли они оба только символами величия? Мир был спокойным, приветливым, веселым, как казалось Валентину, хотя нельзя сомневаться, что есть у него и темные стороны, спрятанные где-то, иначе почему Король Снов бросает вызов авторитету Благословенной Леди? Эти правители, эта конституционная помпезность, эта экспансия и смятение чувств — нет, Валентин думал, что это не имеет значения, это пережиток далекой эры, когда все это, возможно, было необходимо. А что имеет значение сейчас?

Жить, дышать свежим воздухом, есть, пить, спокойно спать, а остальное — пустяки.

— Корональ едет! — закричал кто-то.

Так уже кричали десять раз в течение прошлого часа, однако Короналя все не было. Но сейчас, как раз в полдень, похоже было, что он и в самом деле был близко.

Ему предшествовали приветственные крики — далекий рев, похожий на морской прибой. Когда рев стал громче, на шоссе появились герольды на быстрых животных, они неслись почти в галоп, время от времени издавая губами трубные звуки; наверное, губы их потом будут болеть от усталости. Затем появились на низкой, быстро плывшей моторизованной платформе несколько сот личных телохранителей Короналя в зеленой с золотом униформе — специально отобранный отряд мужчин и женщин различных рас, сливки Маджипура. Они стояли навытяжку на борту своей платформы и выглядели, по мнению Валентина, весьма достойно и чуточку глупо.

И вот показалась колесница Короналя. Она тоже была моторизованной и плыла на высоте нескольких футов над мостовой. Щедро украшенная блестящей тканью и толстыми белыми квадратами из чего-то вроде меха редких животных, она выглядела величественно и богато. На ней стояло с полдюжины высших чинов Пидруда и провинции — мэры, герцоги и тому подобные, все в парадных мантиях, и среди них на возвышенности стоял, блатосклонно протягивая руки к зрителям по обе стороны шоссе, Лорд Валентин Корональ, второй сиятельный властелин Маджипура и, — поскольку его приемный имперский отец Понтификс держался отчужденно и простые смертные никогда его не видели, — может быть, воплощение авторитета, какое только могло быть на этой планете.

— Валентин! — кричали вокруг. — Лорд Валентин!

Валентин рассматривал своего королевского тезку так же внимательно, как перед этим изображения на древней черной Арке Снов. Этот Корональ был импозантной фигурой: человек роста выше среднего, с властным видом, с сильными плечами и длинными крепкими руками. Кожа его имела оливковый оттенок, черные волосы закрывали уши, подбородок окаймляла коротко подстриженная черная борода.

В ответ на гром приветствий Лорд Валентин грациозно поворачивался то в одну, то в другую сторону, слегка склоняясь и простирая руки в воздух. Платформа быстро проплыла мимо того места, где стояли Валентин и жонглеры, и как раз в этот момент Корональ повернулся к ним, и на миг глаза Валентина и Лорда Валентина встретились. Между ними как бы возник контакт, проскочила искра. Корональ улыбнулся сияющей улыбкой, темные глаза таили ослепительные вспышки, парадная одежда, казалось, имела собственную жизнь, власть и цель, а Валентин стоял, прикованный к месту, захваченный колдовством имперского могущества.

На секунду он понял благоговение Жанамира, благоговение всех присутствующих здесь перед их принцем. Да, Лорд Валентин был всего лишь человеком, ему нужно было опорожнять мочевой пузырь и наполнять брюхо, он спал ночью и просыпался утром, зевая, как всякий другой, он пачкал пеленки, когда был младенцем, однако он все-таки был в священных кругах, он жил в Горном Замке, он был сыном Леди Острова и приемным сыном Понтификса Тивераса, как и его брат, покойный Вариакс, он прожил большую часть жизни у основ власти, ему

дана была тяжесть управления всем этим колоссальным миром с великим множеством жителей. Такое существование, как думал Валентин, меняет человека, ставит его отдельно от других, дает ему ауру и чуждость. Когда колесница проплыла мимо, Валентин заметил эту ауру, и она смирила его.

Затем колесница прошла, этот миг исчез, и Лорд Валентин отодвинулся, все еще улыбаясь, простирая руки, грациозно кивая и глядя своим вспыхивающим взглядом на горожан, однако Валентин уже не ощущал присутствия мощи. Наоборот, он неизвестно почему почувствовал себя обманутым и замаранным.

— Пошли скорее,— проворчал Залзан Кавол,— нам пора быть на стадионе.

Это было нетрудно. Весь Пидруд, кроме больных и заключенных, стоял вдоль линии парада. Прилегающие улицы были пусты. Через пятнадцать минут жонглеры были в порту, а еще через десять минут подошли к стадиону. Здесь уже начала собираться толпа. Тысячи людей давились на пристанях позади стадиона, чтобы еще раз увидеть Короналя, когда он прибудет. Скандары построились клином и сильно врезались в толпу. Валентин, Слит, Карабелла и Жанамир шли в кильватере.

Участники представления должны были собраться в отгороженной части стадиона у самой воды, и здесь уже толкались сотни артистов. Тут были гиганты-гладиаторы с Квайна, перед которыми даже скандары выглядели хрупкими, труппы акробатов, в нетерпении лезших друг другу на плечи, абсолютно нагая балетная труппа, три оркестра странных инопланетных инструментов, дрессировщики, удерживавшие на привязи морских зверей невероятных размеров и ярости, всевозможные уроды: мужчины весом в тысячу фунтов, женщина одиннадцати футов ростом и тонкая как бамбуковая палка, двухголовый вруон, три близнеца-лимена, соединенные по талиям полосой страшной сине-серой плоти, кто-то, чье лицо походило на топор, а нижняя часть тела — на колесо, и много всяких других. У Валентина закружилась голова от вида, звуков и запахов этого неприятного скопления.

Обезумевшие писцы с муниципальными бляхами старались установить всех этих выступающих в правильную процессию. Какой-то порядок марша в самом деле существовал. Залзан Кавол отдал писцу документы и взамен получил номер, указывающий место его труппы в строю, однако найти соседей по ряду было уже их заботой,

и дело это оказалось непростым, поскольку все в огороженном пространстве находились в непрерывном движении и найти номера было все равно что навесить ярлыки на морские волны. Все-таки жонглеры нашли свое место между труппой акробатов и оркестром.

После этого уже не было движения, и они несколько часов стояли на месте. Артистам предлагалось освежающее. Слуги ходили по рядам, разнося кусочки жаренного на вертеле мяса и стаканчики зеленого или золотого вина, не требуя платы. Но от жаркого и душного воздуха, от испарений стольких тел многих рас Валентин чувствовал дурноту.

«Через час,— думал он,— я буду жонглировать перед Короналем. Как странно это звучит!»

Хорошо, что Карабелла была рядом, веселая, жизнерадостная, всегда улыбающаяся, неутомимо энергичная.

— Да избавит нас Божество от повторения этого в будущем,— шепнула она.

Наконец, у ворот стадиона началось какое-то движение, как будто повернули кран, и вихревой поток вытянул первых артистов из огороженного участка. Прошел почти час, прежде чем волна движения дошла до их места. Теперь вся линия плавно двинулась вперед.

Со стадиона доносились звуки музыки, рев животных, смех, аплодисменты. Оркестр, стоявший перед труппой Залзана Кавола, уже готовился войти. Он состоял из двадцати музыкантов трех нечеловеческих рас. Их инструменты были незнакомы Валентину. Все они были очень изящны, однако звук их был крайне неприятным. Но вот последний музыкант исчез за большими двойными воротами стадиона, и официальный распорядитель важно шагнул вперед, загородив проход жонглерам.

— Залзан Кавол и его труппа,— объявил он.

— Мы здесь,— сказал Залзан Кавол.

— Ждите сигнала. Когда зайдете, последуете за музыкантами в процессии слева направо вокруг стадиона. Не начинайте представления до тех пор, пока не пройдете мимо большого зеленого флага с эмблемой Короналя. Дойдя до павильона Короналя, сделайте почтительный поклон и стойте на месте шестьдесят секунд, показывая свое искусство, а потом двинетесь дальше, дойдете до дальних ворот и сразу же выходите со стадиона. При выходе получите свое вознаграждение. Все понятно?

— Вполне,— сказал Залзан Кавол.

До сих пор он был резким и грубым, а тут вдруг обернулся другой стороной: он протянул три руки своим

братьям и обменялся с ними рукопожатием, и на его губах появилась почти любовная улыбка. Затем он притянул к себе Валентина и сказал так ласково, насколько это возможно для скандара:

— Ты быстро научился и показываешь признаки мастерства. Я взял тебя только для удобства, однако теперь рад, что ты с нами.

— Благодарю тебя,— торжественно ответил Валентин.

— Не каждый день мы жонглируем для Власти Маджипура,— продолжал Залзан Кавол. Он обнял Слита и Карабеллу.— Пусть это будет нашим лучшим выступлением!

— Жонглеры! — пролаял распорядитель.

Скандар сделал жест, и труппа пошла через массивные двойные ворота. Слит и Карабелла шли впереди, жонглируя пятью кинжалами. Они обменивались ими в быстром, постоянно варьирующем рисунке. За ними несколько поодаль шел Валентин, жонглируя тремя булавами с напряженной интенсивностью. За ним шли шесть братьев-скандаров, которые пользовались двадцатью четырьмя руками, чтобы наполнить воздух самой несообразной смесью летающих предметов. Жанамир заключал шествие, как господин. Он ничего не делал, просто служил человеком-точкой.

Карабелла была энергична и неуемна. Она подпрыгивала, щелкала каблуками, хлопала в ладоши, но ни разу не сбила такт, а рядом с ней Слит, быстрый, как удар кнута, собранный, динамичный, представлял собой прямо источник энергии, когда выхватывал кинжалы из воздуха и возвращал их партнерше. Всегда спокойный, экономящий движения Слит позволил себе немыслимый прыжок, пока мягкий воздух Маджипура держал кинжалы наверху необходимую долю секунды.

Они обошли вокруг стадиона, держа ритм под скрипучий визг флейт и труб шедшего перед ними оркестра. Обширная толпа уже устала от чередования выступлений и едва реагировала, однако это не имело значения: жонглеры были преданы своему искусству, а не потным лицам, едва видимым на далеких сиденьях.

Валентин придумал вчера номер, практиковался сам и фантастически преуспел в этом деле. Об этом никто не знал, потому что для новичка это было рискованно, а королевское представление — не место для риска. Однако он думал, что королевское представление — самое подходящее место для того, чтобы человек сделал все, что может.

Итак, он взял две булавы в правую руку и швырнул их вверх. Он тут же услышал удивленное ворчание Залзана Кавола:

— Эй!

Но думать над этим у Валентина не было времени, поскольку булавы опускались, и он бросил булаву из левой руки между ними на двойную высоту. Он ловко поймал падавшие булавы в каждую руку, бросил из правой вверх и поймал ту, которая вернулась из двойного полета, а затем в полной уверенности занялся знакомым каскадом булав, не глядя по сторонам и следуя за Карабеллой и Слитом по периметру громадного стадиона.

Оркестры, акробаты, танцоры, дрессированные животные, жонглеры впереди и позади, тысячи пустых лиц на сиденьях, украшенные лентами импозантные ряды вельмож — ничего этого Валентин не видел, разве что подсознательно. Бросок и захват, бросок и захват, вперед и вперед, пока не увидел краем глаза блестящие зеленые с золотом флаги по бокам королевского павильона. Он повернул лицо к Короналю.

Это был трудный момент, потому что пришлось делить внимание: следить за полетом булав и искать Лорда Валентина. Он нашел его в середине павильона. Он жаждал второго толчка обмена энергией, второй искры контакта с ищущими глазами Короналя. Он бросал булавы автоматически точно: каждая взлетала на определенную высоту и по дуге опускалась между большим пальцем и остальными, пока он искал лицо Короналя. Однако в этот раз толчка энергии не было, потому что Корональ был рассеян и вообще не видел жонглера. Он скучающе смотрел через стадион на какое-то другое действие: то ли на животных, то ли на голые зады танцоров, то ли вообще ни на что. Валентин настойчиво отсчитывал положенные ему шестьдесят секунд, и в конце этой минуты ему показалось, что Корональ действительно мельком взглянул на него, но и только.

Валентин двинулся дальше. Карабелла и Слит уже подходили к выходу. Валентин обернулся и сердечно улыбнулся скандарам, которые шли под танцующим балдахином из топоров, горящих факелов, серпов, молотков и фруктов, добавляя один предмет за другим к тому множеству, которое кружилось над ними.

Валентин шел по своей одиночной орбите, вперед и через ворота. Проходя во внешний мир, он держал свои булавы в руках. И вновь, отойдя от Короналя,

он почувствовал упадок, усталость и пустоту, словно Лорд Валентин не излучал энергию, а вытягивал ее из других, создавая иллюзию яркой блистающей ауры, а когда люди отходили от него, они испытывали только ощущение потери. К тому же представление кончилось. Момент славы Валентина пришел и ушел, и никто его, похоже, не заметил, кроме Залзана Кавола, который смотрел на него угрюмо и раздраженно.

— Кто научил тебя этому двойному броску? — спросил он, едва выйдя за ворота.

— Никто,— сказал Валентин.— Я сам это придумал.

— А если бы ты уронил булавы?

— Так ведь не уронил же!

— Нашел место придумывать трюки,— пробормотал скандар. Он несколько смягчился.— Однако я должен признать, что ты держался хорошо.

От другого распорядителя он получил кошелек с деньгами, высыпал их в две внешние руки и быстро пересчитал. Большую часть он сложил в карман, но по одной монете бросил братьям, потом — Слиту и Карабелле и после некоторого раздумья бросил по меньшей монетке Валентину и Жанамиру.

Валентин заметил, что он и Жанамир получили по полкроне, а остальные по кроне. Но не все ли равно? В его кошельке еще звенело несколько крон, а премия, пусть и небольшая, была неожиданной. Он истратит ее сегодня на крепкое вино и пряную рыбу.

Долгий день почти кончился. С моря поднялся туман и принес в Пидруд ранние сумерки. На стадионе все еще шло представление.

«Бедный Корональ,— подумал Валентин,— ему придется сидеть там до ночи.»

Карабелла стиснула его запястье.

— Пошли,— шепнула она повелительно.— Наша работа кончена, теперь мы будем праздновать!

Глава 9

Она выскочила из толпы, и Валентин, после некоторого замешательства, последовал за ней. Три булавы, подвешенные к поясу, колотили его по бедрам. Он подумал было, что потерял Карабеллу, однако она опять появилась на виду. Она бежала широкими прыжками, время от времени оборачиваясь и маня его за собой. Валентин догнал ее на спуске к

бухте. Буксиры привели в гавань барки с тонкими бревнами, уложенными в замысловатые костровые пирамиды.

Хотя ночь еще не наступила, некоторые пирамиды были уже подожжены и горели холодным зеленым огнем, почти не давая дыма. В течение дня весь город обратился в игровую площадку. Карнавальные ларьки выросли как поганки после дождя. Гуляки в странных костюмах шатались по набережным. Со всех сторон слышалась музыка, доносились смех и лихорадочное возбуждение. По мере усиления темноты зажигались новые огни, и бухта стала морем разноцветного света. С востока появилось нечто вроде фейерверка: высоко вверх взлетела сверкающая ракета и рассыпалась слепящими потоками над крышами самых высоких зданий Пидруда.

Ажитация Карабеллы захватила и Валентина. Взявшись за руки, они без устали шли через город от ларька к ларьку, разбрасывая монеты, как камешки на игру. Было много игорных ларьков, где сбивали шарами кукол и нарушали какую-нибудь тщательно сбалансированную конструкцию. Карабелла, с ее глазами и рукой жонглера, выигрывала почти в каждой такой игре, а Валентин, хоть и менее ловкий, тоже брал свою долю призов. В некоторых ларьках призом были кружки вина и куски жареного мяса, в других они получали ненужных животных или знамена с эмблемой Короналя. Это они тут же оставляли. Однако мясо они ели, вино глотали и, по мере приближения ночи, становились все более возбужденными и дикими.

— Сюда! — крикнула Карабелла.

Они присоединились к танцу вруонов, гейрогов и пьяных хьортов — скачущий круговой танец, в котором, казалось, нет никаких правил. Они прыгали с чужаками довольно долго. Когда хьорт обнял Карабеллу, она в ответ обняла его так крепко, что ее маленькие сильные пальцы глубоко вошли в его жирную кожу, а когда женщина-гейрог, вся в змеиных локонах и со множеством болтавшихся грудей, прижалась к Валентину, он принял ее поцелуй и вернул его с большим энтузиазмом, чем сам предполагал.

Затем они пошли дальше, в открытый театр, где угловатые куклы в стилизованно-резких движениях разыгрывали драму, потом на арену, где за несколько весовых единиц посмотрели на морских драконов, плававших кругами в сияющей цистерне, а оттуда в сад одушевленных растений с южного побережья Алханрола, существ со щупальцами в виде высоких дрожащих резиноподобных колонн с удивительными глазами на вершине.

— Время кормления через полчаса,— сказал сторож.

Карабелла не захотела остаться и с Валентином на буксире нырнула в сгущавшуюся темноту. Снова взрывались фейерверки, теперь куда более эффективные на фоне ночи. Это была тройная горящая звезда, за ней — изображение Лорда Валентина на половину неба, а потом — ослепительный блеск зеленого, красного и голубого, рисующий форму Лабиринта, заслоненного лицом старого Понтификса Тивераса, а через минуту цвета пропали, новый взрыв бросил простыню огня через все небо, и из нее проступили всеми любимые черты великой королевской матери, Леди Острова Снов, с любовью глядевшей на Пидруд. Вид ее так глубоко подействовал на Валентина, что он готов был преклонить колени и заплакать. Однако в толпе не было для этого места. Леди растаяла в темноте. Валентин взял руку Карабеллы и крепко сжал ее.

— Мне нужно еще вина,— прошептал он.

— Подожди. Сейчас будет еще одно изображение.

И правда. Еще ракета, еще взрыв красок, на этот раз грубых желтых и красных, и на них лицо с тяжелой нижней челюстью и угрюмыми глазами, лицо четвертой Силы Маджипура, самой темной и самой надменной фигурой в иерархии — Короля Снов, Симона Барджазеда. Толпа захихикала, потому что Король Снов не был другом никому, хотя все признавали его власть, поскольку он приносил несчастье и страшную кару.

Затем они пошли за вином. Рука Валентина дрожала, когда он быстро опрокинул две кружки. Карабелла смотрела на него сосредоточенно. Пальцы ее играли на крепком его запястье, однако она ни о чем не спрашивала и свое вино оставила почти не тронутым.

Следующая дверь, открывшаяся перед ними ради фестиваля, была дверью в музей восковых фигур. Он был сделан в виде Лабиринта. Войдя внутрь, нелегко было выйти, и они дали служителю три медяка, чтобы он сопровождал их. Из тьмы выступали герои королевства. Они были как живые. Они двигались и даже говорили на архаических диалектах. Один высокий воин назвал себя Лордом Миамотом, победителем метаморфов. Здесь была легендарная Леди Тиин, его мать, леди-воин, которая лично вела защиту Острова Снов, когда его осадили аборигены. Затем появилась фигура, назвавшаяся первым Понтификсом. Он был так же далек по времени от Стиамота, как сам Стиамот от теперешнего Короналя. Рядом с ним стоял Динитак Барджазед, первый Король

Снов, персонаж куда более древний. Чем глубже проникали в Лабиринт Карабелла и Валентин, тем более насчитывалось хозяев Власти, разумно подобранный ассортимент Понтификсов, Леди и Короналей, великие правители Конфалум и Престимион, Понтификс Ариок и, наконец, последняя фигура — румяный мужчина лет сорока, черноволосый и темноглазый, в туго облегавшей черной одежде.

Ему не было нужды называть себя, потому что это был Лорд Вариакс, предпоследний Корональ, брат Лорда Валентина, погибший два года тому назад от глупой случайности на охоте. Он правил всего восемь лет. Изображение поклонилось, протянуло руки и воскликнуло:

— Оплакивайте меня, братья и сестры, потому что я погиб раньше времени, и мое падение было тем сильнее, что я упал с такой высоты. Я был Лордом Вариаксом. Задумайтесь о моей судьбе!

Карабелла вздрогнула.

— Мрачное место и мрачный конец. Уйдем отсюда!

Она вновь повела его по праздничным улицам через игорные холлы и ярко освещенные павильоны, мимо обеденных столов и домов радости, нигде не останавливаясь, перепархивая, как птица, с места на место, пока, наконец, они не свернули за угол и оказались в темноте, за пределами всеобщего веселья. Они пошли дальше в тишину деревьев, в аромат цветов. Это был парк.

— Пошли,— прошептала Карабелла.

Она взяла Валентина за руку. Они вышли на залитую светом поляну, где деревья сплелись вершинами. Рука Валентина мягко скользнула вокруг тонкой талии Карабеллы. Дневное тепло задержалось под этими сплетенными кронами, от влажной земли поднимался сладкий аромат громадных, больше головы скандара, цветов. Фестиваль и все его хаотическое возбуждение, казалось, отодвинулись на десять тысяч миль.

— Здесь мы и останемся,— сказала Карабелла.

Подчеркнуто рыцарски он расстелил свой плащ. Она села, потянула к себе Валентина и быстро оказалась в его объятиях. Они лежали в укрытии между двумя густыми кустами. Где-то неподалеку бежал ручей. На бедре Карабеллы висела маленькая карманная арфа искусной работы. Она сняла ее, сыграла короткое мелодичное вступление и запела чистым прозрачным голосом:

— Моя любовь прекрасна, как весна,
И так же нежна, как ночь.

Моя любовь сладка, как запретный плод,
Моя любовь чиста и светла.
Она мне дороже всех богатств мира,
Всех драгоценных камней моря,
Дороже всего Горного Замка.

— Красивая песня,— прошептал Валентин,— и у тебя прекрасный голос.

— А ты поешь?

— Ну, наверное.

Она протянула ему арфу.

— Теперь спой ты что-нибудь твое любимое.

Он растерянно повертел в руках маленький инструмент и сказал:

— Я не знаю никаких песен.

— Никаких? Ты должен знать хоть какую-нибудь!

— Похоже, что все они ушли из моей головы.

Она улыбнулась и взяла арфу.

— Я научу тебя, только не сейчас.

— Нет, не сейчас.

Он коснулся ее губ своими. Она хихикнула и крепче обняла его. Глаза его привыкли к темноте, и он более ясно видел ее маленькое острое лицо, яркие озорные глаза, блестящие растрепанные волосы. Он было подался назад от того, что могло случиться, смутно опасаясь, что придется брать на себя какие-то обязательства, однако затем отбросил эти страхи. Была фестивальная ночь, и они желали друг друга. Он вспомнил, как она стояла обнаженная под очистителем: мышцы и кости, только и мяса, что на бедрах да на ягодицах, плотный сгусток энергии. Он видел, что она дрожит не от холода, не от ночной сырости. Он гладил ее руки, лицо, мускулистые плечи, маленькие сферы грудей. Их тела двигались в нужном ритме, как будто они уже несколько месяцев были любовниками и хорошо сработались. Потом он в полудреме лежал в ее объятиях и слушал, как колотится его сердце.

— Мы останемся ночевать здесь,— прошептала она.— В эту ночь нас никто не потревожит.

Она погладила его лоб, отвела от глаз его желтые волосы и легонько поцеловала в кончик носа. Она была ласкова и игрива, как котенок. Все ее темное возбуждение ушло, сгорело в пламени страсти, а он был потрясен, оглушен и растерян. Да, для него это был внезапный острый экстаз. Но в момент этого экстаза он смотрел через ворота ярчайшего света в таинственную область без цвета, формы и субстанции и рискованно качался

на краю этого неведомого, прежде чем откатиться обратно в реальный мир. Он не мог говорить. Не было подходящих слов. Он не предполагал, что акт любви вызовет такую дезориентацию. Карабелла, как видно, чувствовала его беспокойство, потому что ничего не говорила, только обнимала его, нежно покачивала, положила его голову себе на грудь и тихонько напевала.

Он постепенно ушел в сон. Пришли сны-образы, грубые и страшные. Он снова был на знакомой унылой пурпурной равнине. Те же насмешливые глаза глядели на него с пурпурного неба, однако на этот раз он был не один. Перед ним маячило темное лицо и тяжелое, давящее физическое присутствие, и Валентин знал, что это его брат, хотя в жестоком сиянии янтарного солнца он не мог разглядеть черты этого лица. Сон проходил на фоне печальной низкой плачущей ноты мысленной музыки, которая указывала на сон опасный, угрожающий, смертельный. Двое мужчин встретились в страшной дуэли, из которой только один мог выйти живым.

— Брат! — закричал Валентин.

Он был в ужасе и смятении. Он дергался и извивался, и как бы плыл по поверхности сна, и на миг воспарил было над ней. Однако его тренировка была заложена в нем слишком глубоко, и он знал, что человек не летает во сне, не отбрасывает их, испугавшись чего-то, он полностью входит в них и принимает их руководство, он встречается во сне с немыслимым, и уклониться от этого означает неминуемую конфронтацию и гибель человека наяву.

Валентин сознательно оттянул себя вновь на границу между сном и бодрствованием и опять почувствовал вокруг себя злобное присутствие врага, брата. Оба они были вооружены, но неодинаково, потому что у Валентина была плохонькая шпага, а у его брата — массивная сабля. Со всей своей ловкостью и проворством Валентин отчаянно пытался провести свою шпагу мимо парирования брата, однако это было невозможно: тот все время парировал медленными, тяжелыми ударами, и легкое лезвие Валентина отскакивало в сторону и неумолимо оттягивало его самого назад по грубой изрытой территории. Над головой кружили стервятники. С неба слышалась шипящая песня смерти. Скоро должна пролиться кровь, и жизнь вернется к Источнику.

Шаг за шагом Валентин отступал, зная, что позади него овраг и дальнейшее отступление прекратится. Рука

его болела, веки набрякли от усталости, во рту скрипел песок, силы были на исходе. Назад... назад...

— Брат! — крикнул он в отчаянии.— Во имя Божества...

На его мольбу ответил грубый смех и непристойная ругань. Сабля взвилась и опустилась. Валентин выставил свое лезвие. Тело его онемело и затряслось, когда металл ударил о металл и его легкое оружие переломилось. В ту же минуту он попал ногой в застрявшую в песке корягу и тяжело упал на землю в переплетении колючих стелящихся веток. Гигантский человек с саблей встал над ним, заслонив солнце, закрыв собой небо. Песня смерти приняла тембр убийственно-визгливой интенсивности, стервятники устремились вниз.

Спящий Валентин стонал и вздрагивал. Он опять повернулся и прижался к Карабелле, набираясь от нее тепла, потому что его окутал страшный холод смертельного сна. Так легко было бы проснуться теперь, уйти от ужаса и насилия этих образов, выплыть в безопасность на берега сознания.

Но нет, жестокая дисциплина толкала его снова в кошмар. Гигантская фигура захохотала. Сабля поднялась. Мир под упавшим телом Валентина качался и крошился. Он направил свой дух к Леди и ждал смертельного удара.

Но удар сабли оказался неловким и неудачным: оружие с глухим стуком вонзилось глубоко в песок. Текстура и упор сна изменились. Валентин не слышал больше шипящего плача смерти, и все перевернулось. В него неожиданно влились потоки энергии, и он вскочил на ноги.

Брат дергал саблю, пытаясь вытащить ее из земли, а Валентин каблуком загнал ее глубже. Он бросился на противника с голыми руками. Теперь уже Валентин командовал дуэлью, и струсивший брат, отступая под градом ударов, упал на колени и рычал, как раненый медведь, качая окровавленной головой из стороны в сторону. Он принимал удары, не пытаясь защищаться, и только бормотал: «Брат, брат...», когда Валентин опрокинул его в песок. Он лежал неподвижно, а Валентин стоял над ним.

«Пусть скорее настанет утро и освободит меня от сна»,— молил он.

Было еще темно. Валентин прижал руки к бокам и вздохнул. Безумные образы, фрагментарные, но мощные, проплывали в его смятенном мозгу. Карабелла задумчиво смотрела на него.

— С тобой все в порядке? — спросила она.

— Я видел сон.

— Ты три раза кричал. Я подумала, что тебе надо проснуться. Тяжелый сон?

— Да.

— А как ты сейчас?

— Растерян, ошеломлен.

— Расскажи мне свой сон.

Это была уже интимная просьба. Но разве они не любовники? Разве они не вместе ушли в мир сна, партнеры в ночных поисках?

— Я видел, что дрался со своим братом,— хрипло сказал он.— Мы сражались на клинках в жаркой голой пустыне, и он уже был готов убить меня, однако я в последний момент поднялся с земли и убил его кулаками.

Ее глаза горели в темноте, как у животного.

— Ты всегда видишь такие яростные сны?

— Не думаю. Но...

— Да?

— Дело не только в насилии. У меня нет брата!

Она засмеялась.

— А ты хочешь, чтобы сон полностью соответствовал реальности? Валентин, где ты учился? У снов истина лежит глубже, чем мы знаем о реальности. Брат твоего сна может быть кем угодно: Залзаном Каволом, Слитом, твоим отцом, Лордом Валентином, Понтификсом Тиверасом, даже мной. Ты же знаешь, что сны, за исключением специально посланных, все трансформируют.

— Я знаю. Но что означает этот сон, Карабелла? Дуэль с братом, почти убит им и вдруг убил его...

— Ты хочешь, чтобы я истолковала твой сон за тебя? — удивленно спросила она.

— Он для меня ничего не означает, кроме страха и тайны.

— Да, ты был очень испуган. Ты обливался потом и несколько раз кричал. Однако мучительные сны в большинстве своем раскрывающиеся. Растолкуй его для себя.

— У меня нет брата...

— Я же сказала тебе, что это неважно.

— Что же, я воюю против самого себя? Не понимаю. А врагов у меня нет.

— Может, твой отец? — намекнула она.

Он задумался. Отец? Он старался представить себе лицо, которое можно было бы дать человеку с саблей, но не смог.

— Я не помню его.

— Он умер, когда ты был маленьким?

— Наверное, так.— Валентин покачал головой, в которой началась пульсация.— Я не помню. Я вижу высокого человека с темной бородой, темноглазого...

— Как его звали? Когда он умер?

Валентин вновь покачал головой. Карабелла наклонилась, взяла его за руки и тихо спросила:

— Где ты родился?

— На востоке.

— Да, ты говорил. Но где, в каком городе, в какой провинции?

— В Ни-мойе? — вопросительно произнес Валентин.

— Ты спрашиваешь или отвечаешь?

— В Ни-мойе,— повторил он.— Большой дом, сад, неподалеку река. Да, я вижу себя там, купаюсь в реке, охочусь в герцогском лесу. Может, я видел это во сне? Или читал что-то такое, или мне рассказывали?

— Как зовут твою мать?

Он открыл рот, однако ничего не сказал.

— Она тоже умерла молодой?

— Гальяра,— неуверенно сказал он.— Да. Гальяра.

— Приятное имя. Расскажи, какая она.

— Она...— Он запнулся.— Золотые волосы, как у меня, гладкая кожа, глаза... Это так трудно, Карабелла.

— Ты дрожишь.

— Да.

— Иди сюда.

Она притянула его к себе. Она была много меньше его, но казалась гораздо сильнее сейчас, и ему было так уютно от ее близости.

— Ты ничего не помнишь, Валентин?

— Ничего.

— Ты не помнишь, где родился, откуда пришел сюда, как выглядели твои родители, не помнишь даже, где ты был в прошлый Звездный день. Твои сны не могут руководить тобой, потому что ты ничего не можешь объяснить в них.

Ее пальцы осторожно, однако твердо начали ощупывать его череп.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Смотрю, не была ли повреждена голова. Удар по голове может отбить память.

— Есть что-нибудь?

— Ни рубца, ни шишки. Ничего. Но это еще ничего не значит. Это могло случиться месяца два тому назад. Когда взойдет солнце, посмотрим еще раз.

— Мне нравится, когда твои руки касаются меня.

— А мне нравится касаться тебя.

Он спокойно лежал рядом с ней. Слова, сказанные ими, теперь сильно тревожили его.

«Другие люди,— думал он,— помнят свое детство и юность, знают имена родителей и место своего рождения, а у меня нет ничего, кроме туманного покрывала неопределенных набросков, туман тонких, ненадежных воспоминаний, покрывающий колодец пустоты.»

Он знал, что там пустота, и не хотел заглядывать в нее. Но Карабелла заставила его это сделать. Он думал, почему он не похож на других, почему его воспоминания не имеют субстанции. Может, он и вправду получил удар по голове, или просто у него такой тупой мозг, что не может даже удержать отпечатки сна, и он, Валентин, бродил годами по Маджипуру, и при каждом новом наступлении дня вчерашний стирался?

Они так и не уснули больше в эту ночь.

К утру они вновь любили друг друга, молча, как-то целенаправленно, совсем не так, как в предыдущем веселом соединении. Затем они умылись в маленьком холодном ручье и пошли через город в гостиницу. По улицам все еще шатались гуляки с затуманенными глазами, когда под Пидрудом поднялось яркое солнце.

Глава 10

По совету Карабеллы Валентин взял в поверенные Слита и рассказал ему про сон и про последовавший за ним разговор. Беловолосый жонглер внимательно слушал, не перебивая, и выглядел невероятно торжественно. Когда Валентин закончил, Слит сказал:

— Тебе надо бы получить руководство от толкователя снов. Послание слишком сильное, чтобы им пренебречь.

— Значит, ты думаешь, что это послание?

— Скорее всего.

— От Короля?

— Возможно. Жди и будь осторожен. Король никогда не посылает единичного послания.

— Оно могло быть и от Леди,— сказала Карабелла.— Жестокость сна не должна обманывать нас. Когда нужно, Леди посылает и такие сны.

— А некоторые сны,— сказал Слит,— приходят не от Леди и не от Короля, а из глубин нашего затуманенного

мозга.— Он улыбнулся.— Однако без посторонней помощи ничего сказать нельзя. Иди к толкователю снов, Валентин.

— А может ли толкователь снов помочь мне обрести память?

— Толкователь или колдун могут. Но, если сны не основаны на твоем прошлом, это ничего не даст.

— Кроме того,— сказала Карабелла,— такой сильный сон нельзя оставлять без внимания. Если сон требует действия, а ты его не предпримешь...— Она пожала плечами.— Твой дух ответит за это, и быстро. Ищи толкователя, Валентин.

— Я надеялся,— сказал Валентин Слиту,— что ты разбираешься в таких вещах.

— Я жонглер, а не толкователь.

— А можешь ты порекомендовать мне кого-нибудь в Пидруде?

— Мы скоро отбудем из Пидруда. Подожди несколько дней. У тебя будут еще сны, и ты их передашь толкователю.

— Хотел бы я знать, послание ли это? — сказал Валентин.— И от кого? Какое дело Королю до такого бродяги, как я? Вряд ли это от Короля. При двадцати миллиардах жителей Маджипура может ли Король найти время для каждого, кроме как по самому важному делу?

— В Суврейле,— сказал Слит,— во дворце Короля Снов, есть громадные машины, которые сканируют весь наш мир и каждую ночь посылают послания в мозг миллионов людей. Кто знает, как выбираются эти миллионы? Когда мы были детьми, нам говорили одну вещь, и я знаю, что это правда: прежде чем мы оставим этот мир, мы, по крайней мере, один раз ощутим прикосновение Короля Снов к нашему духу — все мы, без исключения. Я знаю, потому что со мной это было.

— С тобой?

— И не один раз,— Слит коснулся своих белых волос.— Ты думаешь, я так и родился белоголовым? Однажды я спал в гамаке в джунглях за Нарабалом. Тогда я еще не был жонглером. Король пришел ко мне во сне и дал приказ моей душе, и, когда я проснулся, волосы у меня стали белыми. Мне было тогда двадцать три года.

— Какой приказ?

— Такой, чтобы черные волосы за одну ночь стали белыми,— сказал Слит, явно не желая продолжать разговор.

Он встал и глянул на утреннее небо.

— Я думаю, мы достаточно поговорили, друг. На фестивале еще есть возможность заработать кроны. Хо-

чешь, я научу тебя нескольким новым трюкам, пока Залзан Кавол не послал нас работать?

Валентин кивнул. Слит взял мячики и булавы и вышел во двор.

— Смотри,— сказал Слит.

Он встал вплотную за спиной Карабеллы. Она держала два мячика в правой руке, а он — один в левой, и они начали перебрасывать мячики друг другу.

— Это полужонглирование,— сказал Слит,— вещь простая даже для новичка, однако выглядит чрезвычайно сложной.

Они сразу же вошли в ритм, легко перекидывая мячики вперед и назад, как одно существо с четырьмя ногами, двумя мозгами и двумя жонглировавшими руками.

«Да, это действительно выглядит трудным»,— подумал Валентин.

— Подай-ка нам булавы,— сказал Слит.

Валентин быстрыми резкими бросками перекинул булавы по одной в правую руку Карабеллы, и она по порядку работала одной, другой, третьей до тех пор, пока мячики и булавы не стали летать от нее к Слиту и от Слита к ней головокружительным каскадом. Валентин знал по собственному опыту, как трудно работать со многими предметами. В скором времени он надеялся начать работать с пятью мячами. Четыре булавы можно освоить достаточно быстро, но управлять тремя мячиками и тремя булавами одновременно и так здорово координировать это полужонглирование — это подвиг, который поражал и восхищал его. К удивлению Валентина, тут примешивалась еще и ревность: Слит стоял вплотную к Карабелле и составлял с ней как бы единый организм, а ведь всего несколько часов тому назад она лежала с Валентином в парке Пидруда.

— Попробуй,— сказал Слит.

Он отошел. Карабелла повернулась лицом к Валентину. Они работали только тремя мячиками.

Сначала Валентину было трудно рассчитать высоту и силу броска, и он иной раз бросал мячик за пределы досягаемости Карабеллы, однако через десять минут привык, и через пятнадцать они работали так гладко, словно делали это не один год. Слит подбадривал их аплодисментами.

Появился скандар — не Залзан Кавол, а его брат Ирфон, который даже для скандара казался суровым и холодным.

— Вы готовы? — проворчал он.

После обеда труппа должна была выступать в частном парке одного богатого торговца, который принимал у себя герцога провинции.

Карабелла и Валентин показали свою новую работу полужонглирования. Скандары создали нечто яркое и сверкающее из тарелок, хрустальных стаканчиков и кухонных мисок, а в заключение вышел жонглировать Слит с завязанными глазами.

— Разве это возможно? — потрясенно спросил Валентин.

— Смотри! — ответила Карабелла.

Валентин смотрел, но, кроме него, смотрели очень немногие, потому что был Солнечный день после безумного Звездного дня, и господа, заказавшие представление, были усталыми и пресыщенными. Им уже надоело мастерство музыкантов, акробатов и жонглеров, которых они наняли.

Слит выступил вперед с тремя булавами, встал твердо и уверенно, постоял с минуту, слегка склонив голову набок, словно прислушиваясь к ветру, дувшему между мирами, затем глубоко вздохнул и начал бросать.

Залзан Кавол загудел:

— Двадцать лет практики, лорды и леди Пидруда! Тут нужен острейший слух! Он слышит шелест булав в воздухе, когда они летят из одной руки и другую!

Валентин удивлялся, как даже самый тонкий слух может уловить что-то в гуле разговоров, звоне тарелок и громогласном рекламировании Залзана Кавола, однако Слит не сделал ни одной ошибки. Заметно было, что такое жонглирование трудно даже для него: обычно он был спокоен и неутомим, как машина, но сейчас его руки двигались необычно резко, когда ловили кружившуюся почти вне пределов досягаемости булаву, хватали с отчаянной торопливостью. И все-таки жонглировал он замечательно. Казалось, в его голове была карта, где указывалось местонахождение каждой летевшей булавы, и рука протягивалась как раз туда, куда могла упасть булава, и находила ее именно там, шла почти рядом. Он сделал десять, пятнадцать, двадцать бросков, затем прижал все три булавы к груди, сорвал повязку с глаз и низко поклонился. Раздались жидкие аплодисменты. Карабелла подошла и обняла Слита, Валентин хлопнул его по плечу, и труппа сошла с эстрады.

В комнате для переодевания Слит дрожал от напряжения и вытирал пот со лба.

— Они обратили внимание? — спросил он Карабеллу.— Они хоть видели?

— Некоторые,— мягко ответила она.

Слит плюнул.

— Свиньи! Сами не умеют комнату перейти, а сидят и болтают, когда артист...

Валентин еще не видел Слита в таком настроении.

«Жонглирование вслепую плохо сказывается на нервах»,— подумал он и обнял Слита за плечи.

— Какая важность? — сказал он серьезно.— Это показ мастерства, а не манер зрителей. Ты был превосходен.

— Не совсем,— угрюмо сказал Слит.— Синхронность...

— Отличная,— настаивал Валентин.— Ты полностью владел мастерством. Ты был величественен. Какое тебе дело, что говорят или делают пьяные торговцы? Ты владеешь искусством для их душ или для своей?

Слит слабо улыбнулся.

— Слепое жонглирование глубоко врезается в душу.

— Мне очень жаль видеть тебя в таком горе, мой друг.

— Пройдет. Мне уже лучше.

— Ты сам себе придумал эту боль. Я скажу тебе еще раз: ты был великолепен, а все остальное не имеет значение.— Он повернулся к Жанамиру.— Сбегай на кухню, нет ли там для нас мяса и хлеба. Слит работал очень напряженно, ему нужно подкрепиться. Одного пальмового вина недостаточно.

Слит уже не выглядел раздраженным и злым, а только усталым. Он протянул руку Валентину.

— У тебя теплая и добрая душа, Валентин. Твой дух мягкий и жизнерадостный.

— Твоя боль ранила меня.

— Впредь буду сдерживать свой гнев,— сказал Слит.— Однако ты прав: мы жонглируем для себя, а э т и все — случайны. Мне не следовало забывать об этом.

Валентин еще два раза видел слепое жонглирование в Пидруде. Еще два раза он видел, как Слит, напряженный и выдохшийся, сходил с подмостков. Валентин понимал, что усталость Слита не зависела от внимания зрителей: это была адски тяжелая работа, вот и все. Валентин старался, как мог, дать ему покой и облегчение. Валентину было очень приятно служить таким образом другому.

Еще два раза Валентин видел темные сны. Один раз к нему явился Понтификс и позвал его в Лабиринт, и когда он вошел туда, там было множество проходов

и непонятных улиц, а изображение тощего старого Тивераса плыло перед ним, ведя его к центру. Наконец он достиг какой-то внутренней части громадного Лабиринта, Понтификс вдруг исчез, и Валентин остался один в пустоте холодного зеленого света, все опоры пропали, и он бесконечно падал к центру Маджипура. В другую ночь Корональ, ехавший на своей колеснице через Пидруд, поманил его к себе и предложил сыграть в игорном ларьке, и они метали диск и сбивали отметки, и выиграли связку беловатых суставов пальцев, а когда Валентин спросил, чьи это кости, Лорд Валентин засмеялся, дернул себя за густую черную бороду, устремил на Валентина свои вспыхивающие глаза и сказал:

— Посмотри на свои руки.

Валентин увидел, что у него нет пальцев, просто розовые шары на запястьях.

Валентин вновь поделился этим со Слитом и Карабеллой, и они опять не дали никакого толкования, а лишь повторили свой совет обратиться к какой-нибудь жрице мира снов, как только они уйдут из Пидруда.

Отъезд был неминуем. Фестиваль закончился, кораблей Короналя в гавани уже не было, дороги были забиты отъезжающими, так как люди из провинций возвращались по домам. Залзан Кавол торопил свою труппу закончить все дела в Пидруде, чтобы двинуться в путь в Морской день после полудня. Это известие почему-то опечалило Жанамира. Валентин заметил настроение мальчика.

— Я думал, ты будешь рад поехать дальше. Тебе не хочется оставлять город?

Жанамир покачал головой.

— Я ушел бы отсюда хоть сейчас.

— Тогда в чем дело?

— Прошлой ночью я видел во сне отца и братьев.

Валентин улыбнулся.

— Еще не выехал из своей провинции, а уже тоска по дому?

— Не тоска по дому,— мрачно сказал мальчик.— Они лежали на дороге связанные, а я вел стадо животных. Они кричали мне, чтобы я помог им, а я шел прямо на них, на их беспомощные тела. Тут и без толкователя снов ясно, что означает этот сон.

— Значит, на тебе вина, что ты бросил свои обязанности и дом?

— Вина? Да. Д е н ь г и! — сказал Жанамир. В его голосе слышалось раздражение мужчины, объяснявшего

что-то тупому ребенку. Он похлопал себя по талии.— Деньги, Валентин. У меня тут около ста шестидесяти реалов от продажи животных. Разве ты забыл? Это целое состояние. Их хватит, чтобы моей семье прожить весь этот год и часть следующего! Они там ждут моего благополучного возвращения с этими деньгами.

— А разве ты предполагал не отдавать им эти деньги?

— Но меня же нанял Залзан Кавол! Что если путь его лежит в другую сторону? Если я повезу деньги домой, я потом не найду вас, когда вы будете странствовать по Зимролу. А если я пойду с жонглерами, я украду деньги моего отца, на которые он рассчитывает и в которых нуждается. Понял?

— Это решается довольно просто,— сказал Валентин.— Фалкинкип далеко отсюда?

— Два дня, если ехать быстро, три — если обычно.

— Это близко. Я уверен, что Залзан Кавол еще не определил точно наш маршрут. Я поговорю с ним прямо сейчас. Для него все равно, что один город, что другой. Я попрошу его поехать отсюда по фалкинкипской дороге. Когда мы будет близко от фермы твоего отца, ты удерешь ночью, отдашь деньги кому-нибудь из братьев и до рассвета вернешься к нам. Тогда на тебе не будет вины, и ты свободно пойдешь с нами.

Жанамир округлил глаза.

— Ты думаешь, что сможешь уговорить этого скандара? Как?

— Посмотрим.

— Он озлится и швырнет тебя на землю, если ты его о чем-нибудь попросишь. Он не любит вмешательства в его планы, как и ты не позволил бы стаду блавов решать твои дела.

— Я поговорю с ним,— сказал Валентин,— и увидим. У меня есть основания считать, что Залзан Кавол вовсе не такой грубый, каким хочет себя показать. Где он?

— Осматривает свой фургон, готовит его для путешествия. Ты знаешь, где стоит фургон?

— Знаю.

Жонглеры ездили по городам в отличном фургоне, который сейчас был припаркован за несколько кварталов от гостиницы, поскольку был слишком широк, чтобы его можно было провезти по этим узким улицам. Это был импозантный дорогой экипаж, благородный и величественный, отлично сработанный мастерами одной из внутренних провинций. В основе его была длинная рама

из легких, упругих деревянных крыльев, искусно разрезанных на широкие выгнутые дугой полосы, склеенные бесцветным душистым клеем, с эластичными прутьями из южных болот. Эту элегантную арматуру покрывали листы выдубленной кожи стиков, натянутой и прошитой толстыми желтыми волокнами из хрящеватых тел.

Подойдя к фургону, Валентин увидел Ифрона Кавола и другого скандара, Гейбора Керна. Они старательно смазывали гусеницы фургона, в то время как изнутри доносились яростные крики, такие громкие, что фургон, казалось, качался.

— Где ваш брат? — спросил Валентин.

Гейбор Керн угрюмо мотнул головой в сторону фургона.

— Неподходящий момент, чтобы сунуться туда.

— У меня дело.

— У н е г о тоже дело, — сказал Ирфон Кавол, — с вороватым маленьким колдуном, которому мы платили, чтобы он вел нас по провинции, и который отказался от работы как раз, когда мы собираемся уехать из Пидруда. Войди, если хочешь, однако ты пожалеешь об этом.

Злобные крики в фургоне перешли в вопли. Дверь неожиданно распахнулась, и оттуда выскочила крошечная фигурка иссохшего старого вруона, маленького, как кукла, существа в легких перьях, с клейкими щупальцами-членами, тускло-зеленой кожей и громадными золотыми глазами, в которых сейчас горел страх. На угловатой щеке возле клюва-рта виднелось пятно желтой крови.

Через секунду в дверях показался Залзан Кавол. Его мех раздувался от гнева, широкие, похожие на корзины руки бессильно размахивали в воздухе. Он крикнул братьям:

— Хватайте его! Не давайте ему уйти!

Ифорн и Гейбор тяжело поднялись и загородили вруону дорогу. Маленькое существо, пойманное в ловушку, в панике остановилось, крутанулось и ткнулось в колени Валентина.

— Лорд, — бормотал он, — защити меня! — Он накрепко вцепился в Валентина. — Он обезумел и в своей злобе убьет меня!

— Держи его, Валентин, — сказал Залзан Кавол.

Он шагнул вперед. Валентин толкнул испуганного вруона за себя и твердо взглянул в лицо Залзана Кавола.

— Умерь свой пыл, если можешь. Если ты убьешь этого вруона, мы все застрянем в Пидруде навеки.

— Я не хочу его убивать, — рявкнул Залзан Кавол. — У меня нет аппетита к многолетним отвратительным тварям.

Вруон сказал дрожащим голосом:

— Он не хочет меня убивать, он хочет только ударить меня со всей силы об стену.

— Из-за чего ссора? Может, я могу стать посредником?

Залзан Кавол нахмурился.

— Этот спор тебя не касается, Валентин. Убирайся отсюда.

— Мне лучше не уходить, пока твоя ярость не утихла.

Глаза Залзана Кавола вспыхнули. Он подошел к Валентину настолько близко, что Валентин почувствовал обостренный злобой запах грубой шерсти скандара. Залзан Кавол все еще кипел от злости.

«Вполне возможно,— подумал Валентин,— что он швырнет об стену нас обоих.»

Ирфон и Гейбор держались в стороне. Возможно, они никогда еще не видели, чтобы их брату оказывалось такое неповиновение. Некоторое время все молчали. Руки Залзана Кавола конвульсивно сжимались, но он оставался на месте. Наконец он сказал:

— Этот вруон — колдун Стифон Делиамбер, которого я нанял, чтобы он показывал мне внутренние дороги и охранял нас от хитростей Изменяющих Форму. Всю эту неделю он праздновал в Пидруде за мой счет, а теперь, когда нам пора ехать, он говорит, чтобы я искал другого проводника, что он потерял интерес к странствиям из города в город. Так ты понимаешь выполнение контракта, колдун?

Вруон ответил:

— Я стар и слаб, и мое колдовство утрачивает силу, и, мне кажется, я иной раз забываю дорогу. Однако, если ты все еще желаешь, я буду сопровождать тебя, как раньше, Залзан Кавол.

Скандар был ошеломлен.

— Что?

— Я передумал,— вежливо сказал Стифон Делиамбер. Он выпустил ноги Валентина и вышел вперед. Он сгибал и разгибал свои бескостные руки, как бы стряхивая с них страшное напряжение, и уставился на огромного скандара.— Я буду выполнять свой контракт.

Залзан Кавол растерянно сказал:

— Всего лишь полчаса тому назад ты клялся, что останешься в Пидруде, игнорировал все мои просьбы и даже угрозы и привел меня в такую ярость, что я готов был растереть тебя в порошок — на свою беду, как и на твою, потому что мертвые колдуны оказывают

плохую услугу. Король Снов страшно покарал бы меня за это, а ты все равно упрямился, отказывался от контракта и говорил, чтобы я искал другого проводника, а теперь ты вдруг все переиграл!

— Да.

— Не будешь ли ты так любезен сказать мне, почему?

— Причин нет,— ответил вруон,— кроме разве того, что этот молодой человек мне понравился, я восхищен его мужеством, добротой и теплом его души, и, раз он едет с тобой, я тоже поеду с тобой, только из-за него, а не по каким другим причинам. Это удовлетворяет твое любопытство, Залзан Кавол?

Скандар заворчал, плюнул в раздражении и яростно затряс второй парой рук. На миг показалось, что он вновь взорвется неуправляемой злостью, что он удерживается от этого с величайшим трудом. Наконец он сказал:

— Уходи с глаз моих, колдун, пока я не размазал тебя по стене. И да хранит Божество твою жизнь, если ты не будешь здесь сегодня после обеда, чтобы поехать с нами.

— Во второй час после полудня,— сказал Стифон Делиамбер.— Я буду точен, Залзан Кавол.

Обращаясь к Валентину, он добавил:

— Я полагаю, ты мой защитник. Я в долгу перед тобой и расплачусь скорее, чем ты думаешь.

Вруон быстро исчез.

Помолчав, Залзан Кавол сказал:

— С твоей стороны глупо было вставать между нами, Валентин. Могло плохо кончиться.

— Я знаю.

— А если бы я изувечил вас обоих?

— Я чувствовал, что ты сумеешь удержать свой гнев. Я был прав?

Залзан Кавол выдал скандарский эквивалент улыбки.

— Я удержал свою злость, это верно, но потому только, что был поражен твоим нахальством и мое удивление остановило меня. Еще минутка, и если бы Делиамбер продолжал перечить мне...

— Однако он согласился уважать контракт,— сказал Валентин.

— Это верно. Полагаю, что я тоже у тебя в долгу. Поиски нового проводника могли бы задержать нас на несколько дней. Так что я благодарю тебя,— закончил Залзан Кавол с неуклюжей любезностью.

— Значит, между нами и в самом деле долг?

Скандар внезапно выпрямился с подозрением.

— Так что?

— Мне нужна небольшая милость от тебя. Если я оказал тебе услугу, не могу ли я попросить об ответной?

— Дальше,— ледяным голосом сказал Залзан Кавол.

Валентин сделал глубокий вдох.

— Мальчик Жанамир из Фалкинкипа. Прежде чем идти с нами, он должен выполнить важное поручение. Это дело семейной чести.

— Пусть едет в Фалкинкип, а потом догоняет нас.

— Он боится, что не найдет нас, если уйдет теперь.

— Чего же ты просишь, Валентин?

— Устрой так, чтобы наш путь прошел в нескольких часах езды от дома мальчика.

Залзан Кавол злобно взглянул на Валентина и холодно сказал:

— Сначала я услышал от своего проводника, что мой контракт ничего не стоит, потом ученик жонглера остановил мои действия, а теперь меня просят планировать мое путешествие в угоду семейной чести грума! На что же это похоже?

— Если у тебя нет где-то важного ангажемента,— сказал Валентин,— то Фалкинкип всего в двух-трех днях пути на север, а мальчик...

— Хватит! — закричал Залзан Кавол.— Наша дорога на Фалкинкип. И больше никаких поблажек. Теперь убирайся. Ирфон, Крен, фургон готов?

Глава 11

Фургон труппы Залзана Кавола был также роскошен внутри, как и снаружи. Пол был из темных досок ночного дерева, отполированных до блеска и подогнанных друг к другу с большим искусством. В задней части, в пассажирском отделении, со сводчатого потолка свисали нитки с сухими семенами и кисточками, стены были покрыты портьерами из узорчатого меха, замысловатой резьбой, полосами тонкой ткани. Помещение способно было вместить пять или шесть скандаров, хотя им было там не слишком просторно.

Среднюю часть фургона занимал склад для личных вещей, чемоданов, тюков и жонглерского оборудования, а в передней части на высокой открытой платформе находилось сиденье водителя, достаточно широкое для

двух скандаров или для трех человек. Хотя фургон был громадный и роскошный, пригодный для герцога и даже для Короналя, он был достаточно легок, чтобы плыть на вертикальной колонне теплого воздуха, генерируемого магнитными роторами, крутившимися в его чреве. Когда они крутились, фургон поднимался примерно на фут над землей, и его легко было вести с помощью упряжки животных.

К полудню они погрузили в фургон свое имущество и отправились в гостиницу обедать. Валентин опешил, увидев, что рядом с Залзаном Каволом усаживается хьорт Виноркис с намазанными оранжевой краской усами. Скандар стукнул по столу, требуя внимания, и объявил:

— Познакомьтесь с нашим новым дорожным управляющим. Это Виноркис. Он будет помогать мне вести расходные книги, смотреть за нашим имуществом и управлять всеми хозяйственными делами, которые доселе были на мне.

— Ох! — прошептала Карабелла.— Он нанял хьорта, этого страшилу, который всю неделю пялился на нас!

Виноркис улыбнулся прозрачной хьортской улыбкой, показав тройной ряд жевательных хрящей, и оглядел всех выпученными глазами.

Валентин сказал:

— Значит, ты всерьез решил присоединиться к нам? А я думал, что ты шутишь насчет жонглирования цифрами.

— Всем известно, что хьорты никогда не шутят,— серьезно сказал Виноркис и с завыванием захохотал.

— А что будет с твоей торговлей?

— Я весь товар целиком продал на рынке,— ответил хьорт,— и подумал о тебе, не знающем, где ты будешь завтра, и не заботящемся об этом. Я позавидовал тебе и спросил себя: «Ты так и будешь всю жизнь торговать шкурами хейгусов или попробуешь какое-нибудь новое дело, например, жизнь путешественника?» И вот я предложил свои услуги Залзану Каволу, когда услышал, что ему нужен помощник. И вот я здесь!

— Ты здесь,— мрачно сказала Карабелла.— Добро пожаловать!

После плотной еды стали готовиться к отъезду. Жанамир вывел из стойла четверку животных Залзана Кавола и ласково разговаривал с ними, пока скандары запрягали их. Залзан Кавол взял вожжи, его брат Хейраг сел рядом с ним, а Стифон Делиамбер пристроился скраю. Жанамир на собственном верховом животном ехал сбоку. Валентин

забрался в пассажирское купе вместе с Карабеллой, Слитом, Виноркисом и четырьмя скандарами. Много было перестановок ног и рук, чтобы всем было удобно.

— Гей! — крикнул Залзан Каволь.

Фургон двинулся через Ворота Фалкинкипа к главному шоссе, по которому неделю тому назад, в Лунный день, Валентин вошел в Пидруд.

Летняя жара тяжело лежала на прибрежной равнине, воздух был плотным и влажным. Прекрасные цветы огненных пальм начали уже вянуть, и дорога была усыпана опавшими лепестками, как малиновым снегом. В фургоне было несколько окон — прочных листов из кожи стика, отличного качества, тщательно подогнанных, абсолютно прозрачных, и в удивительно торжественной тишине Валентин смотрел, как исчезает Пидруд, громадный город с одиннадцатью миллионами жителей, где он жонглировал перед Короналем, пил незнакомое вино, ел пряную пищу и провел фестивальную ночь в объятиях черноволосой Карабеллы. Сейчас перед ним лежала открытая дорога, и кто знает, что ждет путешественников, какие приключения.

У него не было планов, и он был открыт всем планам. Он жаждал вновь жонглировать, освоить новое искусство, перестать считаться учеником и участвовать с Карабеллой и Слитом в самых замысловатых маневрах, может быть, даже жонглировать с самими скандарами. Слит говорил ему, что жонглировать со скандарами может только мастер, потому что их четыре руки дают им неоспоримое преимущество перед человеком. Но Валентин видел, как Слит и Карабелла перебрасывались со скандарами, и когда-нибудь, возможно, то же самое сделает и он. «Высокое честолюбие!» — подумал он. Чего больше мог он желать, чем стать мастером, достойным жонглирования с Залзаном Каволом и его братьями?

— Ты вдруг стал выглядеть таким счастливым, Валентин, — сказала Карабелла.

— Я?

— Ты излучаешь, как солнце. От тебя исходят потоки света.

— Эту иллюзию создают желтые волосы, — сказал он добродушно.

— Нет. Внезапная улыбка...

Он накрыл ее руку своей.

— Я думаю о предстоящей дороге, о свободной, приятной жизни. Идти зигзагами по Зимролу, останавливаться

для представлений, изучать новые трюки. Я хочу стать самым лучшим жонглером-человеком на Маджипуре.

— У тебя для этого неплохие шансы,— сказал Слит,— огромные природные способности. Тебе нужна только тренировка.

— В этом я рассчитываю на тебя и Карабеллу.

Карабелла тихо сказала:

— А пока ты думал о жонглировании, я думала о тебе.

— И я думал о тебе,— шепнул он, наклонившись, однако стеснялся сказать это громко.

Дорога пошла вверх, на большое плато. Фургон поднимался медленно. Местами повороты были такими резкими, что фургон запросто мог перевернуться, но Залзан Кавол был таким же искусным водителем, как и жонглером, и аккуратно обводил экипаж вокруг каждого угла. Скоро они были на вершине гребня. Пидруд отсюда казался картой самого себя — плоский, укороченный, зажатый на побережье. Воздух здесь был суше, однако не холоднее, а предзакатное солнце испускало иссушающие лучи.

На эту ночь они остановились в пыльной деревушке на фалкинкипской дороге. Едва Валентин улегся на соломенный матрац, пришел тревожный сон. Валентин опять находился среди Властителей Маджипура. В одном конце громадного холла с каменным полом сидел на троне Понтификс, а в другом конце — Корональ. В потолке сиял страшный глаз света, как маленькое солнце, бросавший безжалостное белое сияние. Валентин нес какое-то послание от Леди Острова, но не знал, кому его отдать — Понтификсу или Короналю, и к какой бы Силе он ни приближался, она отступала в бесконечность. Всю ночь он ходил взад и вперед по холодному скользкому полу, умоляюще протягивая руки то к одной Силе, то к другой, однако Властители уплывали.

На следующую ночь в городке неподалеку от Фалкинкипа он снова увидел во сне Понтификса и Короналя. Сон был очень сложным и запутанным, и Валентин сохранил в памяти только впечатление грозных королевских персонажей, громадных помпезных собраний и отсутствие общения. Он проснулся с ощущением глубокого и болезненного недовольства. Он явно получал сны великого значения, но интерпретировать их не мог.

— Они преследуют тебя и не оставят тебя в покое,— сказала утром Карабелла.— Похоже, что ты связан с Властью неразрывными нитями. Неестественно постоянно

видеть во сне таких могущественных особ. Я уверена, что это послания.

Валентин кивнул.

— В жаркий день мне кажется, что я чувствую холодное давление Короля Снов на мои виски, а когда я закрываю глаза, его пальцы входят в мою душу.

В глазах Карабеллы вспыхнула тревога.

— Ты уверен, что это его послания?

— Нет, не уверен, однако думаю...

— Может быть, Леди...

— Леди посылает добрые мягкие сны,— сказал Валентин.— А эти, я опасаюсь, от Короля. Но что он от меня хочет? Какое преступление я совершил?

Она нахмурилась.

— В Фалкинкипе сходи, как обещал, к толкователю.

— Да, я повидаюсь с кем-нибудь.

В разговор неожиданно вмешался Стифон Делиамбер:

— Не могу ли я порекомендовать?

Валентин не заметил, как подошел маленький колдун-вруон, и с удивлением посмотрел вниз.

— Извини,— не смущаясь, сказал колдун,— я подслушал случайно. Ты думаешь, что тебя тревожили послания?

— Эти сны ничем иным не могли быть.

— Ты уверен?

— Я ни в чем не уверен, даже в собственном имени или твоем, или какой сегодня день недели.

— Послания редко бывают двусмысленными. Когда говорит Король, или Леди, мы знаем точно,— сказал Делиамбер.

Валентин покачал головой.

— Мой мозг затуманен в эти дни. Я ни в чем не уверен. Однако эти сны раздражают меня. Мне нужен ответ, хотя я даже не знаю, как сформулировать вопрос.

Вруон потянулся вверх, чтобы взять руку Валентина одним из своих тонких, хитро переплетенных щупальцев.

— Поверь мне. Твой мозг, может быть, и затуманен, но мой — нет, и я отчетливо вижу тебя. Мое имя Делиамбер, твое — Валентин, сегодня пятый день девятой недели лета, и в Фалкинкипе есть толковательница снов Тизана, она мой друг и союзница. Она поможет тебе найти правильный путь. Иди к ней и скажи, что я шлю ей приветствия и любовь. Настало время для тебя начать освобождаться от вреда, причиненного тебе, Валентин.

— От какого вреда?

— Иди к Тизане,— твердо сказал Делиамбер.

Валентин нашел Залзана Каволa, который разговаривал с кем-то из городка. Он как раз закончил беседу и повернулся к Валентину.

— Я прошу разрешения,— сказал Валентин,— провести ночь Звездного дня не с труппой, а в Фалкинкипе.

— Это тоже дело семейной части?

— Личное дело. Можно?

Скандар пожал всеми четырьмя плечами.

— Что-то в тебе есть странное, что-то беспокоящее меня. Делай что хочешь. Завтра мы даем представление на ярмарке. Спи где угодно, но рано утром в Солнечный день будь готов. Ладно?

Глава 12

По сравнению с громадным расползшимся Пидрудом Фалкинкип ничего особенного не представлял, но и отнюдь не был незначительным местным центром, служившим метрополией для большого сельского округа. В Фалкинкипе и вокруг него жило, наверное, три четверти миллиона, и впятеро больше в округах. Однако темп его, как заметил Валентин, отличался от темпа Пидруда. Может быть, дело было в том, что он находился на сухом жарком плато, а не вдоль влажного побережья, но народ здесь двигался осмотрительно, неторопливо, более флегматично.

В Звездный день мальчик Жанамир скрывался от всех глаз. Он и в самом деле побывал ночью на ферме своего отца, расположенной в нескольких часах ходьбы от города, и, как он утром сказал Валентину, оставил деньги, заработанные в Пидруде, и записку, сообщавшую, что он уходит искать приключений и мудрости, и ухитрился удрать никем не замеченный. Однако он полагал, что отец не так легко отнесется к потере ловких и полезных рабочих рук, и боялся, как бы муниципальные протекторы не стали искать его, поэтому Жанамир решил на время пребывания в Фалкинкипе прятаться в фургоне. Валентин объяснил это Залзану Каволу, и тот со своим обычным хмурым видом согласился.

После полудня жонглеры вышли на ярмарку в городке. Впереди шли Слит и Карабелла. Он бил в барабан, она звенела тамбурином и весело пела:

— Не жалейте реала, не жалейте кроны,
Добрые люди, приходите и садитесь.
Изумительная легкость — приходите
И смотрите на наше жонглерство!

Не жалейте дюйма, не жалейте мили,
Добрые люди, вы будете улыбаться.
Чашка и соусник, мяч и стул
Легко танцуют в воздухе!

Не жалейте минуты, не жалейте дня,
Мы отгоним от вас ваши заботы!
Немного времени и потраченная монета
Принесут вам радость и удивление!

Но радость и удивление были далеки от Валентина в этот день, и он жонглировал слабо. Его извели тревожные сны в течение многих ночей, а кроме того, была вспышка самонадеянности, которая привела его к промаху, Он дважды ронял булавы, однако Слит научил его делать вид, что так и должно быть, и публика, похоже, простила. Но простить самого себя было труднее. Он мрачно заполз в винный ларек, в то время как подмостки заняли скандары.

Он издали смотрел на их работу. Шесть громадных волосатых созданий сплетали свои двадцать четыре руки в точном, без изъянов рисунке. Каждый жонглировал семью кинжалами, постоянно бросая и ловя другие. Это производило захватывающий эффект, зрители замирали, в то время как обмен острым оружием продолжался. Мирные горожане Фалкинкипа были очарованы.

Следя за скандарами, Валентин все больше сожалел о собственном неудачном выступлении. После Пидруда он мечтал вновь выступить перед публикой, руки его тянулись к мячикам и булавам, а когда настал его час, он работал так неуклюже. Ну ладно, неважно. Будут другие рыночные площади, другие ярмарки. Год за годом труппа будет обходить Зимрол, и он, Валентин, еще заблестит, ослепит зрителей, они станут вызывать Валентина-жонглера, станут требовать еще и еще, и сам Залзан Кавол почернеет от зависти. Король жонглеров, да, монарх, Корональ бродячих артистов! А почему бы и нет? У него талант.

Валентин улыбнулся. Его дурное настроение ушло то ли от вина, то ли от его природных добрых мыслей. Он занялся этим искусством всего неделю тому назад, а посмотрите, чего он уже достиг! Кто знает, какие чудеса его глаза и руки представят через год-два.

К нему подошел Стифон Делиамбер.

— Тизану найдешь на улице Продавцов воды, — сказал маленький колдун. — Она ждет тебя.

— Значит, ты говорил ей обо мне?

— Нет.

— Однако, если она ждет меня... А, это через колдовство?

— Вроде того,— сказал вруон. Он подергал членами, что означало пожатие плечами.— Иди к ней скорее.

Валентин кивнул. Скандары закончили свое выступление, и теперь Слит с Карабеллой демонстрировали жонглирование одной рукой.

«Как они элегантно двигаются вместе,— подумал Валентин,— как они спокойны, уверены друг в друге и как она красива.»

Валентин и Карабелла не были близки после фестивальной ночи, хотя иногда и спали бок о бок. Вот уже неделя, как он сторонился ее, хотя видел от нее только тепло и поддержку. Сны высушивали и отвлекали его. Сейчас надо идти к Тизане за толкованием, а завтра, может быть, он опять обнимет Карабеллу...

— Улица Продавцов воды? — спросил он Делиамбера.— Отлично. На ее жилище есть какой-нибудь знак?

— Спросишь,— ответил Делиамбер.

К вечеру, когда Валентин вышел, из-за фургона появился Виноркис.

— На ночь гладя в город?

— По делу,— ответил Валентин.

— Компанию не составить? — Хьорт хрипло засмеялся.— Мы можем вместе пройти по тавернам. Я бы не прочь удрать на несколько часов от всего этого жонглерства.

— Есть дела, который каждый должен делать сам,— неохотно ответил Валентин.

Виноркис внимательно посмотрел на него.

— Не очень-то по-дружески.

— Извини, но у меня дело именно такое: я должен сделать его один. И будь уверен, я не пойду шляться по тавернам.

Хьорт пожал плечами.

— Ладно. Пусть так. Мне все равно. Я просто хотел помочь тебе повеселиться, показать тебе город, сводить в мои любимые места.

— В другой раз,— быстро ответил Валентин.

Он зашагал к Фалкинкипу. Найти улицу Продавцов воды оказалось несложно: город был построен по плану, в нем не было средневековой путаницы переулков, как в Пидруде, и на всех основных перекрестках висели ясные и понятные карты города. Однако найти дом толкова-

тельницы снов Тизаны оказалось делом более долгим, потому что улица была длинная, а прохожие, к которым обращался Валентин, просто указывали через плечо на север. Он шел и шел, и, наконец, добрался до маленького серого дома с грубой гонтовой крышей в жилом квартале далеко от рыночной площади. На его видавшей виды двери было изображено два символа Власти — скрещенные молнии Короля Снов и треугольник в треугольнике — эмблема Леди Острова Снов.

Тизана была крепкой женщиной старше среднего возраста, необычно высокая и тяжеловесная, с широким строгим лицом и внимательными глазами. Распущенные волосы, черные с белыми прядями, лежали на спине. Выступавшие из серого комбинезона голые руки были мощными и сильными. Она выглядела особой большой силы и мудрости. Она приветствовала Валентина, назвав его по имени, и пригласила в дом.

— Я принес тебе, как ты уже, вероятно, знаешь, привет и любовь от Стифона Делиамбера, — сказал он.

Толковательница снов серьезно кивнула.

— Да, он послал известие заранее, такой шельма! Но я ценю его любовь, несмотря на все его фокусы. Передай ему от меня то же самое.

Она обошла вокруг маленькой темной комнаты, задернула штору и зажгла три толстые красные свечи и какую-то курительницу. Обстановки в комнате почти не было: только очень ворсистый тканый ковер в серых и черных тонах, почтенный деревянный стол, на котором горели свечи, и высокий гардероб античного стиля. Делая эти приготовления, она говорила:

— Я знаю Делиамбера почти сорок лет, можешь себе представить? Мы встретились в начале правления Тивераса на фестивале в Пилиплоке, когда в город приехал новый Кораль Лорд Малибор, который потом утонул, охотясь на морских драконов. Маленький вруон и тогда уже был хитрецом. Мы стояли на улице, приветствуя Лорда Малибора, и Делиамбер сказал: «Ты знаешь, он умрет раньше Понтификса». Он сказал это так уверенно, как кто-то предсказал бы дождь, когда подул южный ветер. Страшное дело — говорить так, и я сказала ему об этом. И вот удивительно: Кораль умер, а Понтификс живет и живет. Сколько же ему теперь лет? Сто? Сто двадцать?

— Не имею представления, — ответил Валентин.

— Он очень стар. Он долгое время был Коралем, прежде чем вошел в Лабиринт. И после него было

три Короналя, представляешь? Интересно, переживет ли он и Лорда Валентина? — Ее глаза остановились на Валентине. — Полагаю, что Делиамбер знает и это тоже. Выпьешь вина со мной?

— Да, — сказал Валентин.

Он чувствовал себя неловко от ее непонятного обхождения и от ощущения, что она сообщила ему о нем самом больше, чем он знал сам.

Тизана достала резной каменный графин и щедро налила в два стаканчика, однако не пальмового вина Пидруда, а более темного, густого, сладкого, с привкусом мяты, имбиря и еще чего-то. Он быстро сделал глоток, затем другой, а через секунду она небрежно сказала:

— Кстати, в нем наркотик.

— Наркотик? Зачем?

— Для толкования.

— А! Ну да.

Его неосведомленность смущала его. Он нахмурился и уставился в свой стаканчик. Вино было темно-красное, почти пурпурное и отражало его искаженное светом свеч лицо. Интересно знать, что это за процедура? Предложат ли ему рассказать о своих снах? Посмотрим. Он быстрыми глотками допил вино, и старая женщина немедленно вылила ему свое вино, которого едва коснулась.

— Сколько времени прошло с последнего толкования? — спросила она.

— Боюсь, что очень много.

— Очевидно. Пора тебе отдать мне плату за толкование. Ты найдешь, что цена теперь несколько выше той, которую ты помнишь.

— Это было так давно...

— ... что ты забыл. Сейчас я прошу десять крон. Новые налоги и прочие неприятности. Во времена Лорда Вариакса цена была пять крон, а когда я только начинала толковать сны, при Лорде Малиборе, я брала две или две с половиной. Для тебя тяжело отдать десять крон?

Это было его недельное жалованье у Залзана Кавола, не считая стола и ночлега, однако он пришел в Пидруд с полным кошельком, не зная, как и почему. Там было около шестидесяти реалов и осталось еще много. Он дал толковательнице реал, и она небрежно бросила его в зеленую фарфоровую чашку на столе. Он зевнул. Она пристально глядела на него. Он выпил, она тоже выпила и снова наполнила стаканчики.

Мозг его все больше затуманивался. Хотя ночь еще только наступала, он почти засыпал.

— Иди теперь к сонному ковру,— сказала она.

Она погасила две свечи из трех. Затем сняла свой комбинезон и осталась нагой.

Этого он не ожидал. Неужели в толкование снов входит и сексуальный контакт? С этой старухой? Правда, сейчас она не выглядела старой: ее тело было на добрых двадцать лет моложе лица, конечно, не девичье, но еще крепкое, пышное, однако без складок, с тяжелыми грудями и крепкими ладными бедрами.

«Может, эти толковательницы что-то вроде священных проституток?» — подумал Валентин.

Она сделала ему знак раздеться, и он снял свою одежду. Они легли на толстый мягкий ковер, и она обняла Валентина, но в этом не было абсолютно ничего эротического: объятия были материнскими, всепоглощающими. Он расслабился. Его голова лежала на ее мягкой теплой груди, и ему очень хотелось спать. От нее исходил сильный и острый приятный аромат сучковатых игольчатых деревьев, которые растут на высоких пиках севера как раз под линией снега. Это был чистый и острый запах.

Она тихо сказала:

— В королевстве снов только речь скажет правду. Не бойся, потому что мы отправляемся туда вместе.

Валентин закрыл глаза. Высокие пики как раз над линией снега. Ветер дует между скал, но Валентину совершенно не холодно, хотя он идет босой по сухой каменистой почве. Перед ним дорога, спускающаяся тропа с уступами, с широкими серыми плитами, составляющими лестницу. Она спускается в покрытую туманом долину. Валентин без колебаний пошел по ней. Он знал, что это еще не сон, а только прелюдия, что он только начал свое ночное путешествие и пока еще находится на пороге сна. Он спускался и проходил мимо поднимавшихся по лестнице фигур, знакомых ему по недавним снам.

Понтификс Тиверас с пергаментной кожей и высохшим лицом поднимается, слегка пошатываясь на дрожащих ногах. Лорд Валентин Корональ идет размеренным широким шагом. Покойный Лорд Вариакс безмятежно плывет прямо над ступенями. Великий воин-Корональ Лорд Стиамот из восьмитысячелетнего прошлого размахивает мощным посохом, на конце которого крутятся яростные молнии. А это, кажется, Понтификс Ариок, который отказался от Лабиринта, объявил себя женщиной и стал

Леди Острова Снов. Вот великий правитель Лорд Конфалум и столь же великий Лорд Престимион, его наследник, под чьими двумя правлениями Маджипур достиг вершины богатства и силы. А потом шли Залзан Кавол с колдуном Делиамбером позади, Карабелла, нагая, орехово-коричневая, брызжущая неиссякаемой энергией, и задыхающийся Виноркис, и Слит, жонглирующий по пути огненными шарами, и Жанамир, и лимен, торговец сосисками, и нежная Леди Острова, и вновь старый Понтификс, и Корональ, и музыканты, и двадцать хьортов несут на золотых носилках Короля Снов, страшного Симона Барджазеда. Чем ниже, тем туман становится гуще. Валентин дышал короткими, болезненными вдохами, словно он не спускается с высот, а наоборот, все время поднимается, со страшным трудом прокладывая себе путь над линией игольчатых деревьев в голых гранитных щитах высоких гор, босиком идя по обжигающим полосам снега, запеленутый в серое одеяло тумана, который закрывает от него весь Маджипур.

В небе слышна теперь благородная строгая музыка. Ансамбли духовых инструментов играют торжественные и печальные мелодии, полагающиеся при церемонии одевания Короналя. И в самом деле, Валентина одевают: десяток согнувшихся слуг возлагают на него официальную мантию и звездную корону. Однако он качает головой, отталкивает слуг, своими руками снимает корону и протягивает ее своему брату, тому, у которого была угрожающая сабля, срывает с себя нарядную одежду и раздает ее по кускам беднякам, которые обматывают ими ноги. Во все провинции Маджипура идет весть, что он отказывается от своего высокого назначения и от всей власти. И опять он на каменных ступенях, спускается с горы и ищет долину туманов в недостижимой дали.

— Почему ты идешь вниз? — спросила Карабелла.

Она загородила ему дорогу. Он не ответил, а когда маленький Делиамбер указал вверх, он смиренно пожал плечами и начал новый подъем по полям блестящих красных и голубых цветов, по золотой траве между высокими кедрами. Он чувствовал, что он поднимался, спускался и снова поднимался не на обычный пик, а к самому Горному Замку, который уходил на тридцать миль в небо. И его целью было это манящее, превосходящее все когда-нибудь существовавшее сооружение на вершине горы, место, где жил Корональ, Замок, который назывался Замком Лорда Валентина, а раньше — Замком Лорда Вариакса, а еще раньше —

Замком Лорда Малибора, а до этого — другими именами тех Великих, которые правили из Горного Замка. Каждый вносил свой вклад в строительство Замка и давал ему свое имя, пока жил в нем. Каждый, начиная с Лорда Стиамота, первого жителя Горного Замка: он построил скромную башню, от которой пошло расти все остальное.

«Я вновь завладею Замком,— сказал себе Валентин,— и буду жить в нем.»

Но что это? Тысячи работников разбирали огромное сооружение. Работа по сносу шла полным ходом. Все внешние крылья были уже отделены. Опоры и арки, построенные Лордом Вариаксом, зал трофеев Лорда Малибора и огромная библиотека, которую построил Тиверас, пока был Короналем, и многое другое стало теперь грудами камня. Рабочие пробивались внутрь к более древним крыльям, к садам Лорда Конфалума, оружейной Лорда Деккерита, к сводчатому архиву Лорда Престимиона, разнося все по кирпичу, как саранча на полях.

«Подождите! — кричал Валентин.— Не делайте этого! Я вернулся, я опять надену свою мантию и корону.»

Но разрушение продолжалось, и казалось, что замок был сделан из песка. И прибой ворвался в него, и нежный голос сказал: «Поздно, слишком поздно, чрезмерно поздно!». Дозорная башня Лорда Ариока исчезла, и парапеты Лорда Тимина исчезли, и обсерватория Лорда Киннокена со всей аппаратурой тоже. И вся Замковая Гора дрожала и качалась, поскольку снос Замка нарушил ее равновесие. И настала страшная вечная ночь, и зловещие звезды корчились в небе, и механизмы, отводившие космический холод от вершины Горного Замка, сломались, и теплый воздух ушел к лунам. И Валентин стоял среди этого разрушения и начинающегося хаоса, протянув в темноту растопыренные пальцы.

Следующее, что он увидел, был утренний свет. Валентин заморгал и сел, гадая, не в гостинице ли он, и что с ним сделали ночью, и почему он лежит голый на толстом ковре в теплой старой комнате и старая женщина ходит тут, видимо, готовя чай.

Да, это толковательница снов Тизана, и это Фалкинкип, улица Продавцов воды... Нагота смущала его. Он встал и быстро оделся.

— Выпей это,— сказала Тизана,— а я приготовлю что-нибудь на завтрак, раз ты окончательно проснулся.

Он с подозрением взглянул на кружку, которую она ему протягивала.

— Это только чай, — сказала она, — и ничего больше. Время для снотворного давно прошло.

Валентин выпил, пока она хлопотала в маленькой кухне. В голове у него было какое-то оцепенение, словно он напился до беспамятства и теперь расплачивается за это. Он помнил, что всю ночь ему снились странные сны, однако у него не было того болезненного состояния духа, с которым он пробуждался в предыдущие дни, а только это оцепенение, странное внутреннее спокойствие, почти пустота. Может, это результат посещения толковательницы? Он так мало знал, он был как ребенок, выпущенный в этот обширный и сложный мир.

Они ели молча. Тизана, казалось, изучала Валентина, глядя на него через стол. Ночью, до того, как наркотик произвел свое действие, она была куда более разговорчива, а теперь она выглядела подавленной, задумчивой, почти отсутствующей, как будто ей необходимо было отделиться от него, пока она готовилась истолковать его сон. Вымыв посуду, она спросила:

— Как ты себя чувствуешь?

— Внутренне спокоен.

— Хорошо. Это очень важно. Уходить от толкователя снов в тревоге — напрасная трата денег. Но я не сомневаюсь: у тебя сильный дух.

— Да?

— Сильнее, чем я думала. Превратности, которые раздавили бы обычного человека, на тебя не повлияли. Ты не обращаешь внимания на бедствия и спокойно смотришь в лицо опасности.

— Ты говоришь очень обобщенно.

— Я оракул, а оракулы никогда не бывают особо конкретными.

— Мои сны посланы? Это-то ты можешь мне сказать?

Она задумалась.

— Я не вполне уверена.

— Но ты же разделила их со мной! Разве ты не можешь сразу понять, от кого сон — от Леди или от Короля?

— Тихо, тихо. Все не так просто. Твои сны не от Леди, это я знаю.

— Но если это послания, то, значит, они от Короля?

— Трудно сказать. В какой-то мере аура Короля присутствует, это верно, однако не аура посланий. Я знаю, тебе это трудно понять, но и мне тоже. Я уверена, что Король Снов следит за твоими действиями и связан с тобой, однако, по-моему, он не входил в твой сон. Это сбивает меня с толку.

— Ты когда-нибудь встречалась с чем-то похожим?

Она покачала головой.

— Нет, никогда.

— Значит, это и есть толкование для меня? Еще больше таинственности и вопросов без ответов.

— Ты еще не получил толкование.

— Прости, что я так нетерпелив.

— Не стоит извиняться. Дай мне свои руки, и я сделаю для тебя толкование.

Она протянула к нему через стол руки и крепко взяла его за руки. После долгого молчания она сказала:

— Ты упал с высокого места и теперь должен взбираться туда опять.

— С высокого?

Валентин ухмыльнулся.

— С высочайшего.

— Высочайшее место на Маджипуре — Горный Замок, — шутливо сказал он. — Не туда ли мне взбираться?

— Да, туда.

— Уж очень высокий подъем ты мне предлагаешь. Я потрачу всю жизнь, чтобы добраться до Горы и подняться.

— Тем не менее, Лорд Валентин, этот подъем ждет тебя, и не я тебе его предлагаю.

Он опешил, когда она применила к нему королевский титул, а потом закатился смехом от ее неудачной шутки.

— Лорд Валентин! Не слишком ли много чести для меня, мадам Тизана? Не Лорд Валентин, а просто Валентин, Валентин-жонглер, и только, новичок в труппе скандара Залзана Кавола.

Она спокойно сказала, не сводя с него глаз:

— Прошу прощения. Я не хотела обидеть тебя.

— Как это может обидеть меня? Однако, пожалуйста, не давай мне королевских титулов. Для меня вполне достаточно жонглерской жизни, даже если мои сны иногда летают выше.

Ее взгляд не дрогнул.

— Хочешь еще чаю?

— Я обещал скандару вернуться рано утром, так что мне скоро пора идти. Что еще ты можешь мне сказать?

— Толкование кончено, — сказала Тизана.

Это было неожиданностью для Валентина. Он ждал интерпретаций, анализа, толкований, советов, а получил только...

— Я упал с высоты и должен подняться обратно. И это все, что ты скажешь мне за реал?

— В наше время все дорожает,— сказала она беззлобно.— Ты считаешь себя обманутым?

— Отнюдь нет. В какой-то мере это ценно для меня.

— Сказано вежливо, но не от души. Однако ты и в самом деле получил здесь кое-что ценное. Со временем это станет тебе ясным.— Она встала, Валентин тоже. Вокруг нее была аура доверия и силы.— Я желаю тебе счастливого пути и безопасного подъема.

Глава 13

Когда он вернулся от толковательницы снов, первым его приветствовал Стифон Делиамбер. Тихим ранним утром маленький вруон занимался возле фургона чем-то вроде жонглирования какими-то кристаллическими черепками с ледяным блеском, но это было колдовское жонглирование, потому что Делиамбер лишь делал вид, что бросает и ловит, а на самом-то деле черепки двигались силой его мысли. Он стоял под блестящим каскадом, и сверкающие кусочки вились над ним по кругу, как венок яркого света, и оставались наверху, хотя Делиамбер не касался их. Когда Валентин подошел, вруон мазнул кончиком щупальца, и прозрачные осколки тут же собрались в плотный ком. Делиамбер ловко выхватил его из воздуха и показал Валентину.

— Кусок храмового здания из Долорна, города гейроров, который расположен в нескольких днях пути отсюда к востоку. Это город магической красоты. Ты бывал там?

Загадки ночи, проведенной у толковательницы снов, еще тяжело давили на Валентина, и он не разделял пристрастия Делиамбера к разговорам с раннего утра. Он пожал плечами и сказал:

— Не помню.

— Запомнил, если бы был. Это город света, город застывшей поэзии! — вруон щелкнул клювом, что означало улыбку.— А возможно, ты не можешь вспомнить. Я полагаю, что не можешь: у тебя слишком многое утеряно. Однако ты довольно скоро снова будешь там.

— Как — снова? Я никогда там не был.

— Если ты когда-то был там, то будешь там снова, когда мы туда приедем. Если же нет — нет. Но как бы это ни было для тебя, Долорн — наша следующая остановка.— Озорные глаза Делиамбера пронизывали Валентина.— Я вижу, ты многое узнал от Тизаны.

— Пропусти меня, Делиамбер.

— Она замечательна, не так ли?

Валентин попытался пройти мимо.

— Ничего я не узнал, зря потратил вечер.

— Ох, нет. Время никогда не тратится зря. Дай руку, Валентин. — Сухое упругое щупальце обвилось вокруг пальцев Валентина. — Я знаю хорошо: время никогда не тратится зря. Куда бы мы ни пошли, что бы мы ни делали, все это воспитывает, даже если мы не сразу познаем урок.

— Тизана сказала мне примерно то же самое, когда я уходил, — угрюмо пробормотал Валентин. — Но что я узнал? Я вновь видел во сне Короналей и Понтификсов, я поднимался и спускался по горным тропам. Толковательница снов глупо пошутила над моим именем. Лучше бы я этот реал потратил на вино и лакомство. Нет, я ничего не достиг.

Он попытался освободить руку, однако вруон удержал ее с неожиданной силой. У Валентина было странное ощущение, что через его мозг прокатываются аккорды печальной музыки. Где-то в его сознания мелькнуло и исчезло изображение чего-то вроде морского дракона, но он не мог разглядеть как следует. Смысл ускользнул от него. Ну и пусть: он боялся узнать, что там шевелилось. Темная, непонятная тревога захлестнула его душу. На минуту ему показалось, что дракон в глубинах его существа поднялся и поплыл вверх через мрак его затуманенной памяти к уровню сознания. Это испугало Валентина. Страшное, угрожающее знание скрывалось в нем и теперь грозило вырваться. Он сопротивлялся, боролся.

Он видел, что маленький Делиамбер уставился на него с пугающей интенсивностью, как бы пытаясь дать ему необходимую силу, чтобы принять это темное знание. Однако Валентин не хотел этого. Он грубо вырвал руку и, спотыкаясь, пошел к фургону скандаров. Сердце его колотилось, в висках стучало, голова кружилась. Сделав несколько неуверенных шагов, он повернулся и сердито спросил:

— Что ты со мной сделал?

— Я просто дотронулся до твоей руки.

— И причинил мне сильную боль!

— Я дал тебе доступ к твоей собственной боли, — спокойно ответил Делиамбер, — и больше ничего. Ты несешь в себе боль, и избавиться от этого нельзя.

— Я хочу избавиться от этого.

— У тебя нет иного выбора, кроме как прислушиваться к голосам изнутри. Борьба уже началась.

Валентин покачал болевшей головой.

— Я не желаю ни боли, ни борьбы. Прошлую неделю я был счастлив.

— И был счастлив, когда видел сны?

— Эти сны скоро кончатся. Они, видимо, предназначались для кого-то другого.

— Ты так думаешь?

Валентин помолчал.

— Я хочу, чтобы мне позволили быть тем, кем мне хочется.

— А именно?

— Странствующим жонглером, свободным человеком. Зачем ты мучаешь меня, Делиамбер?

— Я был бы рад, если бы ты стал жонглером,— мягко сказал вруон.— Я не хочу огорчать тебя. Но желания человека часто имеют мало связи с тем, что ему предначертано на Великом Свитке.

— Я буду мастером-жонглером,— сказал Валентин,— не больше и не меньше.

— Я желаю тебе этого,— любезно сказал Делиамбер и ушел.

Валентин медленно выдохнул. Все его тело было напряжено, и он опустился на землю. Тревога не оставляла его. Мучительные сны, корчащиеся драконы в душе, знаки и предзнаменования...

Карабелла вышла из фургона и стояла над Валентином, пока он пытался расслабиться.

— Дай, я помогу,— сказала она.

Ее сильные пальцы проникли глубоко в скованные мышцы его шеи и спины. Под ее усилиями напряжение уменьшилось, однако настроение оставалось мрачным.

— Толкование не помогло тебе? — тихо спросила она.

— Нет.

— Ты можешь рассказать о нем?

— Пожалуй, нет.

— Как хочешь.

Но она явно ждала. Глаза ее были встревожены, в них было тепло и сочувствие.

— Я почти не понял того, что говорила мне та женщина,— сказал он,— и не хочу рассказывать об этом.

— А когда захочешь, Валентин, я здесь. Когда почувствуешь необходимость сказать кому-то...

— Не сейчас. А может, никогда.

Он почувствовал, как она тянется к нему, желая облегчить боль его души, как сняла напряжение с его тела.

Он чувствовал, что ее захлестывает любовь к нему, и он сказал, запинаясь:

— Толковательница сказала мне...

— Да?

Нет, говорить о таких вещах означало дать им реальность, а они нереальны, абсолютно фантастичны.

— Она сказала бессмыслицу. Это не стоит обсуждения.— Их глаза встретились, и он отвел свои.— Можешь ты понять? — резко сказал он.— Чокнутая старуха наговорила мне кучу вздора, и я не хочу обсуждать это ни с тобой, ни с кем-либо другим. Толкование было сделано д л я м е н я, и я не собираюсь делиться им.

Он увидел смятение на ее лице. В другое время он проболтался бы, но сейчас сказал уже совсем другим тоном:

— Принеси мячики, Карабелла.

— Сейчас?

— Да.

— Но...

— Я хочу, чтобы ты научила меня обмену между жонглерами.

— Прошу тебя... Мы же через полчаса бросим!

— Я прошу тебя принести мячики,— повторил он настойчиво.

Она кивнула, пронеслась по ступенькам фургона и тут же вернулась с мячиками. Они отошли в сторону на открытое место. Карабелла бросила ему три мячика и нахмурилась.

— В чем дело? — спросил он.

— Плохая идея — осваивать новую технику, когда мозг встревожен.

— Это меня успокоит. Давай попробуем.

— Как хочешь.

Она начала жонглировать своими тремя мячиками для разминки. Валентин стал делать то же, однако руки его были холодные, пальцы не слушались, ему трудно было делать даже самые простые упражнения, и он то и дело ронял мячики. Карабелла ничего не говорила и продолжала жонглировать, в то время как он выпускал один преждевременный каскад за другим. Раздражение его росло. Она не говорила ему больше, что сейчас неподходящий момент для работы, но ее молчание, ее взгляд и даже ее поза говорили сильнее слов. Валентин безнадежно пытался поймать ритм.

«Ты упал с высокого места,— слышал он слова толковательницы,— и теперь должен взбираться туда снова.»

Он прикусил губу. Как он может сосредоточиться, когда в него вторгается такое.

«Рука и глаз,— думал он,— все остальное забудь.»

«Тем не менее, Лорд Валентин, этот подъем ждет тебя, и не я тебе его предлагаю.»

— Нет!

Руки его тряслись, пальцы были как сосульки. Он сделал неправильное движение и мячи разлетелись в стороны.

— Пожалуйста, Валентин,— ласково сказала Карабелла.

— Принеси булавы.

— Это будет еще хуже. Ты хочешь сломать пальцы?

— Дай булавы.

Пожав плечами, она собрала мячики и ушла в фургон. Появился Слит, зевнул, кивнул Валентину. Начиналось утро. Вышел один из скандаров и полез под фургон исправлять что-то. Вышла Карабелла с шестью булавами. За ней шел Жанамир. Он на ходу поздоровался с Валентином и побежал кормить животных. Валентин взял булавы.

Чувствуя на себе спокойные глаза Слита, он встал в позу жонглера, бросил одну булаву вверх и промахнулся в захвате. Никто ничего не сказал. Ему удалось последовательно кидать три булавы, но не более тридцати секунд, а затем они упали, и одна чувствительно ударила его по ноге. Валентин перехватил взгляд Стифона Делиамбера, наблюдавшего издали, и вновь поднял булавы. Карабелла, стоя напротив него, терпеливо жонглировала своими булавами и намеренно не смотрела на Валентина. Он подобрал булавы, начал опять, уронил две, еще раз начал и неудачно подвернул большой палец. Он попытался сделать вид, что все в порядке, снова поднял булавы, однако тут подошел Слит и слегка взял Валентина за оба запястья.

— Не нужно,— сказал он.— Отдай мне булавы.

— Я хочу практиковаться.

— Жонглирование не терапия. Ты чем-то расстроен, и это отражается на твоем расчете времени. Если ты будешь продолжать, ты расстроишь свой ритм и на несколько недель выйдешь из строя.

Валентин пытался вырвать руки, но Слит держал их с удивительной силой. Карабелла спокойно жонглировала в нескольких шагах от них. Через минуту Валентин сдался. Пожав плечами, он отдал булавы Слиту, и тот унес их обратно в фургон.

Через минуту вышел Залзан Кавол и прогудел:

— Все в фургон! Поехали!

Глава 14

Дорога к гейрогскому городу Долорну вела на восток через мирную фермерскую местность, зеленую и плодородную под лучами летнего солнца. Как и большинство мест на Маджипуре, эта местность была плотно населена, однако разумное планирование создало большие сельскохозяйственные зоны, так что фургон весь день ехал то в течение часа через фермы, то в течение часа через город, и опять через фермы и опять через город. Здесь, в ущелье Долорез, расположенном ниже Фалкинкипа, климат особенно благоприятствовал земледелию, потому что северный конец ущелья был открыт полярным грозам с ливнями, которые постоянно заливали умеренную арктическую область Маджипура, и субтропическая жара здесь умерялась мягкими прогнозируемыми осадками. Все росло круглый год. Сейчас, например, было время уборки желтых клубней стаджи, из которой делали хлеб, и посадки таких фруктов, как пайк и глин.

Красота ландшафта рассеяла сумрачное настроение Валентина. Он постепенно перестал думать, о чем не следовало, и позволил себе радоваться бесконечному ряду чудес планеты Маджипур. Черные тонкие стволы деревьев пайк, посаженные строгим и сложным геометрическим узором, покачивались на горизонте. Бригады фермеров, хьортов и людей в деревенских костюмах двигались через поля стаджи, как вражеская армия, выкапывая тяжелые клубни. Фургон спокойно двигался то по району озер и ручьев, то по травянистой равнине. В середине дня они прибыли в особенно красивое место — в один из многих лесных заповедников. На воротах висела светившаяся зеленая табличка с надписью:

«ЗАПОВЕДНИК ПОЛЫХ ДЕРЕВЬЕВ».

«Здесь расположена замечательная полоса полых деревьев Долорна. Эти деревья выделяют газ легче воздуха, и он поддерживает верхние ветки. Достигнув зрелости, стволы и корневая система атрофируются, а ветви становятся зависимыми от питающей их атмосферы. Иногда в очень старом возрасте дерево полностью порывает контакты с почвой и плывет искать новую колонию. Полые деревья имеются в Зимроле и в Алханроле, но в последнее время их стало мало. Эта роща посажена для народа Маджипура по официальному декрету Двенадцатого Понтификса Конфалума Короналем Лордом Престимионом.»

Жонглеры молча шли пешком по лесной дороге в течение нескольких минут, однако не видели ничего необычного. Затем шедшая впереди Карабелла пролезла через заросли густого сине-черного кустарника и вскрикнула в изумлении. Валентин побежал к ней. Она стояла среди чудес.

Всюду росли полые деревья на разных стадиях роста. Молодые, не выше Делиамбера, выглядели на редкость неуклюжими кустами с толстыми вздутыми ветвями необычного серебряного оттенка, которые выходили углами из коротких толстых стволов. У деревьев высотой в пятнадцать-двадцать футов стволы начинали утончаться, ветви вздувались, а у более старых деревьев стволы совсем съеживались и выглядели веревками-оттяжками, крепившими плавучие кроны к грунту. Кроны плавали высоко, покачиваясь на легком ветру, безлистные, распухшие, с раздутыми ветвями. Серебряный цвет молодых деревьев с возрастом становился блестящим и прозрачным, так что деревья казались стеклянными и ярко сверкали на солнце.

Даже Залзана Кавола, похоже, поразила красота деревьев и их необычность. Он подошел к самому высокому и осторожно, почти благоговейно охватил пальцами узкий ствол. Валентин подумал, что скандар хочет сломать его и пустить полое дерево лететь, как воздушный змей, но нет, Залзан Кавол просто измерил толщину ствола и тут же отошел, бормоча что-то.

Они довольно долго ходили среди полых деревьев, разглядывали поросли, смотрели на стадии роста, постепенное сужение стволов и утолщение веток. Деревья были без листьев и, наверное, не имели и цветов. Трудно было поверить, что это вообще растения, настолько они казались стеклянными. Это было магическое место. Дурное настроение Валентина ушло окончательно. Стоит ли задумываться, когда кругом такая красота?

— Лови! — крикнула Карабелла.

Она заметила перемену в нем, сбегала к фургону за мячиками и теперь бросила ему три мячика. Он легко вошел в основной ритм. Карабелла стояла в нескольких шагах от него. Три-четыре минуты они жонглировали независимо друг от друга, однако потом вошли в симметричность фазы и стали работать в одном ритме. Теперь они жонглировали, зеркально отражая друг друга, и Валентин почувствовал, как с каждым циклом бросков на него нисходит все более глубокое спокойствие. Он покачивался и напевал. Деревья бросали на него отраженный свет. Мир был тих и ясен.

— Когда я скажу,— спокойно сказала Карабелла,— бросай мячик из правой руки в мою левую на точно такую же высоту, как бросаешь себе. Раз, два, три, четыре... пас!

На «пас» он бросил ей мячик, а она ему. Он сумел достаточно точно поймать его, не сбиваясь с ритма и продолжая свой каскад, и продолжал отсчитывать время, чтобы бросить снова. Сначала это было трудно, труднее всего, что он делал до сих пор, однако после нескольких пасов он уже делал это без боязни, и обмен пошел так гладко, будто они практиковались несколько месяцев.

Валентин понимал, что это необычно, что никто не овладевает таким сложным маневром с первой попытки, но, как и раньше, он поместил себя в область, где не существовало ничего, кроме руки, глаза и летающих мячиков, и промах стал не только невозможным, но и немыслимым.

— Эй! — крикнул Слит.— Идите сюда!

Он тоже жонглировал. Валентин был недоволен таким усложнением задачи, однако заставил себя остаться в автоматическим режиме — бросать, когда кажется нужным, хватать то, что пришло, и все время держать оставшиеся у него мячики в движении. Так что, когда Слит и Карабелла начали обмен мячиками, Валентин смог включиться и поймал мячик от Слита.

— Раз-два, раз-два,— считал Слит.

Он занял положение между Валентином и Карабеллой и сделал себя ведущим. Он поочередно бросал им мячики, и долгое время ритм оставался неизменным, но затем так ускорился, что Валентин уже не мог успевать за ними. В воздух вдруг взлетели десятки мячиков — по крайней мере, так казалось,— и Валентин поспешно хватал их, ронял и, наконец, со смехом повалился в теплую траву.

— Значит, есть все-таки предел твоей ловкости? — шутливо спросил Слит.— А то я уж начал думать, что ты вообще не смертный.

Валентин засмеялся.

— Боюсь, что достаточно смертный.

— Обедать! — крикнул Делиамбер.

Он приглядывал за котелком с тушеным мясом, подвешенным на треноге над огнем.

Скандары, занимавшиеся практикой в другой части рощи, появились как из-под земли и тут же принялись накладывать себе еду. Виноркис тоже торопливо наполнил свою тарелку. Валентин и Карабелла были последними, однако это их не огорчило. Валентин покрылся честным

потом хорошо выполненной работы, кровь стучала в голове, и его долгая ночь с необъясненными снами казалась далеко позади, как что-то оставленное в Фалкинкипе.

Весь день фургон спешил за восток. Теперь это была явно гейрогская страна, населенная почти исключительно гладкоголовой змееподобной расой. Когда настала ночь, труппа была еще на полпути от Долорна, где Залзан Кавол добился какого-то театрального ангажемента. Делиамбер сообщил, что неподалеку есть гостиница, и они поехали туда.

— Раздели со мной постель, — сказала Валентину Карабелла.

В коридоре они встретили Делиамбера, который остановился, коснулся их рук кончиком щупальца и пробормотал:

— Приятных снов.

— Приятных снов, — автоматически ответила Карабелла.

Валентин не дал обычного ответа, потому что прикосновение колдовской плоти вруона вызвало шевеление дракона в его душе, и он вновь стал беспокойным и серьезным, каким был до посещения чудесной рощи. Можно было подумать, что Делиамбер стал врагом спокойствия Валентина, поднимал в нем необъяснимый страх и неуверенность, против которых у Валентина не было защиты.

— Пошли, — хрипло сказал он Карабелле.

— Спешишь? — Она засмеялась легким звенящим смехом, но смех ее тут же замер, когда она взглянула в лицо Валентина. — Валентин, что с тобой? В чем дело?

— Ничего.

— Ничего?

— Разве я не могу поддаться настроению, как всякий человек?

— Когда твое лицо вот так меняется, кажется, будто тень заслоняет солнце. И так неожиданно...

— Что-то в Делиамбере, — сказал Валентин, — озадачивает и тревожит меня. Когда он коснулся меня...

— Делиамбер безвредный. Он лукав, как и все колдуны, особенно вруонские и маленькие. В очень маленьком народе всегда темное лукавство. Однако тебе нечего бояться Делиамбера.

— Это правда?

Он закрыл дверь и обнял Карабеллу.

— Правда, — сказала она. — Тебе не нужно бояться никого, Валентин. Ты с первого взгляда нравишься всем. В мире нет никого, кто повредил бы тебе.

— Хотел бы я этому верить, — сказал он.

Она потянула его на постель. Он целовал ее сначала нежно, потом более крепко, и скоро их тела сплелись. Он не был близок с ней больше недели и ждал этого момента с упоением и желанием. Но инцидент в коридоре украл его желание, оставив его оцепенелым и отстраненным, и это удивляло и расстраивало его. Карабелла, вероятно, чувствовала его холодность, однако не обращала внимания, потому что ее энергичное тело искало его страсти. Он вынудил себя ответить и скоро был почти так же пылок, как и она, но как бы стоял в стороне от собственных ощущений, был только зрителем их любви.

Все быстро кончилось. Стало темно, хотя лунный свет проникал в окно и бросал холодный свет на их лица.

— Приятных снов, — прошептала она.

— Приятных снов, — ответил он.

Она уснула почти сразу, а он лежал рядом с ее теплым телом, и спать ему не хотелось. Через некоторое время он отодвинулся, лег в любимую позу для сна — на спине, сложив руки на груди, — но сон не приходил, только легкая дремота. Он считал блавов, представлял себя жонглирующим со Слитом и Карабеллой, пытался расслабить тело по одному мускулу, однако ничто не помогало. Он приподнялся на локте и посмотрел на Карабеллу.

Она видела сон. На ее щеке подрагивали мышцы, глаза двигались под закрытыми веками, груди поднимались и опускались в резком ритме. Она прижала пальцы к губам и бормотала что-то несвязное.

Ее худощавое тело казалось таким красивым, что Валентину захотелось придвинуться, погладить прохладное бедро, слегка прикоснуться губами к маленьким твердым соскам, но мешать человеку, видящему сон, было грубостью, непростительным нарушением приличий. Так что он ограничился тем, что смотрел на нее и любил издали.

Карабелла в ужасе вскрикнула. Глаза ее открылись, однако ничего не видели. Это был знак послания. По телу ее пробегала дрожь. Она, еще спящая и видящая сон, повернулась к Валентину. Она стонала и всхлипывала, и он обнял ее, чтобы дать ей сон-помощь, сон-покой, защитить ее от тьмы духа, и, наконец, ярость сна ушла, и тело ее расслабилось, обмякло. Она еще некоторое время лежала тихо, и Валентин подумал, что она спит обычным мирным сном. Нет. Она проснулась, но не шевелилась, как будто рассматривала свой сон, боролась с ним и пыталась вынести его в область яви. Вдруг она

села и прижала руки к губам. Глаза ее были дикие и остекленевшие.

— Милорд! — прошептала она.

Она отодвинулась от него, отползла, как краб, на край постели, одной рукой прикрывая груди, а другой — лицо. Губы ее дрожали. Валентин потянулся к ней, она в ужасе отпрянула и свалилась на пол, где испуганно съежилась, пытаясь скрыть свою наготу.

— Карабелла,— растерянно сказал Валентин.

Она подняла на него глаза.

— Лорд, пожалуйста, оставь меня...

Она вновь опустила голову и сделала пальцами обеих рук знак горящей звезды, жест повиновения, который делают только перед Короналем.

Глава 15

Думая, что, может быть, не ей, а ему приснился сон, который все еще длится, Валентин встал, увидел одежду Карабеллы, брошенную на его вещи. Она скорчилась в стороне, ошеломленная и дрожащая. Он хотел успокоить ее, однако она отскочила и согнулась еще больше.

— В чем дело? — спросил он.— Что случилось?

— Я видела во сне, что ты...— Она запнулась.— Так реально, так страшно...

— Расскажи. Я растолкую твой сон, если смогу.

— Его нечего толковать. Он говорит сам за себя.

Она опять сделала ему знак горящей звезды и продолжала тихо, спокойно, без интонаций:

— Я видела во сне, что ты истинный Корональ Лорд Валентин, что у тебя похитили власть и всю твою память, поместили в другое тело и выпустили неподалеку от Пидруда, чтобы ты скитался и жил в праздности, в то время как кто-то другой правит вместо тебя.

Валентин почувствовал себя на краю бездны, и земля осыпалась под его ногами.

— Это было послание? — спросил он.

— Да, послание. Я не знаю, от кого — от Леди или от Короля, но это не мой сон, он был как-то помещен в мой мозг со стороны. Я видела тебя, лорд...

— Перестань называть меня так.

— Ты стоял на вершине Замковой Горы лицом к лицу с другим Лордом Валентином, с тем черноволосым, перед которым мы жонглировали, а потом ты спустился с Горы,

чтобы ехать в великой процессии по всем странам, и когда ты был на юге, в моем родном городе Филононе, тебе дали наркотик, усыпили, пересадили в это тело и выбросили тебя. Не было никого мудрее тебя, однако у тебя колдовством отняли твои королевские силы. А я касалась тебя, лорд, я делила с тобой ложе и была фамильярна с тобой на тысячу ладов. Как я теперь получу прощение, лорд?

— Карабелла!

Она дрожала от страха.

— Взгляни на меня, Карабелла.

Она покачала головой. Он встал перед ней на колени и коснулся рукой ее подбородка. Она вздрогнула, как будто он ожег ее кислотой. Ее тело застыло в напряжении. Он снова дотронулся до нее.

— Подними голову, — ласково сказал он, — и посмотри на меня.

Она медленно и робко взглянула на него, как смотрят на солнце, боясь его ярости.

— Я Валентин-жонглер и больше никто.

— Нет, лорд.

— Корональ черноволосый, а у меня золотистые волосы.

— Умоляю, лорд, оставь меня в покое. Я боюсь тебя.

— Ты боишься странствующего жонглера?

— Того, кто ты сейчас, я не боюсь. Ты мой друг, и я тебя люблю. Я боюсь того, к е м ты б ы л, лорд. Ты был рядом с Понтификсом и пил королевское вино. Ты ходил по громадным залам Горного Замка, ты знал полнейшую власть над миром. Это был истинный сон, лорд, он был отчетлив и ясен, как наяву, и не может быть никаких сомнений, что это послание. Ты настоящий Корональ, а я касалась твоего тела, и ты касался моего, а это святотатство — чтобы такая простая женщина, как я, приближалась к Короналю так близко. За это я умру.

Валентин улыбнулся.

— Даже если я и был когда-то Короналем, милая, то в другом теле, а в том, которое ты обнимала ночью, ничего святого нет. Однако я никогда не был Короналем.

Она пристально смотрела на него. Голос ее меньше дрожал, когда она сказала:

— Ты ничего не помнишь о своей жизни до Пидруда. Ты не мог назвать мне имени своего отца, а когда говорил о своем детстве в Ни-мойе, ты сам не верил этому, а имя матери ты придумал. Скажешь — неправда?

Валентин кивнул.

— Жанамир рассказывал мне, что в кошельке у тебя было много денег, но ты не имел представления о их ценности и хотел расплатиться с продавцом сосисок пятидесятиреаловой монетой. Правильно?

Валентин снова кивнул.

— Вроде бы ты всю жизнь жил, не пользуясь деньгами. Ты так мало знаешь, Валентин, тебя надо учить, как ребенка.

— Да, с моей памятью что-то случилось, однако это еще не делает меня Короналем.

— Все — как ты жонглируешь, как ты ходишь, как держишься, свет, который исходит от тебя,— все говорит о том, что ты рожден для власти. Как только ты у нас появился, мы считали, что ты изгнанный принц или герцог. Но мой сон не оставляет сомнений, лорд...

Лицо ее побелело. На минуту она преодолела свой страх, однако теперь опять затряслась. А страх, похоже, заразителен, потому что Валентин тоже начал испытывать его. Мороз прошел по его коже. Правда ли это? Неужели он был помазанным Короналем и касался Тивераса в Лабиринте и в Горном Замке? Он снова услышал голос толковательницы снов Тизаны: «Ты упал с высокого места и теперь должен взбираться туда опять»,— говорила она. Это невозможно, немыслимо. «Тем не менее, Лорд Валентин, этот подъем ждет тебя, и не я тебе его предлагаю.» Это нереально, невозможно. Да еще эти его сны, этот брат, который хотел убить его и которого он сам убил, и Коронали, и Понтификсы, проходившие по комнатам его души, и все прочее. Могло ли это быть? Нет, невозможно.

— Ты не должна бояться меня, Карабелла,— сказал он.

Она вздрогнула. Он потянулся к ней, но она отшатнулась с криком:

— Нет, не трогай меня, милорд!

— Пусть я был когда-то Короналем, хоть это звучит странно и глупо, однако теперь-то я не Корональ и не в помазанном теле, так что все, что было между нами,— не святотатство. Теперь я Валентин-жонглер, кем бы я ни был в прошлом.

— Ты не понимаешь, лорд.

— Я понимаю, что Корональ такой же человек, как и все прочие, только ответственность у него больше, но ничего магического вокруг него нет, и бояться можно только его власти, а у меня власти нет, даже если когда-то и была.

— Нет,— сказала она.— Короналя коснулась высшая благодать, и она никогда не уйдет от него.

— Короналем может быть любой, если получит надлежащее воспитание и правильное направление ума. Коронали не рождаются. Коронали бывают из всех районов Маджипура, из всех слоев населения.

— Лорд, ты не понимаешь. Быть Короналем, значит, коснуться благодати. Ты правил, ты был в Горном Замке, ты был в одном ряду с Лордом Стиамотом, Лордом Деккеритом и Лордом Престимионом, ты брат Лорда Вариакса, ты сын Леди Острова. Как я могу считать тебя обыкновенным человеком? Как я могу не бояться тебя?

Он растерянно уставился на нее. Он вспомнил, что прошло через его мозг, когда он стоял на улице и смотрел на Лорда Валентина Короналя, и чувствовал себя в присутствии благодати и мощи, и понял, что быть Короналем — значит быть вдали от всех, быть личностью ауры и отстраненности, личностью, властвующей над двадцатью миллиардами, несущей в себе энергию тысячелетних знаменитых Властителей, личностью, предназначенной в свое время уйти в Лабиринт и нести Власть Понтификса. Все это было ему непонятно, это затягивало его, ошеломляло и переполняло. Но ведь абсурдно бояться его, Валентина, впадать в благоговейный страх перед его воображаемым величием. Он — Валентин-жонглер и только.

Карабелла рыдала. Еще немного — и она впадет в истерику. У вруона наверняка есть что-нибудь от этого.

— Подожди,— сказал Валентин,— я сейчас вернусь. Я попрошу у Делиамбера успокаивающее лекарство для тебя.

Он вышел в коридор, гадая, где комната колдуна. Все двери были закрыты. Он хотел было постучать наугад, надеясь, что не напорется на Залзана Кавола, однако сухой голос сказал из темноты откуда-то снизу:

— Ты плохо спал?

— Делиамбер?

— Я рядом с тобой.

Валентин, щурясь, вгляделся. Вруон сидел в коридоре, скрестив щупальца, в позе медитации. Сейчас он встал.

— Я подумал, что ты скоро станешь искать меня,— сказал он.

— У Карабеллы было послание. Ей нужно лекарство, чтобы успокоить ее дух. У тебя есть?

— Лекарства нет. Это можно сделать прикосновением. Пойдем.

Маленький вруон быстро прошел по коридору в комнату. Карабелла не двигалась, по-прежнему скорчившись у постели, кое-как обернув вокруг себя одежду. Делиамбер подошел к ней, осторожно обвил щупальцем ее плечи, и ее напряженные мышцы ослабли. В комнате слышалось ее тяжелое дыхание. Через минуту она подняла глаза, уже более спокойные, но все еще растерянные, и жестом показала на Валентина.

— Я видела во сне, что он был...

— Я знаю,— сказал Делиамбер.

— Это неправда,— быстро сказал Валентин,— я только жонглер.

— С е й ч а с ты только жонглер,— мягко поправил Делиамбер.

— Ты тоже веришь в этот вздор?

— Это было ясно с самого начала, когда ты встал между скандаром и мной. «Это действие короля»,— сказал я себе и я читал в твоей душе...

— Что?!

— Профессиональный трюк. Я читал в твоей душе и видел, что с тобой сделали.

— Но это невозможное дело! — протестовал Валентин.— Взять из человеческого тела разум, пересадить его в другое тело, а разум из другого — в это тело...

— Почему невозможно? — сказал Делиамбер.— Я думаю, можно. Из Суврейла дошли слухи, что при дворе Короля Снов изучают это искусство. Поговаривают, что уже несколько лет проводятся странные эксперименты.

Валентин угрюмо смотрел на свои пальцы.

— Не может этого быть.

— Я тоже так думал, когда впервые услышал, однако потом поразмыслил. Я и сам знаю множество секретов почти такого же высокого колдовства, а ведь я всего лишь младший колдун. Семена такого искусства существовали очень давно. Может, какой-нибудь волшебник Суврейла и сумел наконец прорастить эти семена. На твоем месте, Валентин, я бы не стал отбрасывать эту возможность.

— Обмен телами? — растеряно сказал Валентин.— Значит, это не мое тело. Чье же оно?

— Кто знает. Какой-нибудь неудачник погиб от несчастного случая — может, утонул или подавился куском мяса, или по глупости съел ядовитый гриб. В любом случае, он умер, оставив тело целым, и сразу же был унесен в какое-то потайное место, где в его пустой каркас трансплантиро-

вали душу Короналя, а кто-то другой, простившись с собственным телом, влез в пустую скорлупу Короналя, вероятно, удержав там многое из личной памяти Короналя и объединив со своей, и теперь правит, словно он истинный монарх.

— Я не могу принять это за реальность,— упрямо твердил Валентин.

— Однако же, когда я заглянул в твою душу, я увидел, что все было именно так, как я тебе только что описал. Я почувствовал немалый страх — в моей работе не часто встретишь Короналей или наткнешься на такое явное великое предательство — и я некоторое время размышлял, не разумнее ли забыть о том, что я видел, но понял, что не смогу, что до конца моих дней меня будут преследовать чудовищные сны, если я проигнорирую то, что узнал. Я сказал себе, что очень многое в мире нуждается в исправлении, и я должен, по Божественной воле, участвовать в налаживании. Теперь оно началось.

— Ничего подобного не было.

— Предположим, для примера, что было,— настаивал Делиамбер.— Допустим, на тебя напали в Филононе, выкинули тебя из твоего тела и посадили на трон узурпатора. Предположим, что это так. Что ты должен делать?

— Ничего.

— Как это — ничего?

— Абсолютно ничего,— убежденно сказал Валентин.— Пусть тот, кто х о ч е т быть Короналем, и будет им, раз он так хочет. Я думаю, что власть — это болезнь, а желание править — безумие. Пусть я когда-то жил в Горном Замке, однако теперь меня там нет, и ничто не понуждает меня вернуться туда. Я жонглер, от добра добра не ищут, и я счастлив. А Корональ счастлив? А Понтификс? Если меня отшвырнули от власти, то, я считаю, мне повезло. Я бы не хотел снова взваливать на себя груз.

— Но тебе было предназначено его нести.

— Предназначено? — Валентин засмеялся.— С таким же успехом можно сказать, что мне было предназначено быть Короналем лишь недолгое время, а затем уступить место более достойному. К власти рвется только чокнутый, а я в здравом уме. Правление — это груз и тяжелая работа. Я не принимаю его.

— Примешь,— сказал Делиамбер.— Тебя изменили, ты не был самим собой. Однако тот, кто однажды был Короналем, останется им навсегда. Ты поправишься и вновь станешь самим собой, Лорд Валентин.

— Не употребляй этот титул!

— Он опять станет твоим,— сказал Делиамбер.

Валентин сердито отверг это предположение. Он взглянул на Карабеллу: она спала на полу. Валентин осторожно поднял ее, положил на постель и прикрыл одеялом, а потом сказал Делиамберу:

— Уже поздно, и за этот вечер было сказано много всяких глупостей. У меня от этих разговоров трещит голова. Сделай мне то, что ты сделал для Карабеллы, колдун, и дай мне уснуть. И не говори мне больше об ответственности, которая никогда не лежала на мне и не ляжет. Завтра у нас выступление, и я хочу отдохнуть перед ним.

— Прекрасно. Ложись в постель.

Валентин лег рядом с Карабеллой. Вруон коснулся его сначала легко, потом с большей силой, и мозг Валентина заволокло туманом. Сон опустился на него легко, как плотное белое облако. Ему стало хорошо. Он охотно отпустил свое сознание.

Ночью ему снился сон, и сон этот был облачен в яркий блеск, что безошибочно указывало на послание, и был невообразимо живым.

Он шел по грубой и страшной пурпурной равнине, на которой так часто бывал в прошлых сновидениях, однако теперь он знал, что эта равнина не из области фантазии, а находится на далеком континенте Суврейл под неприкрытым сиянием обнаженного солнца, и трещины в почве — шрамы лета, когда высыхает всякая влага. Безобразно скрученные растения со вздутыми сероватыми листьями вяло лежали на земле, а другие — колючие, со страшными угловатыми сочленениями — тянулись вверх. Валентин быстро шел по жаре под безжалостным ветром. От сухости трескалась кожа. Он торопился во дворец Короля Снов, куда его наняли для представления.

Дворец был уже близко: зловещее, тускло-черное, все в ажурных башенках и зубчатых портиках здание, такое же колючее и отталкивающее, как растения в пустыне. Оно куда более походило на тюрьму, чем на дворец, по крайней мере, снаружи. Внутри же оно было совсем другим: богатое, спокойное, роскошное, с фонтанами во внутренних двориках, с мягкими драпировками, с ароматом цветов в воздухе.

Слуги поклонились, отвели Валентина во внутренние комнаты, сняли с него пропыленную одежду, вымыли его, обтерли мягкими полотенцами, одели в свежую, элегантную

одежду и драгоценный плащ, подали холодный шербет, ледяное вино в серебряной чаше, кусочки незнакомого, очень вкусного мяса и, наконец, отвели в громадный сводчатый тронный зал Короля Снов.

Валентин издали увидел его на троне: Симон Барджазед, злобная и непредсказуемая Сила, посылавшая из своей продуваемой ветрами пустыни страшные послания по всему Маджипуру. Это был тяжеловесный мужчина, безбородый, с двойным подбородком, с глубоко сидевшими глазами, обведенными темными кругами. Его коротко остриженную голову окружала золотая диадема его власти — усиливавший мысли аппарат, изобретенный одним из Барджазедов тысячу лет тому назад. Слева от Симона сидел его сын Кристоф, такой же мясистый, как и отец, а справа — сын Минакс, наследник, тощий и отталкивающий, темнокожий и остролицый, как будто отточенный ветрами пустыни.

Король Снов жестом приказал Валентину начинать. Валентин жонглировал пятнадцатью кинжалами — тонкими блестящими стилетами, которые проткнули бы его руку насквозь, если бы упали неправильно, но он легко управлял ими и жонглировал так, как могли бы только Слит или Залзан Кавол, виртуозно демонстрируя ловкость. Он стоял неподвижно, делая чуть заметные движения ладонями и запястьями, и кинжалы стремительно взлетали, сверкая, как бриллиантовые, пролетали по дуге и падали точно в его ожидавшие пальцы, снова взлетали и падали, и дуга, которую они описывали, наметила форму. Это был уже не каскад, а начало горящей звезды — эмблемы Короналя. Острия, летавшие в воздухе, указывали в разные стороны. Вдруг, когда Валентин приближался к пику своего представления, кинжалы замерли на спуске и остановились как раз над его пальцами, не опустившись в них.

Из-за трона вышел еще один Барджазед, нахмуренный, с жестким взглядом третий сын Короля Снов, шагнул к Валентину, легким, небрежным жестом смахнул горящую звезду из кинжалов в полу своей мантии. Король Снов насмешливо улыбнулся.

— Ты отличный жонглер, Лорд Валентин. Наконец-то ты нашел себе подходящее занятие.

— Я Корональ Маджипура,— ответил Валентин.

— Был. Теперь ты бродяга и больше ни на что не годен.

— Лентяй,— сказал Минакс Барджазед.

— Трус,— сказал Кристоф Барджазед.

— Увиливающий от обязанностей,— сказал Доминик Барджазед.

— Твой ранг утрачен,— сказал Король Снов,— твоя должность вакантна. Уходи, иди жонглируй, Валентин-жонглер. Уходи, лодырь. Проваливай, бродяга.

— Я Корональ Маджипура,— твердо повторил Валентин.

— Ты больше не Корональ,— возразил Король Снов.

Он коснулся руками диадемы на лбу, и Валентин пошатнулся, будто земля разверзлась под ним, и упал, а когда вновь поднял глаза, увидел, что Доминик Барджазед одет в зеленый камзол и горностаевую мантию Короналя, и лицо его стало лицом Лорда Валентина, и тело стало телом Лорда Валентина, а из жонглерских кинжалов, отобранных у Валентина, он сделал звездную корону Короналя, и его отец Симон Барджазед возложил ее на его голову.

— Видишь? — крикнул Король Снов.— Власть переходит к более достойному. Уходи, жонглер, убирайся!

Валентин вылетел в пурпурную пустыню и увидел злобные песчаные смерчи, шедшие к нему с юга. Он пытался убежать от них, однако они подступали со всех сторон. Он кричал:

— Я Лорд Валентин Корональ!

Но его голос терялся в ветре, и песок скрипел на его зубах. Он кричал:

— Это измена, узурпация власти!

Однако его крика никто не слышал. Он повернулся к дворцу Короля Снов, но дворца не было видно, и раздиравшее ощущение потери переполнило Валентина.

Он проснулся. Карабелла спокойно лежала рядом. В комнату вползал первый бледный свет зари. Хотя сон был чудовищным, послание самое что ни на есть зловещее. Валентин вновь был абсолютно спокоен.

Еще совсем недавно он пытался отрицать истину, однако теперь ее нельзя было отбросить, какой бы странной и фантастичной она ни казалась. В другом теле он был когда-то Короналем Маджипура, но у него каким-то образом украли тело и личность. Могло ли это случиться? Сон такой важности едва ли можно игнорировать.

Он рылся в глубинах мозга, пытаясь найти воспоминания о власти, о церемониях на Горе, о блеске королевской помпы, о вкусе ответственности. Ничего не было, он жонглер и только.

Он не помнил ничего о своей жизни до Пидруда, словно он родился с деньгами в кошельке, фляжкой красного вина на бедре и обрывками фальшивой памяти в мозгу.

А если это правда, если он был Короналем? Что ж, тогда он должен ради блага Маджипура сбросить узурпатора и потребовать свои законные права. Это его обязанность.

Однако эта идея абсурдна, она давит на грудь и сушит горло. Скинуть черноволосого человека, который с помпой проехал по Пидруду? Как это можно сделать? Как можно даже подойти к Короналю, чтобы столкнуть его с насеста?

Может, такое и бывало когда-то, однако это не значит, что его можно повторить, да еще кем — бродячим жонглером, легкомысленным молодым человеком, который не чувствует настоятельной потребности совершить невозможное. Кроме того, Валентин не находил в себе склонности к правлению. Если он действительно был Короналем, он должен был много лет учиться на Замковой Горе методам использования власти, но теперь в нем не осталось и следа этих знаний. Какой же из него монарх, если в его голове нет монаршеского умения?

И все же...

Он взглянул на Карабеллу. Глаза ее были открыты, она следила за ним. Благоговейный страх в ней все еще оставался, однако ужаса больше не было.

— Что ты будешь делать, лорд?

— Раз и навсегда — зови меня Валентином.

— Если ты приказываешь...

— Приказываю.

— Скажи, Валентин, что ты будешь делать?

— Работать со скандарами,— ответил он,— продолжать жонглировать, совершенствовать мастерство, внимательно следить за снами, выжидать, стараться понять. Что еще я могу сделать, Карабелла?

Он легко дотронулся до ее руки. Карабелла на секунду сжалась, но затем положила свою вторую руку на его руку. Он улыбнулся.

— Что еще я могу сделать, Карабелла?

Часть II

КНИГА МЕТАМОРФОВ

Глава 1

Гейрогский город Долорн был чудом архитектуры, городом застывшего блеска. Он тянулся на двести миль вверх и вниз по Ущелью Долориз. Хотя город занимал такое огромное пространство, в нем преобладали вертикали: громадные сияющие башни фантастической конструкции, однако строго выдержанные в материале, поднимались, как острые клыки, из мягкой, богатой гипсом почвы. Единственным одобряемым в Долорне строительным материалом являлся местный камень, легкий, воздушный кальцит с высокой отражательной способностью, сверкавший как кристалл, даже как бриллиант. Из него жители Долорна строили свои высокие островерхие здания, украшали их балконами, парапетами, громадными пламеневшими опорами с парившими консолями, сталактитами и сталагмитами, кружевными мостами, перекинутыми высоко над улицей, колоннадами и куполами, навесами и пагодами.

Жонглерская труппа Залзана Кавола вступила в город ровно в полдень, когда солнце стояло над головой и на стенах титанических башен танцевали потоки как бы белого пламени. У Валентина захватило дух от удивления. Какой изумительный показ света и формы! Долорн насчитывал четырнадцать миллионов жителей и считался большим городом на Маджипуре, но не самым крупным. На континенте Алханрол, как говорили Валентину, город такой величины не представлял ничего особенного. Даже здесь, на самом пасторальном континенте Зимрол, были такие же и даже еще большие города. Однако Валентин подумал, что, конечно, ни один из них не мог сравниться

с Долорном по красоте. Долорн был холодным и огненным одновременно. Его сверкавшие шпили настойчиво привлекали внимание, как холодная неотразимая музыка, как пронизывающие звуки мощного органа, прокатывающегося через мрак космоса.

— Сельской гостиницы здесь нет! — радостно крикнула Карабелла. — Мы будем жить в отеле с тонкими простынями и мягкими подушками.

— Неужели Залзан Кавол так расщедрится? — спросил Валентин.

— А куда ему деться? Долорн предлагает только роскошное жилье. Если мы ночуем здесь, то либо спим на улице, либо как герцоги. Середины нет.

— Спать как герцоги? — сказал Валентин. — А почему бы и нет?

Утром перед уходом из гостиницы он взял с Карабеллы клятву никому не говорить о ночных событиях — ни Слиту, ни скандарам, ни даже толкователю снов, если Карабелле вдруг понадобится встреча с таковым. Он потребовал, чтобы она поклялась именем Леди, Понтификса и Короналя. Он настаивал также, чтобы она обращалась с ним, как если бы он всегда был, есть и будет странствующим жонглером Валентином. Требуя клятвы, Валентин говорил с силой и достоинством Короналя, так что бедная Карабелла, стоя на коленях и дрожа, так же боялась его, как если бы на нем была звездная корона. Он же чувствовал себя в какой-то степени обманщиком, поскольку отнюдь не был убежден, что странные сны прошлой ночи придали ему цену.

Но все же этими снами нельзя было пренебречь и следовало принять предосторожности — тайну, обман. Такой маневр пришел к нему неожиданно. Он даже взял клятву и с Делиамбера, хотя сомневался, можно ли верить вруону и колдуну, Однако Делиамбер, похоже, совершенно искренне поклялся хранить тайну.

— Кто еще знает об этих делах? — спросил Делиамбер.

— Только Карабелла, но я ее связал такой же клятвой.

— Ты ничего не говорил хьорту?

— Виноркису? Ни слова. Почему ты спрашиваешь?

— Уж очень он внимательно следит за тобой и задает слишком много вопросов. Не люблю я его.

Валентин пожал плечами.

— Хьортов трудно любить. Но чего ты опасаешься?

— Он хорошо закрывает свой мозг, и аура у него темная. Держись от него подальше, Валентин, иначе он принесет тебе беду.

Жонглеры проехали по широким сверкавшим улицам до отеля. Их вел Делиамбер, у которого, похоже, была в голове карта любого уголка Маджипура. Фургон остановился перед башней громадной высоты и поразительно фантастической архитектуры, с минаретами и сводчатыми арками, с сиявшими восьмиугольниками окон. Выйдя из фургона, Валентин остановился и, раскрыв рот, с трепетом огляделся.

— Ты выглядишь так, словно тебя по голове огрели, — ворчливо сказал Залзан Кавол. — Никогда не видел Долорна?

Валентин сделал уклончивый жест. Его дырявая память ничего не знала о Долорне. Однако же, хоть раз видевший этот город, мог бы забыть о нем. Он спросил:

— Есть ли что-нибудь более замечательное во всем Маджипуре?

— Да, — ответил скандар. — Миска горячего супа, кружка крепкого вина, шипящее на открытом огне жаркое. Ты не можешь есть прекрасную архитектуру. Даже сам Горный Замок не имеет никакой цены для голодного.

Залзан Кавол фыркнул, довольный собой, и, подняв свой багаж, шагнул в отель.

Валентин смущенно сказал ему вслед:

— Я ведь говорил только о красоте городов!

Тилкар, обычно самый молчаливый из скандаров, сказал:

— Залзан Кавол восхищается Долорном куда больше, чем ты думаешь, но никогда в этом не признается.

— Он высказывает восхищение только перед Пилиплоком, где мы родились, — вставил Гейбор Керн. Ему кажется нелояльным сказать доброе слово о любом другом месте.

— Ш-ш-ш! — сказал Ирфон Кавол. — Вот он!

Их старший брат появился в дверях.

— Ну? — крикнул он. — Долго вы будете стоять? Через полчаса репетиция.

Его желтые глаза сверкали как у лесного зверя. Он заворчал, сжав четыре кулака, и опять исчез.

«Странный хозяин, — подумал Валентин. — Где-то глубоко под грубой шкурой находится цивилизованная и даже, кто знает, добрая личность.» Но Залзан Кавол изо всех сил старался быть грубым.

Жонглеров пригласили выступить в Непрерывном Цирке Долорна — городском увеселительном заведении, работавшем круглосуточно и круглый год. Гейроги, преоб-

ладавшие в этом городе и окружавшей провинции, спали не по ночам, а по сезонам, по два-три месяца, в основном зимой, а когда бодрствовали, неутомимо требовали развлечений. По словам Делиамбера, они хорошо платили, а в этой части Маджипура никогда не бывало избытка странствующих артистов.

Когда труппа собралась на послеобеденную репетицию, Залзан Кавол объявил, что они выступают после полуночи, с четырех до шести. Валентин расстроился: он особенно ждал в эту ночь руководство, которое мог дать ему сон после прошлых тяжелых открытий. Но можно ли ждать полезных снов, если самые подходящие для этого часы он проведет на эстраде?

— Мы можем лечь спать пораньше,— заметила Карабелла.— Сны приходят в любой час. Или тебе назначено время для посланий?

Это было нахальное замечание для той, которая еще так недавно трепетала перед Валентином. Он улыбнулся, показывая, что не обижен, заметил тень сомнения, мелькнувшую за ее насмешливостью, и сказал:

— Я могу вообще не уснуть, зная, что придется вставать так рано.

— Пусть Делиамбер коснется тебя как в прошлую ночь,— посоветовала Карабелла.

— Я предпочитаю сам найти способ заснуть,— ответил он.

Так он и сделал после дневных занятий и приличного ужина из вяленого мяса и холодного голубого вина. Он занял отдельную комнату и до того, как лечь в постель на прохладные тонкие простыни, годные, как говорила Карабелла, для герцога, поручил свой дух Леди Острова и молил ее о послании. Такое разрешалось и часто делалось, однако не всегда давало результаты. Теперь ему больше всего нужна была помощь Леди. Если он и в самом деле был свергнутым Короналем, тогда она была его матерью как по плоти, так и по духу и могла подтвердить его личность и направить его в его поисках.

Засыпая, он старался вызвать зрительный образ Леди и ее Острова, дотянуться через тысячи миль до нее и сотворить мост, какую-то искру сознания через эту безмерную брешь, чтобы Леди могла иметь контакт с ним. Ему препятствовали пробелы в памяти. Считалось, что каждый взрослый маджипурец знает черты лица Леди и географию Острова так же хорошо, как лицо своей матери и предместья своего города, однако искалеченный

мозг Валентина показывал ему, в основном, пустоту, которую надо было заполнять воображением и наугад. Как она выглядела в ту ночь в фейерверке над Пидрудом? Круглое улыбающееся лицо, длинные густые волосы. Очень хорошо. А дальше? Предположим, что волосы черные и блестящие, такие же черные, как и у ее сыновей Лорда Валентина и покойного Лорда Вариакса. Глаза карие, теплые, живые, губы полные, щеки слегка впалые, в углах глаз тонкая сетка морщин. Величавая, крепкая женщина. Она прогуливается по саду между пышных цветущих кустов, желтых тонигалий и эльдеронов, пурпурных тухлей — всего богатства тропической растительности. Она останавливается, чтобы сорвать цветок и воткнуть его в волосы, идет дальше по белым мраморным плитам, петляющим между кустами, появляется на широкой каменной площадке на склоне того холма, на котором живет, и смотрит вниз на террасы, одну под другой спускающимися широкими изгибами к морю. Она смотрит на запад, на далекий Зимрол, закрывает глаза и думает о своем потерянном, брошенном в странствия сыне, который сейчас в городе гейрогов. Она собирает силы и посылает нежное послание надежды и поддержки Валентину, изгнанному в Долорн.

Валентин погрузился в глубокий сон, и Леди пришла. Он встретился с ней не на склоне холма под ее садом, а в каком-то пустом городе в пустынной стране, в развалинах среди избитых непогодой колонн из песчаника и разбитых алтарей. Они вошли с противоположных сторон в полуразрушенный форум под призрачным светом луны. Лицо Леди было скрыто под вуалью. Он узнал ее по тяжелым кольцам черных волос и по аромату цветка эльдерона, воткнутого в них. Он знал, что это Леди Острова, однако хотел увидеть ее улыбку, чтобы согреть свой дух в этом унылом месте. Он хотел видеть ее ласковые глаза, но видел только вуаль, плечи и часть головы.

— Мать? — спросил он неуверенно. — Мать, я Валентин! Разве ты не узнаешь меня? Посмотри на меня, мать!

Она, как призрак, проплыла мимо него и исчезла между двумя разбитыми колоннами, расписанными сценами деяний великих Короналей.

— Мать! — позвал он.

Сон прошел. Валентин старался вернуть его, однако не мог. Он проснулся и уставился в темноту, желая увидеть еще раз это закрытое лицо и понять значение послания. Она не узнала его. Значит, он настолько из-

менился, что даже родная мать не может узнать его в этом теле? А может, он никогда и не был ее сыном, так что у нее нет причин узнавать его? Ответа у него не было. Если дух черноволосого Лорда Валентина был внедрен в тело Валентина-блондина, Леди Острова не подала и виду, что знает об этом, и он был так же далек от понимания, как и в то время, когда засыпал.

Он вновь уснул. Почти тотчас же на его плечо легла рука и начала трясти его, пока он не пробудился. Это была Карабелла.

— Два часа,— сказала она.— Залзан Кавол хочет, чтобы через полчаса мы все были в фургоне. Сон был?

— Незавершенный. А у тебя?

— Я не спала. По-моему, это разумнее. В некоторые ночи лучше не спать.

Она застенчиво спросила, пока он одевался:

— Я буду опять делить с тобой комнату, Валентин?

— Ты хочешь этого?

— Я поклялась обращаться с тобой как раньше, до того, как я узнала... Ох, Валентин, я так испугалась! Но да, мы снова будем товарищами и даже любовниками завтра ночью!

— А если я Кородаль?

— Прошу тебя, не задавай таких вопросов.

— А все же?

— Ты приказал мне звать тебя Валентином и смотреть на тебя как на Валентина. Так я и буду делать, если ты мне позволишь.

— Ты веришь, что я Кородаль?

— Да,— прошептала она.

— И больше не боишься?

— Только самую чуточку. Однако ты все еще кажешься мне обычным человеком.

— Хорошо.

— У меня был целый день, чтобы привыкнуть. И я дала клятву. Я должна думать о тебе как о Валентине. И клялась в этом Силами.— Она ехидно засмеялась.— Я клялась именем Кородаля, что притворюсь, будто ты не Кородаль, и я должна быть верной своей клятве обращаться с тобой обычно, и звать тебя Валентином, и не бояться тебя, и вести себя так, словно ничего не изменилось. Значит, я могу прийти ночью в твою постель?

— Да.

— Я люблю тебя, Валентин.

Он слегка притянул ее к себе.

— Спасибо, что ты преодолела свой страх. Я тоже люблю тебя, Карабелла.

— Зализан Кавол будет в ярости, если мы опоздаем, — сказала она.

Глава 2

Непрерывный Цирк помещался в здании совсем другого типа, чем большинство домов Долорна: громадный, плоский, без всяких украшений барабан, абсолютно круглый. Он был не более девяноста футов высотой и занимал большое пространство на восточной окраине города. Большое центральное место внутри занимала эстакада, а вокруг шли ряды сидений, ярус за ярусом поднимавшиеся концентрическими кругами к потолку.

Там могли поместиться тысячи, а может, и сотни тысяч зрителей. Валентин был ошеломлен, увидев, что в столь поздний час цирк был почти полон. Разглядеть зрителей было затруднительно, потому что освещение сцены било ему в глаза, но все-таки он заметил громадное количество народа, сидевшего или развалившегося на сиденьях. Почти все были гейрогами, хотя кое-где Валентин видел хьортов, вруонов и людей. На Маджипуре не было места, целиком населенного одной расой: древние указы правительства, восходившие к самым ранним дням трудного расселения нечеловеческих рас, запрещали такую концентрацию, за исключением резервации метаморфов, однако гейроги были особенно склонны к кланам и группировались в Долорне и в его округе выше законного максимума.

Гейроги были теплокровные и млекопитающие, но кое-какие черты рептилий делали их неприятными для большинства других рас: быстро мелькавшие красные языки, блестящая серая чешуйчатая кожа плотной консистенции, холодные немигающие зеленые глаза. Волосы их походили на медуз: черные мясистые пряди не лежали на месте, а изгибались и свивались в кольца. Их кисло-сладкий запах тоже не очаровывал ноздри не гейрогов.

Валентин взошел с труппой на эстраду в подавленном настроении. Час был совсем не подходящий: циклы тела были нарушены, и, хотя он спал достаточно, ему совершенно не улыбалось бодрствовать именно сейчас. Он вновь нес на себе груз непонятного сна. Леди его отвергла, он не сумел войти с ней в контакт. Что это означало?

Когда он был только Валентином-жонглером, значение сна было неважно для него: каждый день имел свою тропу, и Валентин заботился лишь об увеличении ловкости рук и глаза, однако теперь эти неясные и тревожащие разоблачения посетили его, и он вынужден обдумывать мрачные дальнобойные дела, цели, судьбы и дороги, с которыми он связан. Ему это очень не нравилось. Он уже вкусил ностальгическую печаль по добрым старым временам двухнедельной давности, когда он пришел в Пидруд в счастливой бесцельности. Требования искусства быстро оторвали его от размышлений. Здесь, под ярким светом, не время думать о чем-либо кроме работы.

Эстрада была громадная, и на ней одновременно происходило многое. Вруонские маги включали в свою работу плывущие разноцветные потоки света и клубы зеленого и красного дыма. Вдали дрессировщик показывал дюжину стоявших на хвостах толстых змей. Ослепительные танцоры с гротескно-тощими телами делали резкие прыжки. Несколько маленьких оркестров в разных местах эстрады играли резкие, трубно звучащие мелодии, любимые гейрогами. Были еще акробат с одним пальцем, ходившая по проволоке женщина, левитатор, трио стеклодувов, создававших вокруг себя клетку, глотатель живых угрей, взвод пенистых клоунов и многие другие, которых Валентин уже не мог видеть. Публика, развалившаяся в полутьме, легко следила за всеми, потому что громадная сцена медленно вращалась, делая полный оборот за час или два, так что каждая группа выступавших поочередно проходила перед всеми зрителями.

— Все это плавает на озере ртути,— прошептал Слит.— За этот металл можно купить три провинции.

При такой конкуренции на глазах наблюдателей жонглеры выступали с самыми искусными трюками, а это означало, что новичок был исключен. Он бросал свои булавы и лишь изредка получал от других кинжал или факел. Карабелла танцевала на серебряном шаре диаметром в два фута, который описывал неправильные круги при ее движениях, а она в это время жонглировала пятью ослепительно яркими зелеными шарами. Слит встал на ходули и поднялся выше скандаров — крошечная фигурка где-то наверху,— и спокойно перекидывал из руки в руку три громадных, красных с черными крапинками яйца моликана, которые купил вечером на рынке. Если бы он уронил яйцо с такой высоты, брызги были бы замечены, и это было бы безмерным унижением, но поскольку Слит

никогда ничего не ронял, то не уронил и в эту ночь. Что касается шести скандаров, то они выстроились в звездном порядке спинами друг к другу и жонглировали горящими факелами. В тщательно скоординированное время каждый бросал факел через плечо своему брату на противоположной стороне звезды. Обмен шел с поразительной точностью. Траектории летавших факелов были безупречно рассчитаны, чтобы создать замечательные перекрещивающиеся световые узоры, и ни одного волоска на шкуре скандаров не опалилось, когда они наугад выхватывали из воздуха горящий факел, брошенный им невидимым партнером. Они прошли два оборота сцены, выступая по получасу с пятью минутами отдыха в центральной шахте прямо под эстрадой, где собирались сотни отдыхавших артистов. Валентину хотелось сделать что-нибудь более заметное, чем его элементарное жонглирование, но Зализан Кавол запретил.

— Ты еще не готов,— сказал он,— хотя для новичка работаешь отлично.

Настало утро, когда труппе, наконец, позволили оставить сцену. Оплата была почасовая, а время определялось по счетчикам реакции, помещенным под сиденьями зрителей. За счетчиками наблюдали гейроги в будке под сценой. Некоторые выступавшие оставались на эстраде лишь несколько минут, а потом общая скука или презрение изгоняли их, однако Зализан Кавол и его команда, которым было гарантировано два часа работы, оставались на эстраде четыре часа. Их могли бы оставить и еще на час, однако братья Зализана Кавола, собравшиеся вокруг него для краткого, но интенсивного спора, отговорили его.

— Жадность доведет его до беды,— сказала Карабелла.— Не думает ли он, что эти факелы можно бросать бесконечно, пока кто-нибудь не промажет? Даже скандары иногда устают.

— Только не Зализан Кавол,— сказал Валентин.

— Это верно, он как машина, однако его братья — простые смертные. У Роворна начал расползаться расчет времени. Я очень рада, что у них хватило духу остановить Зализана Кавола.— Она улыбнулась.— Я тоже чертовски устала.

Жонглеры так понравились Долорну, что их наняли еще на четыре дня. Зализан Кавол ликовал — гейроги хорошо платили — и дал всем по пять крон премии.

Валентин думал, что все это хорошо, но ему не хотелось надолго оставаться у гейрогов. На третий день его охватило нетерпение.

— Ты хочешь ехать дальше, — сказал Делиамбер утвердительным тоном.

Валентин кивнул.

— Я, кажется, начал видеть призрак дороги перед собой.

— На Остров?

— Зачем тебе трудиться разговаривать с людьми,— шутя, сказал Валентин,— если ты все видишь в их мозгах?

— На этот раз я не проникал в мозг. Твое следующее движение и так ясно.

— Да, идти к Леди. Кто, кроме нее, скажет мне правду обо мне?

— Ты все еще сомневаешься?

— У меня нет доказательств, кроме снов.

— Которые говорят истинную правду.

— Да,— сказал Валентин,— однако они могут быть притчей, метафорой или фантазией. Глупо принимать их буквально без подтверждения. А Леди может подтвердить, я надеюсь. Далеко этот Остров, колдун?

Делиамбер прикрыл свои золотые глаза.

Тысячи миль,— сказал он.— Примерно пятую часть пути мы пройдем через Зимрол, на восток, через Кантор или Вилатис, вокруг территории Метаморфов, затем, возможно, на речном судне через Ни-мойе до Пилиплока, а оттуда до Острова ходят корабли пилигримов.

Сколько времени это займет?

— Добраться до Пилиплока? Нашим теперешним ходом около пятидесяти лет. Двигаться с жонглерами, останавливаться то тут, то там на неделю...

— А если я отправлюсь один?

— Вероятно, месяцев шесть. Путешествие по реке быстрее, по суше много дольше. Будь у нас воздушные корабли, как в других мирах, дело заняло бы один-два дня, но у нас на Маджипуре нет многого, чем пользуются другие народы.

— Шесть месяцев? — Валентин нахмурился.— А сколько будет стоить нанять экипаж и проводника?

— Примерно двадцать реалов. Тебе придется очень долго жонглировать, чтобы заработать столько.

— Хорошо, вот я в Пилиплоке. Что дальше?

— Ты оплачиваешь проезд до Острова. На путешествие нужно несколько недель. Добравшись до Острова, ты поселишься на самой нижней террасе и начнешь подъем.

— Какой подъем?

— Ясное дело, молитвы, очищение, посвящение. Ты будешь переходить с одной террасы на другую, пока

не достигнешь Террасы Поклонения — порога Внутреннего Храма. Ты ничего об этом не знаешь?

— Делиамбер, в мой мозг вмешались.

— Да, правильно.

— Внутренний Храм. А потом?

— Теперь ты посвящен. Ты служишь Леди, как прислужник. Если хочешь получить аудиенцию, подвергаешься особым ритуалам и ждешь приглашающего сна.

— Сколько же времени займет весь этот процесс — террасы, посвящение, служба, ожидание сна?

— Всяко бывает. Иногда пять лет, и десять, а может быть, и вечность. У Леди нет времени для каждого пилигрима.

— А нет более прямого пути для получения аудиенции?

Делиамбер издал кашляющий звук, изображающий смех.

— Какой? Стучать в храмовую дверь и кричать, что ты, измененный сын Леди, требуешь, чтобы тебя впустили?

— А почему бы и нет?

— Потому что террасы Острова оборудованы фильтрами, не допускающими таких вещей. Легких путей общения с Леди нет, и это не зря. Так что ты можешь потратить много лет.

— Я найду путь. Я достигну ее мозга, если буду на Острове, и буду кричать ей, и смогу убедить ее вызвать меня. Может быть.

— Может быть.

— С твоей помощью это можно сделать.

— Так я и думал, что ты к этому подойдешь,— сухо сказал Делиамбер.

— У тебя есть способности к посланиям. Мы могли бы добраться если не до самой Леди, то достаточно близко. Шаг за шагом мы будем подтягиваться ближе, укорачивая бесконечный процесс на террасах.

— Возможно, это удастся,— сказал Делиамбер.— А ты уверен, что я захочу сделать с тобой это паломничество?

Валентин некоторое время молча смотрел на вруона.

— Уверен,— сказал он наконец.— Ты прикидываешься, будто не хочешь, однако ты сам изобретал всевозможные мотивы, чтобы послать меня к Острову. Ведь я прав, Делиамбер?

— Ах вот оно как выходит!

— Я прав?

— Если ты решил ехать на Остров, Валентин, я на твоей стороне. Но ты твердо решил?

— Почти.

— Прерывающемуся расширению не хватает эффективности,— сказал Делиамбер.

— Много тысяч миль. Годы ожидания. Тяжкий труд и интриги. Почему же я все-таки хочу это сделать, Делиамбер?

— Потому что ты Корональ и должен быть им снова.

— Первое, может, и правда, хотя я сильно сомневаюсь в этом, однако второе под вопросом.

Делиамбер хитро поглядел на него.

— Ты предпочитаешь жить под правлением узурпатора?

— А что мне Корональ и его правление? Он на другом конце мира, в Горном Замке, а я — странствующий жонглер.— Валентин вытянул пальцы и разглядывал их, словно никогда не видел.— Я избавлю себя от многих усилий, если останусь с Залзаном Каволом и позволю другому, кто бы он ни был, сидеть на троне. Может, он мудр и узурпировал справедливо? Какая польза Маджипуру, если я проделаю всю эту работу только для того, чтобы самому сесть на трон? Ох, Делиамбер, разве это по-королевски звучит, когда я говорю такие вещи? Есть ли у меня стремление к власти? Как я могу быть правителем, когда я столь явно не беспокоюсь о том, чтобы это случилось?

— Мы с тобой уже говорили об этом. На тебя было оказано давление, милорд.

— Пусть так. Однако моя королевская природа, если она была, полностью ушла из меня. Это стремление к власти...

— Ты уже дважды употребил эту фразу,— сказал Делиамбер.— Стремление тут не при чем. Истинный король вовсе не стремится к власти: ответственность стремится к нему и захватывает его, и обладает им. Этот Корональ новый, он еще мало что сделал, если не считать великих процессий, а народ уже ворчит по поводу его декретов. А ты спрашиваешь, мудр ли он и справедлив ли. Никакой узурпатор не может быть справедливым. Он преступник, он правит с чувством вины, преступный страх грызет его во сне, и настанет время, когда этот страх отравит его и сделает тираном. Можешь ли ты сомневаться в этом? Он отстранит всех, кто угрожает ему, он будет даже убивать, если понадобится. Яд, текущий в его жилах, войдет в жизнь самой планеты, поразит всех жителей. А ты, сидя здесь и разглядывая свои пальцы, не будешь считать себя ответственным? Как ты можешь говорить

об избавлении себя от многих усилий? Как будто тебе наплевать, к т о у нас король. Это очень важно, милорд, кто король, а ты был выбран и обучен для этого, а не случайно попал. Может, ты думаешь, что Короналем может быть любой?

— Думаю, да. Судьба выбирает наугад.

Делиамбер резко засмеялся. Возможно, девять тысяч лет назад так оно и было. Это династия, милорд.

— Приемная династия?

— Именно. Со времен Лорда Ариока, если не раньше, Короналей выбирали из небольшой группы семей, не более чем из сотни кланов, живших на Замковой Горе и бывших членами правительства. Следующий Корональ обучался заранее, но кто он — знали только он сам и немногие советники. Выбирались также двое или трое на замену. Однако теперь все это нарушено, теперь туда путь проложил захватчик. Ничего, кроме зла, от этого не будет.

— А может, узурпатор — просто ожидающий наследник, которому надоело ждать?

— Нет,— сказал Делиамбер,— этого не может быть. Никто из тех, кто обучался для того, чтобы стать Короналем, не мог бы свергнуть законного посвященного принца. К тому же, зачем ему рядиться под Лорда Валентина, если у него другое имя?

— Согласен с тобой.

— Согласись также и вот с чем: тот тип в Горном Замке не имеет ни права, ни квалификации на пребывание там, и его следует выкинуть, а сделать это можешь только ты.

Валентин вздохнул.

— Ты требуешь от меня великого дела.

— Великого дела требует история,— сказал Делиамбер.— На тысячах миров на протяжении многих тысячелетий история требовала, чтобы разумные существа сделали выбор между порядком и анархией, между созиданием и разрушением, между разумным и неразумным. И силы порядка, созидания и разума всегда фокусировались на одном лидере — короле, президенте, председателе, премьер-министре, генералиссимусе — называй, как хочешь, одним словом, монархе. Здесь, у нас — Корональ, или, более точно, Корональ правит как голос Понтификса, бывшего ранее Короналем, и это, милорд, очень важное дело, кому быть Короналем, а кому не быть.

— Да,— сказал Валентин,— возможно.

— Ты слишком долго мотаешься от «да» к «возможно». Однако, в конце концов, ты будешь правителем. Ты совер-

шишь паломничество на Остров и с благословения Леди пойдешь на Замковую Гору и займешь свое законное место.

— Твои слова наполняют меня ужасом. Если я когда-то правил, если я когда-то обучался для этого, то все это сгорело в моем мозгу.

— Ужас пройдет. По прошествии времени твой мозг будет восстановлен.

— Время идет, а мы торчим в Долорне и развлекаем гейрогов.

— Это недолго. Мы направимся на восток, милорд, поверь.

В уверенности Делиамбера было что-то заразительное. Колебания и неуверенность Валентина на время исчезли. Но как только Делиамбер ушел, Валентин погрузился в неприятные размышления о тяжелой реальности. Может ли он нанять пару верховых животных и завтра же уехать с Делиамбером в Пилиплок? А как же Карабелла, которая вдруг сделалась необходимой для него? А Жанамир? Мальчик привязан к Валентину, а не к скандарам, и Валентин не может его оставить. А расходы? Четверым ехать почти через весь Зимрол? Пища, ночлег, транспорт, корабль пилигримов до Острова и жизнь на Острове, пока он не придумает, как получить доступ к Леди? Делиамбер считал, что Валентину одному понадобится двадцать реалов на дорогу до Пилиплока, а четверым, а то и пятерым, если добавится Слит, набежит сотня реалов, если не больше. А до нижней террасы — сто пятьдесят. Он заглянул в свой кошелек. Из тех денег, которые он имел при себе, появившись в Пидруде, осталось чуть больше шестидесяти реалов плюс один-два реала, заработанных в труппе. Этого никак не хватит. Он знал, что Карабелла почти без денег, Жанамир вернул семье сто шестьдесят реалов, вырученных за животных, а Делиамбер, если бы имел какие-то ценности, не стал бы на старости лет таскаться по стране по контракту с кучей грубых скандаров.

Так что же? Остается ждать и надеяться, что Залзан Кавол выбрал в основном восточную дорогу. Нужно беречь свою корону и ждать, когда настанет момент идти к Леди.

Глава 3

Через несколько дней после того, как они уехали из Долорна с распухшими от щедрости гейрогов кошельками, Валентин отвел Залзана Кавола в сторону и спросил,

в каком направлении они поедут. Был теплый день, а здесь, на восточном склоне Ущелья, где они остановились на обед, все заволокло пурпурным туманом, потому что к северу отсюда были россыпи скувва-песка и ветры все время поднимали его наверх.

Залзан Кавол был недоволен и раздражен этой погодой. Его серый мех, покрасневший от капель тумана, свалялся, и он дергал его, стараясь пригладить. Валентин понял, что сейчас не самый подходящий момент для разговора, однако было уже поздно: отступать не было возможности.

— Кто из нас хозяин труппы, Валентин? — спросил Залзан Кавол.

— Ты, конечно.

— Тогда с какой стати ты пытаешься управлять мной?

— Я?

— В Пидруде ты просил меня ехать сначала в Фалкинкип ради соблюдения фамильной чести нашего погонщика, а я, кстати, помню, что это ты заставил меня нанять этого мальчишку, хотя он не жонглер и никогда им не будет. Я согласился на твои просьбы, сам не знаю почему. Потом ты вмешался в мою ссору с вруоном...

— Мое вмешательство оказалось полезным,— уточнил Валентин,— как ты сам потом признал.

— Правильно. Но вмешательство само по себе мне не нравится. Ты понимаешь, что я полный хозяин этой труппы?

Валентин слегка пожал плечами.

— Никто с этим не спорит.

— Но ты-то понимаешь это? Мои братья понимают. Они знают, что у тела может быть только одна голова — если не считать су-сухирисов, однако мы говорим не о них,— и здесь голова — я, от меня идут все планы и инструкции, от меня одного.— Залзан Кавол улыбнулся.— Тирания? Нет, просто эффективность. Жонглеры не могут быть демократами, Валентин. Управлять должен только один мозг, иначе настанет хаос. Так чего же ты от меня хочешь?

— Знать направление нашей дороги и только.

Залзан Кавол сказал с едва сдерживаемой злостью:

— Зачем? Ты работаешь у нас. Ты идешь туда, куда идем мы. Твое любопытство неуместно.

— Мне так не кажется. Одна дорога для меня более полезна, чем другая.

— Полезна тебе? У тебя свои планы? Ты мне об этом не говорил!

— Я говорю сейчас.

— Каковы же они?

Валентин сделал глубокий вдох.

— В конечном счете совершить паломничество на Остров и посвятить себя Леди. Поскольку корабли паломников отплывают из Пилиплока, а между нами и Пилиплоком лежит весь Зимрол, мне важно знать, не собираешься ли ты идти в другом направлении, скажем, в Вилатис, или, может, обратно в Фил-онон или Нарабал, вместо...

— Ты уволен,— ледяным тоном сказал Залзан Кавол.

Валентин остолбенел.

— Что?

— Хватит. Мой брат Ирфон даст тебе десять крон на устройство. Я хочу, чтобы через час тебя не было.

У Валентина запылали щеки.

— Это совершенно неожиданно! Я же только спросил...

— Ты только спросил. И в Пидруде ты только спросил, и в Фалкинкипе ты только спросил, и через неделю в Мазадоне ты будешь только спрашивать. Ты нарушаешь мое спокойствие, Валентин, и это зачеркивает то, что ты обещаешь как жонглер. Кроме того, ты нелоялен.

— В чем я нелоялен? По отношению к кому?

— Ты нанялся к нам, однако тайно решил воспользоваться нами, как транспортом, который доставит тебя в Пилиплок. Твои обязательства по отношению к нам неискренни. Я называю это предательством.

— Когда я нанимался к тебе, у меня не было на уме ничего, кроме как путешествовать с твоей труппой, куда бы вы не пошли, однако все изменилось, и теперь у меня есть причины совершить паломничество.

— А почему ты допустил, чтобы все изменилось? Где твое чувство долга по отношению к твоим нанимателям и учителям?

— Разве я нанялся к тебе на всю жизнь? — спросил Валентин.— Разве это предательство — обнаружить, что есть более важная цель, чем завтрашнее представление?

— Разбрасывание энергии и заставляет меня избавиться от тебя. Я хочу, чтобы ты каждый день и каждый час думал о жонглировании, а не о дне, когда ты отплывешь с пирса Донибор в паломничество.

— Никакого разбрасывания энергии не будет. Когда я жонглирую, я жонглирую. Когда мы доедем до Пилиплока, я уйду из труппы, но до тех пор...

— Хватит,— сказал Залзан Кавол.— Укладывайся и уходи. Иди сам в Пилиплок и плыви на Остров. Счастливого пути. Мне ты больше не нужен.

Скандар выглядел вполне серьезным. Он повернулся и пошел прочь.

Валентин дрожал от напряжения и тревоги. Мысль о том, чтобы уйти сейчас, идти в Пилиплок одному, приводила его в ужас. Кроме того, он чувствовал себя частью труппы даже в большей степени, чем сам предполагал, членом сплоченной команды, от которой теперь был насильственно отрезан. Хоть бы не сейчас, не теперь, пока он мог остаться с Карабеллой, со Слитом, со скандарами, которых он не любил, но уважал, продолжая совершенствовать глаз и руку, одновременно двигаясь на восток, к странной судьбе, которую Делиамбер, похоже, задумал для него.

— Подожди! — окликнул он скандара.— А как насчет закона?

Залзан Кавол оглянулся через плечо.

— Какого закона?

— Который требует, чтобы ты держал трех жонглеров-людей в своей труппе.

— Я найму на твое место погонщика,— ответил Залзан Кавол,— и научу его, чему он сможет научиться.

Он двинулся дальше.

Валентин стоял как пришибленный. Его разговор с Залзаном Каволом шел в рощице невысоких растений с золотыми листьями. Видимо, растения эти были психосенситивами, потому что он заметил, как они свернули свои замысловато разрезанные листья во время ссоры и теперь сморщились и почернели на десять футов вокруг Валентина. Он дотронулся до листка, безжизненного и как бы опаленного. Валентин был смущен, что стал виновником такой гибели.

— Что случилось? — спросил Жанамир.— Он внезапно появился и с изумлением глядел на увядшие листья.— Я слышал крики. Скандар...

— Он выгнал меня,— рассеянно сказал Валентин,— за то, что я спросил его, куда ведет наш дальнейший путь, за то, что я сказал ему, что со временем намерен отправиться в паломничество на Остров и хотел бы знать, будет ли наша дорога соответствовать моей цели.

Жанамир разинул рот.

— Ты что, хочешь совершить паломничество?

— Я недавно решил.

— Ну, тогда мы пойдем вместе,— вскричал мальчик.— Верно? Пойдем, упакуем вещи, украдем пару животных у этих скандаров и сразу уедем.

— Ты так решил?

— Конечно!

— До Пилиплока много тысяч миль. Ни ты, ни я не знаем дороги.

— Почему не знаем? Вот смотри: мы направляемся в Канрот, там садимся на речное судно до Ни-мойе, а оттуда вниз по Зимру берегом, а в Пилиплоке покупаем место на корабле пилигримов и... Что не так, Валентин?

— Мое место с этим народом. Они учили меня ремеслу. Я...

Валентин запнулся в смущении. Кто он: ученик жонглера или ссыльный Корональ? Какова была его цель — таскаться с этими грубыми скандарами, ну и с Карабеллой и со Слитом тоже, или воспользоваться ими, чтобы скорее попасть на Остров, а затем с помощью Леди в Горный замок? Он сам запутался в своих сомнениях.

— Деньги? — спросил Жанамир. — Это тебя беспокоит? У тебя было больше пятидесяти реалов в Пидруде. Сколько-то, наверное, осталось. У меня есть несколько крон. Если понадобится больше, ты можешь подработать жонглером на речном судне, а я могу ухаживать за животными или...

— Куда это ты собираешься ехать? — спросила Карабелла. Она неожиданно появилась из леса. — Что случилось с этими сенситивами? Здесь была ссора?

Валентин коротко рассказал ей о своем разговоре с Залзаном Каволом. Она молча слушала, прижав руку к губам. Когда он закончил, она бросилась, как стрела, в том направлении, куда ушел Залзан Кавол, так и не сказав ни слова.

— Карабелла! — позвал Валентин, однако она уже исчезла.

— Пусть бежит, — сказал Жанамир. — Мы можем уйти через полчаса, а к ночи будем уже далеко. Иди, складывай наши вещи, а я возьму двух животных и проведу их через лес к маленькому озерку, мимо которого мы ехали, а ты встретишь меня в роще капустных деревьев.

Жанамир нетерпеливо махал руками.

— Поторапливайся! Я пойду за животными, пока скандаров нет. Они могут вернуться в любую минуту.

Жанамир исчез в лесу. Валентин стоял неподвижно. Уйти вот так, сразу, даже не подготовившись к такому повороту событий? А Карабелла? Даже не проститься? А Делиамбер? А Слит? Валентин пошел к фургону собрать свое немногочисленное имущество, но остановился, неу-

веренно обрывая мертвые листья бедных растений-сенситивов, как будто бы мог, отломав увядшие стебли, тут же вызвать новый рост. Постепенно он заставил себя увидеть светлую сторону дела. Останься он с жонглерами, он на месяцы, а то и на годы, отсрочил бы столкновение с реальностью, так явно лежавшей в запасе для него. Если во всем том, что начало возникать, есть какая-то истина, то Карабелла, в любом случае, не могла быть частью этой реальности. Итак, значит, ему надлежит отбросить все опасения и страх и направиться в Пилиплок и на корабль паломников.

«Иди,— понукал он себя,— шевелись, собирай свои вещи. Жанамир будет ждать с животными.»

Однако двинуться он не мог.

Прибежала раскрасневшаяся Карабелла.

— Все улажено,— сказала она.— Я напустила на него Делиамбера. Ты знаешь разные его штучки — одно, другое прикосновение щупальца — обычное колдовство. Ну, и Залзан Кавол передумал. Или мы передумали за него.

Валентин даже испугался интенсивности своих чувств.

— Я могу остаться?

— Да, если пойдешь к нему и попросишь прощения.

— За что?

— Это неважно.— Она усмехнулась.— Он считает себя обиженным, но почему — одно Божество знает! Его мех мокрый, нос холодный. Кто его знает. Он же скандар, у него довольно дикие представления, что правильно и что нет, и от него нельзя требовать, чтобы он думал по-человечески. Ты разозлил его, вот он тебя и выгнал. Попроси его вежливо взять тебя обратно, и он возьмет. Иди. Давай, давай.

— Но...

— Что «но»? Теперь ты будешь упирать на свою гордость? Ты хочешь, чтобы тебя приняли вновь, или нет?

— Конечно, хочу.

— Ну, так иди.

Она потянула его за руку, чтобы сдвинуть с места, пока он стоял в нерешительности, но видимо, вспомнила, чью руку тянет, потому что выпустила ее и отступила, как бы готовая преклонить колени и сделать знак горящей звезды.

— Пожалуйста,— тихо сказала она,— пойди к нему, Валентин. Вдруг он опять передумает? Если ты уйдешь из труппы, я тоже уйду, а мне этого не хочется. Иди, прошу тебя.

— Ладно,— сказал Валентин.

Она повела его по мокрой от тумана земле к фургону. Залзан Кавол угрюмо сидел на ступеньках, завернувшись в плащ. Валентин подошел к нему и сказал:

— Я не хотел рассердить тебя. Я прошу простить меня.

Залзан Кавол издал низкий рычащий звук, почти за порогом слышимости.

— Ты надоеда,— сказал он.— Почему я должен прощать тебя? Отныне ты будешь говорить со мной только тогда, когда я обращусь к тебе. Понял?

— Понял.

— И больше не пробуй влиять на наш выбор дороги.

— Понял.

— Если ты снова разозлишь меня, ты будешь уволен без выходного пособия и уйдешь с моих глаз через десять минут, где бы мы ни находились, даже если мы раскинем лагерь в резервации метаморфов, и хоть среди ночи. Понял?

— Понял,— сказал Валентин.

Он ждал, думая, не придется ли ему наклониться и поцеловать волосатые пальцы скандара в знак повиновения. Карабелла, стоя рядом, затаила дыхание, как будто ожидала какого-то взрыва со стороны Власти Маджипура, выпрашивающей прощения у странствующего жонглера-скандара. Залзан Кавол презрительно оглядел Валентина, как посмотрел бы на поданную ему рыбу сомнительной свежести, и кисло сказал:

— Я не обязан снабжать своих работников информацией, которая их не касается, однако все-таки скажу тебе, что Пилиплок — мой родной город, и я возвращаюсь в него время от времени и намерен, по возможности, сделать это и теперь. Скоро ли — зависит от наших ангажементов, каких я смогу добиться по пути. Но знай, что наша дорога лежит в основном на восток, хотя возможны отклонения, поскольку нам надо зарабатывать на жизнь. Надеюсь, ты доволен. Когда мы дойдем до Пилиплока, можешь уйти из труппы, если у тебя все еще будет намерение совершить паломничество. Однако, если ты станешь уговаривать кого-либо из членов труппы, кроме мальчишки-погонщика, сопровождать тебя, я обращусь в суд при Дворе Короналя и буду преследовать тебя судебным порядком. Понятно?

— Понятно,— сказал Валентин.

Он сомневался, что мог бы честно договориться со скандаром в этом пункте.

— И, наконец,— сказал Залзан Кавол,— прошу тебя помнить, что ты получаешь приличное количество крон

в неделю, не считая расходов и премий, за то, что выступаешь в этой труппе. Если я замечу, что ты забиваешь себе голову мыслями о паломничестве, о Леди и ее слугах или еще о чем-то, вместо того, чтобы думать только о том, как бросать в воздух вещи и ловить их наиболее зрелищным образом, я откажусь держать тебя. В последние несколько дней ты, кажется, в неподходящем для работы настроении, Валентин. Измени его. Мне нужны в труппе три жонглера-человека, но не обязательно те, которые у меня сейчас. Понял?

— Понял.

— Ну, ступай.

Когда они отошли, Карабелла сказала:

— Тебе было страшно неприятно?

— Наверно, это было страшно приятно ему.

— Он просто волосатое животное!

— Нет,— сказал Валентин серьезно.— Он чувствующее существо, равное нам в гражданском ранге, и никогда не говори о нем иначе. Он только к а ж е т с я животным.

Валентин засмеялся. Через минуту Карабелла засмеялась тоже. Он продолжал:

— Когда имеешь дела с существами, страшно чувствительными к вопросам чести и гордости, наверное, самое разумное — приспосабливаться к их нуждам, особенно когда эти существа восьми футов ростом и платят вам жалованье. В этом смысле Залзан Каволь мне бóльше нужен, чем я ему.

— А паломничество? Ты и в самом деле хочешь его совершить? Когда ты решил это?

— В Долорне после разговора с Делиамбером. Есть кое-какие вопросы насчет меня, мне нужны ответы, а помочь мне с этими ответами может только Леди Острова. Я пойду к ней, по крайней мере, попытаюсь. Однако все это далеко в будущем, и я обещал Залзану Каволу не думать о таких вещах.— Он взял ее за руку.— Спасибо тебе, Карабелла, что уладила это дело между мною и Залзаном Каволом. Я вовсе не был готов к увольнению из труппы и к разлуке с тобой, я так недавно нашел тебя.

— А почему ты думаешь, что потерял бы меня, если бы Залзан Каволь настаивал на твоем уходе?

Он улыбнулся.

— Спасибо тебе и за это тоже. А теперь мне надо пойти в рощу капустных деревьев и велеть Жанамиру вернуть животных, которых он украл для нас.

Глава 4

В следующие несколько дней ландшафт стал совершенно незнакомым, и Валентин еще раз порадовался, что он и Жанамир не поехали по нему одни. Местность между Долорном и следующим большим городом Мазадоном была относительно мало населенной. Большую часть округи, по словам Делиамбера, занимал королевский лесной заповедник. Зализану Каволу это было весьма досадно, потому что жонглеры не находят работы ни в лесных заповедниках, ни, что более важно, в низинной болотистой фермерской земле, засеянной, в основном, падди-рисом и плантациями зерен лусавендра. Однако выбора не было, приходилось ехать по главному лесному шоссе, поскольку ни к северу, ни к югу ничего более обещающего не было.

Они ехали почти все время под моросившим дождем через деревни и фермы, а иногда через посадки забавных толстоствольных капустных деревьев, низких и приземистых, с массивными белыми плодами, растущими прямо из коры. Но ближе к Мазадонскому лесному заповеднику капустные деревья уступали место густым зарослям поющих папоротников с желтыми вайями, которые издавали пронзительные нестройные звуки, когда к ним приближались. Это было бы еще не так скверно — немелодичная песня папоротников имела некоторое очарование, как думал Валентин, однако в гуще папоротников жили надоедливые существа, куда более неприятные, чем растения,— маленькие зубчатокрылые грызуны даймы, взлетавшие вверх всякий раз, когда фургон задевал за поющий папоротник. Даймы были с мизинец длиной, покрыты красивым золотым мехом. Они взлетали в огромном количестве и вились роем, время от времени кусаясь крошечными, но острыми зубками.

Толстокожие, покрытые мехом скандары, сидевшие впереди, на водительском месте, не обращали на них внимания, только отмахивались, когда те подбирались слишком близко, однако обычно спокойная упряжка животных раздражалась и несколько раз сбивалась с хода. Жанамир, посланный успокоить животных, получил с полдюжины болезненных укусов, а когда возвращался обратно в фургон, с ним вместе влетело множество даймов. Слита укусили в щеку, возле глаза, а у Валентина, сразу же атакованного разозленными созданиями, оказались искусанными обе руки. Карабелла методично уничтожала даймов стилетом, используя жонглерское искусство. Она

действовала целеустремленно и ловко, но прошло по крайней мере полчаса, пока не был убит последний дайм.

Проехав территорию даймов и поющих папоротников, путешественники очутились в местности весьма любопытного вида: широкие открытые луга, на которых торчали сотни черных гранитных игл высотой футов в восемьдесят — естественных обелисков, оставленных каким-то неизвестным геологическим событием. Для Валентина это было место тихой красоты, для Залзана Кавола — еще одно место, через которое надо быстро проехать, чтобы попасть на следующий фестиваль, где могли нанять жонглеров, для Делиамбера место было угрожающим. Вруон наклонился, внимательно вглядываясь в обелиски через окно фургона.

— Остановись,— сказал он наконец Залзану Каволу.

— В чем дело?

— Я хочу кое-что проверить. Выпусти меня.

Залзан Кавол, нетерпеливо ворча, натянул поводья. Делиамбер вылез из фургона, пошел скользящей вруонской походкой к странным каменным формациям и исчез среди них, время от времени появляясь на виду, когда зигзагами переходил от одного шпиля к другому. Вернулся он хмурым и озабоченным.

— Посмотрите,— сказал он и указал вперед.— Видите лианы, протянутые от одного камня к другому, а от другого к третьему и так далее? По ним ползают какие-то маленькие существа.

Валентин различил только сетку из тонких блестящих красных линий высоко на шпилях, футах в сорока или пятидесяти над землей. Да, верно, с полдюжины обезьяноподобных животных передвигались, как акробаты, от обелиска к обелиску, свободно повиснув на руках и ногах.

— Это похоже на сеть птицеядной лианы,— недоуменно сказал Залзан Кавол.

— Это она и есть,— сказал Делиамбер.

— А почему они не прилипают к ней? Что это за животные?

— Это лесные братья,— ответил вруон.— Ты знаешь о них?

— Расскажи.

— Беспокойные. Дикое племя родом из центрального Зимрола, их редко встретишь так далеко к западу. Метаморфы охотятся на них — то ли для еды, то ли ради спорта, точно не знаю. У них есть разум, однако низшего порядка, несколько выше, чем у собак и дролей, но ниже,

чем у цивилизованного народа. Их боги — двикка-деревья. У них нечто вроде племенной структуры, они умеют делать отравленные стрелы и причиняют неприятности путникам. Их пот содержит энзимы, делающие их невосприимчивыми к липкости птицеядной лианы, и они пользуются этой лианой для многих целей.

— Если они станут надоедать нам,— сказал Залзан Кавол,— мы уничтожим их. Поехали!

Миновав район обелисков, путешественники в этот день больше не видели следов лесных братьев. На следующий день, углубившись в лесной заповедник, они добрались до рощи поистине колоссальных деревьев. Врунонский колдун сказал, что это и есть двикка-деревья, священные для лесных братьев.

— Это объясняет присутствие лесных братьев так недалеко от территории метаморфов,— сказал Делиамбер.— Видимо, это мигрирующая группа, идущая на запад, чтобы поклониться этой роще.

Двикка-деревья были потрясающими. Их было пять, и они находились далеко в стороне от других деревьев. Диаметр ствола с ярко-красной корой был больше, чем продольные оси фургона Залзана Кавола. Хотя деревья были не особенно высокими — не более ста футов — их мощные ветви, каждая толщиной в ствол обычного дерева, тянулись на такое расстояние, что под ними могли укрыться целые армии. На побегах толщиной с бедро скандара росли листья, черные, кожистые, с дом величиной. Они тяжело свисали вниз, бросая непроницаемую тень. На каждой ветви висело по два-три гигантских желтоватых плода в виде неправильных шаров двенадцати-пятнадцати футов в диаметре. Один плод, похоже, недавно упал, вероятно, в дождливый день, когда земля была мягкой, и своим весом продавил ее, так что лежал теперь в неглубоком кратере. Он треснул и показывал в данный момент множество крупных многогранных черных семян в массе алой мякоти.

Валентин понял, почему эти деревья были богами лесных братьев: они были монархами растительного царства, величественными, повелевающими. Он и сам был склонен опуститься на колени перед ними.

— Плод очень вкусный,— сказал Делиамбер,— и безвреден как для человека, так и для многих других.

— А для скандаров? — спросил Залзан Кавол.

— И для скандаров.

Залзан Кавол засмеялся.

— Попробуем. Ирфон, Тилкар, соберите-ка нам этих фруктов.

Делиамбер нервно сказал:

— Талисманы лесных братьев лежат на земле перед каждым деревом. Лесные братья были здесь недавно и могут вернуться. Если они обнаружат, что мы оскверняем их рощу, они нападут на нас, а их стрелы убивают.

— Слит, Карабелла, встаньте слева на страже, Валентин, Жанамир, Виноркис — с другой стороны. Крикните, если увидите одну из этих обезьян,— приказал Залзан Кавол. Он махнул своим братьям.— Соберите нам плодов. Керн, мы с тобой будем охранять отсюда. Колдун, останься с нами.

Залзан Кавол взял со стойки пару энергометов и дал один Керну. Делиамбер неодобрительно пробормотал:

— Они приходят как призраки, появляются неоткуда...

— Заткнись! — сказал Залзан Кавол.

Валентин занял наблюдательный пост в пятидесяти ярдах от фургона и внимательно вглядывался в темный таинственный лес. В любую минуту он мог ждать смертельную стрелу. Ощущение было не из приятных.

Ирфон и Тилкар с большой плетеной корзиной направились к упавшему плоду, останавливаясь через каждые несколько шагов и оглядываясь во все стороны. Дойдя до плода, они осторожно обошли его кругом.

— Что, если лесные братья уже сидят позади этой штуковины? — сказал Жанамир.— Вдруг Тилкар наткнется на них...

Откуда-то по соседству с плодом неожиданно раздался испуганный крик и рев, как рев оскорбленного бидлака, которому помешали спариваться. Ирфон Кавол испуганно отскочил назад и бросился к фургону, а следом за ним столь же перепуганный Тилкар.

— Скоты! — кричал яростный голос.— Свиньи и отцы свиней! Вы хотели изнасиловать женщину, спокойно обедающую? Я научу вас, как нападать! Я вас так отмечу, что вы никогда больше не станете насиловать! Оставайтесь на месте, волосатые звери! Стойте, говорю!

Из-за плода двикка вышла самая громадная женщина, какую Валентин когда-либо видел. Она была под пару этим деревьям и отлично соответствовала их масштабам. Рост ее был не менее семи футов, а гигантское тело представляло гору плоти на крепких, как столбы, ногах. Одета она была в плотную блузу и серые кожаные брюки. Блуза была расстегнута почти до талии и обнажала

громадные шары грудей размером с голову мужчины. На голове у нее была копна оранжевых кудрей, пронзительно-голубые глаза сверкали. Она держала в руке внушительных размеров вибрационный меч и размахивала им с такой силой, что Валентин, стоя в сотне футов, чувствовал ветер. Ее щеки и груди были выпачканы алым соком плода двикка. Она шла громадными шагами к фургону, вопя о насилии и требуя мести.

— Кто это? — спросил Залзан Кавол. Валентин еще ни разу не видел его таким растерянным. Он глянул на братьев.— Что вы ей сделали?

— Мы не коснулись ее,— сказал Ирфон.— Мы оглянулись назад, нет ли лесных братьев, и Тилкар неожиданно наткнулся на нее, споткнулся и ухватился за ее руку, чтобы удержаться на ногах.

— Ты сказал, что вы не коснулись ее,— рявкнул Залзан Кавол.

— Не коснулись ее в т о м смысле. Это была просто случайность. Он споткнулся.

— Сделай что-нибудь,— быстро сказал Залзан Кавол, обращаясь к Делиамберу, потому что великанша была уже почти рядом.

Вруон, выглядевший бледным и угрюмым, встал перед фургоном и поднял щупальца к громадине, возвышавшейся над ним.

— Мир,— спокойно сказал он нападавшей великанше.— Мы не хотим повредить тебе.

Говоря, он делал магические жесты, накладывая пацифические чары, которые появлялись в слабом синеватом свете воздуха перед ним. Громадная женщина, видимо, восприняла их, потому что замедлила ход и остановилась в двух-трех футах от фургона. Она угрюмо опустила вибрационный меч и помахивала им, затем затянула блузу спереди и кое-как застегнула ее. Оглядев скандаров, она указала на Ирфона и Тилкара и сказала громовым голосом:

— Это вы собирались сделать со мной такое?

Делиамбер ответил:

— Они просто пошли собрать плодов двикка-дерева. Видишь корзину, которую они несли?

— Мы же не знали, что ты там,— промямлил Тилкар.— Мы обходили плод, чтобы проверить, не спрятались ли за ним лесные братья, вот и все.

— И навалились на меня, как придурки, и изнасиловали бы, кабы я была безоружной, так?

— Я оступился,— настаивал Тилкар.— У меня не было намерения приставать к тебе. Я боялся лесных братьев, а когда встретился с особой твоих размеров...

— Что? Ты опять оскорбляешь меня?

Тилкар глубоко вздохнул.

— Я хочу сказать... Я не ожидал... Когда я... Когда ты...

— Мы не думали,— сказал Ирфон.

Валентин, с интересом наблюдавший за этой сценой, вышел вперед и сказал:

— Если бы они замышляли изнасилование, разве стали бы они делать это при нас? Мы тут одной с тобой расы и не потерпели бы этого.— Он указал на Карабеллу.— Эта женщина так же свирепа в своих обычаях, как и ты в своих, миледи. Будь уверена, что если бы эти скандары попытались бы нанести тебе какое-то оскорбление, то она в одиночку предупредила бы это. Это было просто недоразумение, только и всего. Опусти свое оружие и не чувствуй себя в опасности среди нас.

Великаншу, видимо, смягчили вежливость и шарм в речи Валентина. Она медленно укрепила оружие на бедре.

— Кто ты?— ворчливо спросила она.— И зачем вы ходите здесь?

— Меня зовут Валентин, и мы странствующие жонглеры, а этот скандар — Залзан Кавол, хозяин нашей труппы.

— А я Лизамон Холтен,— отрекомендовалась гигантша.— Я нанимаюсь телохранителем и воином, хотя в последнее время это редко случается.

— Мы тратим время,— сказал Залзан Кавол.— Мы поедем дальше, если ты простила нас за то, что мы помешали твоему отдыху.

Лизамон Холтен энергично закивала.

— Да, продолжайте свой путь. Но вы знаете, что это опасная территория?

— Лесные братья? — спросил Валентин.

— Да. Они повсюду. Леса кишат ими.

— А ты не боишься их? — спросил Делиамбер.

— Я говорю на их языке,— ответила Лизамон,— и у меня честный договор с ними. Не думаешь ли ты, что иначе я рискнула бы обедать тут плодом двикка? Может, я и жирная, однако не лопоухая, маленький колдун.— Она уставилась на Залзана Кавола.— Куда вы едете?

— В Мазадон,— ответил скандар.

— В Мазадон? Что вам там делать?

— Мы надеемся получить там работу.

— Ничего там для вас нет. Я только что из Мазадона. Герцог недавно умер, и во всей провинции объявлен трехнедельный траур. Может, вы будете жонглировать на похоронах?

Лицо Залзана Кавола потемнело.

— Нет работы в Мазадоне? Нет во всей провинции? А мы-то стремились! Мы и так без заработка с самого Долорна. Что будем делать?

Лизамон выплюнула кусок мякоти плода.

— Это уж не моя печаль. Но вы в любом случае не попадете в Мазадон.

— Это почему?

— Лесные братья блокировали дорогу в пяти милях отсюда. Они требуют с проезжающих дань или еще что-то непонятное. Они не пропустят вас. Хорошо, если не убьют сразу своими стрелами.

— Пропустят! — воскликнул Залзан Кавол.

Женщина-воин пожала плечами.

— Без меня не пропустят.

— А ты здесь причем?

— Я же тебе сказала, что говорю на их языке. Я могу купить вам проход. Интересуешься? Пяти реалов, наверное, хватит.

— А зачем лесным братьям деньги? — спросил скандар.

— Не им,— беззаботно ответила она.— Пять реалов для меня. А я им предложу другие вещи. Договорились?

— Абсурд. Пять реалов — это целое состояние.

— Я не торгуюсь,— твердо сказала она.— Честь моей профессии не позволяет этого. Удачи тебе на пути.— Она холодно оглядела Ирфона и Тилкара.— Если желаете, можете взять с собой немного плодов двикка. Однако лучше не жуйте их, когда встретитесь с лесными братьями.

Она повернулась с большим достоинством и пошла к огромному плоду под деревом. Подняв меч, она отрубила три здоровых куска и презрительно толкнула их к двум скандарам, которые смущенно положили их в корзину.

— Все в фургон! — сказал Залзан Кавол.— До Мазадона долгий путь.

— Далеко ты не уедешь,— сказала Лизамон. Она захохотала.— Ты скоро вернешься сюда, если останешься жив!

Глава 5

Отравленные стрелы лесных братьев весьма заботили Валентина на протяжении следующих нескольких миль. Неожиданная и страшная смерть не привлекала его, а лес был густой и таинственный, с какой-то первобытной растительностью: папоротниковые деревья с серебряными споровыми ножнами, стеклянного вида конские хвосты в десять футов высотой, усаженные кучами грибов, бледных, с коричневыми впадинами. В таком странном месте могло случиться все, что угодно, и, скорее всего, случится.

Однако сок плода двикка сильно облегчал напряженность. Виноркис разрезал громадный кусок на ломтики и передавал их по кругу. Плод был исключительно сладким и зернистым, таял во рту, и какие-то алкалоиды, содержавшиеся в нем, проникали через кровь в мозг быстрее самого крепкого вина. Валентин почувствовал тепло и веселость. Он с трудом пробрался в пассажирскую кабину, одной рукой обняв Карабеллу, а другой — Жанамира. Зализан Кавол расслабился явно больше, чем следовало, потому что шел впереди рядом с фургоном веселым шагом, отбросив свою суровую осторожность. Обычно замкнутый Слит стал напевать озорную песенку.

Вдруг фургон остановился так неожиданно, что Слит ткнулся вперед и чуть не упал на Валентина, и кусок плода шлепнулся Валентину в лицо. Смеясь и моргая, Валентин вытер лицо и увидел, что все собрались в передней части фургона и что-то разглядывали между сидевшими на водительском месте скандарами.

— Что там? — спросил он.

— Птицеядная лиана,— печально сказал Виноркис,— блокирует дорогу. Великанша сказала правду.

Действительно, толстая крепкая красная лиана тянулась от одного папоротникового дерева к другому под десятком углов, образуя прочную и упругую сетку, широкую и толстую. Лес по краям дороги был здесь абсолютно непроходимым, а дорога перегорожена лианой. Фургон пройти не мог.

— А разрезать ее можно? — спросил Валентин.

Зализан Кавол ответил:

— Мы сделали бы это энергометами за пять минут. Однако посмотри сюда.

— Лесные братья,— тихо сказала Карабелла.

Они были повсюду — толпились в лесу, свисали с каждого дерева,— хотя держались на расстоянии при-

мерно ста ярдов от фургона. Вблизи они казались менее похожими на обезьян, а больше на дикарей разумной расы. Это были маленькие голые существа с голубовато-серой кожей и тонкими членами. Узкие вытянутые головы не имели волос, лбы были скошены, удлиненные шеи тонкие и хрупкие, худые костлявые тела с вдавленной грудью. У всех, у мужчин и у женщин, свисали с бедра тростниковые трубки для метания стрел. Лесные братья указывали на фургон и переговаривались слегка шипящими и свистящими звуками.

— Что будем делать? — спросил Залзан Кавол у Делиамбера.

— Наймем женщину-воина.

— Никогда!

— В таком случае,— сказал вруон,— готовься сидеть в фургоне до конца своих дней, или вернемся в Долорн и поищем другую дорогу.

— Мы могли бы договориться с ними,— сказал скандар.— Иди туда, колдун. Поговори с ними хоть на обезьяньем языке, хоть на вруонском, хоть на каком — лишь бы сработало. Скажи им, что у нас важное дело в Мазадоне, что мы должны дать представление на похоронах герцога, и, если они нас задержат, их строго накажут.

— Скажи им сам,— спокойно ответил Делиамбер.

— Я?

— Любой из нас, выйдя из фургона, рискует получить стрелу. Я уступаю эту честь тебе. Может, их пленят твои размеры, и они будут приветствовать тебя, как своего короля, а может, и нет.

Залзан Кавол сверкнул глазами.

— Ты отказываешься?

— Мертвый колдун,— сказал Делиамбер,— не поведет тебя далеко по этой планете. Я кое-что знаю об этих созданиях. Они непредсказуемы и весьма опасны. В нашем контракте не сказано, что я должен рисковать жизнью ради тебя.

Залзан Кавол негодующе фыркнул, однако закрыл дверцу фургона. Положение было безвыходным. Лесные братья начали спускаться с деревьев, но оставались на почтительном расстоянии от фургона. Некоторые прыгали и плясали на дороге и хрипло пели без слов и без мотива. Это пение напоминало жужжание громадных насекомых.

Ифрон Кавол сказал:

— Дать по ним из энергомета и разбросать их. Сеть сжечь недолго. А затем...

— А затем они пойдут за нами через лес и забросают нас стрелами, как только мы высунем нос,— сказал Залзан Кавол.— Нет. Их тут, наверное, тысячи. Они нас видят, а мы их нет. Силой мы ничего с ними не сделаем.

Скандар угрюмо съел последний кусок плода. Несколько минут он сидел молча, хмурился, время от времени грозил кулаками маленьким людям, блокировавшим дорогу, и, наконец, с горечью сказал:

— До Мазадона еще несколько дней пути, а та женщина сказала, что работы нам там нет. Может, поедем в Бургакс или даже в Тагобар, колдун? Пройдут недели, прежде чем мы заработаем пару крон, а мы сидим здесь, пойманные в ловушку маленькими обезьянами с отравленными стрелами. Валентин!

— Да? — отозвался Валентин, вздрогнув.

— Я хочу, чтобы ты выскользнул из фургона через заднее окно и вернулся к той женщине-воину. Предложи ей три реала, чтобы она вывела нас отсюда.

— Ты это серьезно? — спросил Валентин.

Карабелла, чуть задыхаясь, сказала:

— Нет! Вместо него пойду я!

— Это почему? — раздраженно спросил Залзан Кавол.

— Валентин легко заблудится, он не найдет...

— Вздор,— сказал скандар нетерпеливо махнул рукой.— Дорога прямая. Валентин силен и проворен. И это опасное дело. Твой талант слишком ценен, чтобы рисковать им, Карабелла. Пойдет Валентин.

— Не ходи,— прошептал Жанамир.

Валентин заколебался. Ему не слишком нравилась идея оставить относительно безопасносный фургон и идти пешком одному по лесу, кишащему опасными существами. Однако кто-то должен был это сделать — не медлительные, тяжеловесные скандары, не косолапый хьорт. Для Залзана Кавола Валентин был самым малоценным членом труппы. Наверное, так оно и есть. Скорее всего, он малоценен даже и для себя. Валентин сказал:

— Женщина-воин назвала нам цену в пять реалов.

— Предложи ей три.

— А если она откажется? Она же сказала, что торговаться ниже ее достоинства.

— Три,— сказал Залзан Кавол.— Пять реалов — огромная сумма. Заплатить три — и то достаточно глупо.

— Ты хочешь, чтобы я бежал несколько миль по опасному лесу и предложил женщине неподходящую цену за работу, которая нам необходима?

— Ты отказываешься?

— Нашел дурака,— сказал Валентин.— Если я рискую жизнью, то ради достижения цели. Дай мне пять реалов для этой женщины.

— Приведи ее сюда,— сказал Залзан Кавол,— и я с ней поговорю.

— Приведи ее сам,— сказал Валентин.

Залзан Кавол задумался. Карабелла, напряженная и бледная, качала головой. Слит взглядом советовал Валентину держаться своей позиции. Жанамир, раскрасневшись и дрожа, казалось, готов был взорваться от злости. Валентин подумал, что на этот раз он слишком сильно задел вспыльчивый характер скандара. Мех Залзана Кавола топорщился, спазмы ярости сжимали могучие мышцы. Он, похоже, с великим трудом сдерживал себя. Без сомнения, демонстрация независимости Валентина довела скандара почти до точки кипения, однако в его глазах была искра расчета, словно он взвешивал открытый вызов Валентина и необходимость иметь Валентина у себя на службе. Может быть, он даже спрашивал себя, не глупо ли сейчас экономить. После долгого тяжелого молчания Залзан Кавол с шипением вздохнул и хмуро полез за кошельком. Он мрачно отсчитал пять блестящих монет по одному реалу.

— Вот,— проворчал он.— И торопись.

— Я пойду быстро, как смогу.

— Бежать трудно,— сказал Залзан Кавол.— Может, выйдешь на дорогу и спросишь лесных братьев, нельзя ли выпрячь одного из наших животных? Тогда поедешь с комфортом.

— Лучше я побегу,— сказал Валентин.

Он начал открывать заднее окно. Плечи его зудели в ожидании удара стрелы, когда он вылезал. Однако удара не последовало, и скоро он уже легко бежал по дороге. Лес, который выглядел так зловеще из фургона, сейчас казался менее страшным, растительность была незнакомая, но вроде не угрожающая. Его длинные ноги двигались размеренно, сердце работало без жалоб. Бег расслаблял, почти гипнотизировал и успокаивал, как жонглирование. Он бежал долго, не считая времени и расстояния, пока не подумал, что отбежал уже достаточно далеко. Но не пробежал ли он ненароком мимо деревьев двикка? Нет, вряд ли. Он снова бежал и бежал, пока не увидел гигантские деревья с упавшими у самого ствола плодами.

Великанши нигде не было. Он окликал ее, заглядывал за плоды двикка, обошел всю рощу. Никого не было. В отчаянии он решил бежать дальше, к Долорну, и, может быть, найти ее там, однако теперь он почувствовал, как протестуют мышцы икр и бедер, как недовольно стучит сердце. Нет, прямо сейчас он не мог бежать.

Тут он увидел неподалеку, в нескольких сотнях ярдов, холм — что-то крупное, с широкой спиной и толстыми ногами — вполне подходящий холм, чтобы назвать его Лизамон Холтен. Он пошел туда. Почва резко понижалась к иззубренному утесу. Валентин заглянул через него. Из леса бежал ручей и, ударяясь об утес, направлялся в каменный бассейн футах в сорока внизу. Рядом с этим бассейном лежала, греясь после купания, Лизамон Холтен. Она лежала вниз лицом, ее меч лежал рядом.

Валентин с почтением взглянул на ее широкие мускулистые плечи, мощные руки, массивные колонны ног, обширные полушария зада. Он окликнул ее. Она тут же перевернулась и села, оглядываясь вокруг.

— Я наверху,— сказал он.

Она взглянула вверх, и он скромно отвернулся, но она только посмеялась над его смущением, встала и неторопливо оделась.

— Это ты,— сказала она,— вежливо говорящий Валентин. Можешь спуститься сюда. Я тебя не боюсь.

— Я знаю, что ты не любишь, когда мешают твоему отдыху,— мягко сказал Валентин.

Он начал спускаться по каменным ступеням. Когда он спустился, она была уже в брюках и натягивала блузу на мощные груди.

— Мы попали в засаду,— сказал он.

— Ясное дело.

— Нам нужно в Мазадон. Скандар послал меня нанять тебя.— Он протянул пять реалов.— Ты поможешь нам?

Она осмотрела блестящие монеты на его ладони.

— Цена семь с половиной.

— Ты же говорила — пять.

— То было раньше.

— Скандар дал мне только пять реалов, чтобы заплатить тебе.

Она пожала плечами и начала расстегивать блузу.

— В таком случае, я буду продолжать принимать солнечные ванны. Можешь остаться или уйти, однако держись на расстоянии.

Валентин спокойно сказал:

— Когда скандар пытался сбить цену, ты отказалась торговаться, сказав, что честь твоей профессии не позволяет этого. Мои понятия о чести требуют, чтобы я держался цены, которую запросил.

Она поднесла руки к губам и захохотала так оглушительно, что он опасался, как бы его не отнесло прочь. Рядом с ней он чувствовал себя игрушечным: ее вес превосходил его больше чем на сто фунтов, а ростом она была, по крайней мере, на голову выше.

— Какой ты храбрый или какой глупый! Я могу уничтожить тебя одним шлепком, а ты стоишь тут и распространяешься насчет недостатка чести!

— Я не думаю, что ты навредишь мне.

Она с новым интересом взглянула на него.

— Может, и нет. Но ты рискуешь, парень. Я легко обижаюсь и иногда, если дам волю своему характеру, приношу ущерба больше, чем намеревалась.

— Давай сделаем так. Нам надо в Мазадон, а отозвать лесных братьев можешь только ты. Скандар заплатит пять реалов, но не больше.— Валентин наклонился и положил пять монет на камень у бассейна.— У меня есть немного своих денег, и я добавлю их к твоему гонорару.

Он достал кошелек, вынул из него один реал, второй, полреала, положил их рядом с пятью на камень и с надеждой поднял глаза на Лизамон.

— Пяти будет достаточно,— сказала она.

Она взяла монеты Залзана Кавола, оставив деньги Валентина, и стала подниматься по тропе.

— Где твое животное? — спросила она, отвязывая свое.

— Я пришел пешком.

— Пешком? Ты бежал всю дорогу? — она уставилась на него.— Ну и честный же ты работник! Видно, он хорошо платит тебе, если ты соглашаешься на такое дело и так рискуешь?

— Нет, не слишком.

— Конечно, так я и думала. Ну ладно, садись позади меня. Эта скотина даже и не заметит столь малого увеличения веса.

Она села на животное. Оно, хоть и было рослым для своей породы, стало сразу же казаться карликовым и хрупким. Валентин после некоторого колебания сел позади Лизамон и обхватил ее за талию. При всем ее объеме в ней нисколько не было жира: ее бедра окружали крепкие мышцы.

Животное легким галопом вынеслось из рощи и побежало по дороге. Фургон, когда они доехали до него, был все еще плотно закрыт, а лесные братья плясали вокруг деревьев позади преграды. Они спешились. Лизамон бесстрастно подошла к фургону и окликнула кого-то из лесных братьев высоким дребезжащим голосом. С деревьев донесся такой же ответ. Она вновь окликнула. Ей опять ответили. Затем последовало лихорадочное совещание с короткими увещеваниями и возражениями. Она повернулась к Валентину.

— Они откроют вам ворота, однако за плату.

— Сколько?

— Не деньгами, услугой.

— Какую услугу мы можем оказать лесным братьям?

— Я сказала им, что вы жонглеры, и объяснила, что это значит. Вы должны дать им представление, и тогда они вас пропустят. В противном случае они намерены убить вас и играть вашими костями, но не сегодня, потому что сегодня у лесных братьев праздник, а в такой день они не убивают. Я советую вам выступить для них, однако, это уж — как хотите.

Затем она добавила:

— Яд, которым они пользуются, действует не особенно быстро.

Глава 6

Залзан Кавол пришел в негодование: выступать ему перед обезьянами, да еще бесплатно? Однако Делиамбер указал ему, что лесные братья все-таки выше обезьян по шкале эволюции, Слит заметил, что они сегодня не попрактиковались и тренировка будет им полезна, а Ирфон Кавол решил вопрос, сказав, что это не свободное представление, а плата за проход через эту часть леса, которой управляют эти существа. В любом случае, выбора у них не было.

Так что они вышли из фургона с булавами и серпами, но без факелов, поскольку Делиамбер предупредил, что факелы могут напугать лесных братьев и вызвать их на непредсказуемые действия. Они нашли хорошо расчищенное место и начали жонглировать. Лесные братья жадно следили за ними. Сотни и сотни их выходили из леса, усаживаясь на корточки вдоль дороги, кусали пальцы и тонкие гибкие хвосты и переговаривались. Скандары обменивались серпами, кинжалами, булавами и

топориками, Валентин поодаль крутил булавы, Слит и Карабелла выступали отлично и энергично.

Прошел час, другой, солнце стало клониться в сторону Пидруда, а лесные братья все смотрели, а жонглеры все работали, и ничего не делалось, чтобы убрать с дороги сеть.

— Мы будем платить им всю ночь? — спросил Залзан Кавол.

— Молчи,— ответил Делиамбер.— Не оскорбляй их. Наши жизни в их руках.

Жонглеры воспользовались случаем, чтобы отрепетировать новые трюки. Скандары оттачивали количество перехватов, выхватывая броски друг у друга, и это выглядело комично из-за их размеров и силы. Валентин работал со Слитом и Карабеллой в обмене булавами. Затем Слит стал быстро перебрасываться с Валентином, в то время как сначала Карабелла, а потом Жанамир бесстрашно кувыркались между ними. Дело шло так уже третий час.

— Эти лесные братья получили от нас пятиреаловое представление,— ворчал Залзан Кавол.— Когда этому будет конец?

— Вы очень ловко жонглируете,— заметила Лизамон.— Они страшно рады. И я тоже.

— Тебе-то хорошо радоваться,— сухо сказал Залзан Кавол.

Наступили сумерки. Видимо, приход темноты изменил настроение лесных братьев, потому что они вдруг потеряли интерес к представлению. Пятеро из них вышли вперед и стали обрывать сеть. Их маленькие с острыми пальцами руки легко справлялись с лианами, хотя любой другой безнадежно запутался бы в них. Прошло несколько минут и путь был свободен, а лесные братья растаяли в темноте.

— У вас есть вино? — спросила Лизамон.

Жонглеры к этому времени собрали свой инвентарь и приготовились ехать.

— Наблюдение за вашим представлением вызвало у меня страшную жажду.

Залзан Кавол начал было жаловаться, что запасов осталось мало, однако он опоздал: Карабелла, взглянув на хозяина, достала фляжку. Женщина-воин запрокинула ее и осушила одним хорошим глотком. Она вытерла губы рукавом и рыгнула.

— Неплохое,— сказала она.— Долорнское?

Карабелла кивнула.

— Эти гейроги даром что змеи, а в выпивке понимают толк. В Мазадоне вы такого не найдете.

Залзан Кавол спросил:

— Ты говорила — траур три недели?

— Не меньше. Желтые траурные полотнища на всех дверях.

— От чего умер герцог? — спросил Слит.

Великанша пожала плечами.

— Одни говорят, что его напугало до смерти послание от Короля, другие — что он подавился полупрожаренным мясом, а третьи — что он перетрудился с тремя наложницами. Да и какое кому дело? Он умер, об этом спорить не приходится, а все остальное — мелочи.

— И работы там не будет? — спросил Залзан Кавол.

— Нет, ничего до Тагобара и дальше.

— Столько времени без заработка,— пробормотал скандар.

— Да, тебе не повезло,— сказала Лизамон.— Но я знаю, где вы найдете хороший заработок: как раз за Тагобаром.

— Да,— сказал Залзан Кавол,— в Канторе, я полагаю.

— В Канторе? Нет, там сейчас голодное время. Этим летом у них был плохой урожай, торговцы прижали кредит, и вряд ли там есть деньги, чтобы тратить их на представления. Нет, я говорю об Илиривойне.

— Что? — вскричал Слит, как пораженный стрелой.

Валентин порылся в памяти, ничего не нашел и шепотом спросил Карабеллу:

— Где это?

— Это юго-восточная часть Кантора.

— Однако юго-восток Кантора — территория метаморфов.

— Именно.

Тяжелые черты лица Залзана Кавола оживились.

— Что за работа для нас в Илиривойне?

— В следующем месяце у Изменяющих Форму фестиваль,— ответила Лизамон Холтен.— Там будут танцы урожая, всяческие состязания и празднества. Я слышала, что иногда труппы из имперских провинций заходят в резервацию и во время фестиваля зарабатывают хорошие деньги. Изменяющие Форму легко смотрят на имперские деньги и быстро тратят их.

— В самом деле,— сказал Залзан Кавол. Холодный свет жадности заиграл на его лице.— Я тоже слышал об этом, только очень давно, однако мне никогда не случалось проверить, так ли это.

— Проверяй без меня! — вдруг закричал Слит.

Скандар взглянул на него.

— Что?

Слит выглядел страшно напряженным, как будто весь вечер жонглировал вслепую. Губы его побледнели, глаза неестественно светились.

— Если ты направишься в Илиривойн, — сказал он, — я с тобой не поеду.

— Напоминаю — у тебя контракт, — сказал скандар.

— Это не имеет значения. Ничто не заставит меня идти с тобой на территорию метаморфов. Имперские законы там не имеют силы, и наш контракт аннулируется, как только мы войдем в резервацию. Я не люблю Изменяющих Форму и отказываюсь рисковать жизнью и душой в их провинции.

— Мы поговорим об этом позднее, Слит.

— Мой ответ и позднее будет тот же.

Залзан Кавол оглядел всех.

— Хватит. Мы потеряли здесь много времени. Спасибо тебе за помощь, — холодно обратился он к Лизамон.

— Желаю тебе выгодной поездки, — сказала она и поехала в лес.

Поскольку они потеряли много времени из-за блокированной дороги, Залзан Кавол решил, вопреки обычной практике, ехать ночью. Валентин, полностью выдохшийся от бега и жонглирования и чувствовавший себя как в тумане от плода двикка, уснул, сидя в задней части фургона, и проспал до самого утра. Наполовину проснувшись, он услышал ожесточенный спор насчет путешествия на территорию метаморфов. Делиамбер уверял, что слухи об опасности Илиривойна сильно преувеличены. Карабелла заметила, что Залзан Кавол предъявит иск Слиту, если тот откажется выполнять контракт, а Слит настаивал с почти истерической убежденностью, что он боится метаморфов и не подойдет к ним ближе чем за тысячу миль. Жанамир и Виноркис тоже выражали страх перед Изменяющими Форму и говорили, что те угрюмы, лживы и опасны.

Окончательно проснувшись, Валентин обнаружил, что его голова покоится на коленях Карабеллы. В фургон вливался яркий солнечный свет. Они располагались в каком-то большом приятном парке с широкими серо-голубыми деревьями. Все было окружено низкими округлыми холмами.

— Где мы? — спросил Валентин.

— В окрестностях Мазадона. Скандар гнал, как сумасшедший, всю ночь, — ответила Карабелла. Она рассмеялась. — А ты спал, как мертвый.

Снаружи в нескольких ярдах от фургона Залзан Кавол и Слит затеяли жаркий спор. Маленький беловолосый человек, казалось, разбух от ярости. Он ходил взад и вперед, бил кулаками по ладони, кричал, топал ногами, один раз чуть было не бросился на скандара, который, как ни странно, был спокоен и терпелив. Он стоял, сложив все четыре руки, глядел сверху вниз на Слита и лишь изредка бросал холодную реплику.

Карабелла повернулась к Делиамберу.

— Это продолжается слишком долго, колдун. Ты не можешь вмешаться, чтобы Слит не сказал чего-нибудь по-настоящему грубого?

Вруон имел меланхоличный вид.

— Ужас Слита перед метаморфами переходит всякие границы. Может, это связано с посланием от Короля, которое он получил в Нарабале, когда его волосы поседели за одну ночь, а может, и нет. В любом случае, для него разумнее всего уйти из труппы, каковы бы ни были последствия.

— Но он нам нужен!

— А если он думает, что в Илиривойне его ждут страшные вещи, можем ли мы просить его превозмочь страх?

— Может быть, я смогу успокоить его? — сказал Валентин.

Он встал, чтобы выйти, однако как раз в эту минуту в фургон влетел Слит с темным, застывшим лицом. Не говоря ни слова, маленький жонглер начал кидать в мешок свое немногочисленное имущество, а затем выскочил из фургона и зашагал к холмам на севере, по-прежнему разъяренный, не обращая внимания на Залзана Кавола. Все растерянно следили за ним. Никто не сделал попытки догнать его, пока он не скрылся из виду. Тогда Карабелла сказала:

— Я пойду за ним. Я уговорю его.

Она побежала к холмам. Залзан Кавол окликнул ее, однако она не ответила. Скандар, покачав головой, вызвал всех из фургона.

— Куда она пошла? — спросил он.

Она попытается привести Слита обратно, — сказал Валентин.

— Это безнадежно. Слит решил уйти из труппы. Я постараюсь, чтобы он пожалел об этом. Валентин, теперь на тебя падает больше ответственности, и я добавляю к твоему жалованью пять крон в неделю. Приемлемо?

Валентин кивнул. Он думал о спокойном, ровном поведении Слита в труппе и чувствовал горечь потери. Скандар продолжал:

— Делиамбер, я, как ты уже догадался наверное, решил искать для нас работу у метаморфов. Ты знаешь дорогу до Илиривойна?

— Я никогда не был там,— ответил врун,— но я знаю, где он.

— Какой путь самый близкий?

— Отсюда до Кантора, я думаю, затем на восток миль четыреста на речном судне и от Вирфа на юг в резервацию. Дорога неважная, однако достаточно широкая для фургона, как мне кажется. Я буду изучать ее.

— Сколько времени займет дорога до Илиривойна?

— Вероятно, месяц, если не будет задержек.

— Как раз к фестивалю метаморфов,— сказал Залзан Кавол.— Прекрасно! А какие задержки ты имеешь в виду?

— Обычные,— сказал Делиамбер.— Стихийные бедствия, поломки фургона, местные неприятности, преступные вмешательства. В центре континента не такой порядок, как на побережье. Путешествие в этих местах связано с риском.

— Уж будь уверен! — раздался знакомый голос.— Тебе нужна защита!

Между ними неожиданно появилась Лизамон Холтен. Она выглядела отдохнувшей, словно бы и не ехала верхом всю ночь, да и животное ее не выглядело особенно усталым.

Залзан Кавол удивленно спросил:

— Как ты очутилась здесь так быстро?

— Лесными тропами. Я хоть и большая, но не такая, как твой фургон, и могу проехать по задворкам. Ты едешь в Илиривойн?

— Да,— сказал скандар.

— Хорошо. Я так и знала. Я поехала за тобой, чтобы предложить свои услуги. Я без работы, а ты едешь в опасные места — логичное партнерство. Я проведу тебя безопасно в Илиривойн, гарантирую!

— Твои гонорары слишком высоки для нас.

Она усмехнулась.

— Ты думаешь, я всегда беру пять реалов за мелкую работу вроде той? Я запросила много потому, что вы меня разозлили, налетев на меня, когда я вкушала пищу. Я проведу тебя в Илиривойн за пять реалов, независимо от затраченного на это времени.

— Три,— сухо сказал Залзан Кавол.

— Ты ничему не научился.— Великанша плюнула под ноги скандара.— Я не торгуюсь. Иди в Илиривойн сам, без меня, и удачи тебе. Только я в ней сомневаюсь.— Она подмигнула Валентину.— А где другие двое?

— Слит отказался ехать в Илиривойн. Он со скандалом ушел отсюда десять минут тому назад.

— Я не порицаю его. А женщина?

— Она побежала за ним, чтобы уговорить его вернуться. Туда.

Валентин указал на тропу, петлявшую между холмами.

— В рощу плотоядных растений?

В голосе Лизамон звучало недоверие.

— В какую рощу? — переспросил Валентин.

— Плотоядные? Здесь? — тут же спросил Делиамбер.

— Для них отведен парк,— ответила она.— Но у подножия холмов висят предупреждающие знаки. Они пошли вверх по этой тропе пешком? Да защитит их Божество!

— Его пусть хоть дважды съедят,— раздраженно сказал Залзан Кавол,— однако она мне нужна.

— И мне тоже,— сказал Валентин. Он обернулся к женщине-воину.— Может быть, если мы сразу поедем за ними, мы догоним их до того, как они попадут в рощу?

— Твой хозяин не хочет принять мои услуги.

— Пять реалов? — сказал Залзан Кавол.

— Шесть,— холодно сказала она.

— Ладно, шесть. Только выручи их. Хотя бы ее.

— Да,— с отвращением сказала Лизамон,— вы — народ бесчувственный, но я без работы, так что мы стоим друг друга. Возьми одно из этих животных,— сказала она Валентину,— и следуй за мной.

— Ты хочешь взять его? — спросил Залзан Кавол.— Тогда в моей труппе вообще не останется людей!

— Я приведу его обратно,— ответила она,— а если повезет, то и тех двоих тоже.— Она взобралась на свое животное.— Поехали!

Глава 7

Тропа к холмам шла слегка под уклон. Голубовато-серая трава выглядела бархатной. Трудно было поверить, что в этом прекрасном парке живет нечто угрожающее. Когда они доехали до места, где тропа начинала резко подниматься вверх, Лизамон Холтен хмыкнула и указала на деревянный столбик, воткнутый в землю. Рядом с ним, полускрытый травой, лежал упавший знак. Валентин увидел на нем надпись крупными красными буквами:

ОПАСНОСТЬ!
ЗА ХОЛМЫ ПЕШКОМ НЕ ХОДИТЬ!

Слит в своей ярости просто не обратил внимания на знак, а Карабелла, видимо, очень спешила и тоже не видела надписи или пренебрегла ею.

Тропа круто поднималась, и за холмами уже не было травы, а только густой лес. Лизамон, ехавшая впереди, направила животное в таинственный влажный подлесок, где деревья со стройными, сильно ребристыми стволами росли с большими интервалами.

— Смотри, вот плотоядные растения,— сказала великанша.— Отвратительная штука! Будь я хранителем этой планеты, я выжгла бы их все, однако наши Коронали считают себя любителями природы и сохраняют эти растения в королевских парках. Молись, чтобы у твоих друзей хватило ума держаться от них подальше.

На открытых местах между деревьями росли бесстебельные растения колоссальных размеров. Листья четырех-пяти дюймов шириной и восемнадцати футов длиной, зазубренные по краям, с металлическим блеском, образовывали свободные розетки. В центре каждой зияла глубокая чаша в фут диаметром, наполненная ядовитой по виду жидкостью, из которой торчали в сложном порядке какие-то органы, похожие на острые зубы, и что-то еще, частично затопленное — возможно, мелкие цветы.

— Это плотоядные растения,— сказала Лизамон.— Земля здесь пронизана их охотничьими усами, которые ощущают присутствие мелких животных, захватывают их и несут ко рту. Вот смотри.

Она направила свое животное к ближайшему растению. Они были еще футах в двадцати, а из гнилостной земли уже показалось что-то вроде живого кнута. Оно выскочило со страшным щелканьем и мгновенно обвилось вокруг задней ноги животного как раз над копытом. Животное, спокойное как всегда, обнюхало ус, начавший усиливать давление и пытавшийся тянуть жертву к раскрытой пасти в центре розетки. Женщина-воин достала свой вибрационный меч, наклонилась и быстро отсекла ус. Он отлетел в сторону, однако тут же десяток других полез из земли со всех сторон растения.

— Им не хватает силы затащить крупное животное в свои челюсти, но оно не может освободиться, слабеет и умирает, и тогда растение по частям подтягивает его. Одному растению такого количества мяса хватит на год.

Валентин вздрогнул. Карабелла в этом страшном лесу! Это ужасное растение навеки заглушит ее нежный голос! Ее быстрые руки, ее блестящие глаза... Нет!

При одной мысли об этом дрожь шла по телу.

— Как мы найдем их? — спросил он. — Может быть, уже поздно...

— Выкрикивай их имена, — сказала Лизамон. — Они, наверное, недалеко.

— Карабелла! — отчаянно закричал Валентин. — Слит!

Через секунду он услышал слабый ответный крик, однако Лизамон услышала раньше и уже двинулась вперед. Валентин увидел вдали Слита: он стоял на одном колене, которое глубоко погрузилось в землю и удерживало его на месте, хотя усы пытались тащить его за другую ногу. Позади него пригнулась Карабелла и крепко держала его. Повсюду вокруг них щелкали и свивались в кольца усы соседних плотоядных растений. В руке Слита был нож, которым он тщетно пилил мощный ус, державший его. На мягкой почве был след, показывающий, что Слита уже проволокли на четыре или пять футов к ожидающей пасти. В борьбе за жизнь он терял дюйм за дюймом.

— Помогите! — кричала Карабелла.

Ударом меча Лизамон разрубила ус, державший Слита. Слит развернулся, откинулся назад и заметил, что ус другого растения готовится схватить его за горло. Он с ловкостью акробата откатился в сторону, избежав захвата, и встал на ноги. Женщина-воин схватила его поперек груди, подняла и быстро посадила позади себя. Валентин подъехал к Карабелле, которая, трясясь, стояла на безопасном месте между двумя рядами хлеставших в воздухе усов, и тоже втащил ее на спину своего животного. Она вцепилась в Валентина так крепко, что у него затрещали ребра. Он повернулся и обнял ее, нежно поглаживая. Его захлестнуло чувство облегчения. Он до сих пор не сознавал, как много она значила для него, а теперь не думал ни о чем ином, только бы с ней все было в порядке. Ужас постепенно оставил ее, однако она все еще дрожала.

— Еще минута, — прошептала она, — и Слит погиб бы. Я чувствовала, как он скользит к этому растению. А как здесь очутилась Лизамон?

— Она проехала через лес каким-то коротким путем. Залзан Кавол нанял ее, чтобы она защищала нас по пути в Илиривойн.

— Она уже отработала свой гонорар, — сказала Карабелла.

— За мной! — приказала Лизамон.

Она выбрала безопасную дорогу из этой рощи, но и ее животное было дважды схвачено за ногу, а животное Валентина — один раз. Каждый раз великанша перерубала ус, и скоро они оказались на пути к фургону. Скандары громко приветствовали их, когда они подъехали. Залзан Кавол холодно оглядел Слита.

— Ты выбрал неудачный путь для своего ухода, — заметил он.

— Не более неудачный, чем тот, который выбрал ты, — ответил Слит. — Прошу извинить меня. Я пойду пешком в Мазадон и поищу какой-нибудь работы.

— Подожди, — сказал Валентин. Слит вопросительно взглянул на него. — Давай поговорим. Пройдемся.

Валентин обнял за плечи маленького жонглера и отвел его в сторону, пока Залзан Кавол не вызвал у Слита новый приступ гнева.

Слит был напряжен и насторожен.

— В чем дело, Валентин?

— Я способствовал тому, чтобы Залзан Кавол нанял великаншу, иначе ты бы уже стал лакомым кусочком для плотоядного растения.

— Спасибо тебе.

— Я хочу от тебя большего, чем спасибо, — сказал Валентин. — Ты мне, можно сказать, в какой-то мере обязан жизнью.

— Пожалуй.

— Я прошу в уплату взять обратно свой отказ от работы.

Глаза Слита загорелись.

— Ты не знаешь, чего просишь!

— Метаморфы чуждые и несимпатичные существа, это верно. Однако Делиамбер говорит, что они вовсе не так опасны, как обычно считается. Останься в труппе, Слит.

— Ты думаешь, я капризный лодырь?

— Отнюдь. Но возможно нелогичен.

Слит покачал головой.

— Однажды мне было послание от Короля, где метаморфы наложили на меня страшный удел. Человек должен слушаться такого послания. Я не желаю и близко подходить к месту, где живут эти создания.

— Послания не всегда несут буквальный смысл.

— Согласен. Однако часто бывает и так. Я видел во сне, будто у меня есть жена, которую я люблю даже больше, чем свое искусство. Она жонглировала со мной, как Карабелла, только гораздо ближе, настолько созвучно

с моим ритмом; что мы как бы составляли единое целое. — На исцарапанном лице Слита выступил пот, он запнулся, как бы не в силах продолжать, но через минуту заговорил снова: — Я увидел во сне, как метаморфы пришли и подсунули мне женщину из своего народа, подделанную так ловко, что я не заметил разницы. Дальше я видел, что мы выступали перед Короналем, перед Лордом Малибором, который правил тогда и скоро утонул, и наше жонглирование было великолепным. Это была такая гармония, равной которой я не встречал в жизни, и Кораль угостил нас хорошим мясом и вином, дал нам спальню, обитую шелком. Я обнял свою жену и стал ласкать ее, и она изменилась в моих объятиях. В моей постели лежала женщина-метаморф, страшное существо с шершавой серой кожей, с хрящами вместо зубов, с грязными лужами вместо глаз, и это существо целовало меня и прижималось ко мне. С тех пор я не искал тела женщины, боясь, чтобы такое существо не попало в мои объятия и наяву. Я никому об этом не рассказывал и я не могу вынести мысли ехать в Илиривойн и оказаться в окружении этих созданий с изменяющимися лицами и телами.

Душа Валентина была полна сострадания. Он молча сжал плечи Слита, как будто мог одной только силой своих рук уничтожить воспоминание об ужасном кошмаре, изувечившем душу жонглера. Затем он выпустил его и сказал:

— Это поистине ужасный сон. Однако нас учили пользоваться нашими снами, а не позволять им уничтожать нас.

— Этим сном я не могу воспользоваться, друг мой. Но он предупреждает меня, чтобы я не приближался к метаморфам.

— Ты принимаешь его слишком прямолинейно. Нет ли в нем чего-то более окольного? Ты не говорил с толкователем снов, Слит?

— По-моему, нет надобности.

— А меня ты понуждал искать толкователя, когда я в Пидруде видел во сне нечто странное! Я отлично помню твои слова: «Король никогда не посылает простых посланий».

Слит иронически улыбнулся.

— Все мы мастера лечить других, но не себя. Во всяком случае, теперь поздно говорить о сне пятнадцатилетний давности, и теперь я его пленник.

— Освободись!

— Как?

— Когда ребенок видит во сне, что падает, и в страхе просыпается, что говорят ему родители? Что сон о падении не следует принимать всерьез, потому что во сне никто не получает реального ушиба, или скажут, что такой сон — к добру, говорит о мощи и силе, что ребенок не падал, а летел к тому месту, где он чему-то мог бы научиться, если бы не испугался и не стряхнул с себя мир сна. Верно?

— Ребенок должен быть благодарен за такой сон,— сказал Слит.

— Вот именно. И так со всеми «дурными» снами: «Мы не должны бояться,— говорят они нам,— а быть благодарными за мудрость сна и действовать по нему».

— Так говорят дети. Часто дети даже лучше управляют снами, чем взрослые. Я помню, как ты кричал и всхлипывал во сне, Валентин.

— Я пытаюсь узнать что-то из моих снов, как бы темны они не были.

— Чего ты хочешь от меня, Валентин?

— Чтобы ты ехал с нами в Илиривойн.

— Зачем это тебе?

— Ты принадлежишь к нашей труппе. Мы держимся тобой, а без тебя развалимся.

— Скандары — мастера жонглирования, человеку трудно состязаться с ними. Карабелла и я в труппе по тем же причинам, что и ты,— чтобы выполнить дурацкий закон. Вы будете получать свою плату, останусь я или уйду.

— Однако я учусь у тебя.

— Будешь учиться у Карабеллы. Она так же ловка, как и я, и к тому же у вас любовь, и, кто знает, может, ты будешь работать лучше меня. И храни тебя Божество потерять Карабеллу в Илиривойне!

— Этого я не боюсь,— ответил Валентин. Он протянул руку Слиту.— Я должен иметь тебя с нами.

— Почему?

— Я дорожу тобой.

— И я дорожу тобой, Валентин, однако мне очень тяжело идти туда, куда Залзан Кавол хочет вести нас. Почему ты так настаиваешь на усилении моих страданий?

— Ты можешь излечиться от этих страданий, если поедешь в Илиривойн и увидишь, что метаморфы всего лишь безвредные дикари.

— Я могу жить с моей болью,— сказал Слит.— Цена за излечение, по-моему, слишком высока.

— Мы можем жить с самыми страшными ранами. Но почему не попытаться вылечить их?

— Ты чего-то не договариваешь, Валентин.

Валентин медленно перевел дух.

— Верно.

— Что же?

После некоторого колебания Валентин спросил:

— Слит, я фигурировал в твоих снах после нашей встречи в Пидруде?

— Да.

— Как именно?

— Разве это имеет значение?

— Не видел ли ты во сне, что я необычен для Маджипура, что я более силен и властен, чем сам предполагаю?

— С первой же нашей встречи мне сказали об этом твоя осанка и манера держать себя. Об этом же говорили и твоя феноменальная ловкость, с какой ты учился нашему искусству, и содержание твоих снов, которым ты поделился со мной.

— Кем я был в тех твоих снах, Слит?

— Персона мощи и благородства, обманом скинутая со своего высокого положения, может быть, принц, герцог.

— А не выше?

Слит облизал пересохшие губы.

— Да, выше, возможно. Чего ты добиваешься от меня, Валентин?

— Чтобы ты сопровождал меня в Илиривойн и дальше.

— Ты хочешь сказать, что виденное мною во сне — правда?

— Это я еще должен узнать, — сказал Валентин. — Однако я думаю, что это правда. Это должно быть правдой. Послания говорили мне, что все это правда.

— Милорд, — прошептал Слит.

— Возможно.

Слит ошеломленно посмотрел на него и опустился на колени. Валентин быстро поднял его.

— Этого не надо, — сказал он. Могут увидеть. Я не хочу никого посвящать в это. Кроме того, остается большая область сомнений. Ты не должен вставать передо мной на колени, делать пальцами символ горящей звезды или что-нибудь такое, поскольку я сам еще не вполне уверен в истине.

— Милорд...

— Я остаюсь Валентином-жонглером.

— Мне очень страшно, милорд. Сегодня я был в двух шагах от смерти, но сейчас мне страшнее стоять здесь и разговаривать с тобой об этих вещах.

— Зови меня Валентином.

— Как я смею?

— Ты звал меня так всего пять минут тому назад.

— То было раньше.

— Ничего не изменилось, Слит.

— Все изменилось, милорд.

Валентин тяжело вздохнул. Он чувствовал себя самозванцем, мошенником, обманывающим Слита, однако это, похоже, было совершенно необходимо.

— Если все изменилось, значит, ты должен следовать за мной по моему приказу даже в Илиривойн?

— Я должен,— растерянно сказал Слит.

— Никакого вреда от метаморфов тебе не будет. Ты уйдешь из их местности, излеченный от той боли, которая гложет тебя. Можешь ты поверить этому, Слит?

— Я боюсь туда идти.

— Ты нужен мне в пути,— сказал Валентин.— И не по моему выбору Илиривойн становится частью моего путешествия. Я прошу тебя идти со мной.

Слит наклонил голову.

— Я должен, милорд.

— Прошу тебя, Слит, звать меня Валентином и не оказывать мне перед другими больше уважения, чем ты оказывал мне вчера.

— Как желаешь,— ответил Слит.

— Валентин!

— Валентин,— неохотно сказал Слит.— Как желаешь, Валентин.

— Пошли.

Он повел Слита к группе. Залзан Кавол, как обычно, нетерпеливо расхаживал взад и вперед. Его братья готовили фургон к отъезду. Валентин сказал скандару:

— Я уговорил Слита. Он поедет с нами в Илиривойн.

Залзан Кавол недоверчиво взглянул на него.

— Как тебе это удалось?

— Да,— сказал Виноркис,— что ты ему сказал?

— Это долго объяснять,— сказал Валентин, весело улыбаясь.

Глава 8

Теперь ход ускорился. Весь длинный день фургон мурлыкал по шоссе, а иной раз захватывал и вечер. Лизамон Холтен ехала рядом с фургоном. Ее животное,

несмотря на свою выносливость, больше нуждалось в отдыхе, чем те, которые тянули фургон, так что иногда Лизамон при удобном с лучае отставала. Нести ее громоздкую тушу было нелегким делом для любого животного.

Они ехали от города к городу через скучную провинцию. Там были очень скромные полоски зелени — только чтобы соблюсти букву закона. Эта провинция Мазадона была местом, где миллионы жителей занимались торговлей, поскольку Мазадон был воротами всего северо-западного Зимрола для восточных товаров и главным перевалочным пунктом для сухопутных перевозок товаров Пидруда и Фил-онона, идущих на восток. Они быстро проехали через множество городов, через сам Мазадон, через Бургакс и Тагобар, которые все были тихи и печальны по случаю траура. Всюду болтались желтые полосы ткани — знак скорби. Валентин считал, что это тяжелое дело — закрыть всю провинцию из-за смерти герцога.

«Что будет делать этот народ,— думал он,— когда умрет Понтификс? Как они реагировали на преждевременную смерть Короналя Лорда Вариакса два года тому назад?»

Возможно, конечно, что они относились к смерти местного герцога более серьезно, потому что он был фигурой осязаемой, реальной, жившей среди них, в то время как для народа Зимрола, отделенного тысячами миль от Горного Замка и Лабиринта, Власти Маджипура казались более чем абстрактными, мифическими, легендарными, нематериальными. На такой громадной планете никакое центральное правительство не могло бы править с реальной эффективностью, оно лишь осуществляло символический контроль. Валентин подозревал, что стабильность Маджипура, в основном, зависит от социального контракта посредством местных правителей — герцогов провинций и муниципальных мэров, внедрявших и поддерживавших указы имперского правительства при условии, что они могут действовать на своих территориях по своему усмотрению.

«Как же такой договор может поддерживаться, если Корональ не посвященный и помазанный принц, а узурпатор, лишенный милости Божества, благодаря которой держится столь хрупкая социальная конструкция?» — спрашивал он себя.

Он все больше задумывался над такими вопросами в долгие, спокойные, монотонные часы путешествия к востоку. Такие мысли удивляли его самого своей серьезностью, потому что он уже привык к легкости и простоте своего мозга, начиная с первых дней в Пидруде, а теперь

чувствовал постепенное обогащение и растущую сложность своего мыслительного процесса, как будто чары, наложенные на него, изнашивались и становились тоньше, а его истинный интеллект пробивался сквозь них. Если это так, значит, подобная магия действительно лежала на нем, как уверяли его постепенно формировавшиеся гипотезы. Его сомнения таяли с каждым днем, но все-таки он не был уверен.

Во сне он часто теперь видел себя у власти. В одну ночь он, а не Залзан Кавол, руководил труппой жонглеров, в другую — он в одежде принца председательствовал на каком-то высоком совете метаморфов, которые казались ему странными туманными призраками, не могущими удержать какую-то форму дольше минуты. В следующую ночь он увидел себя на рыночной площади в Тагобаре, отправляющим правосудие для торговцев одеждой и продавцов браслетов в их шумных, мелких спорах.

— Вот видишь,— сказала Карабелла,— все сны говорят о власти и величии.

— Власть? Величие? Сидеть на бочке на рынке и разбирать дела продавцов льна и хлопка?

— Сны многое трансформируют. Эти видения — метафоры высшего порядка.

Валентин улыбнулся, однако согласился с правомочностью такой интерпретации.

Однажды ночью, когда они были неподалеку от города Кантора, к нему пришло наиболее ясное видение его предполагаемой прошлой жизни. Он находился в комнате с панелями из самых красивых и редких сортов дерева, сверкающими полосами симотана, банникопа и темного болотного красного дерева. Он сидел за остроугольным палисандровым столом и подписывал документы. Направо был герб горящей звезды, рядом находились послушные секретари. Громадное закругленное окно напротив него выходило в открытое воздушное пространство, как если бы под ним, окном, находился титанический склон Замковой Горы.

Фантазия или беглый фрагмент похороненного прошлого, которое пытается освободиться и всплывает во время сна, чтобы приблизиться к поверхности сознательной части его мозга? Он описал кабинет и стол Карабелле и Делиамберу, надеясь, что они знают, как выглядит в реальности кабинет Короналя, однако они имели об этом не больше представления, чем о том, что подают на завтрак Понтификсу. Вруон спросил Валентина, каким

он осознавал себя, когда сидел за палисандровым столом: золотоволосым, как Валентин в жонглерском фургоне, или брюнетом, как Корональ, который делал торжественное шествие через Пидруд и западные провинции.

— Темноволосым,— тут же ответил Валентин и нахмурился.— Но так ли? Ведь я сидел за столом и не видел себя. Однако же...

— Во сне мы часто видим себя своими же глазами,— сказала Карабелла.

— Может, я был и блондином, и брюнетом, сначала одним, потом другим. Переход ускользает от меня. Сначала один, потом другой, да?

— Да,— сказал Делиамбер.

После многодневного утомительного путешествия они доехали почти до Кантора. Этот главный город северной части центрального Зимрола располагался на изрезанной местности, прерываемой озерами, возвышенностями и темными непроходимыми лесами. Дорога, выбранная Делиамбером, вела фургон через юго-западные предместья города, называемые Горячим Кантором, потому что здесь были громадные шипящие гейзеры и широкое розовое озеро, зловеще булькавшее и пузырившееся, и одна-две мили фумарол, из которых каждые пять минут вылетали облака зеленоватого газа, сопровождаемые рычащим звуком и глубоким подземным стоном. Небо здесь было тяжелым от густых облаков цвета потускневшего жемчуга, и, хотя в стране был еще конец лета, резкий пронзительный ветер с севера был по-осеннему холодным. Горячий Кантор отделяла от собственно города река Зимр, самая большая в Зимроле. Когда путешественники вышли к ней, фургон после старинных узких улиц внезапно оказался на широкой эспланаде, ведущей к Мосту Кантора.

Валентин разинул рот от удивления.

— В чем дело? — спросила Карабелла.

— Река... Я никогда не думал, что есть такие большие.

— Ты незнаком с реками?

— Нет никакого сравнения с Пидрудом. А до Пидруда я ничего не помню.

— Нигде нет реки, сравнимой с Зимром,— сказал Слит.— Не мешай ему удивляться, Карабелла.

Направо и налево, насколько мог видеть Валентин, темные воды Зимра достигали горизонта. Река была в этом месте так широка, что больше походила на бухту. Он едва мог разглядеть квадратные башни Кантора на другом берегу. Восемь или девять мощных мостов пере-

кинулись через воду. Они были так велики, что Валентин удивлялся, как их вообще удалось построить. Тот, который находился прямо перед ним, Мост Кантора, был шириной в четыре шоссе. Петлявшие арки поднимались и опускались и вновь поднимались громадными скачками от берега до берега. Чуть ниже по реке был мост совершенно иной конструкции: тяжелое кирпичное ложе покоилось на поразительно высоких мостовых быках, а вверх по течению был мост, как бы стеклянный, и он весь искрился.

Делиамбер сказал:

— Это Мост Короналя, направо Мост Понтификса, а дальше вниз — Мост Снов. Все они древние, но знаменитые.

— Но зачем строить мосты там, где река так широка? — недоумевающе спросил Валентин.

— Здесь одна из самых узких точек, — ответил Делиамбер.

Длина Зимра, по словам Делиамбера, достигала семи тысяч миль. Он начинался на северо-западе Долорна в устье Рифта и шел в юго-восточном направлении через весь верхний Зимрол к прибрежному городу Пилиплоку на Внутреннем море. Эта счастливая река, судоходная по всей длине, была быстрым и феноменально широким потоком и стремительно неслась, извиваясь, как змея. На ее берегах располагались сотни богатых городов, главных внутренних портов, самым западным из которых был Кантор. На дальнем конце Кантора, едва видимые в облачном небе, тянулись с северо-востока зазубренные пики Границ Кантора — девять громадных гор, на чьих холодных склонах жили племена грубых мужественных охотников. Этот народ часто бывал в Канторе, меняя шкуры и мясо на промышленные товары.

В эту ночь в Канторе Валентин увидел во сне, что входит в Лабиринт для совещания с Понтификсом. Сон был резкий, до боли отчетливый.

Валентин стоял под жестоким зимним солнцем на голой равнине и видел перед собой храм без крыши с ровными белыми стенами, которые, как сказал ему Делиамбер, были воротами в Лабиринт. С ним были Вруон и Лизамон, а также Карабелла, все в защитных очках. Однако, когда Валентин вступил на голую гладкую платформу между белыми стенами, он был один. Дорогу ему преградило существо зловещего и ужасного вида и чуждой формы жизни. Оно не принадлежало ни к одной из нечеловеческих форм жизни, издавна поселившихся на

Маджипуре, оно не было ни лименом, ни гейрогом, ни вруоном, ни скандаром, ни хьортом, ни су-сухирисом, а было чем-то таинственным и тревожащим — мускулистое толсторукое существо с красной кожей, тупым куполом головы и сверкающими желтыми глазами, горевшими почти нестерпимой злобой. Низким звучным голосом существо спросило у Валентина, какое у него дело к Понтификсу.

— Нужно починить Мост Кантора,— ответил Валентин.— Заниматься такими вещами — древняя обязанность Понтификса.

Желтоглазое создание засмеялось.

— Ты думаешь, Понтификсу есть до этого дело?

— Я обязан просить его помощи.

— Ладно, иди.

Страж портала поклонился с ядовитой вежливостью и посторонился. Как только Валентин прошел мимо него, существо холодно рыкнуло и захлопнуло за Валентином ворота. Отступление было невозможным. Перед Валентином тянулся узкий винтовой коридор, залитый слепящим белым светом. Много часов Валентин спускался по спиральной дороге. Затем стены коридора расширились, и Валентин оказался в другом бескрышном храме из белого камня, а может быть, перед тем же самым, поскольку краснокожее существо снова преградило ему путь, ворча с необъяснимой злобой.

— Вот Понтификс.

Валентин заглянул за стража в темную комнату и увидел имперского правителя Маджипура на троне, одетого в черное и алое и в королевской тиаре. Понтификс Маджипура был многоруким и многоногим чудовищем с человеческим лицом, но с крыльями дракона, и он, сидя на троне, визжал и ревел, как безумный. Страшные свистящие звуки слетали с его губ, и несло от Понтификса ужасной вонью, и черные кожистые крылья сильно махали в воздухе, обдавая Валентина холодным ветром.

— Ваше величество,— сказал Валентин и поклонился.

— Ваше лордство,— поправил Понтификс.

Он захохотал, потянулся к Валентину и подтащил его к себе. Валентин оказался на троне, а Понтификс, смеясь безумным смехом, полетел в ярко освещенный коридор, хлопая крыльями и вереща, пока не исчез из виду.

Валентин проснулся мокрым от пота в объятиях Карабеллы. Она выглядела испуганной, словно ужасы его сна были ясны для нее, и она обнимала его, не говоря

ни слова, пока он не осознал, что проснулся. Она нежно погладила его щеки.

— Ты три раза кричал,— сказала она.

— Бывают случаи,— сказал он,— когда во сне устаешь больше, чем наяву.— Он выпил немного вина из фляжки.— Мои сны — тяжелый труд, Карабелла.

— Многое в твоей душе ищет выразить себя, милорд.

— И выражает себя весьма энергично,— заметил Валентин. Он положил голову ей на грудь.— Если сны — источник мудрости, я молюсь, чтобы до зари не стать еще мудрее.

Глава 9

В Канторе Залзан Кавол купил места для труппы на речном судне, идущем к Ни-мойе и Пилиплоку. Они должны были спуститься по реке недалеко — до небольшого городка Вирф, ворот на территорию метаморфов.

Валентин сожалел, что вынужден был сойти с судна в Вирфе, когда он легко мог бы за десять или пятнадцать реалов проплыть весь путь до Пилиплока и сесть на корабль до Острова Сна. В конце концов, главным местом его назначения была не резервация Изменяющих Форму, а Остров Леди, где он, может быть, найдет подтверждение мучавшим его видениям. Однако пока это не могло осуществиться.

«Нельзя спорить с судьбой»,— подумал Валентин.

Те далекие вещи двигались с сознательной скоростью, но к какой-то окончательной, хотя и не всегда понятной, цели. Он не был больше веселым и простодушным праздношатающимся Пидруда, и, хотя не вполне сознавал, кем он был и кем становится, у него было ясное чувство внутреннего перехода. Границы падали и не возникали вновь. Он видел себя актером в какой-то большой и запутанной драме, завершающие сцены которой отстояли еще далеко в пространстве и во времени.

Речное судно было гротескным и фантастическим сооружением, хотя и не лишенным некоторой красоты. Океанские корабли, вроде тех, которые были в порту Пидруда, были крепкими и изящными, потому что они должны были проходить тысячи миль между гаванями; речное же судно для недолгого путешествия было приземистым и широким, более напоминавшим плавучую платформу, чем корабль. Как бы компенсируя его неэлегантность, строители украсили его громадным парящим мос-

тиком, увенчанным тремя носовыми фигурами, раскрашенными красным и зеленым, огромным центральным двором вроде деревенской площади, со статуями, павильонами и игорными помещениями, а на корме находилась надстройка в несколько этажей, где размещались пассажиры. Нижние палубы содержали грузовые отсеки, обеденные залы, каюты третьего класса и команды, машинное отделение, откуда торчали две гигантские дымовые трубы, изогнутые и напоминавшие дьявольские рога. Весь каркас корабля был деревянным — на Маджипуре было мало металла, а камень был нежелательным для использования на море, и плотники изощрялись чуть ли не на каждом квадратном футе поверхности, украшая ее резьбой, панелями, выступами и тому подобным.

В ожидании отплытия Валентин, Карабелла и Делиамбер обошли палубу и встретили граждан множества областей и всех рас Маджипура: пограничных жителей с гор за Кантором, гейрогов в пышных нарядах, жителей влажных южных стран в прохладной белой одежде, путешественников в роскошных красных и зеленых одеждах, типичных, по словам Карабеллы, для западного Алханрола, и многих других. Вездесущие лимены продавали неизменные сосиски, навязчивые хьорты давали советы тем, кто просил и кто не просил. Семья су-сухирисов в прозрачной золотой одежде бросалась в глаза своими двухголовыми телами и надменными манерами. Они проплывали сквозь толпу, как посланцы мира сна, и все автоматически расступались перед ними. И была на палубе маленькая группа метаморфов. Первым увидел их Делиамбер. Маленький вруон щелкнул клювом и коснулся руки Валентина.

— Видишь их? Будем надеяться, что Слит не видит.

— Которые? — спросил Валентин.

— Стоят отдельно у поручней. Они в своей естественной форме.

Валентин вгляделся. Их было пятеро, видимо, мужчина, женщина и трое младших. Это были стройные, угловатые, длинноногие существа с зеленовато-желтой кожей. Лица их были близки к человеческим по конструкции, однако скуловые кости были острые, как лезвия, губы почти отсутствовали, нос был уменьшен до бугорка, а косо поставленные глаза, длинные и узкие, не имели зрачков.

Валентин не мог решить, как держат себя метаморфы — надменно или скромно, но было ясно, что они считают себя находящимися на враждебной территории на этом корабле, эти аборигены древней расы, потомки тех,

кто владел Маджипуром до прихода первых рожденных на Земле поселенцев четырнадцать тысяч лет назад. Он не мог отвести от них глаз.

— А каким образом происходят изменения формы? — спросил он.

— Кости у них не соединяются, как у большинства других рас,— ответил Делиамбер.— Под мускульным давлением они сдвигаются и образуют новый рисунок. Кроме того, в их коже есть имитирующие клетки, позволяющие изменять цвет и текстуру. Есть и другие приспособления. Взрослый метаморф может измениться почти мгновенно.

— А зачем это им?

— Кто знает. Вполне возможно, что и метаморфы спрашивают, зачем в этом мире расы, не умеющие изменять форму. Вероятно, это имеет для них какую-то ценность.

— Очень малую,— кисло сказала Карабелла,— если при таких силах у них отняли их планету.

— Изменить форму недостаточно для защиты,— ответил Делиамбер,— когда люди путешествуют со звезды на звезду, чтобы украсть их дом.

Метаморфы околдовали Валентина. Они представлялись ему артефактами далекой истории, археологическими реликтами, выжившими с тех времен, когда здесь не было ни людей, ни скандаров, ни вруонов, и только один этот хрупкий зеленый народ бродил по колоссальной планете. До того, как пришли поселенцы — по существу, завоеватели. Как давно это было! Ему очень хотелось увидеть, как они трансформируются, скажем, в скандара или лимена. Однако они по-прежнему оставались такими, какими были.

Из толпы внезапно появился возбужденный Жанамир, схватил Валентина за руку и выпалил:

— Ты знаешь, кто с нами на борту? Я слышал разговор грузчиков. Целая семья Изменяющих...

— Потише,— остановил его Валентин.— Вот они.

Мальчик взглянул и вздрогнул.

— Они чешуйчатые.

— Где Слит?

— Он на мостике с Зализаном Каволом. Они добиваются разрешения на представление вечером. Если он увидит их...

— Рано или поздно он с ними встретится,— прошептал Валентин. Он обратился к Делиамберу: — Для них необычно появляться вне резервации?

— Они живут повсюду, но в небольших количествах и очень редко в собственной форме. В Пидруде их — одиннадцать, в Фалкинкипе — шесть, в Долорне — девять...

— В другой форме?

— Да, в виде гейрогов, хьортов или людей — где как лучше.

Метаморфы решили уйти с палубы. Они шли с большим достоинством, но, в противоположность су-сухирисам, без всякой надменности. Наоборот, они как бы желали стать невидимыми.

— Они живут на своей территории по своему желанию или по принуждению? — спросил Валентин.

— И то, и другое, я думаю. Когда Лорд Стиамот закончил завоевание, он вынудил их полностью уйти из Алханрола. Однако Зимрол был тогда слабо заселен, в основном, на побережье, и их пустили в глубь страны. Они выбрали территорию между Зимром и южными горами, где подступы можно было легко контролировать, и поселились там, а теперь уже стало традицией, что метаморфы живут только на этой территории, если не считать тех немногих, которые живут в других городах. Но я не знаю, имеют ли эти традиции силу закона. Да и они наверняка не обращают внимания на указы из Лабиринта или Горного Замка.

— Если имперский закон так мало для них значит, то мы, может быть, рискуем, направляясь в Илиривойн?

Делиамбер засмеялся.

— Дни, когда метаморфы нападали на пришельцев только из любви к мести, давно прошли, как меня уверяли. Это скучный и угрюмый народ, однако он не станет вредить нам, и мы, скорее всего, уйдем из их страны невредимыми и нагруженными монетой, которую так любит Залзан Кавол. А вот и он сам.

Появился самодовольно выглядевший скандар со Слитом.

— Мы договорились о представлении,— объявил он.— Пятьдесят крон за час работы сразу после обеда! Ну, мы покажем им наши простейшие трюки. Чего нам лезть из кожи, пока мы не в Илиривойне?

— Нет,— сказал Валентин,— мы должны показать самое лучшее.— Он твердо взглянул на Слита.— На борту этого судна группа метаморфов. Они могут рассказать в Илиривойне кое-что о нашем высоком мастерстве.

— Разумное возражение,— сказал Залзан Кавол.

Слит был испуган и подавлен. Ноздри его дрожали, губы сжались. Он делал левой рукой священные знаки. Валентин повернулся к нему и сказал, понизив голос:

— Начинается процесс излечения. Жонглируй для них вечером, как для придворных Понтификса.

— Они мои враги! — хрипло сказал Слит.

— Эти — нет. Они не из твоего сна. Те нанесли тебе весь ущерб, какой могли. И это было давно.

— Мне тяжко быть с ними на одном корабле.

— Ничего не поделаешь,— сказал Валентин.— И их только пятеро. Малая доза — хорошая практика для встречи, которая ждет нас в Илиривойне.

— Илиривойн...

— Нам не избежать его. Ты обещал мне, Слит...

Слит некоторое время молча смотрел на Валентина.

— Да, милорд,— прошептал он.

Они разыскали спокойное место под палубой и поработали с булавами. Сначала их роли странно переменились, потому что Валентин жонглировал безупречно, а Слит неумело, как новичок, то и дело ронял булавы и несколько раз ушиб пальцы. Но через несколько минут его тренировка взяла верх. Булавы замелькали в воздухе. Слит обменивался ими с Валентином таким сложным рисунком, что Валентин задохнулся и, в конце концов, попросил Слита остановиться и вернуться к более удобным каскадам.

В этот вечер на палубе было дано представление — первое после импровизированного выступления перед лесными братьями. Залзан Кавол задал программу, которую они никогда еще не выполняли на публике. Жонглеры разделились на три группы по трое: Слит, Карабелла и Валентин, Залзан Кавол, Роворн и Ирфон Кавол, Хейраг Кавол, Тилкар и Гейбор Керн — и начали одновременный тройной обмен в одном и том же ритме. Одна группа скандаров жонглировала кинжалами, другая — горящими факелами, а люди — серебряными булавами.

Это было одним из самых трудных тестов на ловкость, какие до сих пор выполнял Валентин. Симметрия работы требовала совершенства. Уронить одно орудие из девяти значило разрушить весь эффект. Валентин был самым слабым звеном, однако, тем не менее, от него зависел успех всего выступления. Он не уронил ни одной булавы, и, когда жонглеры закончили ливнем высоких бросков и небрежных захватов, раздались бурные аплодисменты.

Кланяясь, Валентин заметил, что семья метаморфов сидела почти в первых рядах. Он взглянул на Слита, который кланялся и кланялся. Сойдя с подмостков, Слит сказал:

— Я увидел их, когда мы начали, и тут же забыл о них. Понимаешь, забыл, Валентин! — Он засмеялся.—Они ничуть не похожи на то создание, которое я видел во сне.

Глава 10

В эту ночь труппа спала в сыром переполненном трюме в брюхе корабля. Валентин был зажат между Жанамиром и Лизамон на тонкой подстилке на полу, и близкое соседство женщины-воина, казалось, гарантировало, что уснуть Валентину не удастся, потому что ее храп напоминал жестокое настойчивое жужжание, а еще более отвлекал его от сна страх, что ее обширное тело может повернуться и раздавить его. Несколько раз она и в самом деле наваливалась на него, и ему нелегко было освободиться. Но скоро она затихла, и он уснул.

Во сне он был Короналем, Лордом Валентином с оливковой кожей и черной бородой. Он вновь сидел в Горном Замке, владея печатями власти, а затем оказался в южном городе, влажном тропическом месте с гигантскими лианами и яркими красными цветами. Он знал, что это город Фил-онон в дальнем конце Зимрола, и он ждал там большого пира, даваемого в его честь. За столом был и другой высокий гость — Доминик Барджазед, второй сын Короля Снов. Доминик Барджазед наливал вино в честь Короналя, провозглашал тосты, выкрикивая здравницу и предсказывая достойное и славное правление, могущее встать в один ряд с правлениями Лорда Стиамота, Лорда Престимиона и Лорда Конфалума. Лорд Валентин пил и смеялся, и сам предлагал тосты за хозяина — мэра Фил-онона, и за герцога провинции, и за Симона Барджазеда, Короля Снов, и за Понтификса Тивераса, и за Леди Острова, свою мать, и его стакан наполнялся опять и опять янтарным вином, и красным, и голубым южным. Наконец, он уже не мог больше пить, пошел в спальню и мгновенно заснул. Подошли люди из окружения Доминика Барджазеда, завернули Короналя в шелковые простыни и унесли куда-то, и он не мог оказать сопротивления, ибо ему казалось, что его руки и ноги не повинуются ему, как если бы то был сон во сне. Валентин увидел себя на столе в потайной комнате, и теперь волосы его были желтые, кожа — белая, а у Доминика Барджазеда было лицо Короналя.

— Увезите его в какой-нибудь город на дальнем севере,— сказал мнимый Лорд Валентин,— и выпустите его там, пусть идет, куда хочет.

Сон должен был продолжаться, однако Валентин почувствовал, что задыхается, проснулся и обнаружил, что Лизамон вытянула свою бычью руку поперек его лица.

С некоторым усилием он освободился, но сон уже не вернулся к нему.

Утром он никому не сказал о своем сне. Он решил, что пора начать хранить ночную информацию про себя, потому что всем будет страшно прикасаться к делам государства. Он уже второй раз видел во сне, что его, как Короналя, вытеснил Доминик Барджазед, а Карабелла несколько недель тому назад видела, что неизвестные враги споили Валентина и украли его личность. Все эти сны могли быть и фантазией, однако Валентин был склонен теперь сомневаться в этом. Слишком крепка была их конституция, слишком часто повторялись внутренние структуры.

А если Барджазед носит теперь звездную корону, что тогда?

Пидрудский Валентин пожал бы плечами, сказав: «Какое мне дело, кто верховный правитель?» Но Валентин, плывший сейчас из Кантора в Вирф, смотрел на вещи более рассудительно. В этом мире был баланс власти, тщательно поддерживаемый в течение многих тысячелетий, начиная со времен Лорда Стиамота, а то и раньше, с каких-нибудь забытых ныне правителей Маджипура в первых столетиях после поселения. В этой системе недоступный Понтификс правил посредством сильного и динамичного Короналя, выбранного им самим, лица, известного как Король Снов, который выполнял приказы правительства и наказывал нарушителей закона, входя в мозг спящих, и Леди Острова, матери Короналя, распространяющей любовь и мудрость. Это была мощная система, иначе она не длилась бы тысячелетиями. При ней Маджипур был счастливой и процветающей планетой, подвластной, конечно, хрупкости плоти и капризам природы, однако, в основном, свободной от конфликтов и страданий. А что, если Барджазед королевской крови, столкнувший законного конституционного Короналя, вмешается в этот предписанный Божеством баланс? Какой вред будет нанесен общественному здоровью, общественному спокойствию? А что скажут о павшем Коронале, который покорился судьбе и оставил узурпатора безнаказанным? Это отречение, а было ли когда-нибудь в истории Маджипура, чтобы Корональ отрекся? Не станет ли он, Валентин, таким образом сообщником Доминика Барджазеда в нарушении порядка? Его последние колебания исчезли.

Валентину-жонглеру казалось смешным и странным, когда к нему пришли первые намеки на то, что он истинный Лорд Валентин Корональ. Тогда это казалось абсурдом,

фарсом. Теперь — нет. Текстура его снов придала им вес достоверности. Случилась чудовищная вещь. До него только теперь дошел полный смысл этого. Его задачей было исправить все без дальнейших колебаний.

Но как? Идти на Гору в костюме жонглера и требовать Горный Замок?

Он спокойно провел утро, на намекнув никому о своих мыслях. По большей части он стоял у поручней, глядя на далекий берег. Безмерность реки превосходила его понимание. В некоторых местах она была так широка, что земли не было видно, а в других, там, где Валентин видел берег, он оказывался островом, тоже огромным, а между островами и берегом реки были целые мили воды. Течение было быстрое, и большое речное судно легко неслось к востоку.

День был ясный, вода рябила и сверкала на солнце, но после полудня пошел легкий дождь. Затем дождь усилился, и жонглерам пришлось отменить второе представление, к великому неудовольствию Залзана Кавола. Все сгрудились под крышей.

В эту ночь Валентин постарался лечь рядом с Карабеллой, а Лизамон оставить соревноваться в храпе со скандарами. Он жадно ожидал новых разоблачающих снов, однако то, что он видел, было бесполезным — обычные бесформенные обрывки, фантазии из хаоса, безымянные улицы, незнакомые лица, яркий свет и кричащие цвета, абсурдные споры, бессвязные разговоры, несфокусированные образы, а утром судно прибыло в порт Вирф на южном берегу реки.

Глава 11

— Провинция метаморфов,— сказал Стифон Делиамбер,— называется Пьюрифайн от имени, которым зовут себя метаморфы на своем языке,— пьюривары. На севере она граничит с предместьями Вирфа, на западе — с Откосом Вилатиса, на юге — с горной цепью Гонгар, а на востоке — с рекой Стейч, главным притоком Зимра. Я хорошо представляю себе каждую из этих границ, хотя никогда не бывал в самом Пьюрифайне. Попасть туда трудно, потому что Откос Вилатиса — стена в милю высотой и в триста миль длиной. Гонгары трудны, и там частые грозы. Стрейч — дикая, неуправляемая река со множеством быстрин и водоворотов. Единственный рациональный путь — через Вирф и через Ворота Пьюрифайна.

Теперь жонглеры были всего в нескольких милях от этого входа и стремились как можно скорее оставить за собой скучный торговый город Вирф. Дождь был не сильный, но надоедающий, и продолжался он все утро. Побережье не представляло интереса — песчаная почва и густые заросли карликовых деревьев с бледно-зеленой корой и узкими, дрожащими листьями. В фургоне почти не разговаривали. Слит, казалось, погрузился в размышления, Карабелла в центре кабины жонглировала тремя красными мячиками, скандары, те, кто не вел фургон, занялись какой-то хитрой игрой костяными палочками и связками усов дроля. Жанамир дремал, Виноркис уткнулся в свой журнал, Делиамбер поддерживал себя небольшими чарами с помощью крошечных свечей и других колдовских штучек, а Лизамон Холтен, чтобы не мокнуть под дождем, припрягла свое животное к тем, которые тянули фургон, а сама храпела теперь, как морской дракон, время от времени просыпаясь, чтобы глотнуть дешевого серого вина, купленного ею в Вирфе.

Валентин сидел в углу у окна и думал о Замковой Горе. Интересно, на что она похожа, эта гора в тридцать миль высотой, единственная каменная колонна, поднимающаяся, как колоссальная башня, в темную ночь космоса? Если Откос Вилатиса в милю высотой был, по словам Делиамбера, неприступной стеной, какой же барьер представляет башня в тридцать раз выше? Какую тень отбрасывает Гора, когда восходит солнце? Темные полосы бегут по всему Алханролу? А как же города на ее величественных склонах получают теплый воздух для дыхания? Валентин слышал, что какие-то машины древних вырабатывают тепло, свет и свежий воздух, чудесные машины давно забытой технологической эры, бывшей тысячелетия тому назад, когда ремесла, привезенные с Земли, были широко распространены здесь. Однако он не понимал, как работают такие машины, как не понимал и того, какие силы действуют на инструменты памяти его собственного мозга, чтобы сказать ему: эта женщина — Карабелла, а тот мужчина — Слит. Он думал также и о высочайших областях Замковой Горы, о здании в сорок тысяч комнат на ее вершине, теперь Замке Лорда Валентина, а не так давно — Замке Лорда Вариакса. Замок Лорда Валентина! Существует ли это место реально, или и Замок, и Гора — сказки, выдумка? Замок Лорда Валентина! Он представил себе его на вершине Горы — яркий мазок цвета всего в несколько молекул толщиной, каким он, вероятно, кажется по сравне-

нию с этой немыслимой величины горой, мазок неправильной формы на боку вершины, сотни комнат по одну сторону, сотни по другую, грозди громадных комнат растянулись как псевдоподии, над ними внутренние дворики и галереи и в самой глубине Корональ во всем своем величии, чернобородый Лорд Валентин. Хотя, правда, сейчас Короналя там нет. Он, вероятно, все еще объезжает свое королевство.

«Я,— думал Валентин,— жил когда-то на этой горе, жил в Замке? Что я делал, когда был Короналем, каковы были мои обязанности?»

Все было непостижимо, и все же в нем крепло убеждение, а в призрачных обрывках памяти, проносившихся через его мозг, появились плотность и субстанция. Он знал теперь, что родился не в Ни-мойе у реки, как говорили ему вложенные в него мнимые воспоминания, а в одном из Пятидесяти городов, расположенных высоко на Горе, почти у границы самого Замка, и что он воспитывался в королевской касте, среди тех, из кого выбирали принцев, что его детство и юность были привилегированными и приятными. Он все еще не мог вспомнить своего отца, который наверняка был принцем королевства, а о матери помнил только, что у нее были черные волосы и смуглая кожа, как и у него самого когда-то, и — память вдруг пробилась из неоткуда — однажды она долго целовала его и плакала, а потом сказала, что вместо утонувшего Лорда Малибора Короналем выбрали Вариакса, и теперь она должна стать Леди Острова.

Правда ли это, или он вообразил себе это сейчас? Подсчитывая, Валентин подумал, что ему должно было быть двадцать два года, когда к власти пришел Вариакс. Могла ли мать вообще целовать его, могла ли плакать, становясь Леди? Скорее, она должна была радоваться, что она и ее старший сын станут Правителями Маджипура. Плакала и радовалась одновременно — возможно, и так.

Валентин покачал головой. Сильные сцены, исторические моменты — найдет ли он когда-нибудь доступ к ним, или все так и останется под запретом, наложенным на него теми, кто украл его прошлое?

Вдалеке раздался страшный взрыв, глухой подземный удар, привлекший внимание всех в фургоне. Он продолжался несколько минут, а затем постепенно затих.

— Что это? — вскричал Слит.

Он выхватил со стойки энергомет.

— Тихо,— сказал Делиамбер.— Это звук Пьюрифайнского фонтана. Мы приближаемся к границе.

— Что это за фонтан? — спросил Валентин.

— Подожди и увидишь.

Через несколько минут фургон остановился. Залзан Кавол повернулся на водительском сиденье и крикнул:

— Где вруон? Эй, колдун, дорога заблокирована.

— Мы в Воротах Пьюрифайна,— сказал Делиамбер.

Дорогу перегораживала баррикада из блестящих желтых каменных колод, оплетенных яркой изумрудной веревкой. Слева был сторожевой пост, где находились два хьорта в серой с зеленом официальной форме. Они приказали всем выйти из фургона под дождь, хотя сами находились под навесом.

— Куда? — спросил один.

— В Илиривойн, участвовать в фестивале Изменяющих Форму. Мы жонглеры,— сказал Залзан Кавол.

— У вас есть разрешение войти в провинцию Пьюрифайна? — спросил другой.

— Такого разрешения не требовалось,— сказал Делиамбер.

— Больно самоуверенно говоришь, вруон. По указу Лорда Валентина Короналя, изданному больше месяца тому назад, никто из граждан метаморфа не может входить на территорию метаморфов иначе как по законному делу.

— У нас законное дело,— возразил Залзан Кавол.

— Тогда вы должны иметь разрешение.

— Но мы не знали, что оно нужно! — протестовал скандар.

Хьортам это было безразлично. Они, похоже, готовы были заняться другими делами.

Залзан Кавол глянул на Виноркиса, как будто надеясь, что тот сможет повлиять на своих собратьев, однако хьорт только пожал плечами. Залзан Кавол посмотрел на Делиамбера и сказал:

— Колдун, в твои обязанности входит предупреждать меня о таких вещах.

Вруон пожал плечами.

— Даже колдуны не могут знать об изменениях в законе, особенно когда они путешествуют по заповедным лесам и прочим далеким местам.

— Что же нам делать? Возвращаться в Вирф?

Эта идея, казалось, зажгла радостную вспышку в глазах Слита. Отсрочка этой метаморфской авантюры! Но Залзан Кавол начал злиться. Лизамон Холтен потянулась к своему вибрационному мечу. Валентин застыл, увидев это, и быстро сказал Залзану Каволу:

— Хьорты не всегда неподкупны.

— Хорошая мысль,— пробормотал скандар.

Он вытащил кошелек. Внимание хьортов тут же заострилось. Валентин решил, что это и в самом деле правильная тактика.

— Может, я найду необходимый документ,— сказал Залзан Кавол.

Достав из кошелька две монеты по кроне, он схватил хьортов за жирные руки и прижал к их ладоням по монете, самодовольно улыбаясь. Хьорты обменялись взглядами и бросили деньги в грязь.

— Крона? — прошептала Карабелла.— Неужели он думает купить их за крону?

— Подкуп офицера имперского правительства — серьезное преступление,— оскорбленно сказал старший хьорт.— Вы будете арестованы и предстанете перед судом в Вирфе. Оставайтесь в своем фургоне до прихода эскорта.

Залзан Кавол повернулся, начал что-то говорить Валентину, задохнулся, сердито махнул Делиамберу и тихо заговорил по-скандарски с братьями. Лизамон снова взялась за рукоятку меча. Валентин пришел в отчаяние: через минуту здесь будут два мертвых хьорта, а жонглеры станут беглыми преступниками у самого Пьюрифайна. Это явно не ускорит его путь к Леди Острова.

— Сделай что-нибудь,— шепнул он Делиамберу.

Вруонский колдун уже двинулся вперед. Он поднял деньги и вновь протянул их хьортам, сказав:

— Простите, однако вы, кажется, уронили эти монеты.

Он сунул их в руки хьортам и в то же время на секунду слегка обвил концами щупальцев их запястья. Когда он выпустил их руки, младший хьорт сказал:

— Ваша виза действительна только на три недели. Уйдете из Пьюрифайна через эти же ворота. Другие выходы вам запрещены.

— И к тому же они очень опасны,— добавил другой.

Он махнул невидимым стражам, и те растащили баррикаду в стороны, освободив таким образом дорогу для фургона. Когда все вошли в фургон, Залзан Кавол яростно сказал Валентину:

— В будущем не давай мне неправильных советов! А ты, Делиамбер, должен знать, как улаживать такие дела! Это могло сильно задержать нас и лишить дохода.

— Кабы ты подкупал их реалами, а не кронами,— сказала Карабелла тихо, чтобы скандар не слышал,— все было бы гораздо проще.

— Неважно,— сказал Делиамбер.— Нас пропустили, верно? Всего лишь немного колдовства, и дешевле, чем подкуп.

— Ох, уж эти новые законы! — начал Слит.— Такое множество указов!

— Новый Корональ,— сказала Лизамон,— хочет показать свою власть. Все они такие. То такой указ, то этакий, а старый Понтификс со всем соглашается. Один такой указ лишил меня работы. Вы знаете это?

— Вот как? — сказал Валентин.

— Я была телохранителем торговца в Мазадоне, который очень боялся завистливых конкурентов. Лорд Валентин назначил новый налог за личных телохранителей на всех ниже благородного ранга в размере моего годового жалованья, и мой хозяин, отсохни его уши, через неделю уволил меня. Два года работала, и прощай, Лизамон, спасибо тебе, получи бутылку моего лучшего бренди, как прощальный подарок! Сегодня я защищаю его презренную жизнь, а завтра я — недоступная роскошь, и все благодаря Лорду Валентину! Ох, бедный Вариакс! Как вы думаете, не брат ли убил его?

— Придержи язык! — рявкнул Слит.— Такие вещи на Маджипуре не делаются!

Однако она упорствовала.

— Несчастный случай на охоте, как же! А старый Малибор утонул на рыбалке? Чего бы нашим Короналям так неожиданно и странно умирать? Раньше никогда не случалось ничего подобного, верно? Они становились Понтификсами, уходили в Лабиринт и жили чуть ли не вечно, а теперь Малибора съели морские драконы, а Вариакса нечаянно прихлопнули в лесу. Я вот думаю, наверное, там, на Замковой Горе, все уж больно рвутся к власти!

— Хватит,— сказал Слит.

Он был недоволен таким разговором.

— Как только выберут нового Короналя, для всех остальных принцев кончается надежда на выдвижение. Вот если Корональ умрет, они опять соберутся на выборы. Когда Вариакс помер и стал править этот самый Валентин, я сказала...

— Заткнись! — крикнул Слит.

Он встал в полный рост, едва достигая груди женщины-воина, и глаза его горели. Она держалась непринужденно, но рука ее потянулась к мечу. Тут вмешался Валентин.

— Она не имела намерения оскорбить Короналя,— спокойно сказал он.— Она наполнена вином, и оно развязало

ей язык.— Он повернулся к Лизамон.— Прости его, ладно? Моему другу тяжело в этой части света, ты ведь знаешь.

Второй взрыв, в пять раз громче и в пятьдесят раз ужаснее того, который был полчаса тому назад, прервал спор. Животные лягались и визжали, фургон накренился. Залзан Кавол сыпал яростными проклятиями со своего водительского места.

— Фонтан Пьюрифайна,— объявил Делиамбер,— одно из великих зрелищ Маджипура. Стоит посмотреть, как он выбрасывает воду.

Валентин и Карабелла выскочили из фургона, за ними остальные. Они оказались на открытом месте, где лес мелких деревьев с зелеными стволами образовывал нечто вроде естественного амфитеатра, тянувшегося на полмили по шоссе. В дальнем конце взрывался гейзер, однако такой, что по сравнению с ним гейзер Горячего Кантора выглядел как мелкая рыбешка против морского дракона. Это была колонна пенившейся воды выше самых высоких башен Долорна, белый столб высотой в пятьсот-шестьсот футов, если не больше, вырывавшийся из земли с непостижимой силой. В верхней части, где он разделялся на множество потоков, разлетавшихся во все стороны, сиял таинственный свет всех цветов радуги, окружая колонну как бы разноцветной бахромой. Теплые брызги наполняли воздух. Извержение все продолжалось — невероятный объем воды со столь же невероятной силой устремлялся в небо. Валентин чувствовал, как все его тело пронизывают подземные силы, работавшие тут. Он смотрел с благоговейным ужасом и ощутил почти шок, когда действие закончилось, колонна стала уменьшаться и, наконец, исчезла совсем, оставив после тебя лишь капельки теплой влаги.

— Это происходит каждые тридцать минут,— сообщил Делиамбер.— Говорят, что с тех пор, как метаморфы живут на Маджипуре, этот гейзер ни разу не опоздал ни на минуту. Это их священное место. Понятно? Вон пришли паломники.

Слит перевел дух и сделал священные знаки. Валентин положил руку на его плечо. В самом деле, неподалеку у придорожной гробницы собралось с десяток метаморфов. Они смотрели на путешественников, как показалось Валентину, не слишком дружелюбно. Некоторые аборигены, стоявшие впереди, поспешно спрятались за других, а когда появились снова, то выглядели, на удивление, расплывчато и неопределенно, но это было еще не все. Они начали изменяться. У одного выросли пушечные ядра

грудей, как у Лизамон, у другого — четыре косматых скандарских руки, третий имитировал белые волосы Слита. Они испустили любопытный тонкий звук, возможно, их эквивалент смеха, а затем вся группа убежала в лес.

Валентин не выпускал плеча Слита, пока не почувствовал, что напряжение оставило тело маленького жонглера. Тогда он со смехом сказал:

— Хороший трюк! Вот бы нам делать такое, скажем, вырастить дополнительные руки во время представления. Ты хотел бы?

— Я хотел бы находиться в Нарабале,— ответил Слит,— или в Пилиплоке, или еще где-нибудь, только подальше отсюда.

— А я — в Фалкинкипе. Кормил бы моих животных,— сказал бледный и трясущийся Жанамир.

— Они не собирались вредить нам,— сказал Валентин.— Для нас это просто интересный опыт, и мы его никогда не забудем.

Он широко улыбнулся, однако никто не ответил на его улыбку, даже Карабелла, всегда такая жизнерадостная. Сам Залзан Кавол выглядел необычно смущенным, словно задумался, разумно ли было следовать за своими любимыми реалами в провинцию метаморфов. Валентин не мог одним своим оптимизмом успокоить своих спутников. Он взглянул на Делиамбера.

— Далеко ли еще до Илиривойна?

— Он где-то впереди,— ответил вруон.— Не представляю только, далеко ли. Когда приедем, тогда и приедем.

Ответ отнюдь не был ободряющим.

Глава 12

Местность была первобытная, неиспорченная, вне времени, аванпост времен начала цивилизации и захвата Маджипура. Изменяющие Форму жили в дождливой лесной стране, где ежедневные ливни очищали воздух и стимулировали бурный рост зелени. С севера приходили частые грозы через природную трубу, образованную Откосом Влатиса и Гонгарами, а когда влажный воздух поднимался к крутым склонам предгорья Гонгар, шли мелкие дожди, промачивавшие легкую губчатую почву. Деревья были высокие, со стройными стволами и образовывали наверху густые навесы, потому что сети лиан связывали вместе их вершины. Темная листва блестела,

отполированная дождем. Через прогалы в лесу Валентин видел вдалеке зеленые, окутанные туманом горы. Дикой жизни здесь было мало, по крайней мере, на виду. Иногда проползала красная с желтым змея. Изредка они видели красную с алым птицу или зубастого, с паутинными крыльями брауна, пролетавших над головой, а один раз испуганный белантон осторожно прошмыгнул перед фургоном и скрылся в лесу, стуча острыми копытцами и в панике размахивая задранным кверху пушистым хвостом. Вероятно, тут прятались лесные братья, поскольку попалось несколько рощиц двикка-деревьев. Не было сомнений, что ручьи были полны рыбой и рептилиями, а почва — норками насекомых и грызунов фантастической формы и окраски, и каждое из бесчисленных маленьких озер содержало, как говорили, собственное подводное чудовище, которое по ночам выплывало — весь шея, зубы и бусинки глаз — для охоты на любую дичь, оказавшуюся в пределах досягаемости. Однако ни одно из этих существ не появилось, когда фургон быстро шел к югу по узкой неровной лесной дороге.

Не видно было и самих пьюриваров, хотя время от времени попадался хорошо протоптанный след в джунгли, несколько грубо сплетенных хижин в стороне от дороги или маленькая группа пилигримов, направлявшихся к гробнице у фонтана. Делиамбер сказал, что этот народ живет охотой и рыболовством, сбором диких плодов и орехов и частично земледелием. Возможно, когда-то их цивилизация была более развитой, если судить по развалинам, обнаруженным, главным образом, в Алханроле, больших каменных городов, которые относились к ранним пьюриварским временам, задолго до появления здесь звездных кораблей. Хотя, по словам Делиамбера, некоторые историки считали, что это развалины древних человеческих поселений, основанных и уничтоженных в бурный допонтификский период двенадцать или тринадцать тысяч лет назад. Во всяком случае, метаморфы, если и имели когда-то более сложный способ жизни, теперь предпочли стать лесными жителями. Регресс это или прогресс — Валентин не мог сказать.

Часам к трем звук пьюрифайнского фонтана уже не был слышен, и лес стал более редким и более населенным. На дороге не было никаких дорожных знаков, однако она вдруг разветвилась. Залзан Кавол посмотрел на Делиамбера, а тот — на Лизамон.

— Лопни моя печенка, если я знаю,— прогудела великанша.— Езжайте наугад. Пятьдесят на пятьдесят шансов за то, что мы попадем в Илиривойн.

У Делиамбера была лучшая идея. Он опустился на колени в грязь, чтобы установить разведочные чары. Он достал из своего мешка пару кубиков колдовских курений. Прикрыв их плащом от дождя, он поджег их. Пошел светло-коричневый дымок. Делиамбер стал вдыхать его, делая щупальцами замысловатые пассы.

Женщина-воин фыркнула:

— Все это обман. Повертит руками какое-то время и скажет наобум. Пятьдесят на пятьдесят за Илиривойн.

— Налево, — сказал Делиамбер.

Может, колдовство было хорошим, может, догадка удачная, но очень быстро возникли признаки обитания метаморфов. Это были уже не разбросанные одиночные хижины, а группы плетенных жилищ, примерно по десятку через каждую сотню ярдов, а затем даже чаще. Пешеходов тоже было много, в основном местные ребятишки, несшие легкий груз на голове, укрепленный ремнями. Многие останавливались, смотрели на проезжавший мимо фургон, указывали пальцами и что-то говорили сквозь зубы.

Наконец, подъехали к большому поселку. Дорога была полна детьми и взрослыми метаморфами, и жилищ было множество. Дети составляли беспорядочную команду. Видимо, они практиковались в трансформации и принимали множество форм, в основном, очень странных: один выпустил ноги, похожие на ходули, у другого были щупальца, как у вруона, однако свисавшие почти до земли, третий превратил свое тело в шарообразную массу на крошечных отростках.

— Кто устраивает цирк, мы или они? — спросил Слит. — Меня тошнит от этого народа.

— Успокойся, — мягко сказал Валентин.

— Я думаю, — угрюмо сказала Карабелла, — что у них немало темных развлечений. Смотрите!

Прямо перед ними на краю дороги стояла дюжина клеток. Группа носильщиков, видимо, только что поставила их и отдыхала. Сквозь прутья клеток просовывались маленькие руки с длинными пальцами. Мучительно скрутились приспособленные для хватания хвосты. Когда фургон проезжал мимо, Валентин увидел, что в клетках полно лесных братьев, затолканных по трое-четверо в каждую. Их несли в Илиривойн. Зачем? Для еды или замучить на фестивале?

Валентин содрогнулся.

— Постойте! — закричал Жанамир, когда они ехали мимо последней клетки. — А в ней кто?

Последняя клетка была больше других, и в ней сидел не лесной брат, а какой-то другой пленник, существо явно разумное, высокое и странное, с темно-синей кожей, алыми волосами и отчаянными пурпурными глазами необыкновенного размера и яркости, а также с широким тонкогубым ртом. Его одежда из красивой зеленой ткани была измята, разорвана и покрыта темными пятнами — вероятно, кровью. Существо со страшной силой вцепилось в решетку и хрипло, со странным незнакомым акцентом звало жонглеров на помощь.

Фургон проехал дальше.

Похолодев, Валентин сказал Делиамберу:

— Это существо не с Маджипура!

— Верно,— сказал Делиамбер.— Я таких никогда не видел.

— Я однажды видела,— сказала Лизамон.— Это инопланетник с планеты недалеко отсюда. Я забыла ее название.

— Но что здесь делают инопланетники? — спросила Карабелла.— Межзвездные полеты редки в наше время, и лишь очень немногие корабли приходят на Маджипур.

— Что-то все-таки делают,— ответил Делиамбер.— Мы не полностью отрезаны от межзвездных путей, хотя и считаемся задворками в межпланетной торговле. И...

— Спятили вы, что ли? — взорвался Слит.— Сидят себе, беседуют о межпланетной торговле, а цивилизованное существо в клетке зовет на помощь, потому что его, скорее всего, зажарят и съедят на метаморфском фестивале! А мы и внимания не обращаем на его крики и едем себе в их город!

Он бросился к скандарам-водителям. Валентин, боясь скандала, последовал за ним. Слит схватил Залзана Кавола за плащ.

— Ты видел это? Ты слышал? Инопланетник в клетке!

— Ну? — сказал Залзан Кавол, не поворачиваясь.

— Тебе плевать на его крики?

— Это не наше дело,— спокойно ответил скандар.— Как мы можем освобождать пленников независимого народа? У них, несомненно, были причины арестовать его.

— Причины? Да, конечно, приготовить из него обед! Мы попадем в следующий горшок. Я прошу тебя вернуться и освободить...

— Это невозможно.

— По крайней мере, хоть спроси его, за что его посадили. Залзан Кавол, мы, возможно, едем прямиком

к своей смерти, а ты так мечтаешь добраться до Илиривойна, что едешь мимо того, кому, может быть, кое-что известно о здешних условиях, и он в такой беде!

— Слит говорит мудро,— заметил Валентин.

— Прекрасно! — Зализан Кавол фыркнул и остановил фургон.— Иди, Валентин, узнай, однако побыстрее.

— Я пойду с ним,— сказал Слит.

— Оставайся здесь. Если ему нужен телохранитель, пусть возьмет великаншу.

Это имело смысл. Валентин подозвал Лизамон, и они пошли обратно к клеткам. Лесные братья тут же подняли страшный крик и затрясли решетки. Носильщики, вооруженные, как заметил Валентин, короткими, внушительно выглядевшими копьями то ли из рога, то ли из полированного дерева, неторопливо выстроились в ряд на дороге, не давая Валентину и Лизамон подойти ближе к большой клетке. Один метаморф, явный лидер, выступил вперед и с угрожающим спокойствием ждал вопросов.

— Он говорит на нашем языке? — спросил великаншу Валентин.

— Вероятно. Попробуй.

— Мы странствующие жонглеры,— громко и отчетливо сказал Валентин.— Мы едем выступать на вашем фестивале в Илиривойне. Далеко ли мы от Илиривойна?

Метаморф, на голову выше Валентина, но куда более хлипкий, казалось, развеселился, однако холодно ответил:

— Вы в Илиривойне.

От метаморфа исходил слабый запах, кислый, но не противный. Его странно скошенные глаза были пугающе невыразительны. Валентин спросил:

— К кому мы должны обратиться насчет выступления?

— Всех иностранцев, появляющихся в Илиривойне, встречает Данипьюр. Вы найдете ее в Служебном Доме.

Холодные манеры метаморфа смущали.

Валентин сказал:

— Еще одно. Мы видим в этой большой клетке необычное существо. Могу я спросить, почему оно там?

— Это наказание.

— Преступник?

— Так сказано,— рассеянно ответил метаморф.— Разве это вас касается?

— Нет, но если здесь иностранцев сажают в клетку, мы, пожалуй, предпочтем искать работу в другом месте.

Вокруг рта и ноздрей метаморфа мелькнула искра каких-то эмоций — презрения, насмешки?

— Чего вам бояться? Разве вы преступники?

— Нет вроде.

— Тогда вас не посадят в клетку. Выразите почтение Данипьюр и с дальнейшими вопросами обращайтесь к ней, а у меня важные дела.

Валентин посмотрел на Лизамон. Та пожала плечами. Ничего не оставалось, как вернуться к фургону.

Носильщики подняли клетки и укрепили их на шестах, положенных на плечи. Из большой клетки неслись крик ярости и отчаяния.

Глава 13

Иллиривойн был чем-то средним между городом и деревней, унылым скоплением множества низких, как бы временных строений из легкого дерева, стоящих вдоль кривых незамощеных улиц, которые, казалось, уходили далеко в лес. Все выглядело временным, как будто Иллиривойн обосновался здесь всего год-два тому назад, а через несколько лет перейдет в какой-нибудь другой округ. Палки-фетиши, с привязанными к ним яркими лоскутками и кусочками меха, воткнутые почти перед каждым домом, видимо объявляли о фестивале. Кроме того, на улицах были устроены помосты для представлений или, как с дрожью подумал Валентин, для каких-то темных племенных ритуалов. Найти Служебный Дом и Данипьюр оказалось просто. Главная улица выходила на широкую площадь, ограниченную с трех сторон маленькими куполообразными зданиями с узорчатыми плетеными крышами, а с четвертой стороны находилось одно большое трехэтажное здание, а перед ним ухоженный садик с толстостебельным серо-белым кустарником. Залзан Кавол остановил фургон на свободном месте рядом с площадью.

— Пойдем со мной,— сказал он Делиамберу.— Посмотрим, что удастся устроить.

Они пробыли долго в Служебном Доме. Когда они вышли, с ними была величественная метаморфская женщина — явно Данипьюр. Все трое остановились у садика, оживленно разговаривая. Данипьюр что-то уточняла, Залазан Кавол то кивал, то отрицательно качал головой. Делиамбер, такой крошечный между этими высокими существами, делал изящные дипломатические жесты примирения. Наконец, Залзан Кавол и вруон вернулись в фургон. Настроение скандара заметно улучшилось.

— Мы приехали как раз вовремя,— сказал он.— Но они не дадут нам ни пищи, ни жилья, потому что в Иллиривойне нет гостиниц. Ну и есть некоторые зоны в городе, куда мы не можем входить. В других местах меня встречали более радушно. Однако иной раз, я полагаю, может случиться и так.

Толпу молчаливых метаморфских ребятишек провожали фургон, когда тот двинулся к месту позади площади, где можно было припарковаться. Вечером они провели репетицию, и хотя Лизамон старалась изо всех сил отогнать юных метаморфов, они пролезали между деревьями и кустами и глазели на жонглеров. Валентину это действовало на нервы и не ему одному: Слит был напряжен и необычно неловок, и даже Залзан Кавол, мастер из мастеров, впервые на памяти Валентина уронил булаву.

Смущало молчание детей. Они стояли, как белоглазые статуи — отдаленные зрители, вытягивающие энергию и ничего не дающие взамен. Но еще больше смущали их метаморфические фокусы, их манера переходить из одной формы в другую так же случайно и непреднамеренно, как человеческий ребенок кладет палец в рот. Видимо их мимикрия имела цель, потому что принимаемые ими формы представляли грубое подобие жонглеров, как это делали взрослые метаморфы у пьюрифайнского фонтана. Дети очень недолго держали форму — у них еще не хватало умения, однако в паузах в работе Валентин видел, как они создали себе золотистые волосы, как у него, белые, как у Слита, черные как у Карабеллы, стали похожими на многоруких медведей, как скандары, пытались имитировать лица, индивидуальное выражение, и все это в искаженной, отнюдь не льстящей манере.

В эту ночь путешественники все втиснулись в фургон, вплотную друг к другу. Всю ночь шел дождь. Валентин почти не спал. Иногда он впадал в легкую дремоту, но быстро просыпался. Где-то среди ночи он все-таки уснул по-настоящему и увидел сон, смутный и несвязный: метаморфы вели пленников — лесных братьев и синекожего чужака — по дороге к пьюрифайнскому фонтану, который возвышался над всем миром, как колоссальная белая гора.

Незадолго до восхода солнца Слит потряс его за плечо и разбудил. Валентин сел, протирая глаза.

— В чем дело?

— Выйдем. Надо поговорить.

— Но еще совсем темно!

— Ничего, пойдем.

Валентин зевнул, потянулся и встал. Они осторожно перешагнули через Карабеллу и Жанамира, обошли одного из скандаров и вышли из фургонов. Дождь прекратился, однако было темно и холодно и от земли поднимался противный туман.

— У меня было послание,— сказал Слит,— я думаю, от Леди.

— Какое?

— Насчет синекожего в клетке, которого они назвали наказанным преступником. Во сне он пришел ко мне и сказал, что он вовсе не преступник, а путешественник, по ошибке зашедший на территорию метаморфов, и его схватили, потому что у них обычай во время фестиваля приносить иностранцев в жертву пьюрифайнскому фонтану. Я видел, как это делается. Жертву связывают по рукам и ногам и бросают в бассейн фонтана, а когда происходит взрыв, жертва взлетает в небо.

Валентина пробрала дрожь, однако не от холодного тумана.

— Я видел во сне нечто похожее,— сказал он.

— В моем сне я услышал,— сказал Слит,— что и нам тоже грозит опасность. А если мы освободим чужака, он поможет нам. Если же мы оставим его умереть, то и сами не уйдем отсюда живыми. Ты знаешь, Валентин, что я боюсь этих Изменяющих Форму, однако в этом сне было что-то новое. Он пришел с ясностью послания. Его нельзя отбросить, посчитав его страхами глупого Слита.

— Что ты хочешь делать?

— Освободить чужака.

— А если он и вправду преступник? — с тревогой спросил Валентин.— Какое мы имеем право вмешиваться в правосудие пьюриваров?

— Право послания,— ответил Слит.— А те лесные братья тоже преступники? Я видел во сне и их, брошенных в фонтан. Мы среди дикарей, Валентин.

— Нет, они не дикари, просто чужая раса, и ее пути не похожи на пути Маджипура.

— Я твердо решил спасти синекожего. Если ты не поможешь мне, я сделаю это один.

— Сейчас?

— А когда же? Сейчас темно и тихо. Я открою клетку, и он убежит в джунгли.

— Ты думаешь, клетку не охраняют? Нет, Слит, подожди. Сейчас это не разумно. Ты поставишь под удар

всех нас. Я попытаюсь разузнать об этом пленнике, за что его посадили и что его ждет. Если они намереваются принести его в жертву, они сделают это в самый разгар фестиваля. У нас еще есть время.

— Однако послание было сейчас,— сказал Слит.

— Я видел во сне нечто подобное.

— Но то было не послание?

— Нет, однако его достаточно, чтобы считать твой сон истиной. Я помогу тебе Слит, но не сейчас. Сейчас не время.

Слит выглядел беспокойным. Он уже мысленно видел дорогу к клеткам, и возражения Валентина расстраивали его.

— Слит!

— Да?

— Послушай меня. Сейчас не время, подожди.

Валентин твердо посмотрел на жонглера. Тот взглянул на него с той же твердостью, однако сопротивление его было быстро сломлено, и он опустил глаза.

— Слушаюсь, милорд.

В течении дня Валентин пытался получить информацию о пленнике, но безуспешно. Одиннадцать клеток с лесными братьями стояли на площади напротив Служебного Дома в три яруса, а клетка с чужаком располагалось на самом верху одна, высоко над землей. Клетки охраняли пьюриварры с копьями. Валентин хотел было подойти, однако уже на середине площади его остановили.

— Вам запрещено входить сюда,— сказал ему метаморф.

Лесные братья яростно колотили по решеткам. Синекожий выкрикивал слова с таким акцентом, что Валентин с трудом понимал. Чужак с трудом кричал:

— Беги, дурак, пока они не убили и тебя!

Но, может быть, тут сработало воображение Валентина? Стражники держали плотный кордон вокруг клеток. Валентин повернул обратно. Он пробовал спрашивать насчет клеток у детей, однако те смотрели на него холодными пустыми глазами, упорно молчали, имитировали его золотистые волосы и затем разбегались, как от демона.

Все утро в Иллириволн шли метаморфы из дальних лесных поселков. Они несли всевозможные декоративные предметы: плетение, флаги, декоративные драпировки, украшенные зеркалами стойки, шесты, покрытые мистическими рунами. Все, казалось, знали, что им надлежит делать, и все были очень заняты. Дождя не было.

«Интересно,— подумал Валентин,— каким колдовством пьюривары обеспечили себе для праздника редкий сухой день? Или это просто совпадение?»

Часа в три дня началось празднество. Небольшие группы музыкантов играли отрывистые, резкие мелодии в эксцентричном ритме, а масса метаморфов танцевала медленный величественный танец переплетающегося узора, двигаясь, как во сне. На некоторых улицах шли состязания по бегу, судьи стояли вдоль улиц и затевали споры, когда бегуны проносились мимо них. Ларьки, видимо выстроенные ночью, торговали супом, тушеным и жареным мясом, напитками.

Валентин чувствовал себя незваным гостем. Ему даже хотелось извиниться перед метаморфами, что он затесался к ним в их праздничные дни. Но никто, кроме детей, не обращал на него никакого внимания, а дети явно видели в нем диковинку, привезенную сюда для их развлечения. Пугливые малыши выглядывали отовсюду, старались имитировать его, Слита и других, однако близко не подходили.

Залзан Кавол назначил вечером репетицию позади фургона. Валентин пришел одним из первых, радуясь возможности уйти с переполненных улиц. Он нашел только Слита и двух скандаров. Ему показалось, что Залзан Кавол как-то странно смотрит на него. Во внимании скандара было что-то новое и тревожившее. Через несколько минут смущенный этим взглядом Валентин спросил:

— Что-нибудь неладно?

— Что может быть неладно?

— Ты выглядишь недовольным.

— Я? Ничего подобного. Сон, только и всего. Я думаю о сне, который видел прошлой ночью.

— Ты видел синекожего пленника?

Залзан Кавол, казалось, растерялся.

— Почему ты так думаешь?

— Потому, что его видели я и Слит.

— Мой сон не имел ничего общего с синекожим,— ответил скандар,— я не желаю говорить об этом сне. Все это глупости, больше ничего.

Залзан Кавол отошел, взял полную охапку кинжалов и начал жонглировать ими.

Валентин пожал плечами. Он никогда не задумывался, видят ли скандары сны, в особенности тревожащие. Хотя, конечно, они граждане Маджипура и разделяют все атрибуты здешнего населения, так что и у них должны быть полные жизни сны, как у всех, с посланиями от Короля

и Леди, случайными вторжениями в мозг существ низшего ранга и личные подъемы над собственным кругозором, как у людей и, наверное, прочих рас. Но вот что интересно: Залзан Каволь всегда так следил за эмоциями, так неохотно показывал свою суть, кроме жадности, нетерпения и раздражения, а тут вдруг задумался над сном.

А бывают ли у метаморфов сны со значением, послания и прочее?

Репетиция прошла хорошо. Затем жонглеры легко и не очень сытно пообедали фруктами и ягодами, собранными Лизамон в лесу, и запили их остатками вина, привезенными ими из Кантора. На многих улицах Илиривойна уже зажглись фейерверки, отовсюду лилась нестройная музыка. Валентин думал, что представление состоится на площади, но нет: метаморфы в каких-то вроде бы жреческих костюмах проводили жонглеров в совершенно другую часть города, на большое овальное пространство, уже окруженное сотнями, а то и тысячами ожидавших зрителей. Залзан Каволь и его братья тщательно обошли всю площадку, проверяя, нет ли ям или неровностей, могущих помешать их работе. Обычно Слит участвовал в этом, однако сейчас, как вдруг заметил Валентин, он исчез после репетиции. Неужели у него не хватило терпения, и он решил сделать что-то неосторожное. Валентин собрался было идти на поиски, однако в это время появился Слит, чуть запыхавшийся.

— Я был на площади,— тихо сказал он.— Клетки еще там, но большая часть стражников, видимо, сбежала на танцы. Я сумел перекинуться парой слов с пленником прежде, чем меня отогнали.

— И что?

— Он сказал, что в полночь его принесут в жертву фонтану — точно так же, как в моем сне. А завтра ночью то же самое случиться с нами.

— Ну да?

— Клянусь именем Леди,— сказал Слит. Его глаза сверлили Валентина.— Я пришел сюда только по твоему приказу. Ты уверял, что никакого вреда нам не причинят.

— Твои опасения казались нереальными.

— А теперь?

— Я начинаю пересматривать свое мнение,— ответил Валентин.— Но мы уйдем из Илиривойна живыми и здоровыми. Я обещаю тебе это. После представления я поговорю с Залзаном Каволом, а потом посоветуюсь с Делиамбером.

— Я был бы счастлив уехать отсюда как можно скорее.

— Метаморфы в этот вечер празднуют и пьют. Чем позднее мы уедем, тем менее вероятно, что они заметят это и вряд ли сумеют преследовать нас, даже если возымеют такое намерение. Да и то сказать, разве Залзан Кавол согласится отменить представление только из-за слухов об опасности? Мы выполним свою работу, а потом займемся собственными делами. Что ты на это скажешь?

— Я в твоем распоряжении, милорд,— ответил Слит.

Глава 14

Представление было замечательное, и никто не был в лучшей форме, чем Слит. Он делал свое слепое жонглирование и делал безупречно. Скандары перекидывались факелами, Карабелла работала на катающемся шаре, Валентин жонглировал, танцуя, прыгая, приседая и бегая. Метаморфы сидели вокруг концентрическими кругами, говорили мало, совсем не аплодировали, однако смотрели с неослабевающим вниманием. Работать при этой аудитории было очень тяжело, даже хуже, чем на репетиции, потому что теперь у них были тысячи зрителей, ничего не дающих выступающим. Они сидели, как статуи — такими же были и дети во время репетиции,— и не высказывали ни одобрения, ни осуждения, а лишь что-то вроде безразличия.

Затем метаморфы вдруг стали воспроизводить действия жонглеров, но в странной искаженной форме. По двое, по трое они выходили вперед, вставали в центр круга всего в нескольких ярдах от жонглеров и быстро меняли формы: шестеро стали похожими на скандаров, один — на Карабеллу, один — на Слита, а один принял вид высокого золотоволосого Валентина. В этих превращениях не было ничего от игры: Валентин видел явную, насмешливую угрозу, а взглянув на не участвовавших в представлении членов труппы, увидел, что Делиамбер делает тревожные жесты щупальцами, Виноркис хмурится, а Лизамон переступает с ноги на ногу, как бы готовясь к бою. Залзан Кавол тоже выглядел расстроенным.

— Продолжайте,— сказал он отрывисто.— Мы здесь для того, чтобы делать представление для них.

— По-моему,— сказал Валентин,— мы здесь для того, чтобы развлекать их, но не обязательно представлением.

— Неважно. Мы артисты и будем продолжать.

Он дал сигнал и начал с братьями головокружительный обмен множеством острых и опасных предметов. Слит, помедлив, схватил несколько булав и стал каскадом бросать их. Карабелла тоже. У Валентина похолодели руки, они явно не хотели работать.

Девять метаморфов неподалеку от них тоже начали жонглировать. Это было искаженное, как во сне, жонглирование, без настоящего искусства или ловкости, насмешка, пародия, больше ничего. Они держали в руках толстокорые черные плоды, куски дерева и другие обычные предметы и перебрасывали их из руки в руку, по-детски пародируя жонглеров, все время роняя предметы даже в этих простых движениях и быстро наклоняясь поднять. Это представление заинтересовало зрителей куда больше, чем все то, что делали настоящие жонглеры. Теперь зрители гудели — может, это была форма аплодисментов? — ритмично покачивались и хлопали руками по коленям, а некоторые трансформировались в странные чередующиеся формы то человека, то хьорта, то су-сухириса, то жонглеров. В одном месте Валентин увидел сразу шесть или семь грубых своих копий.

Выступать в таком отвлекающем кругу стало невозможно, однако жонглеры угрюмо работали еще несколько минут, ошибаясь, роняя булавы, портя давно знакомые комбинации. Гудение метаморфов становилось все сильнее.

— Ой, смотрите! — вдруг закричала Карабелла.

Она указала на одного из псевдо-жонглеров, который изображал Валентина. Валентин взглянул и задохнулся от изумления. Действие метаморфа превосходило всякое понимание, ошеломляло и приводило в ужас: метаморф начал колебаться между двумя формами. Одна изображала Валентина-жонглера, высокого, широкоплечего, большерукого, золотоволосого молодого человека, а вторая была образом Лорда Валентина Короналя. Изменение происходило почти мгновенно, как вспышка света. Одну секунду Валентин видел перед собой своего двойника, а в следующий миг — чернобородого Короналя с жесткими глазами, властным лицом, который тут же исчезал, вновь заменяясь простым жонглером. Гудение толпы стало еще громче: метаморфы одобряли шоу. Валентин... Лорд Валентин... Валентин... Лорд Валентин...

Глядя на это, Валентин чувствовал, что спина его леденеет, волосы шевелятся, колени дрожат. Эта странная пантомима имела безошибочный смысл. Если Валентин хотел получить подтверждение всему тому, что прошло

через него за это время, начиная с Пидруда, то теперь он это подтверждение получил здесь, в этом лесном городе, среди этого первобытного народа. Он смотрел в свое собственное лицо. Он смотрел в лицо Короналя.

Остальные восемь «жонглеров» прыгали в кошмарном танце, высоко задирая ноги, размахивая фальшивыми скандарскими руками и хлопая себя по бедрам, волосы лже-Слита и лже-Карабеллы развевались на ночном ветру, и только фигура лже-Валентина оставалась неподвижной, хотя лицо поочередно изменялось. Затем и это кончилось: девять метаморфов стояли в центре круга, протягивая руки к публике, которая вскочила на ноги и стала танцевать тот же дикий танец. Представление кончилось. Метаморфы, продолжая танцевать, уходили в ночь, к ларькам и развлечениям своего фестиваля.

Ошеломленный Валентин медленно повернулся и увидел застывшие лица своих товарищей. Челюсть Залзана Кавола отвисла, руки вяло болтались. Его братья сгрудились за ним в страхе и шоке. Слит был страшно бледен, лицо Карабеллы, наоборот, пылало почти лихорадочным румянцем. Валентин протянул к ним руки. Залзан Кавол растерянно подался вперед и остановился в нескольких футах от Валентина. Он моргал, облизывал губы, и ему, казалось, трудно было заставить себя заговорить. Наконец, он сказал слабым, не своим голосом:

— Милорд...

Он и его братья неуверенно и неловко опустились на колени. Залзан Кавол трясущимися руками сделал знак горящей звезды, его братья проделали тоже. Слит, Карабелла Виноркис, Делиамбер тоже встали на колени. Испуганный Жанамир, разинув рот, смотрел на Валентина, как бы парализованный удивлением, но затем медленно склонился к земле.

— Вы что, спятили все? — закричала Лизамон.

— На колени и оказывай почтение! — хрипло приказал Слит. — Ты видела это, женщина! Он — Корональ. На колени!

— Корональ! — в смущении проговорила она.

Валентин протянул к ним руки успокаивающим и благословляющим жестом. Они боялись его и того, что только что произошло. Он и сам испугался, однако его страх быстро прошел, сменившись силой, убежденностью, уверенностью. Само небо, казалось, крикнуло ему: «Ты Лорд Валентин, который был Короналем на Замковой Горе, и ты опять будешь в Замке, если станешь сражаться

за это». В него хлынула власть его прежней имперской службы. Даже здесь, в этой дождливой, далекой охотничьей стране, в ее обветшалом древнем городе, с еще потным от жонглирования телом в обычной грубой одежде, Валентин чувствовал себя тем, кем был когда-то, и, хотя он не понял, какая метаморфоза произошла с ним, он больше не сомневался в реальности посланий, полученных им во сне. Он не чувствовал ни вины, ни стыда, когда принимал знаки почтения от своих прежних компаньонов.

— Встаньте,— сказал он мягко.— Все встаньте. Нам надо уезжать отсюда. Жанамиру — запрягать животных, Залзан Каволу — готовить фургон. Всем вооружиться энергометами, кто умеет с ними обращаться, жонглерскими кинжалами и всем, чем можно. Пригляди за этом, Слит.

Залзан Кавол с трудом выговорил:

— Милорд, во всем этом привкус сна. Подумать только, что все это время я путешествовал с ... Подумать только, я грубо разговаривал, я ссорился с ...

— Потом,— сказал Валентин,— сейчас нет времени обсуждать все эти вопросы.

Он повернулся к Лизамон, которая разговаривала сама с собой, шевелила губами, жестикулировала, что-то себе объясняла и обсуждала эти невероятные события. Спокойным сильным голосом Валентин сказал:

— Ты нанималась только привезти нас в Илиривойн. Мне понадобится твоя сила, когда мы убежим. Ты останешься с нами до Ни-мойе и дальше?

— Они сделали тебе знак горящей звезды,— забормотала она.— Они все встали на колени, а метаморфы...

— Я был раньше Лордом Валентином из Горного Замка. Прими это, поверь этому. Королевство попало в опасные руки. Останься рядом со мной, Лизамон, когда я поеду на восток восстановить справедливость.

Она прижала громадную мясистую руку ко рту и ошеломленно смотрела на Валентина, затем стала сгибаться в почтительном поклоне, но он покачал головой, взял ее за локоть и не дал встать на колени.

— Сейчас этого не нужно,— сказал он.— Пойдем отсюда!

Они собрали свой жонглерский инвентарь и быстро пошли на другой конец города к фургону. Жанамир и Карабелла ушли раньше и теперь были уже далеко. Скандары шли одной шеренгой, земля дрожала под ними. Кривоногий, медлительный Виноркис изо всех сил старался держаться вровень с ними. Позади всех шла Лизамон

Холтен. Она подхватила Делиамбера и несла его на сгибе левой руки, а в правой держала обнаженный вибромеч. Приближаясь к фургону, Слит спросил Делиамбера:

— Мы освободим пленника?

— Да.

Валентин поманил к себе Лизамон. Она спустила Делиамбера на землю и пошла за Валентином. Под предводительством Слита они побежали к площади. К облегчению Валентина, она была почти пуста, лишь горстка стражников стояла на посту. Двенадцать клеток все еще находились тут, поставленные в три яруса, на самом верху — клетка с синекожим.

Не дав стражникам опомниться, Лизамон схватила сразу двоих и швырнула чуть ли не на середину площади.

— Не отнимай жизнь,— предупредил ее Валентин.

Слит с ловкостью обезьяны взобрался наверх и начал резать толстые прутья, удерживающие дверь клетки. Валентин натягивал прут, а Слит пилящими движениями ножа резал. Через минуту лопнули последние волокна, и Валентин открыл дверь.

Чужак выбрался из клетки, разминая затекшие ноги, и вопросительно поглядывал на своих избавителей.

— Пойдем с нами,— сказал Валентин.— Наш фургон недалеко, за площадью. Ты понимаешь?

— Понимаю,— сказал чужак.

Голос его был глубоким, звучным, с резким щелканьем на каждом слоге. Ничего не сказав больше, он спрыгнул на землю, где Лизамон закончило дело с метаморфскими стражниками и аккуратно укладывала их в кучу.

Валентин стал резать крепления на ближайшей клетке с лесными братьями. Маленькие руки просунулись сквозь решетку и тянули прут, и скоро они вышли из клетки. Валентин перешел к следующей. Слит уже спустился вниз.

— Минутку,— окликнул его Валентин.— Работа еще не закончена.

Слит вытащил свой нож и принялся за дело. Через минуту-другую все клетки были открыты и десятки лесных братьев скрылись в ночи. На пути к фургону Слит спросил:

— Зачем ты это сделал?

— А почему бы и нет? — ответил Валентин.— Они тоже хотят жить.

Жанамир и скандары подготовили фургон, животные были впряжены, роторы крутились. Последней пришла Лизамон. Она захлопнула за собой дверь и крикнула Залзану Каволу, и тот немедленно пустился в путь.

И как раз вовремя: появилось с полдюжины метаморфов и бросились вдогонку, крича и жестикулируя. Залзан Кавол прибавил скорость. Преследователи постепенно отстали и скрылись из виду, когда фургон въехал во тьму джунглей. Слит беспокойно оглядывался.

— Как вы думаете, они все еще преследуют нас?

— Не догонят,— сказала Лизамон.— Они путешествуют только пешком. Мы в безопасности.

— Ты уверена? — спросил Слит. А если они пройдут какой-нибудь боковой тропой и перехватят нас?

— Не тревожься заранее,— сказала Лизамон.— Мы едем быстро.

Она вздрогнула.

— Спаси нас Божество, чтобы мы еще раз увидели Илиривойн!

Все замолчали. Фургон быстро шел вперед.

Валентин сидел чуть поодаль от остальных. Это было неизбежно, однако огорчало его, потому, что он все еще был больше Валентином, чем Лордом Валентином, и ему было странно и неприятно ставить себя выше друзей. Но ничего не поделаешь. Карабелла и Слит, узнав о его личности частным образом, согласились держать это про себя. Делиамбер, узнавший правду раньше самого Валентина, никогда открыто не показывал вида, однако остальных, может и подозревавших, что Валентин не просто странник, ошеломило открытое признание его ранга в гротескном выступлении метаморфов. Они смотрели на него молча, застыв в неестественных позах, как бы боясь шевельнуться в присутствии Короналя. Но как полагается вести себя в присутствии правителя Маджипура? Нельзя же все время делать перед ним знак горящей звезды! Валентину этот жест вообще казался абсурдным: растопыренные пальцы, и только. Его растущее чувство собственной значимости, видимо, не включало сомнения.

Чужак назвал себя Коном с Кайнимора, относительно близкой к Маджипуру планеты. Он был сумрачен и задумчив, с явным гневом и отчаянием в глубине души, что выражалось, как подумал Валентин, в форме его рта, тоне голоса и, главным образом, в пристальном взгляде его необычных пурпурных глаз. Могло, конечно, быть, что он, Валентин, судит со своей, человеческой точки зрения об этом чуждом существе, а по мнению жителей Кайнимора, Кон веселый и приятный, однако сомнительно. Кон прибыл на Маджипур два года тому назад по делу, суть которого он не объяснил. Это была, как он с горечью

сказал, величайшая ошибка его жизни, потому что он растратил на маджипурские развлечения все свои деньги, по глупости отплыл в Зимрол, не зная, что на этом континенте нет космопорта, откуда он мог бы отправиться на родную планету и предполагал поправить свои денежные дела какой-нибудь торговлей, а метаморфы схватили его, посадили в клетку и держали в ней много недель, чтобы в главную ночь фестиваля принести его в жертву фонтану.

— Может оно было бы и лучше,— сказал он,— один быстрый удар воды, и всем моим страданиям конец. Я устал от Маджипура. Если мне суждено умереть здесь, я предпочел бы сделать это поскорее.

— Прости нас, что мы освободили тебя,— ядовито сказала Карабелла.

— Нет, я не хочу быть неблагодарным, только...— Кон сделал паузу.— Мне тяжело здесь, и на Кайниморе тоже. Есть ли во вселенной место, где жизнь не означает страдание?

— А чем она плоха? — спросила Карабелла.— Мы находим ее вполне терпимой. Даже самая плохая и та достаточно терпима в сравнении с ее альтернативой.— Она засмеялась.— Ты всегда такой угрюмый?

Чужак пожал плечами.

— Если ты счастлива, я рад и могу позавидовать. Я нахожу существование тяжелым и жизнь бессмысленной. Однако это слишком мрачные мысли для того, кто только что был освобожден. Я благодарен вам за помощь. Кто вы, как попали в Пьюрифайн и куда теперь едете?

— Мы жонглеры,— сказал Валентин. Он остро глянул на остальных.

— Мы приехали в эту провинцию, думая, что здесь у нас будет работа. Если нам удастся удрать отсюда, мы поедем в Ни-мойю и вниз по реке в Пилиплок.

— А оттуда?

Валентин сделал неопределенный жест.

— Кое-кто из нас собирается совершить паломничество на остров Сна. Ты знаешь о нем? Куда хотят ехать другие — не могу сказать.

— Мне надо добраться до Алханрола,— сказал Кон,— это моя единственная надежда вернуться, поскольку с этого континента это невозможно. Может быть в Пилиплоке я сумею устроить себе переезд через море. Могу ли я ехать с вами?

— Конечно.

— Но у меня нет денег.

— Понятно,— сказал Валентин.— Однако это не имеет значения.

Фургон быстро ехал через ночь. Никто не спал, разве что иногда ненадолго задремывал. Снова пошел дождь. В темноте леса опасности могли подстерегать со всех сторон, но, как ни странно, легче было, что в темноте ничего не видно, а фургон ехал без задержки.

Примерно через час Валентин увидел, что перед ним стоит Виноркис, тяжело дыша, как пойманная рыба, и весь дрожит.

— Милорд,— тихо сказал он.

Валентин кивнул хьорту.

— Ты расстроен, Виноркис.

— Милорд, могу ли я сказать... я должен сделать страшное признание...

Слит открыл глаза и сурово посмотрел на Виноркиса. Валентин сделал Слиту знак молчать.

— Милорд,— сказал Виноркис. Он остановился и начал вновь:

— Милорд, в Пидруде ко мне пришел человек и сказал: «В такой-то гостинице есть высокий блондин, иностранец, и мы считаем, что он совершил страшные преступления». Этот человек предложил мне целый кошелек крон, чтобы я держался поближе к этому светловолосому иностранцу, куда бы тот не отправился, и сообщал о его действиях имперским протекторам каждые несколько дней.

— Шпион? — Слит схватился за кинжал на бедре.

— Кто этот человек, который нанял тебя? — спокойно спросил Валентин.

Хьорт покачал головой.

— Кто-то из службы Короналя, судя по одежде. Имени его я не знаю.

— И ты давал эти рапорты? — спросил Валентин.

— Да, милорд,— прошептал Виноркис, глядя в пол.— В каждом городе. Через некоторое время я с трудом верил, что ты, как мне сказали, преступник, потому что ты вежливый, ласковый, у тебя добрая душа, но я взял их деньги, и мне давали еще за каждый рапорт...

— Позволь мне тут же убить его,— резко сказал Слит.

— Убийства не будет,— сказал Валентин,— ни сейчас, ни позже.

— Он опасен, милорд.

— Нет, теперь уже не опасен.

— Я никогда не доверял ему,— сказал Слит,— и Карабелла, и Делиамбер. Не потому, что он хьорт, а за

его вечные хитрости, намеки, слежку, за его вопросы, за то, что он отовсюду тянул информацию.

— Я очень прошу простить меня, — сказал Винноркис. — Я же не знал, кого предаю, милорд.

— Ты веришь ему? — спросил Слит.

— Да, — ответил Валентин. — Почему бы и нет? Он не знал, кто я, и я сам не знал этого. Ему велели следить за блондином и информировать правительство. Что плохого он сделал? Он думал, что служит Короналю. За его лояльность нельзя платить кинжалом, Слит.

— Милорд, ты иной раз бываешь чересчур наивным, — сказал Слит.

— Наверное, да, однако не в данном случае. Мы много выиграем, простив его, и ничего не выиграем, если убьем его.

Валентин обернулся к хьорту.

— Я прощаю тебя, Винноркис. Прошу только, чтобы ты был так же предан истинному Короналю, как был по отношению к фальшивому.

— Клянусь, милорд.

— Хорошо. Теперь иди спать и не бойся.

Винноркис сделал знак горящей звезды, попятился и сел в средней части кабины рядом с двумя скандарами.

— Все-таки это неразумно, милорд. А если он будет продолжать шпионить за тобой? — сказал Слит.

— Кому доносить в этих джунглях?

— А когда мы выберемся из джунглей?

— Я думаю, что ему можно верить, — сказал Валентин. — Я понимаю, что это признание могло быть двойной хитростью, усыпляющей любые наши подозрения. Я не так наивен, как ты думаешь, Слит. Поручаю тебе приглядывать за ним, когда мы опять попадем в цивилизованные места. Но я думаю, ты сам признаешь, что его раскаяние искреннее. Я сделаю его полезным для нас.

— Как, милорд?

— Шпион может привести нас к другим шпионам. Пусть Винноркис поддерживает контакты с имперскими агентами, а!

Слит осклабился.

— Я понял, что ты имеешь в виду, милорд.

Валентин улыбнулся, и они замолчали. Валентин думал, что ужас и раскаяние Винноркиса были искренними и дали многое, что Валентину нужно было знать. Ведь если Корональ платит большие деньги за слежку за каким-то бродягой от Пидруда до Илиривойна, так ли незначителен

этот бродяга? Однако самое главное — исповедь Винркиса подтверждает все, что Валентин узнал о себе. Вполне понятно, что, если для пересадки его из одного тела в другое использовалась новая и недостаточно проверенная техника, заговорщики не знали, насколько постоянным будет опустошение мозга, и вряд ли рискнули бы пустить Короналя бродить по стране без наблюдения. Значит, рядом был шпион и, вероятно, не один, и была угроза немедленных действий, если до узурпатора дойдут сведения, что к Валентину возвращается память. Интересно бы знать, насколько тщательно имперские силы выслеживают его и где именно на его пути в Алханрол они вмешаются.

За окнами фургона стоял ночной мрак.

Делиамбер и Лизамон бесконечно совещались с Залзаном Каволом насчет дороги. Второе большое поселение метаморфов — Авандройн — находилось где-то к юго-востоку от Илиривойна в ущелье между двумя большими горами, и дорога, по которой они ехали, похоже, вела туда. Конечно, вряд ли было разумно лезть в другой метаморфский город. Туда наверняка уже дошел слух об освобождении пленников и отъезде фургона. Еще опаснее было ехать назад, к пьюрифайнскому фонтану.

Валентин не спал, в сотый раз возобновляя в памяти пантомиму метаморфа. Она походила на сон, но не была сном. Валентин стоял достаточно близко, чтобы дотронуться до своего двойника, и отчетливо видел быстрые смены лица. Метаморфы знали истину лучше, чем он сам. Может, они читают мысли, как иногда Делиамбер? Что они чувствовали, зная, что между ними свергнутый Корональ? Конечно, не страх и благоговение. Коронали для них ничего не значили, были всего лишь символом их падения тысячи лет тому назад. Наверное, им было даже смешно, что наследник Лорда Стиамота бросает булавы на их фестивале и забавляет их всякими трюками. Корональ не в роскошном Горном Замке, а в их собственном грязном лесном поселке!

«Странно, — думал Валентин. — Как похоже на сон.»

Глава 15

К утру показались громадные округлые горы с широким перевалом между ними. Авандройн, видимо, был недалеко.

Залзан Кавол с уважением, какого никогда не показывал раньше, подошел посоветоваться с Валентином:

остаться в лесу на весь день, а ночью попытаться миновать Авандройн или рискнуть пройти днем? Валентин не привык к лидерству. Он задумался, пытаясь выглядеть дальновидным и рассудительным.

— Если мы поедем днем, мы слишком бросимся в глаза. Если же мы потратим весь день, отсиживаясь тут, мы дадим им время приготовиться к нападению.

— Ночью,— сказал Слит,— в Илиривойне снова фестиваль, и здесь, наверное, тоже. Пока они развлекаются, мы можем проскользнуть мимо них, а днем у нас не будет ни одного шанса.

— Я согласна,— сказала Лизамон.

Валентин оглядел всех.

— Карабелла?

— Если мы будем ждать, мы дадим Илиривойнцам время захватить нас. Я за то, чтобы ехать сейчас.

— Делиамбер?

Вруон деликатно сложил вместе кончики щупальцев.

— Ехать. Вокруг Авандройна и назад к Вирфу. Там, конечно, есть вторая дорога из Авандройна к фонтану.

— Да,— сказал Валентина.— Я согласен с Карабеллой и Делиамбером. А как ты?

Залзан Кавол нахмурился.

— Я бы сказал, пусть колдун заставит наш фургон лететь и доставить нас к ночи в Ни-мойе. Или же — продолжать путь, не ожидая.

— Да будет так,— сказал Валентин, словно это было его единоличным решением.— Когда доберемся до Авандройна, пошлем разведчиков найти обходную дорогу.

Они поехали. Дождь на некоторое время прекратился, а когда пошел снова, то был уже не дождем, а тропическим ливнем. Тяжелая канонада капель со злобной силой стучала по крыше фургона. Валентин приветствовал этот дождь. Может, метаморфы будут сидеть по домам и не заметят их.

Вот уже показались окраины города, разбросанные плетенные хижины. Дорога все время разветвлялась. Каждый раз Делиамберу предлагалось угадывать, куда свернуть, и, в конце концов, они поняли, что близки к Авандройну. Лизамон и Слит поехали на разведку и через час вернулись с хорошими вестями: одна из двух дорог ведет прямо к центру Авандройна, где полным ходом идут приготовления к фестивалю, а другая отклоняется к северу, огибает весь город и идет через какое-то подобие фер-

мерского округа на дальние склоны гор. Они выбрали северную дорогу и без всяких инцидентов миновали район Авандройна.

Ближе к вечеру они спустились по горному проходу и выехали на широкую, густо заросшую лесом равнину, темную, пробитую дождем, которая отмечала с запада периметр метаморфской территории. Залзан Кавол гнал фургон вперед, останавливаясь лишь по настойчивому требованию Жанамира, утверждавшего, что животным абсолютно необходимы отдых и корм. Хоть они и были искусственного происхождения и практически неутомимы, все же они были живыми существами и время от времени нуждались в отдыхе. Скандар соглашался неохотно. У него, казалось, была навязчивая идея как можно дальше отъехать от Пьюрифайна. В сумерках, когда они ехали под дождем по грубой неровной дороге, внезапно пришла беда.

Валентин сидел в средней части кабины с Делиамбером и Карабеллой, Хейраг Кавол и Гейбор Керн правили, а остальные спали. Впереди раздался грохот и треск, и фургон резко остановился.

— Дерево упало,— крикнул Хейраг.— Дорога перегорожена.

Залзан Кавол пробормотал проклятие и тычком разбудил Лизамон. Валентин ничего не видел впереди кроме зелени. Крона какого-то лесного гиганта целиком заблокировала дорогу. Нужны были часы, а то и дни, чтобы ее очистить. Скандары с энергометами на плечах вышли проверить. Валентин пошел за ними. Быстро темнело. Дул порывистый ветер, и струи дождя неслись почти горизонтально им в лицо.

— Примемся за работу,— проворчал Залзан Кавол, с досадой покачивая головой.— Тилкар, начинай рубить отсюда. Роворн, руби большие боковые ветви. Ирфон...

— Можно сделать быстрее,— посоветовал Валентин.— Вернемся и поищем другой развилок дороги.

Идея удивила Залзана Кавола, словно скандар в жизни не додумался бы до такого решения. Он помялся.

— Да,— сказал он наконец,— это имеет смысл. Если мы...

Второе дерево, еще больше первого, упало на землю в сотне ярдов позади них. Фургон оказался в западне.

Валентин первый сообразил, что сейчас случится.

— Все в фургон! Засада! — закричал он и бросился к открытой двери.

Однако было уже поздно. Из темноты леса выскочила толпа метаморфов и молча врезалась в них. Зализан Кавол испустил яростный вопль и открыл огонь из энергомета. Два метаморфа упали, страшно обгоревшие.

В то же время Хейраг Кавол приглушенно вскрикнул и упал. Боевое копье пронзило его шею. Тилкар, пораженный в грудь, упал тоже.

Задняя часть фургона внезапно вспыхнула. Те, кто был внутри, поспешно выскочили. Впереди была Лизамон с поднятым вибромечом. На Валентина напал метаморф с его лицом. Валентин пинком отшвырнул метаморфа, повернулся и ударил другого единственным своим оружием — ножом. Как это было странно — нанести рану! Он с какой-то жуткой очарованностью смотрел, как полилась жидкость бронзового оттенка. Метаморф-Валентин напал вновь, нацелившись когтистыми пальцами в глаза Валентина. Валентин увернулся, изогнулся и ударил. Лезвие вошло глубоко, и метаморф качнулся назад, хватаясь за грудь. Валентин затрепетал в шоке, но только на миг, и тут же повернулся к следующему метаморфу. Сражаться и убивать было для него новым делом, и он выполнял его, скрепя сердце. Однако быть мягким сейчас означало звать быструю смерть. Он бил и резал. Позади он услышал голос Карабеллы:

— Как ты там?

— Держусь,— буркнул он.

Зализан Кавол, увидев свой великолепный фургон в огне, зарычал, схватил одного метаморфа поперек тела и швырнул его в пламя. Двое других бросились на него, но другой скандар схватил их и сломал, как прутья, двумя парами рук. В яростной схватке Валентин мельком увидел Карабеллу, боровшуюся с метаморфом. Она прижала его к земле сильными натренированными руками, а Слит, яростный мститель, бил его сапогами с дикой яростью.

Фургон горел. Лес был полон метаморфами, ночь быстро надвигалась, грохотал ливень, а фургон горел. Когда жар усилился, центр битвы переместился с дороги к лесу, и дело стало еще более тягостным, потому что в темноте трудно было отличить друзей от врагов.

Метаморфские штучки с изменением формы добавляли сложности, хотя в ярости сражения они не могли долго удерживать трансформацию и те, что казались Жанамиром, Слитом или Зализаном Каволом быстро принимали свой природный вид.

Валентин сражался отчаянно. Он был скользким от собственного пота и метаморфской крови, и сердце его билось мощными ударами. Задыхаясь и пыхтя, не останавливаясь ни на миг, он пробивался сквозь гущу врагов с таким азартом, который удивлял его самого. Удар ножом... еще удар... еще...

Метаморфы имели лишь простейшее оружие, и, хотя их было очень много, вскоре их численность стала уменьшаться. Лизамон своим вибромечом производила страшное опустошение. Она держала его обеими руками и рубила как ветви деревьев, так и руки метаморфов. Уцелевшие скандары посылали вокруг энергоразряды, сожгли с полдюжины деревьев и усыпали землю трупами метаморфов. Слит калечил и убивал, как бы мстя за всю ту боль, которую, как он думал, принесли ему метаморфы. Кон и Виноркис тоже сражались со страстной энергией.

Битва кончилась также внезапно, как и началась. При свете пожарища Валентин повсюду видел мертвых метаморфов. Между ними лежали два убитых скандара. У Лизамон была кровоточащая, но неглубокая рана на бедре. Слит потерял половину своего камзола и получил несколько мелких порезов. У Жанамира были царапины на щеке.

Валентин тоже чувствовал на себе незначительные царапины и ссадины, и руки его болели от усталости, однако серьезных повреждений не было. А где же Делиамбер? Вруонского колдуна нигде не было. Встревоженный Валентин повернулся к Карабелле.

— Вруон не остался в фургоне?

— По-моему, мы все выскочили, когда фургон загорелся.

Валентин нахмурился. В лесной тишине были слышны только шипение и треск пожарища и насмешливо-спокойный стук дождя. — Делиамбер! — Закричал Валентин. — Делиамбер, где ты?

— Я здесь, — ответил высокий голос сверху.

Валентин поднял голову и увидел колдуна, крепко уцепившегося за сук футах в пятнадцати над землей.

— Война не входит в мои планы, — вежливо объяснил Делиамбер. Он раскачался и упал прямо в руки Лизамон.

— Что нам теперь делать? — спросила Карабелла.

Валентин понял, что она спрашивает его. Теперь он командовал. Залзан Кавол, стоявший на коленях возле мертвых братьев, выглядел совершенно сраженным их гибелью и потерей своего драгоценного фургона. Валентин сказал:

— У нас нет иного выбора, кроме как пробиваться через лес. Если мы пойдем по главной дороге, мы опять встретимся с метаморфами. Жанамир, что с животными?

— Они мертвые.— Мальчик всхлипнул.— Все до одного. Метаморфы...

— Значит пешком в долгое мокрое путешествие. Делиамбер, как ты думаешь, далеко ли до реки Стейч?

— Я думаю, несколько дней пути. Однако мы не знаем точного направления.

— Пойдем по склону местности,— сказал Слит,— реки не могут течь в гору. Пойдем на восток и нам обязательно повезет.

— Если на нашем пути не встанут горы,— заметил Делиамбер.

— Мы найдем реку,— твердо сказал Валентин.— Стейч впадает в Зимр у Ни-мойи, правильно?

— Да,— сказал Делиамбер,— но течение у него бурное.

— Придется рискнуть. Быстрее всего, я думаю, построить плот. Пошли. Если мы задержимся здесь, на нас снова нападут.

Из фургона ничего не удалось спасти,— ни одежды, ни еды, ни жонглерского инвентаря, пропало все, кроме того, что было на них, когда они выскочили навстречу засаде. Для Валентина это была небольшая потеря, однако для других, особенно для скандаров,— бедствие. Фургон был долгое время их домом.

Трудным делом было увести Залзана Кавола от этого места. Он как бы застыл, не в силах покинуть тела братьев и останки фургона. Валентин ласково уговаривал его встать. Несколько метаморфов, как он говорил, могли удрать и скоро вернутся с подкреплением, оставаться здесь опасно.

Они быстро вырыли в мягкой почве могилы и положили тела Тилкара и Хейрага, а потом в сгустившейся тьме, под непрерывным дождем пошли в восточном, как они надеялись, направлении. Они шли больше часа, пока не стало так темно, что ничего не было видно.

Пришлось остановиться и отдыхать маленькой мокрой кучкой, тесно прижавшись друг к другу, до восхода солнца. С первыми лучами они встали, озябшие и неотдохнувшие, и пошли дальше через лес.

Дождь, наконец, прекратился, лес стал менее густ и давал проход, но иногда встречались быстрые ручьи, которые приходилось осторожно переходить. В одном

из таких ручьев Карабелла оступилась, упала и была выловлена Лизамон Холтен, а в другом Жанамира понесло течением, однако Кон подхватил мальчика. Они шли до полудня, потом остановились на час-два, поели корней, ягод, и затем шли дальше до темноты.

Так прошло еще два дня. На третий день они нашли рощу двикка-деревьев — восемь толстых гигантов с висевшими на них громадными плодами.

— Еда! — завопил Залзан Кавол.

— Священная для лесных братьев! — сказала Лизамон. — Будь осторожен.

Изголодавшийся скандар, тем не менее, уже собирался свалить своим энергометом один из громадных плодов, но Валентин резко сказал:

— Нет! Я запрещаю!

Залзан Кавол недоверчиво уставился на него. На миг взыграла его старая привычка командовать, и он взглянул так свирепо, словно собирался ударить Валентина, однако он сдержал свое раздражение.

— Смотри, — сказал Валентин.

Из-за каждого дерева возникали лесными братья, вооруженные духовыми трубками. Увидев, как обезьяноподобные существа окружают их, Валентин в своей усталости почти жаждал смерти. Но только на миг. Он вновь воспрянул духом и сказал Лизамон:

— Спроси их, не могут ли они дать нам еды и проводить нас. Если они потребуют платы, я думаю, мы можем жонглировать для них камешками или кусочками плода.

Женщина войн, вдвое выше лесных братьев, подошла к ним и долгое время разговаривала. Вернулась она с улыбкой.

— Они знают, что мы освободили их братьев в Илливойне.

— Значит, мы спасены! — вскричал Жанамир.

— Быстро же распространяются новости в этом лесу! — сказал Валентин.

— Мы их гости, — продолжала Лизамон. — Они накормят нас и проводят.

В эту ночь путники досыта наелись плодами двикка-деревьев и другими лесными деликатесами и впервые после засады искренне смеялись. Лесные братья исполнили для них танец с обезьяньими прыжками, а Слит, Карабелла и Валентин ответили им жонглированием, используя лесной материал.

Потом Валентин крепко и спокойно заснул. Во сне он умел летать и видел себя парящим над вершиной Замковой горы.

Утром отряд лесных братьев повел их в трехчасовое путешествие к реке Стейч и там распрощался с ними щебечущими криками.

Вид у реки был угрюмый, широкая, хотя и не такая, как могучий Зимр, она бежала с поразительной скоростью и так энергично, что во многих местах проламывала собственное каменное ложе. То тут, то там над водой поднимались страшные камни, а вдали виднелись пороги.

Сооружение плотов заняло полтора дня. Они рубили молодые деревья, росшие на берегу, обтесывали их ножами и острыми камнями, связывали лианами. Плоты получились не слишком элегантные, однако прочные. Их было три: один для четырех скандаров, другой для Кона Виноркиса, Лизамон и Слита, а третий заняли Валентин, Жанамир, Делиамбер и Карабелла.

— Мы, вероятно, разойдемся, когда поплывем вниз по реке,— сказал Слит. Давайте договоримся, где мы встретимся в Ни-мойе.

— Стейч и Зимр сливаются в месте, называемом Ниссиморн. Там широкая песчаная бухта. Давайте встретимся в бухте Ниссиморн.

— Ладно,— сказал Валентин.

Он обрезал лиану, удерживающую плот у берега, и они понеслись по реке.

Первый день прошел без приключений. Были пороги, но не высокие, и плоты благополучно миновали их. Карабелла ловко управляла плотом и умело обходила случайные каменные выступы.

Через некоторое время плоты стали отдаляться друг от друга. Плот Валентина попал в быстрину и обогнал два других плота. Утром он ждал, однако их не было, и он, наконец, решил плыть дальше по самому быстрому участку, испытывая тревогу при виде белой пены на порогах. К концу второго дня плавание стало труднее. Местность, похоже, понижалась, и река следовала линии спуска. Валентин начал беспокоится, нет ли впереди водопада. У них не было ни карт, ни заметок об опасных местах, они неслись наугад. Оставалось лишь верить в удачу, в то, что эта бурная вода донесет их живыми до Ни-мойе.

А потом? На речном судне до Пилиплока, на корабле паломников на Остров Сна. Каким-нибудь способом до-

биться встречи с Леди. А дальше что? Как человек может требовать трон Короналя, если его лицо не похоже на Лорда Валентина, законного правителя? Как требовать, каким авторитетом? Невозможное дело. Наверное, лучше остаться в лесу, руководить своим маленьким отрядом. Они с достаточной готовностью приняли его за того, кем он себя считал, но в этом мире миллиарды жителей, а в этой обширной империи гигантские города, лежащие далеко за горизонтом. Как он сможет убедить неверящих, что он, Валентин-жонглер, был когда-то ...

Нет, это глупые мысли. Никогда с тех пор, как он появился возле Пидруда, лишенный памяти и прошлого, он не чувствовал необходимости править другими. Если он стал командовать маленькой группой, то больше по природному дару и упущению Залзана Кавола, чем по собственному желанию. Однако он командовал, пусть деликатно и ощупью.

Так и будет, когда он пойдет через Маджипур. Он будет делать один шаг за раз и делать то, что покажется правильным и нужным. Возможно Леди станет направлять его, и, если Божество пожелает, он в один прекрасный день будет опять на Замковой горе. Пусть это не часть великого плана — что ж, все равно приемлемо. Бояться нечего. Будущее должно ясно развернуться в своем истинном смысле, как это делалось, начиная с Пидруда. И...

— Валентин! — закричала Карабелла.

Река как бы выпустила гигантские каменные зубы. Повсюду торчали камни и крутились чудовищные пенные водовороты, а впереди явный спуск, где Стейч прыгал в пространство и с ревом несся по ступеням в долину далеко внизу. Валентин схватился за шест, но шест теперь не мог помочь ему: он застрял между двумя каменными зубьями и вырвался из рук Валентина. Тут же раздался скрежущий звук, когда плот ударился о камни, повернулся под прямым углом к своему курсу и разломился. Валентина кинуло в холодный поток и понесло, как щепку. Он схватил Карабеллу за руку, однако течение тут же оторвало девушку от него, а его накрыло с головой. Задыхаясь, Валентин старался поднять голову над водой. Когда ему это удалось, он уже далеко спустился вниз по реке.

Сломанного плота не было видно.

— Карабелла! — кричал он.— Жанамир! Делиамбер! Эй!

Он кричал до хрипоты, но грохот воды на порогах настолько перекрывал его голос, что он сам себя не слышал. Страшное ощущение боли и потери заледенило мозг. Неужели пропали все его друзья: его возлюбленная, хитрый маленький вруон, умный дерзкий мальчик Жанамир — всех в один миг взяла смерть? Нет, не может быть!

Эта агония была куда хуже, чем все еще нереальное для него дело — быть Короналем, выкинутом из Замка. Тут дорогие ему существа из плоти и крови, а там — лишь титул и власть. Он не переставал выкрикивать имена, в то время, как река тащила его.

Он цеплялся за камни, пытаясь остановить свой вынужденный спуск, однако он был теперь в середине порогов, о которые бились течение и камни с речного дна. Измученный, полупарализованный скорбью, Валентин перестал бороться, и его понесло вниз по гигантской речной лестнице, как игрушку. Он прижал колени к груди, а руками защищал голову, чтобы уменьшить поверхность тела, доступную камням. Сила реки потрясала.

«Итак, — думал Валентин, — здесь конец приключений Валентина с Маджипура, бывшего Короналя, а затем странствующего жонглера. Его разнесут на куски безликие и равнодушные силы природы.»

Он поручил себя Леди, которую считал своей матерью, и понесся кувырком вниз, со страшной силой стукаясь обо что-то и думая, что это конец, однако конца еще не было, и он снова стукался, получил страшный удар в ребра, вышибивший из него воздух, и, видимо, потерял на некоторое время сознание, потому что больше не испытывал боли.

Затем он обнаружил, что лежит на усыпанной галькой мели в спокойной части реки. Ему казалось, что его целыми часами трясли в гигантском стаканчике для игральных костей, а потом выбросили куда попало. Тело его болело в тысяче мест, легкие, казалось, были пропитаны водой. Он дрожал, тело его покрылось гусиной кожей, он был один под безоблачным небом, вдали от цивилизации, а его друзья, возможно, лежали мертвыми на камнях.

Но он жив. Это ясно. Избитый, беспомощный, скорбящий, потерянный, однако живой. Значит приключение не кончилось.

Медленно, с бесконечными усилиями Валентин поднялся с отмели и поплелся на берег. Там он с трудом взобрался на широкую плоскую скалу, онемевшими пальцами снял с себя одежду и растянулся обсыхать под

теплым ласковым солнцем. Он смотрел на реку в надежде увидеть плывущую Карабеллу или Жанамира с колдуном на плече.

Никого не было. Но это не значило, что их нет в живых, как он себя уверял. Их могло выбросить дальше по берегу.

Он решил остаться здесь на некоторое время, а потом идти искать остальных. Если же он их не найдет, то пойдет один дальше к Ни-мойе, к Пилиплоку, к Острову Леди, вперед, к Замковой Горе.

Вперед, вперед, вперед!

Часть III

КНИГА ОСТРОВА СНА

Глава 1

Валентину казалось, что он месяцы, а то и годы пролежал голый на теплой плоской скале в каменистой бухте, куда его выбросила неуправляемая река Стейч. Солнечные лучи обволакивали его туманным золотым нимбом, и он говорил себе, что это подлечит его синяки, ушибы и ссадины, если он полежит подольше. Он смутно сознавал, что надо бы встать и начать поиск своих спутников, однако у него едва хватало сил повернуться с одного бока на другой. Он понимал, что Корональ Маджипура не должен вести себя таким образом. Такое снисхождение к своим слабостям простительно купцу, трактирщику или даже жонглеру, но не тому, у кто претендует на власть. На нем лежит высокая ответственность. Он сказал себе, что сейчас встанет, оденется и пойдет на север по берегу, пока не дойдет до тех, кто сможет помочь ему опять завоевать утраченное положение.

«Да, вставай, Валентин!»

Однако он оставался на месте. Корональ он или нет, но он истощил всю свою энергию, летя кувырком через пороги. Лежа здесь, он осознавал безмерность Маджипура, многие тысячи миль его протяженности, планеты достаточно обширной, чтобы на ней могли жить удобно и нескученно двадцать миллиардов жителей, планеты с громадными городами и удивительными парками, лесными заповедниками, священными районами и сельскохозяйственными территориями, и ему казалось, что, если он превозможет себя и встанет, ему придется покрыть все это колоссальное расстояние пешком, шагая и шагая. Похоже, что проще остаться здесь.

Что-то слегка его щекотало, довольно легко, но настойчиво. Он не обратил на это внимания.

— Валентин!

Он проигнорировал это.

Щекотание возобновилось. И только тогда его отупевший от усталости мозг понял, что кто-то назвал его имя. Значит, кто-то из его спутников все-таки жив. Его душу заполнила радость. Собрав остатки сил, он поднял голову и увидел крошечную фигурку стоявшего перед ним Делиамбера. Вруонский колдун собирался тронуть его в третий раз.

— Ты жив? — вскричал Валентин.

— По-видимому. Ты тоже более или менее жив.

— А Карабелла? Жанамир?

— Я их не видел.

— Этого я и боялся, — тихо пробормотал Валентин.

Он закрыл глаза, и на него снова навалился груз отчаяния.

— Пойдем, — сказал Делиамбер. — Нам предстоит большое путешествие.

— Я знаю, потому и не хочу вставать.

— Ты ранен?

— Не думаю. Однако я хочу отдохнуть, Делиамбер, отдыхать сто лет.

Щупальца колдуна прикоснулись к телу Валентина в нескольких местах.

— Серьезных повреждений нет, — пробормотал вруон. — Большая часть тебя здорова.

— Но многое — нет, — еле слышно прошептал Валентин. — А как ты?

— Вруоны хорошие пловцы, даже такие старики, как я. Я невредим. Мы пойдем дальше, Валентин.

— Позднее.

— Вот, значит, как, Корональ Мадж...

— Нет, — сказал Валентин, — Корональ Маджипура не поплыл бы по порогам Стейча на связанном лианами плоту. Корональ не шлялся бы по диким местам много дней, не спал бы под дождем и не питался бы одними ягодами да орехами. Корональ...

— Корональ не позволил бы своим приближенным видеть себя в состоянии лености и вялости, — резко сказал Делиамбер. — А один из приближенных уже подходит сюда.

Валентин заморгал и сел. К ним шла широким шагом Лизамон Холтен. Она выглядела слегка растрепанной —

одежда в лохмотьях, гигантское тело во многих местах покрыто синяками, однако шагала она уверенно, и голос ее, когда она окликнула их, звучал гулко, как всегда.

— Эй! Вы живы?

— Думаю, что да,— ответил Валентин.— Ты видела кого-нибудь из наших?

— В полумиле отсюда Карабелла и мальчик.

Валентин воспрянул духом.

— С ними все в порядке?

— С ней, во всяком случае.

— А с Жанамиром?

— Он не хочет просыпаться. Она послала меня искать колдуна. Я нашла его скорее, чем предполагала. Фу, ну и река! Этот плот удрал так быстро, что прямо смех!

Валентин потянулся за своей одеждой. Она была еще мокрая, и он вновь уронил ее на камни.

— Мы сейчас же пойдем к Жанамиру. Ты ничего не знаешь о Коне, Слите и Виноркисе?

— Я их не видела. Я упала в воду, а когда выплыла, никого не было.

— А скандары?

— Вообще никаких признаков. Колдун, как по-твоему, где мы?

— Далеко от любого места,— ответил вруон.— Во всяком случае, от метаморфских банд мы спасены. Давай веди нас к мальчику.

Лизамон посадила Делиамбера на плечо и зашагала обратно вдоль берега, а Валентин вяло ковылял сзади, перекинув влажную одежду через руку. Через некоторое время они дошли до Карабеллы и Жанамира, которые располагались в маленькой бухте с белым песком, и зарослями толстых ярко-красных стеблей речного тростника. Карабелла, хоть избитая и усталая, в одной кожаной юбке, вроде была невредима. Жанамир же лежал без сознания, дышал слабо и медленно, а его кожа имела странный темный оттенок.

— О, Валентин! — вскрикнула Карабелла и бросилась к нему.— Я видела, как тебя унесло, а потом... Ох, я думала, что никогда больше не увижу тебя!

Он прижал ее к себе.

— Я тоже так думал, любимая.

— Ты ранен?

— Ничего существенного. А ты?

— Меня бросало, трясло и крутило, так что я даже не могла вспомнить свое имя. Потом я вдруг очутилась

в спокойной воде и поплыла к берегу. Там уже был Жанамир, только он не хотел просыпаться. Из-за тростника вылезла Лизамон и сказала, что пойдет искать Делиамбера и... Он придет в себя, колдун?

— Сейчас,— сказал Делиамбер.

Он прикладывал кончики щупальцев к груди и лбу мальчика, как бы передавая ему энергию. Жанамир пробормотал что-то и пошевелился. Глаза его то открывались, то закрывались. Он начал что-то хрипло говорить, но Делиамбер велел ему молчать и лежать спокойно, чтобы сила опять влилась в него.

Продвигаться дальше в этот день нечего было и думать. Валентин и Карабелла соорудили шалаш из тростника, Лизамон собрала скудный обед из фруктов и молодых побегов пинины. Затем они молча сидели у реки, глядя на прекрасный закат.

Утром все чувствовали себя способными действовать. Жанамир не выглядел хорошо. Лечение Делиамбера и природная сопротивляемость мальчика вернули ему жизненные силы.

Скрепив, насколько возможно, свою рваную одежду, они пошли на север, сначала по берегу, а дальше через лес, примыкавший к реке. Воздух здесь был мягкий, а солнце, пробивавшееся сквозь кроны деревьев, давало тепло уставшим путникам.

На третьем часу похода Валентин уловил запах, весьма напоминавший запах жареной рыбы. Он поспешил туда, глотая слюну, готовый купить, выпросить, а при необходимости и украсть немного рыбы, поскольку он уже забыл, когда в последний раз ел настоящую пищу. Скатившись по откосу, он увидел костер и три фигуры, сидевшие вокруг него. Заслонив глаза от яркого солнца, Валентин разглядел, что одна из фигур была плотным человеком с бледной кожей и белыми волосами, другая — синекожим существом, а третья — хьортом.

— Слит! — закричал Валентин.— Кон! Виноркис!

Они спокойно смотрели, как он бежал к ним, а затем Слит небрежно протянул ему прут с насаженным на него куском рыбы.

— Закуси немножко,— любезно сказал Слит.

Валентин был изумлен.

— Как вы очутились так далеко от нас? Как вы поймали эту рыбу? Как вы разожгли костер? Что вы...

— Рыба остынет,— сказал Кон.— Сначала ешь. Вопросы потом.

Валентин поспешно взял кусок. Он никогда не ел ничего вкуснее. Обернувшись, он крикнул своим спутникам, чтобы они скорее спускались. Однако те уже бежали сюда — Жанамир, гикая и подскакивая на бегу, Карабелла, а за ним топала Лизамон с Делиамбером на плече.

— Рыбы хватит на всех! — объявил Слит.

Они поймали, по крайней мере, дюжину рыб, которые теперь печально кружились в глубокой каменной выемке с водой. Кон вытаскивал их и потрошил, а Слит быстро жарил их на костре и передавал друзьям, а те жадно ели.

Слит рассказал, что, когда плот разломился, они все вцепились в один обломок и ухитрились висеть на нем, пока их несло по порогам и вниз с водопадом. Они смутно помнили, что видели отмель, куда выбросило Валентина, однако самого его не видели, когда пронеслись мимо еще на несколько миль, где, наконец, смогли оставить обломок плота и поплыть к берегу.

Слит сказал, что Кон ловил рыбу голыми руками, что он в жизни не видел таких проворных рук и думает, что из Кона вышел бы первоклассный жонглер. При этих словах Слита Кон усмехнулся. Валентин впервые увидел улыбку на этом угрюмом лице.

— А костер? — спросила Карабелла. — Вы зажгли его, щелкнув пальцами?

— Попробовали, — спокойно ответил Слит, — но это тяжелая работа, так что мы пошли в рыбацкую деревню за поворотом и попросили огонька.

— Рыбаки? — удивленно спросил Валентин.

— Отдаленное поселение лименов, сказал Слит. — Видимо, они не знают, что назначение их расы — торговать сосисками в западных городах. Они дали нам кров на ночь и согласились довезти нас до Ни-мойе, чтобы мы могли ждать своих друзей в бухте Ниссиморн. — Он улыбнулся. — Я полагаю, что теперь нам нужно нанять две лодки.

— Далеко мы от Ни-мойе? — спросил Делиамбер.

— Два часа на лодке, как мне сказали, до места слияния рек.

Мир вдруг показался Валентину не столь уж огромным и работа, ждавшая его, не совсем непреодолимой. Он снова ел настоящую пищу, знал, что поблизости есть дружественный поселок, что скоро он уйдет из этих мест. Все это очень ободряло. Теперь его мучило только одно: судьба Залзана Кавола и трех его братьев.

Поселок лименов был совсем небольшим: примерно пятьсот душ невысокого, плоскоголового, темнокожего

народа. Его обитатели рассматривали путешественников без особого любопытства. Они жили в скромных тростниковых хижинах у реки, выращивали на небольших полях злаки в дополнение к тому, что приносила им флотилия грубых рыбачьих лодок. Диалект их был трудным, однако Слит, похоже, умел общаться с ними и сумел не только нанять вторую лодку, но и купить за пару крон одежду для Карабеллы и Лизамон.

Часа в два дня они с командой из четырех молчаливых лименов отплыли в Ни-мойе. Течение было быстрое, однако порогов мало, и обе лодки быстро скользили вдоль слабонаселенного побережья.

Река расширялась и успокаивалась. Побережье здесь было ровным и открытым, за поселками по обоим берегам наверняка были города с многотысячным населением. Впереди лежало темное безмерное главное водохранилище, окружавшее весь горизонт, словно открытое море.

— Река Зимр,— объявил лимен, рулевой на лодке Валентина.— Стейч здесь кончается. Налево бухта Ниссиморн.

Валентин увидел полумесяц берега, ограниченный густой рощей пальм необычно перекошенной формы. Когда лодка подплыла ближе, Валентин с изумлением увидел на берегу плот из грубо обтесанных бревен. Рядом с плотом сидели четверорукие фигуры.

Скандары дождались.

Глава 2

Залзан Кавол не увидел ничего необычного в таком путешествии. Его плот прошел через пороги. Он и его братья отталкивались от них шестами, ударялись, конечно, однако не серьезно, и доплыли до бухты Ниссиморн, где и остановились, гадая, что задержало остальных членов группы. Скандару не приходило в голову, что другие плоты могли сломаться, тем более что по пути он не видел никаких обломков.

— У вас были затруднения? — спросил он с искренним недоумением.

— Пустяшные,— коротко ответил Валентин.— Раз уж мы все собрались, хорошо бы в эту ночь поспать в настоящем жилище.

Они продолжили путешествие и доехали до великого слияния Стейча и Зимра. Вода была настолько широка,

что Валентину не верилось — неужели это всего лишь место встречи двух рек. В городке Ниссиморн они расстались с лименами и сели на паром, который перевез их на другой берег в Ни-мойе, самый крупный город в Зимроле. В нем жило тридцать миллионов. У Ни-мойе река Зимр делала изгиб, резко поворачивая с востока на юго-восток. Как раз здесь и образовался мегаполис.

Он тянулся на сотни миль по обеим сторонам реки и нескольких притоков, впадавших в нее с севера. Валентин и его спутники сначала увидели южные предместья, жилые районы, переходившие на юге в сельскохозяйственную территорию, которая тянулась до Долины Стейча. Основная городская зона располагалась на северном берегу, и сначала виднелись только ярусы плосковерхих башен, спускавшихся к реке. Паромы ходили по всем направлениям, связывая бесчисленное множество прибрежных городков. Переправа через реку заняла несколько часов, и уже начало смеркаться, когда стал виден собственно Ни-мойе. Город производил магическое впечатление. Его огни приветливо искрились на фоне заросших лесом зеленых холмов и безупречной белизны зданий. Гигантские пальцы пирсов вонзались в реку, а в гавани тянулся шлейф больших и малых судов. Пидруд, казавшийся Валентину в первые дни его странствий таким могучим, являлся маленьким в сравнении с этим городом.

Только скандары, Кон и Делиамбер видели Ни-мойе раньше. Делиамбер рассказывал о чудесах города: Паутинной Галерее — торговой аркаде в милю длиной, поднятой над землей на почти невидимых тросах, о Парке сказочных зверей с редчайшей фауной Маджипура. Эти животные, почти исчезнувшие с развитием цивилизации, бродили здесь в условиях приближенных их родным местам. Он также рассказывал о Хрустальном бульваре, сверкающей улице с вращающимися рефлекторами, о Большом Базаре — пятнадцатимильных, похожих на лабиринт проходах, где размещалось неисчислимое множество лавчонок под длинными навесами из пронзительно-желтой искрящейся ткани, о Музее Миров, Палате Колдовства, о Герцогском Дворце, про который говорили, что его великолепие превосходит только Замок Лорда Валентина, и о многом другом. Валентину казалось, что все это больше похоже на миф, сказку, чем на реальный город. Однако они, наверное, ничего из этих чудес не увидят. Городской оркестр в тысячи инструментов, плавучие рестораны, искусственные птицы с драгоценными

камнями вместо глаз и все прочее подождут до того дня, — если он когда-нибудь настанет, — когда Валентин вернется в Ни-мойе в одежде Короналя.

Когда паром начал приближаться к городу, Валентин созвал всех своих и сказал:

— Пора определиться с личными планами каждого из нас. Я намерен ехать в Пилиплок, а оттуда на Остров. Я очень ценю наше давнее содружество и хотел бы сохранить его и дальше, но не могу предложить вам ничего, кроме бесконечного путешествия и возможно преждевременной смерти. Моя надежда на успех слаба, а препятствия огромны. Хочет ли кто-нибудь пойти со мной?

— Хоть на другой конец света! — крикнул Жанамир.

— И я, — одновременно сказали Слит и Виноркис.

— Неужели ты сомневался во мне? — спросила Карабелла.

Валентин улыбнулся и посмотрел на Делиамбера. Тот сказал:

— На карту поставлена судьба королевства. Как я могу не пойти за истинным Короналем, куда бы он ни приказал?

— Для меня это тайна, — сказала Лизамон. — Я не понимаю, как Короналя могли вытряхнуть из его же собственного тела. Однако у меня нет другой работы, Валентин, и я пойду с тобой.

— Благодарю вас всех, — сказал Валентин, — и еще раз поблагодарю в пиршественном зале Горного Замка.

— А скандары будут тебе полезны, милорд? — спросил Залзан Кавол.

Валентин не ожидал этого.

— Вы хотите идти?

— Наш фургон пропал, наше братство разбила смерть, мы лишились нашего жонглерского реквизита. На паломничество меня не тянет, но я и мои братья пойдем за тобой на Остров и дальше, если ты пожелаешь.

— Я желаю видеть вас всех в своей свите, Залзан Кавол. Есть ли при дворце должность королевского жонглера? Я обещаю ее тебе.

— Спасибо, милорд, — серьезно ответил скандар.

— Есть еще один доброволец, — заметил Кон.

— Ты тоже? — удивленно спросил Валентин.

Суровый чужак ответил:

— Мне мало дела до того, кто Корональ на планете, где я сижу на мели, однако мне очень важно вести себя достойно. Только благодаря тебе я не умер в Пьюрифайне. Я обязан тебе жизнью и буду помогать тебе, чем смогу.

Валентин покачал головой.

— Мы сделали для тебя только то, что любое цивилизованное существо должно сделать для другого. Ты ничего нам не должен.

— Я смотрю на это иначе,— сказал Кон.— Кроме того, моя жизнь до сих пор была серой. Я оставил свой родной Кайнимор без особых причин и прибыл сюда. Здесь жил глупо и чуть не поплатился жизнью, так почему бы мне не продолжать в том же духе? Я присоединяюсь к твоему делу, буду считать его своим и, может быть, со временем поверю в него, а если умру, делая тебя королем, это будет всего лишь выплатой долга. Своей смертью я расплачусь со Вселенной за плохо прожитую жизнь. Ты принимаешь меня?

— От всего сердца,— сказал Валентин.

Паром громко загудел и мягко подошел к причалу.

Они остановились на ночь в самом дешевом портовом отеле, чистом, но скромном, с добела вымытыми каменными стенами и общими ваннами, и сытно пообедали в трактире неподалеку. Валентин предложил объединить их средства и препоручить их Залзану Каволу и Жанамиру, поскольку они лучше всех остальных знали цену деньгам и умели их расходовать. У самого Валентина осталось многое из того, что он имел в Пидруде, а Залзан Кавол извлек из потайного кармана кучу десятиреаловых монет. Всего этого должно было хватить на дорогу до Острова.

Утром они сели на речное судно, такое же как то, которое везло их из Кантора в Вирф, и отправились в Пилиплок, большой порт в устье Зимра. Они проехали весь Зимрол, но от восточного побережья их все еще отделяло несколько тысяч миль. По широкой глади Зимра судно шло быстро и безмятежно. Конечно, оно то и дело останавливалось в бесчисленных городах и городках, даже в едва заметных местах, где, тем не менее, были свои пристани, набережные, пальмы, весело раскрашенные склады, базары и пассажиры с билетами, жаждавшие подняться на борт и тут же начать торопить с отправкой корабля. Слит выстрогал жонглерские булавы из выпрошенных у команды кусков дерева. Карабелла где-то разыскала мячики, а скандары, пообедав, преспокойно зажали в ладонях пустые блюда и улизнули с ними, так что труппа постепенно обзаводилась реквизитом, а на третий день они заработали несколько лишних крон, выступив на палубе. Залзан Кавол понемногу вернул себе прежнюю грубоватость и самоуверенность, поскольку вновь высту-

пал, однако все-таки оставался удивительно покладистым, и оставался спокоен в ситуациях, которые раньше вызвали бы шторм ярости.

Здесь была родина четырех скандаров. Они родились в Пилиплоке и начали свою карьеру, обходя города громадной провинции, простиравшейся как вверх по реке, так и вглубь страны на тысячу миль от побережья. Им приятно было видеть знакомую местность, рыжеватые холмы, суетливые городки с деревянными зданиями, и Залзан Кавол начал рассказывать о своей прежней работе здесь, об успехах и неудачах — последние тоже бывали, правда, редко, — о споре с импрессарио, в результате которого он ушел искать счастья на другой конец Зимрола. Валентин подозревал, что на то были более веские причины, может быть, даже столкновение с законом, но спрашивать не стал.

Однажды ночью, подвыпив, скандары даже запели — впервые на памяти Валентина. Песня была мрачная и унылая, в минорном ключе.

«Темно мое сердце, темен мой страх,
Туман в моих глазах, наполненных слезами.
Смерть и горе, смерть и горе
Следуют за нами, куда бы мы ни пошли.
Далеко те земли, где я привык бродить,
Далеко холмы и ручьи родные.
Смерть и горе, смерть и горе
Следуют за нами, куда бы мы ни пошли.
Моря драконов, земли страданий.
Я не увижу больше родного дома.
Смерть и горе, смерть и горе
Следуют за нами, куда бы мы ни пошли.»

Песня была невероятно печальной, и огромные скандары выглядели так нелепо, когда пели, покачиваясь, что Валентин и Карабелла сначала чуть не фыркнули, однако уже при втором куплете Валентин почувствовал, что песня трогает его, потому что была искренней: ведь скандары и в самом деле встретились со смертью и горем, и, хотя сейчас они находились близко от своего дома, они провели большую часть жизни вдали от него.

«Возможно, — подумал Валентин, — скандарам вообще трудно и тяжело на Маджипуре: таким грубо скроенным лохматым созданиям трудно двигаться в теплом воздухе среди более мелких, гладкокожих существ.»

Лето кончалось, и в восточном Зимроле начинался сухой сезон, когда дули южные ветры, растительность засыпала до весенних дождей, настроение, как говорил Залзан Кавол, ухудшалось. Валентину этот район пока-

зался менее интересным, чем джунгли средней части континента или субтропики дальнего запада, изобиловавшие красками, но через несколько дней, после более пристального наблюдения, он решил, что эти места обладают некоторой суровой красотой, сдержанной и строгой, совсем не похожей на буйную пышность запада. Однако, все равно он обрадовался, когда после многих дней на этой неизменяющейся и вроде бы бесконечной реке Зализан Кавол объявил, что видны окраины Пилиплока.

Глава 3

Пилиплок был почти так же стар и почти так же велик, как его двойник Пидруд на другом краю континента, но на этом сходство кончалось: Пидруд строился без плана, как попало накручивал улицы и бульвары, а Пилиплок с незапамятных времен строился с жесткой, почти маниакальной скрупулезностью.

Он занимал большой мыс на южном берегу устья Зимра. В том месте, где река впадала во Внутреннее Море, она была непомерной ширины — шестьдесят или семьдесят миль. Она несла с собой все наносы и обломки, собранные на протяжении семи тысяч миль ее быстрого течения с дальнего северо-запада, и этот ее груз придавал зелено-голубым водам океана темный оттенок, тянувшийся, как говорили, на сотни миль. Северный мыс устья реки был меловым утесом в милю высотой и многомильной длины. Эту ослепительно блестевшую белую стену видно было даже из Пилиплока в ясную погоду. Этот мыс никак нельзя было использовать для гавани, там никогда не было поселений, и он считался святым заповедником. Там жили удалившиеся от мира поклонники Леди, и к ним в течение сотен лет никто не вторгался. Пилиплок — другое дело. Город с одиннадцатью миллионами жителей расходился радиусами от своей великолепной природной гавани.

Серии изогнутых поясов пересекали эти радиусы: внутренние — торговые, затем промышленные зоны и зоны отдыха, на внешних линиях — жилые кварталы, резко разграниченные по уровню богатства и, в меньшей степени, по расовым признакам. В Пилиплоке была сильна концентрация скандаров. Валентину казалось, что каждый третий в районе порта принадлежит к народу Зализана Кавола, и было несколько странно видеть сразу так много четвероруких гигантов. Здесь жило также множество

надменных аристократических двухголовых су-сухирисов, торговцев предметами роскоши, дорогими тканями, драгоценностями и редчайшими ручными изделиями мастеров со всей провинции. Воздух был свежий и сухой. Почувствовав на лице горячий южный ветер, Валентин понял, что имел в виду Залзан Кавол, говоря о ухудшении настроения, вызываемом этим ветром.

— Он когда-нибудь прекращается? — спросил он.

— С первыми днями весны,— ответил Залзан Кавол.

Валентин надеялся быть к тому времени где-нибудь в другом месте. Но возникла проблема. Он пошел с Залзаном Каволом на Шконибор-Пирс на восточной окраине гавани Пилиплока договориться о переезде на Остров. Много месяцев Валентин мечтал очутиться в этом городе, на этом пирсе, представлял себе нечто волшебное — широкие перспективы, поразительную архитектуру — и был немало разочарован, обнаружив, что основное место отплытия кораблей паломников — обшарпанная, обветшалая постройка с облупившейся зеленой краской и хлопавшими на ветру рваными флагами. Дальше — хуже. Пирс оказался пустым.

Поискав, Залзан Кавол нашел расписание рейсов, висевшее в темном углу билетной кассы. Корабли паломников отплывали на Остров в среднем раз в месяц, за исключением осени, когда дули неблагоприятные ветры. Последний в этом сезоне корабль отплыл неделю тому назад, а следующий будет через три месяца.

— Три месяца! — воскликнул Валентин.— Что мы будем делать в Пилиплоке эти три месяца? Жонглировать на улицах? Побираться? Воровать? Прочти расписание еще раз, Залзан Кавол!

— Оно скажет то же самое,— ответил скандар. Он сморщился.— Я обожаю Пилиплок, однако я люблю сезона ветров. Вот не повезло!

— В этом сезоне нет вообще никаких кораблей?

— Только драконские.

— Что это такое?

— Рыбачьи суда. Охота на морских драконов, которые в это время года идут косяком для спаривания, и их легко взять. Драконских судов сейчас полно, но что нам от них толку?

— Далеко ли они выходят в море? — спросил Валентин.

— Как пойдет лов. Иногда они идут до архипелага Родмент, если драконы собираются к востоку.

— Где это?

— Это длинная цепь островов,— ответил Делиамбер, сопровождавший их,— далеко во Внутреннем Море, примерно на полпути отсюда до Острова Сна.

— Они обитаемые?

— Очень плотно.

— Хорошо. Значит, между островами есть торговля. Что если нанять такой корабль довезти нас до архипелага, а там договориться с местным капитаном о доставке нас на Остров?

— Можно попробовать,— сказал Делиамбер.

— Нет ли такого правила, чтобы все пилигримы плыли обязательно на специальных кораблях?

— Нет, насколько я знаю.

— Рыбачьи суда не станут связываться с пассажирами,— возразил Залзан Кавол.— Они никогда не заключают таких сделок.

— Может, несколько реалов вызовут интерес?

Скандар сомневался.

— Не имею представления. Однако ремесло у них прибыльное, пассажиров они рассматривают как помеху, а то и как дурную примету. И они не согласятся тащиться с нами на архипелаг, если места их промысла лежат в стороне от островов. Да и мы не можем быть уверены, что кто-нибудь с архипелага захочет везти нас дальше.

— Кто знает,— сказал Валентин,— может быть, все легко устроится. Деньги у нас есть, и я лучше потрачу их на морских капитанов, чем проем и проживу их за три месяца в Пилиплоке. Где можно найти этих охотников за драконами?

Целая секция порта занимала три или четыре мили и стояла особняком, а в гавани располагались десятки больших деревянных кораблей, готовых к только что начавшемуся новому охотничьему сезону. Все эти корабли были одной конструкции и выглядели, как показалось Валентину, угрюмыми и зловещими: страшно раздутые, с причудливыми трехзубцовыми мачтами, ужасающим зубастым изображением на носу и длинным зазубренным хвостом на корме. По бортам суда украшали нарисованные красным и желтым глаза, ряды хищных белых зубов. Высокие верхние палубы щетинились куполами для гарпунеров и громадными лебедками с сетями. Платформы, где разрубалась добыча, были покрыты пятнами крови. Валентин счел бы неуместным ехать на мирный священный Остров Сна на таком корабле-убийце, но выбора не было.

Однако и этот путь скоро стал казаться сомнительным. Они шли от корабля к кораблю, от причала к причалу, капитаны без интереса выслушивали их и тут же отказывали. Говорил, в основном, Залзан Кавол, потому что капитаны по большей части были скандарами и к соплеменнику могли отнестись любезнее. Но и его убеждения на них не действовали.

— Вы будете отвлекать команду, — сказал первый капитан. — То вы путаетесь между снастями, то у вас морская болезнь, то вам нужны особые услуги...

— Мы не возим пассажиров, — сказал второй. — Это не по правилам...

— Архипелаг не в той стороне, куда мы предпочитаем плыть, — сказал третий.

— Я верю, — сказал четвертый, — что, если драконское судно выходит в море с чужаками на борту, оно не вернется в Пилиплок. Я предпочитаю не проверять эту примету.

— Пилигримы меня не касаются, — сказал пятый. — Пусть Леди, если хочет, перевозит вас на Остров, а на моем корабле вам нечего делать.

Шестой тоже отказался, добавив, что ни один капитан не согласится помочь им. То же сказал и седьмой. Восьмой, услышав, что группа сухопутных крыс шляется по докам, вообще отказался с ними разговаривать.

Девятый капитан, старая седая скандарка с выцветшей шерстью и редкими зубами, оказалась более любезной, хотя и не пожелала дать им место на своем корабле. Но зато она дала совет:

— На Пирсе Престимиона найдите капитана Гарцвела с «Бренгалина». У Гарцвела было несколько неудачных плаваний, и всем известно, что с деньгами у него туго. Я слышала на днях в таверне, что он пытался сделать заем на ремонт своей посудины. Может быть, доход с пассажиров будет ему сейчас нелишним.

— А где этот Пирс Престимиона? — спросил Залзан Кавол.

— Самый последний в ряду, за Деккеритом и Кинноке́ном, как раз к западу от утильного склада.

«Утильный склад, похоже, самое подходящее место для «Бренгалина», — подумал Валентин, когда через час увидел судно капитана Гарцвела. Оно выглядело почти готовым для того, чтобы пустить его на дрова. «Бренгалин» был меньше и старше, чем другие корабли. Когда-то у него, видимо, был проломлен корпус, однако ремонт был сделан неаккуратно, и один борт странно скосился.

Нарисованные по ватерлинии глаза и зубы потеряли свой блеск, изображение на носу перекосилось, хвостовые зубья были отломаны футов на десять — может быть, сильным ударом разозленного дракона, мачты тоже заметно короче. Команда, лениво поглядывая на посетителей, без особой эффективности занималась смолением и свертыванием канатов и штопкой парусов.

Капитан Гарцвел выглядел столь же потрепанным и изношенным, как и его корабль. Он был скандаром, но карликом — почти одного роста с Лизамон, с одним глазом и обрубком вместо левой внешней руки. Мех его был тусклым и грубым, плечи сгорбленными — весь его вид говорил об усталости и бедах.

Однако он тут же повеселел, когда Залзан Кавол заговорил о перевозке пассажиров до архипелага.

— Сколько вас?

— Двенадцать. Четыре скандара, хьорт, вруон, пятеро людей и один чужак.

— Все пилигримы?

— Да.

Гарцвел быстро сделал знак Леди и сказал:

— Ты знаешь, что на драконском корабле иметь пассажиров не полагается. Но я обязан вознаградить Леди за ее милости в прошлом и я сделаю исключение. Плата вперед?

— Конечно,— сказал Залзан Кавол.

Валентин свободно вздохнул. Это было жалкое ободранное судно, а Гарцвел, наверное, третьесортный навигатор, страдающий от неудач или от неумения, однако он может взять их, а никто больше не соглашается.

Гарцвел назвал цену и ждал с явным напряжением. Он запросил меньше половины того, что они безуспешно предлагали другим капитанам, однако Залзан Кавол, торговавшийся по привычке и из гордости, предложил на три реала меньше. Гарцвел, заметно приунывший, скинул полтора реала, Залзан Кавол, похоже, намеревался выторговать еще несколько крон, но Валентин, пожалев несчастного капитана, быстро прервал торг, сказав:

— Договорились. Когда отплываем?

— Через три дня,— сказал Гарцвел.

В действительности прошло четыре — Гарцвел неопределенно говорил о каком-то мелком ремонте, под которым, как обнаружил Валентин, имелось в виду залатывание наиболее серьезных дыр. Раньше капитан не мог этого сделать. По слухам, которые Лизамон собрала в портовых тавернах, Гарцвел пытался заложить часть будущего

улова, однако желающих не нашел. Лизамон сказала, что у него неважная репутация: недальновидный, невезучий, с плохо оплачиваемой нерасторопной командой. Однажды он упустил целый косяк морских драконов и вернулся в Пилиплок с пустыми трюмами; в другой раз потерял руку, потому что принял еще живого маленького дракона за мертвого, а в последнем плавании «Бренгалин» получил от разъяренного дракона такой удар что чуть не пошел ко дну.

— Наверное, лучше бы нам добираться до Острова вплавь,— закончила Лизамон.

— А может, мы принесем нашему капитану удачу,— сказал Валентин.

Слит засмеялся.

— Если бы человек мог попасть на трон только благодаря оптимизму, милорд, ты к зиме был бы уже в Замке.

Валентин тоже засмеялся. Но после бедствий в Пьюрифайне он слегка опасался, не ввергает ли он своих друзей в новую катастрофу на борту этого злосчастного корабля. Ведь они шли за ним, в сущности, из-за одной веры, из-за свидетельства снов, колдовства и загадочного представления метаморфов. Каковы будут его боль и стыд, если в своем стремлении на Остров он принесет им новую беду! Однако Валентин чувствовал большую симпатию к всеми оплеванному безрукому Гарцвелу. Такой неудачливый моряк как раз подходящий кормчий для еще более незадачливого Короналя, который ухитрился за одну ночь потерять трон, память и личность!

Накануне отплытия Виноркис отвел Валентина в сторону и встревожено сообщил:

— Милорд, за нами следят.

— Откуда ты знаешь?

Хьорт улыбнулся и расправил клювом оранжевые усы.

— Тот, кто занимается мелким шпионажем, всегда узнает других таких же. Я обратил внимание на седоватого скандара, слоняющегося возле доков в последние дни, и поспрошал ребят Гарцвела. Один из корабельных плотников сказал мне, что этот скандар расспрашивал о пассажирах Гарцвела, и о том куда они едут.

Валентин опечалился.

— А я надеялся, что мы сбили их со следа в джунглях!

— Они, очевидно, опять обнаружили нас в Ни-мойе.

— Тогда постараемся еще раз отделаться от них на архипелаге и быть внимательными, чтобы на нашем пути не встретились другие шпионы. Спасибо, Виноркис.

— Не стоит, милорд. Это мой долг.

Когда корабль двинулся в путь, дул сильный южный ветер. Во время посадки Виноркис искал глазами любопытного скандара, но того нигде не было видно.

— Он выполнил свою работу, — предположил Валентин, — а дальнейшее наблюдение для узурпатора будет вести какой-нибудь другой информатор.

Они держали путь на юго-восток: драконовские корабли привыкли идти против вечно враждебного ветра на всей своей охотничьей территории. Это была изматывающая однако неизбежная работа, потому что морские драконы могли быть пойманы только в этом сезоне. «Бренгалин» имел мощный двигатель, но от него было мало проку, потому что на Маджипуре было мало горючего. Неуклюже, однако величественно, «Бренгалин» развернулся бортом к ветру и двинулся из гавани Пилиплока в открытое море.

Это было самое маленькое море Маджипура, Внутреннее Море, отделявшее восточный Зимрол от западного Алханрола. Пять тысяч миль от берега до берега — не пустяк, тем не менее Внутреннее Море было просто лужей по сравнению с Великим Морем, которое занимало большую часть другого полушария и было недоступно для навигации — бессчетные тысячи миль открытой воды. Внутреннее Море было более доступным человечеству по своим размерам и посредине между континентами прерывалось Островом Сна, достаточно большого, чтобы на планете меньшего размера считаться континентом, и несколькими цепями других островов.

Морские драконы бесконечно мигрировали между двумя морями. Они шли вокруг планеты годами, даже десятилетиями. Наверное, с десяток больших стад их жили в Великом Море, постоянно путешествуя с запада на восток. Каждое лето одно стадо шло через Великое Море мимо южной оконечности Нарабала и южного побережья Зимрола к Пилиплоку. Тогда охота на них запрещалась, потому что в это время в стаде бывало множество стельных самок. К осени рождались молодые особи, стадо приходило в продуваемые ветром воды между Пилиплоком и Островом Сна, и начиналась ежегодная охота. Из Пилиплока выходило громадное количество драконских судов. Стада теряли как старых, так и молодых драконов, а оставшиеся в живых возвращались в тропики, пройдя с юга мимо Острова Сна, огибали длинный Стоенцар — мыс Алханрола и направлялись на восток к Великому Морю, где плавали без помех, пока не наступало снова время огибать Пилиплок.

Из всех животных Маджипура морские драконы были наиболее огромными. Родились они небольшими, не более пяти-шести футов длиной, однако росли всю жизнь, а жизнь их была долгой, хотя никто не знал ее продолжительности. Гарцвел, пригласивший пассажиров пользоваться его столом, показал себя весьма разговорчивым теперь, когда его тревоги остались позади, и рассказывал легенды о размерах морских драконов. Один, пойманный в царствование Лорда Малибора, имел в длину сто девяносто футов, а другой — во времена Конфалума — двести сорок футов. Во времена же, когда Понтификсом был Престимион, а Короналем — Лорд Деккерит, был пойман морской дракон в двести футов, но чемпионом, как говорил Гарцвел, был дракон, нахально появившийся почти у входа в гавань Пилиплока при Лорде Киннокене: тот, по уверению очевидцев, был длиной в триста пятнадцать футов. Он ушел невредимым, потому что весь флот драконовских кораблей находился далеко в море. Это чудовище так и назвали — дракон Лорда Киннокена. Говорили, что он появлялся несколько раз в последующие столетия. Последний раз его видели при Лорде Вариаксе, однако никто не посмел бросить в него гарпун, потому что он имел среди охотников зловещую репутацию.

— Теперь он, наверное, пятьсот футов в длину, — закончил Гарцвел, — и я молюсь, чтобы честь измерить его выпала какому-нибудь другому капитану, если этот дракон вернется в наши воды.

Валентин видел маленьких драконов, убитых, выпотрошенных и высушенных, продававшихся на рынке по всему Зимролу, и однажды попробовал их мясо, темное, жесткое, с резким привкусом. Так приготовлялись драконы меньше десяти футов длиной. Мясо более крупных — до пятидесяти футов — разрубалось и продавалось свежим на восточном побережье Зимрола, но на далекие от моря рынки не поступало из-за трудности транспортировки. Драконы свыше пятидесяти футов были слишком стары для еды, однако из них вытапливали жир для различных целей. Кости морских драконов всех размеров использовались в строительстве, потому что имели крепость стали, а добывались куда легче, а яйца драконов, сотни фунтов которых находили в брюхе взрослых самок, применялись в медицине. Драконья кожа, драконьи плавники — все в драконе шло в дело, ничего не выбрасывалось.

Предлагая гостям фляжку голубоватой жидкости, Гарцвел говорил:

— Это, например, драконье молоко. В Ни-мойе или Канторе за такую фляжку дают десять крон. Попробуйте-ка.

Лизамон недоверчиво потянула в себя жидкость и тут же выплюнула на пол.

— Драконье молоко или драконья моча? — спросила она.

Капитан холодно улыбнулся.

— То, что ты выплюнула, в Долорне стоило бы тебе не меньше кроны, и ты еще считала бы, что тебе повезло достать его.

Он протянул фляжку Слиту, а поскольку тот отказался — Валентину. После минутного колебания Валентин смочил в ней губы.

— Горькое,— сказал он,— и вкус затхлый, но не так, чтобы совсем ужасный. Как оно действует?

Скандар хлопнул себя по бедрам.

— Возбуждает,— прогудел он,— шевелит соки, разогревает кровь, удлиняет жизнь.— Он указал на Залзана Кавола, который не спрашивая, сделал большой глоток.— Видите? Скандары знают! Мужчину из Пилиплока не нужно уговаривать выпить это!

— Драконье молоко? — спросила Карабелла.— Разве они млекопитающие?

— Да. Яйца созревают внутри, а детеныши родятся живыми, по десять-двенадцать в помете. На брюхе самки ряды сосков. Тебе кажется удивительным — молоко из драконов?

— Я думала, что драконы — рептилии,— сказала Карабелла,— а рептилии не дают молока.

— Лучше думай, что драконы — это драконы. Хочешь попробовать?

— Нет, спасибо,— ответила она.— Моя кровь достаточно горяча.

Обеды в капитанской каюте были, по мнению Валентина, лучшей частью путешествия. Гарцвел был более добродушным, чем другие скандары, и держал хороший стол с вином, мясом и рыбой разных сортов, включая и драконье мясо. Однако корабль его скрипел и трещал, был плохо построен и плохо обихожен, а команда из дюжины скандаров и ассортимента хьортов и людей была необщительной и часто откровенно враждебной. Эти охотники за драконами явно были гордой и сдержанной компанией, даже на таком нищенском судне, как «Бренгалин», и злились на присутствие чужих. Только один

Гарцвел был само гостеприимство. Он явно был благодарен пассажирам, поскольку они дали ему возможность отправить корабль в море.

Теперь они были далеко от земли, в невыразительной области, где бледно-голубой океан сливается с бледно-голубым небом, стирая всякое ощущение места и направления. Курс лежал на юго-восток, и чем дальше они отходили от Пилиплока, тем теплее становился ветер. Теперь он был жарким и сухим.

— Мы называем ветер нашим посланием,— сказал Гарцвел,— потому что он идет прямо из Суврейла. Это маленький подарок Короля Снов, такой же замечательный, как и все его дары.

Море было пустынным: ни островов, ни дрейфующих обломков, никаких признаков чего-либо, даже драконов. В этом году драконы шли далеко от побережья, как это иногда случалось, и грелись в тропических водах ближе к архипелагу.

Первые драконы показались на вторую неделю плавания. Гарцвел предсказал их появление за день раньше, увидев во сне, что они рядом.

Все капитаны видят во сне драконов,— объяснил он.— Мы чувствуем, когда души драконов приближаются к нам. Есть одна женщина-капитан, у которой не хватает зубов, ее зовут Гидраг. Она видит драконов во сне за неделю, а иногда и раньше. Иди прямо на них, и они всегда там окажутся. Я не такой способный, я чувствую самое большее за день. Но таких, как Гидраг, вообще больше нет. Я делаю, что могу. Мы увидим драконов через десять-двенадцать часов, это я гарантирую.

Валентин мало ему верил, однако в середине дня дозорный на мачте завопил:

— Эй! Драконы идут!

Великое множество драконов — сорок, пятьдесят, а то и больше — шло прямо перед носом «Бренгалина». Толстобрюхие неграциозные животные, такие же широкие в поперечнике, как сам «Бренгалин», с длинными толстыми шеями, тяжелыми треугольными головами, короткими хвостами, заканчивавшимися яркими плавниками, и выступавшими костяными гребнями во всю длину сильно выгнутой спины. Самой странной чертой их были крылья — по сути, украшение, потому что такое громадное существо просто не могло подняться в воздух, но выглядели они не украшением, а настоящими крыльями, темными, кожистыми, как у летучей мыши. Они выходили из массивных

выростов под шеей дракона и имели в размах до половины длины его тела. У большей части драконов крылья были сложены, однако некоторые полностью развернули их, помахивали ими и двигались с поразительной скоростью. В основном, тут были молодые драконы, от двенадцати до пятидесяти футов длиной, много было новорожденных, шестифутовых, свободно плескавшихся или державшихся за соски матерей. Но среди этой мелочи находилось несколько чудовищ, сонных, наполовину погруженных в воду. Их спинные гребни поднимались над водой, как центральные холмы на плавучем острове. Они были невообразимо грузны. Трудно было судить об их полной величине, так как их задняя часть была глубоко в воде, однако выглядели они, по крайней мере, не меньше корабля. Валентин, проходя по палубе с капитаном, спросил:

— Нет ли здесь дракона Лорда Киннокена?

Скандарский капитан снисходительно усмехнулся.

— Ну, дракон Киннокена, по крайней мере, втрое больше этих. Нет, больше, чем втрое. Эти едва достигают ста пятидесяти футов. Я видел куда крупнее.

Валентин пытался представить себе дракона втрое больше самого крупного из этих, но не смог. Это все равно что представить себе визуально всю Замковую Гору: человек просто не может этого сделать.

Корабль двинулся вперед. Вся операция была точно скоординирована. Были спущены лодки, на носу каждой скандар с острогой. Лодки спокойно шли мимо кормящих самок. Скандар пронзал одну здесь, другую там, распределяя убийство матерей таким образом, чтобы не вызвать полной гибели всех малышей.

Молодые драконы били хвостами по лодкам. Когда лодки вернулись к кораблю, были спущены сети для подъема добычи. Только взяв с десяток молодых драконов, охотники принялись за большую игру. Лодки были втянуты наверх, а гарпунер, громадный скандар с синей полосой через грудь, где мех был содран много лет тому назад, занял свое место в куполе. Он не спеша выбрал оружие, закрепил его в катапульте, а Гарцвел в это время маневрировал кораблем, чтобы дать гарпунеру возможность сделать точный удар по выбранной жертве. Гарпунер прицелился. Драконы беззаботно плыли. Блеснуло древко выпущенного гарпуна, он вонзился до половины в выпуклое плечо девяностофутового дракона, и море сразу ожило.

Раненый дракон со страшной яростью хлестал по воде хвостом и развернутыми крыльями, как бы желая воспа-

рить в небо и утащить с собой «Бренгалин». При первом его крике боли матери-драконы распустили крылья, собрали под них своих чад и стали удаляться, мощно колотя хвостами, в то время как крупнейшие в стаде, настоящие чудовища, просто скрылись из виду, уйдя в глубину. Осталось с десяток молодых драконов, почувствовавших, что случилась какая-то беда, однако не знавших, как на нее реагировать. Они плавали широкими кругами вокруг раненного товарища, полуразвернув крылья и слегка хлопая ими по воде. Тем временем гарпунер в полном спокойствии выбрал оружие и выпустил второй, а затем третий гарпун в жертву.

— Лодки! — закричал Гарцвел.— Сети!

Началась странная процедура. Вновь спустили лодки, и охотники строем двинулись к кольцу встревоженных драконов, бросая в воду гранаты, которые взрывались с глухим буханьем, распространяя толстый слой ярко-желтой краски. Взрывы и, видимо, краска привели оставшихся драконов в неописуемый ужас. Они быстро скрылись из виду, дико хлопая хвостами и крыльями. Осталась только жертва, живая, но крепко удерживаемая. Она тоже поплыла, однако тянула за собой всю массу «Бренгалина». Дракон заметно терял силы. Лодочники своими гранатами старались заставить дракона плыть к кораблю, и в то же время спустилась громадная сеть, каким-то внутренним механизмом раскрылась, растянулась на воде и опять сомкнулась, как только дракон запутался в ее ячеях.

— Лебедка! — заорал Гарцвел.

Сеть поднялась из воды. Дракон бился. Его громадный вес заставил корабль опасно накрениться. Гарпунер в куполе схватил катапульту всеми четырьмя руками с яростным воплем пустил гарпун. Послышался ответный звук — глухой, агонизирующий. Гарпун вонзился в голову дракона как раз позади громадных, как тарелки, зеленых глаз. Мощные крылья в последней страшной конвульсии ударили воздух.

Остальное уже было простым делом. Лебедки сделали свою работу, дракон лежал на платформе, и началась разделка.

Валентин некоторое время следил за кровавым зрелищем, однако потом ушел вниз, а когда через несколько часов вернулся, на палубе лежал чистый, как музейный экспонат, скелет дракона, и охотники разбирали его.

— Ты что-то хмурый,— сказала Карабелла.

— Не могу оценить это искусство,— ответил Валентин.

Ему казалось, что Гарцвел мог бы целиком набить большой трюм своего корабля этим косяком драконов. Тем не менее, капитан взял только несколько малышей и одного самца, и то не самого крупного, а остальным дал уйти. Залзан Кавол объяснил, что была взята часть, предписанная Короналями прошлых столетий для предупреждения излишнего лова. Стадо можно уменьшить, но не уничтожать, и если корабль вернется из плавания слишком быстро, его проверят и строго накажут. Кроме того, было важно побыстрее поднять пойманных драконов на борт, пока не появятся хищники, и как можно скорее разделать, а команда, охотящаяся с чрезмерной жадностью, не сможет управиться с добычей достаточно эффективно и прибыльно.

Первая добыча несколько смягчила команду Гарцвела. Они кивали пассажирам, даже иногда улыбались, а свою работу выполняли почти радостно. Их угрюмость исчезла, они смеялись, шутили и пели на палубе.

«Лорд Малибор был красив и смел
И любил бурное море.
Лорд Малибор спустился с Горы
Чтобы охотиться на драконов.

Лорд Малибор построил корабль,
Прекрасный на вид,
С украшенными золотом парусами
С мачтами из слоновой кости.»

Валентин и Карабелла прислушались. Карабелла быстро подхватила несложную мелодию и стала наигрывать ее на своей маленькой арфе.

«Лорд Малибор стоял у руля
И смотрел на тяжелые волны.
Он плыл в поисках дракона,
Дракона смелого и злого.

Лорд Малибор бросил клич,
Голос его звенел и гудел:
Я хочу встречи и битвы
С тобой, король драконов!

Я слышу, милорд,— крикнул дракон
И поплыл через море.
Он был двенадцати миль длиной,
Три в ширину и две в толщину.»

— Смотри-ка,— сказала Карабелла,— вон Залзан Кавол.

Валентин взглянул. Скандар стоял у поручней, сложив все руки, и хмурился. Похоже, песня ему не нравилась. Что это с ним?

«Лорд Малибор стоял на палубе
И сражался смело и доблестно.
В тот день кровь текла ручьем,
И тяжелы были удары.

Но драконьи короли хитры и коварны
И редко оказываются побежденными.
И Лорд Малибор, при всей своей силе,
В конце концов, был съеден.

Все моряки, охотники на драконов,
Прислушайтесь к этой грустной были!
Несмотря на вашу удачу и ловкость,
Вы можете стать пищей дракона.»

Валентин засмеялся и захлопал в ладоши. Залзан Кавол, полный негодования, немедленно подошел к нему.

— Милорд, как ты терпишь такое непочтительное?..

— Потише насчет милорда,— сказал ему Валентин.— А что тут непочтительного?

— Неуважение к страшной трагедии! Неуважение к покойному Короналю! Неува..

— Залзан Кавол,— мягко сказал Валентин,— неужто ты такой любитель респектабельности?

— Я знаю, что правильно и что неправильно, милорд. Насмехаться над смертью Лорда Малибора — это...

— Полегче, дружище! — Валентин положил руку на локоть скандара.— Лорд Малибор давно умер и ему уже все равно. А я с удовольствием послушал песню. Если я не оскорблен, чего же оскорбляться тебе?

Однако Залзан Кавол продолжал ворчать:

— Позволь мне сказать, милорд, ты еще не вполне усвоил суть вещей. На твоем месте я запретил бы этим рыбакам петь такое в твоем присутствии.

Валентин широко улыбнулся.

— А какое им дело до моего присутствия? Я всего лишь пассажир. Если бы я высказал что-либо подобное, меня тут же выкинули бы за борт, и я тоже стал бы драконьей пищей. Подумай об этом, Залзан Кавол, и успокойся, друг. Глупая матросская песня, только и всего.

— Все-таки...— прошептал Залзан Кавол и отошел.

— Он все принимает всерьез.— Карабелла засмеялась.

— Да,— согласился Валентин.— Милая, окажи мне услугу: когда моряки закончат работу, отведи в сторону одного — вон хоть того, рыжебородого, пусть он научит тебя словам этой песни. А потом ты научишь меня. Может, Залзан Кавол улыбнется, если я сам запою ее?

Прошла неделя, прежде чем они снова увидели драконов. За это время песенку выучили не только Валентин

и Карабелла, но и Лизамон Холтен, которая с удовольствием распевала ее своим хриплым баритоном. Однако Залзан Кавол по-прежнему хмурился и недовольно фыркал, услышав песню.

Второй косяк драконов был больше первого, и Гарцвел разрешил взять примерно две дюжины маленьких, одного среднего и одного большого, по крайней мере, в сто тридцать футов. Так что в последующие несколько дней у всех было полно работы. Палуба стала пурпурной от драконьей крови, а кости и крылья лежали по всему кораблю, пока команда рассортировывала все это по размерам и утаскивала вниз. На капитанский стол были поданы деликатесы из самых таинственных внутренних частей дракона, и Гарцвел выставил бочонки отличного вина, наличие которых никак нельзя было предположить у капитана, находившегося на грани банкротства.

— Пилиплокское золотое, — сказал он, наливая щедрой рукой. — Я хранил это вино для какого-нибудь особого случая, а сейчас, без сомнения, как раз такой случай. Вы принесли мне большую удачу.

— Твои товарищи-капитаны не обрадуются, услышав это, — сказал Валентин. — Мы легко могли бы отплыть с ними, если бы они знали, что мы такие счастливые.

— Их потеря, наш выигрыш. За ваше паломничество, друзья! — крикнул капитан.

Теперь они шли в более спокойных водах. Жаркий ветер с Суврейла затих здесь, вблизи тропиков, и подул более приятный, более влажный бриз с юго-запада, с далекого мыса Стоенцар на Алханроле. Вода была глубокого зеленого оттенка, было множество морских птиц, под самой поверхностью воды мелькали яркоокрашенные рыбы — пища драконов. Архипелаг Родмент был уже недалеко. Гарцвел предложил закончить здесь свой лов: «Бренгалин» мог вместить еще несколько драконов — большого, пару средних и штук сорок маленьких. Затем капитан высадит пассажиров и вернется в Пилиплок распродавать добычу.

— Драконы! — закричал дозорный.

Это был громадный косяк, в несколько сот драконов. Повсюду из воды высовывались горбатые спины. Два дня «Бренгалин» шел среди них и поработал на славу. На горизонте виднелись другие корабли, но они держались далеко, потому что правила запрещали вторгаться на чужую охотничью территорию.

Гарцвел прямо сиял от успешного плавания. Он сам часто входил в команду лодочников, что Валентину ка-

залось необычным, а однажды даже вошел в купол поработать гарпуном. Корабль теперь осел ниже ватерлинии под грузом драконьего мяса. На третий день драконы все еще были здесь: резня их не тревожила, и они не спешили уходить.

— Еще одного большого, — обещал Гарцвел, — и идем к островам.

В качестве последней мишени он выбрал восьмидесятифутового дракона.

Валентин устал, даже более чем устал от этой резни, и, когда гарпунер послал третий гарпун, он отвернулся и пошел в дальний конец палубы. Там он нашел Слита. Они встали у поручней и смотрели на восток.

— Как ты думаешь, можно отсюда увидеть архипелаг? — спросил Валентин. — Я уже соскучился по твердой земле, и мне опротивел запах драконьей крови.

— У меня хорошие глаза, милорд, однако до островов еще два дня пути. Даже мое зрение имеет границы... — Он вдруг задохнулся. — Милорд!

— Что случилось?

— К нам плывет остров, милорд!

Валентин вгляделся, но не сразу увидел: утреннее солнце ярко сияло на поверхности воды. Однако вот он увидел: из воды высунулась зубчатая драконья спина, а под ней виднелось нечто невероятного объема.

— Дракон Лорда Киннокена! — срывающимся голосом сказал Валентин. — Он идет прямо на нас!

Глава 4

Может, это и был дракон Киннокена, а может, другой, не столь громадный, но он был достаточно велик, длиннее «Бренгалина». Он шел без колебаний прямо на них — то ли ангел мести, то ли другая немыслимая сила — неизвестно, однако масса его была бесспорно чудовищной.

— Где Гарцвел? — заорал Слит. — К оружию!

Валентин засмеялся.

— Можно ли остановить гарпуном эту мчащуюся гору, Слит? Ты хорошо плаваешь?

Большая часть охотников была занята своей добычей, но кое-кто оглянулся, и на палубе закипела бешеная деятельность. Гарпунер повернулся кругом и стоял с оружием в каждой руке. Другие бросились к соседним куполам. Валентин, отыскивая взглядом Карабеллу и

других, увидел бросившегося к штурвалу Гарцвела. Лицо скандара было мертвенно-бледным, глаза безумные, словно он увидел послание смерти.

— Спустить лодки! — закричал кто-то.

Лебедки завертелись. Все дико метались от страха вокруг. Один хьорт с почерневшими от ужаса щеками погрозил Валентину кулаком и грубо схватил его за руку.

— Ты навел его на нас! Ни одного из вас нельзя было пускать на борт!

Откуда-то возникла Лизамон и отшвырнула хьорта, а затем обвила Валентина могучими руками, как бы защищая его от любого нападения.

— Знаешь, а ведь хьорт прав,— спокойно сказал Валентин.— Мы приносим несчастье. Сначала Залзан Кавол потерял свой фургон, теперь этот несчастный Гарцвел терпит...

Раздался страшный удар, когда атакующий дракон врезался в борт «Бренгалина». Корабль накренился и тут же откачнулся в другую сторону. Страшная дрожь сотрясла его обшивку. Второй удар крыльями по корпусу, третий — и «Бренгалин» подскочил.

— Пробоина! — отчаянно закричал кто-то.

Все вещи катались по палубе. Громадный котел сорвался с креплений и сбил трех матросов, ящик с топорами перевернулся. Корабль продолжал раскачиваться.

Валентин увидел возле кормы, где еще висел недавний улов, громадного дракона. Чудовище плавало кругом, готовясь к новой атаке. В целенаправленности его действий уже не было никаких сомнений.

Дракон ударил. «Бренгалин» страшно закачался. Валентин крякнул — руки Лизамон чуть не раздавили его. Он не видел никого из своих, не знал, живы ли они. Корабль явно погибал. Слышно было, как в трюм вливается вода. Хвост дракона поднялся над палубой и вновь ударил. Все растворилось в хаосе. Валентин почувствовал, что летит. Он плавно вознесся, затем опустился и погрузился в воду.

Он попал во что-то весьма похожее на водоворот, и его страшно закрутило и потащило вниз. В его голове звенели слова баллады о Лорде Малиборе. Это правда, что Корональ, увлекшийся охотой на драконов, десять лет тому назад вышел в море на самом красивом в Пилиплоке охотничьем корабле и не вернулся. Корабль пропал со всей командой. Никто не знал, что произошло, однако, по обрывочным воспоминаниям Валентина, правительство говорило о неожиданном шторме.

Валентин подумал, что там, вполне возможно, был этот самый зверь-убийца, мститель. И вот теперь второй Корональ, наследник Малибора, встретился с той же участью.

Он ждал смерти в быстринах Стейча, но уцелел. Здесь же, в сотнях миль от берега, рядом с разъяренным чудовищем он в куда большей опасности, однако плакать бесполезно. Божество явно отвернулось от него. Ему тяжко было думать, что те, кого он любил, умрут вместе с ним только потому, что были верны ему и поклялись идти с ним на Остров, связав себя с неудачником-Короналем и неудачником-капитаном, и теперь должны разделить их судьбу.

Его затягивало в глубину, и он перестал думать об этом. Он боролся за каждый вдох, кашлял, выплевывал воду и опять глотал ее, а потом его накрыла тьма.

С тех пор, как Валентин утратил свое прошлое и оказался возле Пидруда, он никогда не задумывался о смерти. Ему хватало проблем в жизни. Он смутно вспоминал, чему учили в школе — что все души возвращаются к Божественному Источнику в тот последний момент, когда происходит высвобождение жизненной энергии, и идут по Мосту Прощания, мосту, которым управляет Понтификс. Но правда это или нет, есть ли мир по ту сторону жизни и каков он, Валентин никогда не задумывался. Однако теперь он пришел в себя в таком странном месте, которое превосходило всякое воображение самых знаменитых мыслителей.

Но есть ли жизнь после смерти? Гигантское помещение с толстыми влажными розовыми стенами, потолок местами высокий, сводчатый, поддерживаемый мощными колоннами, а местами понижается почти до пола. В этой комнате помещались две полусферы, испускавшие слабый голубой свет. Воздух был скверный, насыщенный паром с резким горьковатым привкусом, крайне неприятным.

Валентин лежал на мокрой скользкой поверхности, грубой, с глубокими складками, все время вздрагивавшими. Под рукой чувствовались какие-то конвульсии глубоко внутри. Текстура пола не напоминала ничего известного Валентину, а слабое, однако заметное движение внутри его позволяло думать, что место, куда попал Валентин, не мир после смерти, а просто галлюцинация. Валентин осторожно встал. Одежда была мокрая, один сапог он где-то потерял, на губах был вкус соли. Он был потрясен и изумлен. Стоять на этой беспрерывно дрожавшей поверхности было трудно. Оглядевшись, он увидел что-то вроде слабо сиявшей растительности, толстой, мя-

систой, безлистной, выходившей из пола. Она тоже все время изгибалась от внутреннего движения. Пройдя между двумя колоннами и через участок, где пол почти сходился с потолком, он увидел нечто вроде пруда с зеленоватой жидкостью. За ним ничего не было видно из-за тумана.

Валентин подошел к пруду. Очень странно: там были сотни ярких рыб, каких он видел в море накануне охоты, однако они не плавали — они были мертвыми и разлагались, мясо отваливалось от костей, а внизу под водой был толстый, в несколько футов ковер из таких же костей.

Позади вдруг послышался рев. Валентин оглянулся. Стены комнаты пришли в движение, подались назад, в принижавшейся части потолка появилось большое отверстие, и из него хлынул поток воды, затопив Валентина до бедер. Он едва успел добраться до колонны и обвить ее руками, в то время как вода хлестала вокруг с потрясающей силой. Валентин устоял, хотя были моменты, когда он думал, что его снесет. Затем поток прекратился, вода всосалась в щели, образовавшиеся на полу, остались только рыбы. Пол начал содрогаться, отчаянно бившиеся рыбы покатились к зеленоватому пруду. Попав туда, они быстро перестали двигаться.

И вдруг Валентин понял. Он не умер — он в брюхе дракона.

Валентин захохотал, откинув голову назад. Что еще оставалось делать? Кричать? Ругаться? Громадина одним глотком втянула в себя Короналя Маджипура, как мелкую рыбешку. Но он был слишком велик, чтобы его отправили перевариваться в пруд, поэтому сидит на полу драконьего желудка. А дальше? Жить здесь и до конца своих дней обедать сырой рыбой из улова дракона?

«Комедия» — подумал Валентин.

Однако это была и трагедия, потому что все остальные погибли при крушении «Бренгалина». Валентин скорбел теперь только о них. Навеки умолк звонкий голос Карабеллы, пропала навсегда удивительная ловкость рук и глаз Слита, скандары больше не наполнят воздух множеством кинжалов, серпов и факелов, кончилась, едва начавшись, жизнь Жанамира. Валентин не мог перенести мыслей об этом. Он освободил мозг от скорби, боли и чувства утраты и опять захохотал, протягивая руки к стенам странной комнаты.

— Это Замок Лорда Валентина! — крикнул он. — Тронный зал! Я приглашаю всех вас отобедать со мной в большом пиршественном зале!

Из темной дали послышался голос:

— Клянусь своими кишками, я принимаю приглашение!

Валентин изумился сверх всякой меры.

— Лизамон?

— Нет, Понтификс Тиверас и его косоглазый дядя! Это ты, Валентин?

— Да. Где ты?

— В глотке этого вонючего дракона! А ты где?

— Недалеко от тебя! Но я тебя не вижу!

— Пой,— предложила она.— Стой на месте и пой, а я постараюсь дойти до тебя.

Валентин запел как можно громче:

— Лорд Малибор был красив и смел

И любил бурное море...

Снова раздался ревущий звук, гигантская глотка животного вновь открылась, чтобы впустить морскую воду и кучу рыбы. Опять Валентин ухватился за колонну, когда поток ударил его.

— Ох, во имя пальцев Божества, держись, Валентин! — закричала Лизамон.

Валентин цеплялся изо всех сил и прижимался к колонне. Откуда-то Лизамон окликнула его и потребовала, чтобы он продолжал петь. Валентин повиновался. Он слышал, как она наугад подхватывала балладу, пробираясь через замысловатые драконьи внутренности, и наконец, увидел ее в слабом свете. Они оба улыбнулись друг другу, засмеялись и обнялись.

При виде ее он снова вспомнил тех, кого наверняка не было в живых. Это вновь вызвало в нем боль и стыд. Он закусил губу и отвернулся.

— Ты что, милорд? — растерянно спросила она.

— Остались только мы с тобой, Лизамон.

— Да, однако хвала Божеству и за это!

— Но остальные были бы живы, если бы не сделали глупость, пойдя за мной...

Она схватила его за руку.

— Милорд, ведь скорбь не вернет их к жизни, если они умерли?

— Я знаю, однако...

— Мы спасены. Если мы потеряли друзей, это очень печально, но это не твоя вина. Они пошли за тобой по своей воле, верно? И если пришло их время, то оно пришло, и с этим ничего не поделаешь. Горюй о них, милорд, но радуйся, что мы спасены.

— Да, скорбь не вернет их к жизни. Но что это за спасение для нас? Долго ли мы просуществуем тут, Лизамон?

— Достаточно для того, чтобы вырваться на свободу.

Она вытянула из ножен вибромеч.

— Ты думаешь, мы сможем прорубить тропу наружу? — ошеломленно спросил он.

— А почему бы и нет? Я прорубалась и через худшее.

— Как только ты дотронешься этой штукой до драконьей плоти, он нырнет на дно. Здесь мы в большей безопасности, чем под водой на глубине в пять миль.

— В самое темное время тебе говорили, что ты оптимист,— возразила она.— Где же теперь твой оптимизм? Дракон живет на поверхности. Он будет метаться, однако не нырять. А если мы и очутимся на глубине в пять миль ниже поверхности, это, по крайней мере, будет быстрая смерть. Ты все равно не сможешь вечно дышать этой вонью и гулять в рыбьем брюхе.

Лизамон коснулась мечом боковой стенки. Толстая влажная плоть слегка вздрогнула, однако не отпрянула.

— Видишь? У него здесь нет нервов,— сказала Лизамон. Она ввела оружие чуть глубже и повернула.

— Здесь только слизь и мясо.— Она продолжала углубляться.— Как ты думаешь, он никого больше не проглотил, кроме нас?

— Я слышал только твой голос.

— И я слышала только твой. Фу, ну и чудище! Я пыталась удержать тебя, когда нас перекинуло через борт, но потом нас ударило, и я выпустила тебя. Однако мы все-таки попали в одно и то же место.— Она уже вырезала дыру в фут глубиной и в два шириной в боку драконьего желудка. Дракон, казалось, вовсе не заметил этого.— Пока я режу, сходи посмотри, нет ли кого-нибудь еще. Только не уходи далеко, слышишь?

— Я буду осторожен.

Он пошел вдоль стенок желудка, окликая, но ответа не получил. Тем временем Лизамон уже глубоко врубилась в тело дракона. Повсюду были навалены куски мяса, а сама она была забрызгана кровью.

— Как, по-твоему, далеко до конца? — спросил он.

— С полмили.

— Ну да?

Она засмеялась.

— Я думаю, десять-пятнадцать футов. Давай очищай отверстие за мной. Эта куча мяса растет быстро, я не успеваю ее откидывать.

Чувствуя себя мясником и не слишком радуясь этому, Валентин стал хватать куски и отбрасывать подальше. Он вздрогнул в ужасе, когда увидел, что сокращения

желудка смели куски к озерцу пищеварительного сока. Однако, похоже, тут годились любые продукты.

Все глубже проникали они в брюшную стенку дракона. Валентин вдруг оглянулся.

— Отверстие за нами закрывается!

— Зверь, живущий вечно, должен уметь залечивать раны,— ответила Лизамон.

Валентин с беспокойством следил, с какой поразительной скоростью заживлялась рана, нарастала новая плоть.

Лизамон стала заметно уставать, а нора закрывалась почти с той же скоростью, с какой Лизамон рубила.

— Не знаю, смогу ли...— прошептала она.

— Дай мне меч.

— Ты с ним не справишься!

Она засмеялась и с яростью вернулась к борьбе, изрыгая проклятия по адресу драконьей плоти, нараставшей вокруг нее.

— Здесь мясо другое, плотнее. Может, это слой мышц под шкурой...

Вдруг на них хлынула вода.

— Пробились! — закричала Лизамон.

Она повернулась, схватила Валентина, как куклу, и протолкнула вперед в отверстие в боку дракона, продолжая крепко держать его за бедра. Он едва успел набрать в легкие воздух, прежде чем очутился в зеленых объятиях океана. Лизамон выскочила сразу за ним, держа его за лодыжку, и они метнулись вверх. Им казалось, что они целые часы добирались до поверхности. Голова Валентина болела, ребра разрывались, грудь горела.

Он выскочил в чистый свежий воздух и вяло поплыл, усталый, дрожащий, стараясь отдышаться. Лизамон плыла рядом. Их грело прекрасное яркое солнце. Он был жив и невредим, он освободился от дракона и плыл где-то во Внутреннем Море в сотнях миль от ближайшего берега.

Глава 5

Когда первые минуты изнеможения прошли, Валентин огляделся. Дракон еще был виден в нескольких сотнях ярдов, но казался спокойным и медленно плыл в противоположном направлении. «Бренгалина» не было и следа, только разбросанные обломки, и никого живого. Они подплыли к большому обломку и легли поперек него. Долгое время они молчали. Наконец Валентин спросил:

— Плывем к архипелагу или прямо к Острову Сна?

— Плыть — тяжелая работа, милорд. Нам бы сесть на спину дракона.

— А как им управлять?

— Дергать за крылья.

— Сомневаюсь. Во всяком случае, в драконьем брюхе нам подавали свежую рыбу каждые несколько минут.

— И гостиная большая,— поддержала Лизамон,— только плохо проветривалась. По-моему, здесь лучше.

— Но долго ли мы сможем так плыть?

Она странно взглянула на него.

— Ты сомневаешься, что нас спасут?

— В данном случае это разумное сомнение.

— Мне было предсказано во сне от Леди,— сказала Лизамон,— что смерть придет ко мне в сухом месте, и когда я буду очень старой. Я еще молода, и это место наименее сухое на всем Маджипуре, за исключением, может быть, Великого Моря. Бояться нечего. Раз не погибну я, не погибнешь и ты.

— Хороший вывод,— сказал Валентин.— Что будем делать?

— Ты умеешь составлять послания, милорд?

— Я Корональ, а не Король Снов.

— Любой мозг может достичь другого, если его направить как надо. Ты думаешь, такие способности только у Короля и Леди? Маленький колдун Делиамбер беседует с мозгами ночью, и Гарцвел говорил, что он во сне разговаривал с драконами, и ты...

— Однако я еще не вполне в себе, Лизамон: то, что осталось от моего мозга, не пошлет послания.

— *Пошли послание по воде Леди, своей матери, или* ее людям на Острове, или народу архипелага. У тебя есть сила. Я глупая, я только и умею, что размахивать мечом, а твой мозг, милорд, высоко ценился в Замке, и теперь, когда нам необходимо... Сделай это, Лорд Валентин! Зови на помощь, и помощь придет!

Валентин был настроен скептически. Он мало знал о *сети общения во сне, которая,* похоже, связывала всю планету.

Да, часто бывало, что мозг призывал мозг, и, конечно, были Силы Острова и посланные с Суврейла прямые сообщения с каким-то механическим усилением, но сейчас, когда он дрейфует здесь, в океане, на куске дерева, и его тело и одежда запятнаны плотью и кровью гигантского зверя, а дух так истощился от бедствий, что даже

его пресловутая вера в удачу и чудо дала крен,— как он может надеяться вызвать помощь через такую бездну?

Он закрыл глаза и попытался сконцентрировать энергию мозга в одной точке в глубине черепа. Он представлял себе яркую искру света, скрытый луч, который можно бросить вдаль. Однако все было бесполезно. Он вдруг обнаружил, что думает о каком-то зубастом создании, которое скоро начнет кусать его болтавшиеся в воде ноги. Он со страхом подумал, что если и сможет послать сообщение, то не дальше, чем в мозг дракона, разрушившего «Бренгалин» и убившего всех его обитателей, и тогда дракон вернется и закончит свою работу. Но он все-таки попытается. Несмотря на все свои сомнения, он обязан сделать это для Лизамон Холтен. Он напрягся, едва дыша, и старался сделать что-нибудь для передачи такого послания.

Он не оставлял эти попытки до самого вечера. Быстро наступила темнота, и вода странно засветилась призрачным зеленоватым светом. Они боялись уснуть одновременно, чтобы не соскользнуть с обломка и не потеряться, поэтому установили дежурство. Когда настала очередь Валентина бодрствовать, он с трудом удерживался от сна и боялся, что вот-вот потеряет сознание. Время от времени он пытался послать сообщение, однако ничего не получалось.

«Мы пропали»,— думал он.

К утру он уснул. Скатился в темноту без сновидений. Его разбудило прикосновение руки Лизамон к его плечу.

— Милорд! — Он открыл глаза.— Ты можешь прекратить посылать сообщения. Мы спасены!

— Что?

— Лодка, милорд. Видишь на востоке?

Он тяжело поднял голову. Да, к ним плыла лодка. Блестели на солнце весла. Он подумал, что это галлюцинация, иллюзия, мираж.

Однако лодка подошла. Чьи-то руки подняли его и осторожно положили, кто-то поднес к его губам фляжку с холодной жидкостью, вином или водой — он не понял. С него сняли мокрую грязную одежду и завернули во что-то сухое и чистое. Чужие, двое мужчин и женщина с гривами рыжеватых волос и в незнакомой одежде. Он слышал, как Лизамон разговаривала с ними, но не вникал в смысл слов.

Неужели он вызвал этих спасателей своей передачей мысли? Кто они? Ангелы, духи?

Валентин лежал, полностью изнуренный.

Он подумал, не сказать ли потихоньку Лизамон, чтобы она не упоминала о его истинном положении, однако даже

на это у него не хватало энергии. Он понадеялся на ее здравый смысл. Не станет же она нагораживать нелепость на нелепость: «Он Корональ Маджипура инкогнито, и нас проглотил дракон, но мы прорубили себе выход». Да, конечно, для этих людей это было бы венцом глупости. Валентин слабо улыбнулся и уплыл в сон без сновидений.

Он проснулся в веселой солнечной комнате с окнами на широкий золотистый пляж. На него серьезно и сосредоточенно смотрела Карабелла.

— Милорд,— тихо сказала она,— ты меня слышишь?

— Это сон?

— Это остров Мардиджил в архипелаге,— сказала она.— Тебя подобрали вчера в море, тебя и Лизамон. Островные рыбаки искали в море выживших, поскольку корабль затонул.

— Кто еще жив? — быстро спросил Валентин.

— Делиамбер и Залзан Кавол здесь со мной. Здешние жители сказали, что Кон, Жанамир, Виноркис и какие-то скандары — не знаю, наши или нет — подобраны рыбаками с соседнего острова. Некоторые охотники на драконов спаслись на своих лодках и тоже добрались до островов.

— А Слит? С ним как?

— Его поиски продолжаются. Может быть, он на другом острове. Их здесь много. Божество до сих пор хранило нас и теперь, наверное, не раскидает по сторонам.— Она слегка улыбнулась.— Лизамон рассказала невероятную историю, как вас обоих проглотил громадный дракон и вы прорубили себе проход вибромечом. Островитянам очень понравилось. Они считают, что это самая замечательная сказка после легенды о Лорде Стиамоте...

— Так оно и было,— сказал Валентин.

— Что, милорд?

— Дракон проглотил нас. Она сказала правду.

Карабелла засмеялась.

— Когда я впервые услышала во сне, кто ты есть на самом деле, я поверила сразу, но этому...

— Внутри дракона,— сказал он,— были колонны, поддерживающие свод желудка, и в одном конце отверстие, через которое каждые несколько минут хлестала морская вода и с ней рыба. Рыба постепенно сдвигалась к зеленоватому пруду, где и переваривалась. Мы тоже переварились бы, но нам повезло. Так она рассказывала? Ты думаешь, мы все это придумали, чтобы позабавить вас?

— Да, она рассказывала то же самое. Однако мы думали...

— Это правда, Карабелла.

— Стало быть, это Божественное чудо, и ты будешь прославлен во все времена.

— Я уже прославился,— кисло сказал Валентин,— как Корональ, потерявший трон и занявшийся жонглированием за недостатком королевских занятий. Это обеспечит мне место в балладе рядом с Понтификсом Ариоком, который объявил себя Леди Острова. А теперь еще дракон украсит легенду, которую я сотворил для себя.— Выражение его лица вдруг изменилось.— Надеюсь, вы никому из здешних не говорили, кто я?

— Ни слова, милорд.

— Хорошо. Помалкивайте. Им и так во многое трудно поверить.

Островитянин, худощавый, загорелый, с большим пучком светлых волос, что, видимо, было здесь общепринятым, принес Валентину поднос с едой: немного бульона, кусок жареной рыбы, треугольные ломти плода с темно-синей мякотью и крошечными алыми семенами. Валентин сразу почувствовал зверский голод.

Позднее они с Карабеллой гуляли по берегу.

— Я опять решил, что навеки потерял тебя,— тихо сказал он.

— Разве я так важна для тебя, милорд?

— Даже сказать не могу, как важна!

Она грустно улыбнулась.

— Какие приятные слова, Валентин! Я зову тебя В а л е н т и н, а не Лорд Валентин. А сколько очаровательных женщин ждет Лорда Валентина в Горном Замке?

Он и сам иногда задумывался об этом. Была ли у него там любовница? Может, и не одна? Может быть, даже невеста? Многое из прошлого все еще оставалось скрытым. А если он доберется до Замка и его встретит женщина?

— Нет,— сказал он.— Ты моя, Карабелла, и я твой, а что бы ни было в прошлом — если было — относится к прошлому. Теперь у меня другое лицо и другая душа.

Она смотрела скептически, но не спорила, и он слегка поцеловал ее нахмуренный лоб.

— Спой мне ту песню, которую ты пела в Пидруде в фестивальную ночь.

Она улыбнулась и тронула струны арфы.

— Моя любовь прекрасна, как весна,

И так же нежна, как ночь...

Он обнял ее за плечи, и они пошли дальше по берегу. Здесь было изумительно хорошо, тепло и спокойно. Мно-

гоцветные птицы сидели на изогнутых ветвях невысоких деревьев, а кристально-чистое, прозрачное море лизало песок. Воздух был полон аромата незнакомых цветов. Вдали слышались смех и негромкая музыка.

«Велико искушение,— подумал Валентин,— бросить все фантазии о Горном Замке и навсегда остаться на Мардиджиле, на рассвете выходить на рыбачьей лодке, а все остальное время валяться под жарким солнцем.»

Но для него не могло быть такого отречения. Залзан Кавол и Делиамбер, здоровые и хорошо отдохнувшие после морских испытаний, явились к нему днем и тут же заговорили о продолжении путешествия. Залзан Кавол, как всегда бережливый, имел деньги при себе, когда «Бренгалин» затонул, так что, по крайней мере, половина их богатства была спасена, даже если Жанамир потерял остальное. Скандар выложил блестящие монеты.

— С этим,— сказал он,— мы можем нанять рыбачью лодку до Острова. Я говорил с нашими хозяевами. Этот архипелаг девятьсот миль длиной. Он состоит из трех тысяч островов. Из них больше восьмисот обитаемы. Здесь никто не берется пройти весь путь до Острова, однако за несколько реалов мы можем нанять большой тримаран до Родмент Грон, находящегося примерно в середине цепи островов, а там мы, вероятно, найдем транспорт на оставшийся путь.

— Когда отплываем? — спросил Валентин.

— Как только все соберемся,— ответил Делиамбер.— Мне сказали, что кое-кто из наших уже на пути сюда с ближайшего острова.

— Кто?

— Кон, Виноркис и Жанамир,— сказал Залзан Кавол,— и мои братья Ирфон и Роворн. С ними капитан Гарцвел. Гейбор Керн утонул, я видел его гибель: его ударило балкой. А о Слите ничего не известно.

Валентин коснулся руки скандара.

— Я скорблю о твоей последней утрате.

Залзан Кавол хорошо владел собой.

— Давай лучше порадуемся за тех, кто остался жив, милорд,— спокойно сказал он.

Ближе к вечеру пришла лодка с соседнего острова. Все выжившие начали обнимать друг друга. Только Гарцвел стоял в стороне, оцепеневший и растерянный, потирая обрубок руки. Он, казалось, был в шоке. Валентин протянул к нему руки, но Гарцвел упал на колени, коснулся лбом песка и дрожащими руками сделал знак горящей звезды.

— Милорд,— шептал он,— милорд...

Валентин недовольно оглянулся.

— Кто проболтался?

Все молчали. Потом Жанамир испуганно сказал:

— Я, милорд. Я не хотел ничего плохого. Скандар так переживал потерю своего корабля... Я хотел утешить его и сказал, кто был его пассажир, и сказал, что капитан войдет в историю Маджипура. Это было до того, как мы узнали, что ты жив. Милорд, я не хотел ничего плохого! — Губы мальчика дрожали.

Валентин кивнул.

— Ничего плохого и нет. Я прощаю тебя, Жанамир.

Испуганный капитан скорчился у ног Валентина.

— Встань, Гарцвел, иначе я не смогу с тобой разговаривать.

— Милорд...

— Вставай. Ну, пожалуйста, встань!

Скандар ошалело посмотрел на Валентина.

— Ты сказал — пожалуйста?

Валентин засмеялся.

— Я, видно, забыл привычки власти. Ладно: встань! Я приказываю!

Гарцвел, дрожа, поднялся. У него был жалкий вид, у этого маленького трехрукого скандара с потускневшим, запачканным песком мехом, с удрученным лицом.

— Я принес тебе несчастье, а тебе только этого не хватало! Прими мои извинения. Если судьба снова улыбнется мне, я исправлю беду, постигшую тебя. Я тебе это обещаю. Что ты думаешь делать сейчас? Соберешь свою команду и вернешься в Пилиплок?

Гарцвел с несчастным видом покачал головой.

— Я не могу вернуться. У меня нет корабля, нет репутации, нет денег. Я потерял все и никогда не восстановлю потерю. Мои люди свободны от контракта с тех пор, как «Бренгалин» затонул. Теперь я один и разорен.

— Тогда пойдем с нами на Остров Леди, Гарцвел.

— Как, милорд?

— Мы не можем оставаться здесь. Я думаю, островитяне предпочли бы не иметь поселенцев, и здешний климат не годится для скандаров. Я думаю, охотник за драконами не сможет стать рыбаком. Он будет страдать всякий раз, забрасывая сеть. Поедем с нами. Если мы не уйдем дальше Острова, ты, может; найдешь успокоение в служении Леди. Если же мы продолжим путь, тебе будет честь, когда мы поднимемся на Замковую Гору. Что скажешь, Гарцвел?

— Мне страшно быть рядом с тобой, милорд.

— Разве я такой страшный? Разве у меня драконья пасть? Посмотри на других. Что-то они не зеленеют от страха. — Валентин хлопнул капитана по плечу и обернулся к Залзану Каволу. — Никто не заменит тебе погибшего брата, однако я даю тебе хотя бы компаньона твоей расы. А теперь — не начать ли нам готовиться к отъезду? До Острова еще много дней пути.

Через час Залзан Кавол договорился, что утром их повезут на восток. В этот вечер гостеприимные островитяне устроили им роскошный пир с холодным зеленым вином, сладкими сочными фруктами и изысканным свежим мясом морского дракона. От этого последнего блюда Валентина стало тошнить, и он хотел было уже отодвинуть его в сторону, но увидел, что Лизамон жует так, словно ей вовек уже не видать мяса. В качестве упражнения в самоконтроле он решился силой проглотить кусок, однако на вкус тот был так неотразим, что Валентин сразу же отказался от всех неприятных мыслей, связанных с морскими драконами.

Пока они ели, солнце село, и быстро стемнело, как всегда в тропиках. По небу пошли дрожавшие тона янтарного, фиолетового, красного и золотого.

«Да, благословенные острова, — подумал Валентин, — и исключительно радостное место даже для этой планеты, где большинство мест — счастливые и полные жизни.»

Население, кажется, было в основном однородное — красивый длинноногий народ человеческой расы, с густыми золотистыми волосами и гладкой медового цвета кожей. Встречались, правда, и вруоны, и даже гейроги, а Дели-амбер сказал, что на других островах народ разных рас. По его словам, островитяне не соприкасаются с континентами, живут своей жизнью и мало чего знают о делах большого мира.

Когда Валентин спросил одну из хозяек, проезжал ли мимо них Лорд Валентин Корональ из своего вояжа по Зимролу, она взглянула на него и простодушно спросила:

— А разве Корональ не Лорд Вариакс?

— Нет. Я слышал, что он умер года два тому назад, — сказал кто-то из островитян.

Это было воспринято за столом как новость.

Эту ночь Карабелла провела в коттедже Валентина. Они долго стояли на веранде, глядя на яркое белое отражение лунного света, шедшее через море к далекому Пилиплоку. Валентин думал о морских драконах, пасущихся в этом

море, о чудовище, в брюхе которого он побывал, о двух своих пропавших товарищах — Гейборе Керне и Слите.

«Какое большое путешествие»,— думал он, вспоминая Пидруд, Долорн, Мазадон, Илиривойн, Ни-мойе, бегство через лес, пороги Стейча, холодность пилиплокских капитанов, взгляд дракона, крушившего судно бедняги Гарцвела. Великое путешествие, многие тысячи миль, и сколько их еще осталось пройти, прежде чем он получит ответы на вопросы, затопившие его душу.

Карабелла прислонилась к нему и молчала. Ее отношение к нему все время изменялось и теперь стало смесью страха и любви, уважения и непочтительности, потому что она принимала и почитала его как Короналя, однако не забывала о его простоте, наивности, неведении — качества, которые он до сих пор не утратил. В смысле повседневных отношений с миром она была куда компетентнее и опытнее, и это влияло на ее взгляд на него, она видела в нем нечто пугающее и одновременно ребячливое. Он понимал это и не видел выхода: хотя фрагменты его прежнего «я» и воспитания с каждым днем возвращались, но большая часть его прежней личности все еще оставалась недоступной ему, поэтому он частично был Валентином-простодушным, Валентином-скитальцем, Валентином-жонглером. Темная фигура Лорда Валентина, которым он был когда-то и, может быть, станет вновь, была скрыта глубоко в его разуме субстратом, редко действующим, но отнюдь не несведущим. Он считал, что Карабелла лучше него найдет выход из затруднительного положения.

— О чем ты думаешь, Валентин? — спросила она наконец.

— О Слите. Мне очень не хватает его.

— Он вернется. Мы найдем его на каком-нибудь острове.

— Хотел бы надеяться.— Валентин обнял ее за плечи.— Я думаю обо всем, что случилось, и о том, что еще случится. Я иду через мир снов, Карабелла.

— Кто скажет, что, в сущности, есть сон, а что нет. Мы идем, как велит нам Божество, и не задаем вопросов, потому что на них нет ответов. Ты понимаешь, что я имею в виду? Конечно, есть вопросы и есть ответы: я могу ответить тебе, какой сегодня день или что было у нас на обед, однако ведь это не в о п р о с ы и не о т в е т ы.

— Я тоже так думаю,— сказал Валентин.

Глава 6

Залзан Кавол нанял самое большое рыбачье судно на острове — чудесный бирюзовый тримаран под названием «Гордость Мардиджила». Он гордо поднимался на пятьдесят футов на трех своих гладких корпусах, а его безупречной белизны паруса были окантованы ярко-красным, что придавало им радостный, праздничный вид. Его капитаном был пожилой человек, один из самых процветающих рыбаков острова. Его звали Гриджитор. Он был высок и крепок, с волосами до пояса и загорелой до оливкового цвета кожей. Он был среди тех, кто спас Залзана Кавола и Делиамбера, когда до острова дошли первые известия о тонущем корабле. У него было пять человек команды — все его сыновья и дочери, такие же крепкие и красивые, как и он.

Их путь лежал сначала на Бурбонт, всего в получасе плавания, а затем в пролив, связывавший два внешних острова с остальными. Морское дно здесь было из чистого белого песка, и солнечный свет легко проникал к нему и показывал подводных жителей — быстрых крабов, большеногих омаров, всевозможных рыб и зловещих песчаных угрей. Один раз даже пронесся маленький морской дракон, слишком близко подобравшийся к земле и явно смущенный этим. Одна из дочерей капитана настаивала, чтобы погнаться за ним, однако капитан отмахнулся, сказав, что их дело — побыстрее доставить пассажиров на Родмент Грон.

Они плыли все утро, миновали еще три острова и в полдень стали на якорь для обеда. Двое сыновей капитана прыгнули за борт для охоты и быстро, почти не промахиваясь, били острогами рыбу и ракообразных. Гриджитор сам приготовил мясо, замариновал в пряном соусе кубики сырой рыбы и щедро налил пряного зеленого вина. Делиамбер, почти ничего не евший, уселся на верхушке внешнего корпуса и напряженно смотрел на север. Валентин заметил это и хотел подойти, но Карабелла удержала его.

— Он в трансе. Не мешай ему.

После обеда они несколько задержались с отплытием, пока маленький вруон не спустился со своего места.

— Я послал свой мозг вперед,— сказал он, и несу вам хорошую новость: Слит жив!

— Вот это и взаправду хорошая новость! — вскричал Валентин.— Где он?

— На острове в этой группе,— ответил Делиамбер и неопределенно махнул щупальцами.— С ним кое-кто из команды Гарцвела.

— Скажи, какой остров, и мы пойдем туда,— сказал Гриджитор.

— Он имеет форму кольца, открытого с одной стороны, а в середине его — вода. Люди там темнокожие, с длинными курчавыми волосами, в ушах серьги.

— Кангрисорн,— тут же сказала дочь Гриджитора.

Отец кивнул.

— Верно. Поднять якорь!

До Кангрисорна был час пути по ветру. Он лежал несколько в стороне от отмеченной на карте дороги Гриджитора. Это был один из десятков маленьких атоллов. Видимо, его редко посещали люди с Мардиджила, потому что еще до того, как тримаран вошел в гавань, местные ребятишки выплыли в лодках поглядеть на чужаков. Они были черные, тоже красивые, волосы черны до синевы. Смеясь и размахивая руками, они проводили тримаран ко входу в лагуну, а там уже сидел у воды Слит, обгоревший на солнце и в лохмотьях, однако невредимый. Он жонглировал пятью или шестью шариками из белого коралла, развлекая публику, состоявшую из нескольких десятков островитян и пяти членов команды Гарцвела — четырех людей и одного хьорта.

Гарцвел, похоже, боялся встречи со своими бывшими работниками. С утра он вроде бы воспрянул духом, но стал напряженным и замкнутым теперь, когда тримаран вошел в лагуну. Карабелла первая зашлепала по мелкой воде, чтобы обнять Слита, Валентин шел следом. Гарцвел держался позади и не поднимал глаз.

— Как вы нашли нас? — спросил Слит.

Валентин показал на Делиамбера.

— Через колдовство, конечно. Ну, как ты?

— Я думал, что сдохну от морской болезни, однако дня через два поправился. А ты? Я видел, как тебя утянуло под воду, и решил, что все кончено.

— Произошла странная история. Я расскажу ее тебе потом,— сказал Валентин.— Главное — мы опять все вместе, Слит.— Затем он печально добавил: — Все, кроме Гейбора Керна. Он погиб. Но мы взяли в спутники Гарцвела. Иди сюда, Гарцвел. Разве ты не рад снова увидеть своих ребят?

Гарцвел невнятно пробормотал что-то, глядя в пространство, чтобы не встретиться взглядом ни с кем. Валентин понял ситуацию и обернулся к бывшим членам команды, собираясь просить их не держать зла на капитана за бедствие, неподвластное контролю смертного, и отшат-

нулся, увидев, что все пятеро упали к его ногам. Слит удрученно сказал:

— Я думал, что ты погиб, милорд, и не мог удержаться, чтобы не рассказать им свою историю.

— Понятно,— сказал Валентин.— Новости распространяются быстрее, чем я бы желал, несмотря на все ваши клятвенные заверения. Что ж, это простительно, Слит.— Он вновь обернулся к морякам.— Встать. Это ползание в песке никому не нужно.

Те встали. Они не могли скрыть своего недовольства Гарцвелом, однако это перекрывалось изумлением, что они оказались в присутствии Короналя.

Валентин быстро выяснил, что двое — один человек и хьорт — хотят остаться на острове и со временем найти возможность вернуться в Пилиплок. Остальные трое просили разрешения сопровождать его в паломничестве. В числе этих троих были две женщины — Панделон, плотник, и Корделин, парусный мастер, и мужчина, Тизи, лебедочник. Валентин согласился взять их и принял их клятву в верности. Церемония эта разбудила в нем смутное недовольство, но он уже начал привыкать к подобным атрибутам власти.

Гриджитор и его дети не обратили внимания на коленопреклонения и целования руки среди пассажиров. И хорошо: пока Валентин не посовещался с Леди, он не хотел, чтобы всюду стало известно о возвращении к нему памяти. Он все еще не был уверен в своей стратегии и в своих силах. К тому же, если он объявит о своем существовании, это привлечет внимание узурпатора, который вряд ли будет спокойно смотреть, как его соперник идет к Замковой Горе.

После многих дней путешествия мимо мелких, благословенных солнцем островов тримаран вошел в обширную гавань Родмент Грон. Этот гористый остров был главным в архипелаге по величине, с населением в пять с половиной миллионов. По обе стороны гавани раскинулись, как крылья, два города-двойника. Склоны центрального пика острова тоже были густо населены. Деревянные дома поднимались ярусами почти до середины пика. За последней линией домов склоны густо поросли лесом, а на самом верху поднималось перо тонкого белого дыма, потому что Родмент Грон был действующим вулканом. Последнее извержение, как говорил Гриджитор, было лет пятьдесят тому назад. Однако при взгляде на безупречные дома и неповрежденный лес в это с трудом верилось.

Отсюда «Гордость Мардиджила» собиралась вернуться домой, однако Гриджитор устроил своих пассажиров на

еще более элегантный тримаран «Королева Родмента», который должен был отвезти их на Остров Сна. Шкипером тримарана была некая Наморина, женщина царственной осанки, с длинными прямыми волосами, белыми, как у Слита, и с гладким молодым лицом. Манеры ее были утонченны и насмешливы. Она внимательно изучала пассажиров, как бы стараясь установить, что толкнуло эту разнородную группу на внесезонное паломничество, но сказала только:

— Если вам откажут на Острове, я привезу вас обратно на Родмент Грон, однако это будет стоить вам дополнительной платы.

— А на Острове часто отказывают пилигримам? — спросил Валентин.

— В обычное время — нет. Однако корабли паломников осенью не плавают, как вы, наверное, знаете. А может случиться, что там не готовы принять вас.

— Мы пришли издалека и не без затруднений, — небрежно сказал Валентин. Он услышал, как фыркнула Карабелла и кашлянул Слит. — Я уверен, что мы не встретим препятствий больших, чем те, которые мы уже преодолели.

— Я восхищаюсь вашей решимостью, — сказала Наморина.

Она подала сигнал команде готовиться к отплытию.

Архипелаг в восточной части загибался несколько на север, и острова здесь были совсем не похожи на Мардиджил. В основном это были вершины затонувшей горной цепи, а не плоские платформы на коралловой основе. Валентин подумал, что эта часть была когда-то длинным концом мыса, отходившего от юго-западной части Острова Сна, но в давние времена была поглощена Внутренним Морем. Над водой находились только самые высокие пики, а между самым восточным островом архипелага и берегом Острова лежали сотни миль открытого моря — тяжелое путешествие для тримарана, даже и столь хорошо оснащенного, как судно Наморины.

Однако обошлось без происшествий.

Они останавливались в четырех портах пополнить запасы воды и пищи и, наконец, вошли в пролив, отделявший архипелаг от Острова Сна. Пролив был широк, но мелок, богат морской жизнью. Здесь были безвредные чудища — громадные шаровидные создания, называемые вольвантами. Они прикреплялись к камням на дне и питались планктоном, процеживая его через жабры. Они покачивались на глубине нескольких футов под водой, шарообразные мешки пятидесяти-семидесяти футов в поперечнике.

На второй день «Королева Родмента» спустила пять лодок. Рыбаки вырвали вольванта, вытащили на поверхность, разрезали и сняли кожу, которую потом нарезали маленькими кусочками и разложили на палубе.

Валентин ужаснулся. Ему чем-то нравились вольванты.

«Когда я вновь буду Короналем,— подумал он,— я запрещу убийство этих безвредных тварей.»

Затем он спросил себя, можно ли издавать законы, основанные только на личной симпатии, не изучив факты. Он спросил Наморину, что делают с кожей вольвантов.

— Лекарство для стариков, кровь которых плохо течет в жилах,— ответила она.— Одного вольванта хватит на лекарство для всех островов на год, а то и больше. То, что ты сейчас видел,— редкое событие.

«Когда я опять буду Короналем,— подумал Валентин,— я воздержусь от суждений, пока не узнаю истины, если такое вообще возможно.»

Тем не менее, вольванты вызывали в нем странные эмоции, и он вздохнул с облегчением, когда тримаран вышел из их зоны в холодную голубую воду, окружавшую Остров Сна.

Глава 7

Теперь Остров был ясно виден на востоке и с каждым часом заметно увеличивался. Валентин видел его только во сне и в воображении. Эти видения ни на чем не основывались, однако его воображаемая и каким-то образом отстоявшаяся в воспоминаниях реальность еще держалась в его мозгу, и он вовсе не был готов к действительности.

Остров был огромен. Это неудивительно для громадной планеты, где многое соответствовало планетарным мерам.

Однако Валентина сбила с толку мысль, что Остров обязательно должен соответствовать цели. Он предполагал, что Остров раза в два-три больше Родмент Грон, теперь же он видел, что Остров занимал весь горизонт и на этом расстоянии казался не меньше побережья Зимрола, каким оно выглядело в двух днях пути от Пилиплока. Конечно, это был остров, не сравнимый с Зимролом, Алханролом и Суврейлом. Он потому только не назывался континентом, что те были огромны, а он — просто очень большим.

Остров был ослепительным. Он был окружен незапятнанными меловыми утесами, ярко сиявшими на солнце.

Они составляли стену в сотни футов высотой и, вероятно, сотни миль в длину по западной стороне Острова. Поверх этой стены тянулась темно-зеленая корона леса. Похоже, что внутри на возвышении была вторая меловая стена, а затем третья, еще дальше от моря, так что Остров с этой стороны, казалось, состоял из блестящих ярусов, поднимавшихся к какой-то неизвестной и, возможно, недоступной центральной цитадели. Валентин Слышал о террасах Острова и считал их древними искусственными сооружениями, символическими метками подъема к посвящению. Но похоже было, что сам Остров состоит из природных террас, углублявших его таинственность. Не стоило удивляться, что это место стало священным на Маджипуре.

Наморина сказала, указывая:

— Эта выемка в утесе — Талис, куда причаливают корабли пилигримов. Это одна из двух гаваней Острова, вторая — Пуминор, на другой стороне. Однако вы, наверное, и сами это знаете, раз вы пилигримы.

— У нас было мало времени, чтобы узнать,— ответил Валентин.— Мы неожиданно решились на паломничество.

— И останетесь до конца жизни на службе Леди? — спросила она.

— На службе Леди — да,— ответил Валентин,— но, я думаю, не здесь. Для некоторых из нас Остров — только станция на долгой дороге.

Наморина, казалось, была озадачена, однако больше ни о чем не спрашивала.

Юго-западный ветер быстро донес «Королеву Родмента» к Талису. Скоро перед ними выросла громадная меловая стена, и отверстие в ней оказалось не выемкой, а небольших размеров гаванью. Тримаран вошел с полными парусами. Валентин стоял на носу и был охвачен благоговейным страхом при виде величественного амфитеатра, форму которого имел Талис. Утесы спускались в воду почти отвесно с высоты мили или больше, а в их основании была плоская полоса земли, граничившая с широким белым пляжем. На одной стороне были верфи, пирсы и доки, казавшиеся карликовыми по сравнению с этим гигантским амфитеатром. Трудно было себе представить, как можно пройти из этого порта у подножия утесов вглубь Острова. Это была природная крепость. В ней стояла тишина. В гавани не было ни одного судна, кругом царило спокойствие.

— Есть там кто-нибудь? — спросил Слит.— Кто нас встретит?

Карабелла закрыла глаза.

— Идти кругом до Пуминора или вернуться на архипелаг...

— Нет,— сказал Делиамбер.— Нас встретят. Бояться нечего.

Тримаран встал у свободного пирса. Члены команды спустили лодку, и они поплыли вперед. Там не было никого. Все было тихо. Они ждали, неуверенно переглядываясь.

— Давайте искать,— сказал наконец Валентин.— Лизамон, Кон, Залзан Кавол, осмотрите здания слева. Слит, Делиамбер, Виноркис, Жанамир — справа. Панделон, Тизи, Роворн, обогните пляж и посмотрите за ним. Гарцвел, Ирфон...

Сам Валентин, Карабелла и парусный мастер Корделин пошли вперед к подножию громадного утеса. Здесь начиналось нечто вроде тропы, которая шла под углом вверх, почти вертикально к верхней части утеса, и исчезала между двумя белыми шпилями. Чтобы подняться по этой тропе, нужно было иметь ловкость лесных братьев и нахальство горного козла, как решил Валентин.

Однако, другой возможности уйти с берега, по-видимому, не было. Он заглянул в будочку у начала тропы, но не нашел ничего, кроме нескольких саней на воздушной подушке, видимо, служивших для подъема. Он вытащил одни, поставил опорное седло на уровень грунта и сел, однако не смог их включить. Он вернулся к пирсу. Почти все уже были там.

— Все пусто,— сказал Слит.

Валентин посмотрел на Наморину.

— Сколько тебе нужно времени, чтобы отвезти нас кругом на ту сторону?

— В Пуминор? Несколько недель. Но я не поплыву туда.

— Мы заплатим,— сказал Залзан Кавол.

Она равнодушно взглянула на него.

— Мое дело — рыболовство. Начинается лов рыбы-колючки. Если я повезу вас в Пуминор, я пропущу и этот лов, и половину сезонного лова гиссуна. Вы не сможете оплатить мне это.

Скандар достал монету в пять реалов, однако капитан отвергла ее.

— Вы заплатили мне, чтобы я отвезла вас от Родмент Грон сюда. За половину той платы я отвезу вас обратно. Это лучшее, что я могу сделать для вас. Через несколько месяцев снова пойдут корабли пилигримов, гавань ожи-

вится, и тогда, если вы захотите, я вновь привезу вас сюда за те же полцены. Как бы вы ни решили, я к вашим услугам. Но я отчалю отсюда до наступления темноты, и не в Пуминор.

Валентин обдумал ситуацию. Это еще неприятнее, чем быть проглоченным драконом, потому что оттуда он освободился довольно быстро, а это неожиданное препятствие сулило отсрочку на всю зиму, если не больше, а в это время Доминик Барджазед будет править в Замке, рассылать новые законы и укреплять свою власть. Но что же делать? Он взглянул на Делиамбера, однако колдун, выглядевший спокойно, не дал никакого совета. На эту стену им не вскарабкаться. Летать они не умеют. Значит, возвращаться на Родмент Грон?

— Ты не подождешь еще один день? — спросил он Наморину. — За добавочную плату. Может, утром мы найдем кого-нибудь...

— Я далеко от Родмент Грон, — ответила она, — и жажду снова увидеть его берега. Лишний час ожидания вам не даст ничего, а мне и того меньше. Не тот сезон: люди Леди не ждут никого и не придут сюда.

Жанамир слегка дернул Валентина за рукав.

— Ты Корональ Маджипура, — прошептал он. — Прикажи ей ждать! Назови себя и заставь ее встать на колени!

Валентин улыбнулся и тихо ответил:

— Я думаю, что номер не пройдет. Я где-то оставил свою корону.

— Так пусть Делиамбер заколдует ее и сделает уступчивой.

Это было возможно, но Валентин не хотел. Наморина была честна с ними и теперь имела право уйти, и, наверное, справедливо, что ждать можно и день, и два, и три, а толку не будет. А заставить ее уступить с помощью сил Делиамбера казалось ему отвратительным. Однако, с другой стороны...

— Лорд Валентин! — крикнул издали женский голос. — Иди сюда!

Он посмотрел в дальний конец гавани. Кричала Панделон, плотник Гарцвела. Она махала руками и звала. Он побежал к ней, остальные за ним.

Когда он подбежал, она повела его по мелкой воде вокруг каменного выступа, скрывавшего пляж поменьше. Там он увидел одноэтажное здание из розового песчаника с эмблемой Леди — треугольник в треугольнике — видимо,

какая-то гробница. Перед зданием был сад с цветущими кустами, расположенными симметричным узором красных, голубых, оранжевых и желтых цветов. За садом ухаживали два садовника, мужчина и женщина. Они равнодушно глядели на приближающегося Валентина. Он неуклюже сделал им знак Леди, они ответили более умело.

— Мы пилигримы,— сказал он,— и нам нужно узнать дорогу к террасам.

— Вы приехали не вовремя,— сказала женщина.

У нее было широкое, бледное, морщинистое лицо. В ее голосе не было ничего дружелюбного.

— Из-за нашего стремления служить Леди.

Женщина пожала плечами и вернулась к своей работе. Мужчина, крепкий, невысокий, с редкими седыми волосами, сказал:

— В это время года вам следовало плыть в Пуминор.

— Мы из Зимрола.

Появился слабый проблеск внимания.

— Сквозь драконьи ветры? Вам, верно, нелегко пришлось?

— Были кое-какие трудные минуты,— сказал Валентин,— но теперь они позади. Мы рады, что наконец достигли Острова.

— Леди позаботится о вас,— равнодушно сказал мужчина и взялся за лопату.

Молчание становилось пугающим. Валентин спросил:

— Где дорога на террасы?

— Вы не сможете воспользоваться ею,— сказала женщина.

— Вы не поможете нам?

Вновь последовало молчание.

— Это же недолго,— сказал Валентин.— Покажите нам дорогу, и мы больше не будем беспокоить вас.

— У нас здесь работа,— сказал мужчина.

Валентин облизал губы. Все напрвсно, а Наморина, наверное, оставила тот пляж пять минут тому назад и возвращается на Родмент Грон, бросив их в безвыходном положении. Он посмотрел на Делиамбера. Его колдовские прикосновения могут стать приказом.

Делиамбер игнорировал намек. Валентин подошел к нему и шепнул:

— Коснись их щупальцем и заставь помочь нам.

— Я думаю,— ответил Делиамбер,— что на этом священном острове мое колдовство мало чего стоит. Пользуйся своими чарами.

— У меня нет их!

— Попробуй,— сказал врун.

Валентин опять подошел к садовникам.

«Я Корональ Маджипура,— думал он,— я сын Леди, которой вы служите.»

Сказать что-либо подобное садовникам было немыслимо, однако он, возможно, сумеет передать это силой духа. Он выпрямился и двинулся к центру своего существа, как делал это, готовясь жонглировать перед взыскательной аудиторией, и улыбнулся такой теплой улыбкой, от которой могли бы раскрыться почки на ветвях цветущих кустов. Через минуту садовники подняли глаза от своей работы, увидели его улыбку и продемонстрировали безошибочный ответ — реакцию удивления, растерянности и покорности. Он омыл их сияющей любовью.

— Мы прошли тысячи миль,— ласково сказал он,— чтобы обрести покой и мир Леди, и мы просим вас, во имя Божества, которому вы служите, помочь нам на нашем пути. Нужда наша велика, и мы устали от странствий.

Они заморгали.

— У нас своя работа,— неуверенно сказала женщина.

— Мы не можем уйти, пока сад не ухожен,— промямлил мужчина.

— Сад цветет,— сказал Валентин,— и будет цвести несколько часов без вашей помощи. Помогите нам, пока не стемнело. Мы просим только показать нам дорогу, и Леди вознаградит вас за это.

Садовникам было явно не по себе. Они смотрели друг на друга, потом на небо, как бы прикидывая, не поздно ли. Наконец они хмуро встали, стряхнули песок с колен и пошли к краю воды в мелкий прибой вокруг территории большого пляжа и вниз к подножию утеса, где шла вертикальная тропа к небу.

Наморина была еще там, но уже готовилась к отплытию. Валентин подошел к ней.

— Мы глубоко признательны тебе за помощь,— сказал он.

— Вы остаетесь?

— Мы нашли путь на террасы.

Она улыбнулась с непритворным удовольствием.

— Я не хотела бросать вас, однако Родмент Грон зовет меня. Я желаю вам удачи в вашем паломничестве.

— И я желаю тебе безопасного путешествия домой.

Он хотел отойти, но она удержала его.

— Еще одно. Когда женщина звала тебя, она назвала тебя Лорд Валентин. Что это значит?

— Просто шутка.

— Я слышала, что так зовут нового Короналя. Он стал править год или два тому назад.

— Да,— сказал Валентин,— однако он черноволосый. Это была просто шутка, потому что я тоже Валентин. Счастливого плавания, Наморина.

— Плодотворного паломничества, Валентин.

Он подошел к утесу. Садовники вытащили из будки несколько транспортировочных саней, установили их как нужно и жестом пригласили путешественников. Валентин сел в первые сани с Карабеллой, Делиамбером, Жанамиром и Коном. Садовница вошла в будку, где, как видно, находилось управление санями. Сани тут же поднялись на воздушной подушке и поплыли. Начался головокружительный подъем на белый утес.

Глава 8

— Вы прибыли,— сказал служитель Талинот Изолд,— на Террасу Оценки. Здесь вас взвесят. Когда настанет время идти дальше, ваша дорога приведет вас на Террасу Начала, затем на Террасу Зеркал, где вы встретитесь с собой. Если увиденное удовлетворит вас и ваших гидов, вы пойдете внутрь Второго Утеса, где вас ждет другая группа террас. Так вы дойдете до Террасы Поклонения. Затем, если над вами будет милость Леди, вы получите вызов во Внутренний Храм. Но я бы даже не надеялся, что это вообще случится. Однако, те, кто надеется достичь Леди, в конце концов, вероятно, доходят до нее.

Настроение Валентина потускнело. Он не только надеялся дойти до Леди, это было жизненно необходимо. Однако он понимал, что имел в виду служитель. В этом священном месте паломник ничего не требовал, он подчинялся, он отказывался от требований, нужд и желаний, он уступал, если искал покоя. Здесь не место для Короналя. Главное в жизни Короналя — пользоваться властью мудро, если он способен к мудрости, но в любом случае твердо; главное в жизни пилигрима — подчинение. В этом противоречии Валентин легко мог пропасть, однако иного выбора не было.

Во всяком случае, он добрался до внешних окраин области Леди. На вершине утеса служители встретили их безо всякого удивления. Видимо, они знали, что к ним

поднимаются внесезонные паломники. Теперь их, выглядевших благочестиво и несколько глупо в мягкой бледной одежде пилигримов, собрали в длинном низком здании у гребня утеса. Плиты из того же камня составляли большой полукруг для прогулок, тянувшийся, видимо, на большое расстояние вдоль кромки леса, венчавшего утес. Это была Терраса Оценки. Дальше шел лес. Другие террасы были далеко за ним.

В глубине, невидимый отсюда, поднимался второй утес. Третий утес, насколько Валентин знал, был выше второго и находился в сотнях миль где-то в глубине Острова, и это была священная территория, где находился Внутренний Храм и где жила Леди. Несмотря на то, что Валентин прошел так много, казалось немыслимым, что он когда-нибудь одолеет эти последние несколько сотен миль.

Быстро наступала ночь. Оглянувшись на круглое окно позади него, он увидел темневшее небо и широкую темную полосу моря. На гладкой поверхности воды виднелось пятнышко. Валентин надеялся, что это идет домой тримаран «Королева Родмента», а дальше вольванты видят свои бесконечные сны, и морские драконы плывут к Великому Морю, а еще дальше — Зимрол с его городами, заповедниками и парками, фестивалями и миллиардами жителей. Для него многое осталось позади, но теперь он должен смотреть вперед.

Он внимательно смотрел на Талинота Изолда, их первого здешнего гида, высокого, худощавого, с молочно-белой кожей и лысой головой, неизвестного пола. По росту и ширине плеч можно было предположить, что это мужчина, однако изящество лицевых костей, особенно хрупкий изгиб легкого выступа над странными синими глазами, создавало обратное впечатление.

Талинот Изолд объяснял все: ежедневную рутину молитв, работы и медитации, систему толкования сна, устройство жилых помещений, диетические ограничения, исключавшие все вина и некоторые пряности, и многое другое. Валентин пытался запомнить все это, но тут было так много правил, требований, обязанностей и обрядов, что они перепутались в его уме, и через некоторое время он оставил свои усилия, надеясь, что ежедневная практика вобьет в него все правила.

Когда стемнело, Талинот Изолд повел их в зал обучения мимо искрившегося каменного бассейна, где они вымылись, прежде чем надеть данную им одежду, и где должны были мыться дважды в день, пока находились на этой

террасе, и в обеденный зал. Здесь им подали простую еду из супа и рыбы, безвкусную и непривлекательную даже для зверски паломников. Обслуживали их новички вроде них, однако в светло-зеленой одежде. Большой зал был занят лишь частично — час обеда уже почти прошел, как сказал Талинот Изолд. Валентин оглядел других пилигримов.

Они были из разных рас, может, половина человеческого корня, но было много вруонов и гейрогов, скандаров, несколько лименов, были и хьорты, а в дальнем конце маленькая группа су-сухирисов. Сеть Леди охватывала все расы Маджипура, кроме одной.

— Метаморфы когда-нибудь искали Леди? — спросил Валентин.

Талинот Изолд ангельски улыбнулся.

— Если пьюривар придет к нам, мы должны принять его. Однако они не участвуют в наших ритуалах. Они живут сами по себе, словно они одни на Маджипуре.

— Может, кто-нибудь из них приходил сюда в другом обличье? — предположил Валентин.

— Мы знали бы это, — спокойно ответил Изолд.

После обеда их развели по комнатам. Это были отдельные комнаты, едва ли больше стенного шкафа, в напоминавшей муравейник квартире: постель, раковина, место для одежды и ничего больше. Лизамон сердито оглядела свою комнату.

— Вина нет, меч отобрали, и теперь мне еще спать в этом ящике? Похоже, что я промахнулась, став пилигримом, Валентин.

— Успокойся, сделай усилие. Мы уйдем с Острова, как только сможем.

Он вошел в свою комнату, находившуюся между комнатами женщины-воина и Карабеллы. Свет тут же потускнел. Он лег на койку и неожиданно заметил, что засыпает, хотя было еще рано. Сознание покинуло его, и он увидел Леди, явную, бесспорную Леди Острова.

Валентин много раз видел ее во сне, ее ласковые глаза, черные волосы, цветок за ухом, оливковую кожу, но сейчас образ был резче и детальнее. Он разглядел мелкие морщинки в углах глаз, крошечные зеленые камни в серьгах, узкую серебряную полоску над бровями. Во сне он протягивал к ней руки и говорил:

— Мать, я здесь, позови меня к себе!

Она улыбнулась ему, однако не ответила. Они были в саду, и вокруг них цвели алабандины. Маленьким

золотым инструментом она отщипывала цветочные бутоны, чтобы оставшиеся цвели лучше и сильнее. Он стоял рядом и ждал, когда она обернется к нему, но ее работа все продолжалась. Наконец, она сказала, не глядя на него:

— Нужно быть очень внимательным к своему делу, чтобы хорошо его выполнить.

— Мать, я твой сын Валентин!

— Видишь, на каждой ветке пять бутонов. Оставь их, и они все раскроются, однако я уберу два здесь, один здесь, еще один тут, и цветение будет великолепным.

Пока она говорила, бутоны раскрылись, и запах алабандинов наполнил воздух, а громадные желтые лепестки вытянулись, как тарелки, открыв черные тычинки и пестик. Леди слегка коснулась их, и в воздухе разлетелась пурпурная пыльца.

— Ты тот, кто ты есть, и всегда им будешь,— сказала Леди.

Сон сменился. Леди уже не было, только колючие кусты махали ему жесткими ветками, как руками, громадные птицы летали над ним.

Затем все смешалось.

Проснувшись, он должен был сразу же доложить своему толкователю снов, не Талиноту Изолду, а другому служителю, тоже лысому и тоже неопределенного пола, но, вероятно, женщине, Стоминоп. Эти служители были среднего уровня посвящения, как вчера узнал Валентин. Они вернулись со Второго Утеса, чтобы обслуживать новичков.

Толкование снов на Острове ничуть не напоминало действий Тизаны в Фалкинкипе. Не было ни наркотиков, ни совместного лежания. Валентин просто пришел к толковательнице снов и описал свой сон. Стоминоп спокойно слушала. Валентин заподозрил, что толковательница имела доступ к его сну, когда этот сон происходил, и теперь просто хочет сравнить отчет Валентина с собственным восприятием и увидеть, нет ли провалов и противоречий. Поэтому Валентин точно передал сон, как помнил его, и, сказав, как говорил во сне: «Мать, я твой сын Валентин!», внимательно посмотрел, какова реакция Стоминоп. Но он мог с тем же успехом смотреть на меловой утес. Когда он кончил свой рассказ, толковательница спросила:

— Какого цвета были цветы алабандинов?

— Желтые с черной серединкой.

— Приятный цвет. В Зимроле алабандины алые с желтой серединой. Какие тебе больше нравятся?

— Одинаково.

Стоминоп улыбнулась.

— В Алханроле алабандины желтые с черной серединкой. Можешь идти.

И так каждый день: загадочное замечание, а если не загадочное, то по-разному интерпретирующееся, хотя интерпретации не предлагалось. Стоминоп была как бы хранилищем снов Валентина, она впитывала их, однако не давала советов. Валентин начал привыкать к этому.

Он стал привыкать и к ежедневной работе. Каждое утро он два часа работал в саду, полол, подрезал, окапывал, после обеда он работал каменщиком, изучая искусство обтесывать плиты. Затем шли долгие часы медитации. Тут им никто не руководил: просто посылали смотреть на стены.

Своих спутников он почти не видел, кроме как за совместным купанием утром и перед ужином, и разговаривали они мало.

Легко было войти в ритм жизни этого места и отбросить все остальное. Тропический воздух, аромат множества цветов, благородный тон всего, что было здесь, успокаивали и размягчали, как теплая ванна.

Но Алханрол лежал в тысячах миль к востоку, а Валентин ни на дюйм не приблизился к своей цели, пока оставался на Террасе Оценки. Прошла уже неделя. Во время медитации Валентин предавался мечтам, как он соберет своих людей, удерет ночью, пройдет незаконно через террасы Второго и Третьего Утесов и появится на пороге Храма Леди. Однако он подозревал, что в таком месте, где сон — открытая книга, им далеко не уйти.

Это его раздражало. Он понимал, что раздражение не поможет ему продвинуться, и учился расслабляться, снимать с себя груз своих задач, очищать мозг от всего ненужного, отвлеченного и, таким образом, открыть путь призывному сну, которым Леди позовет его к себе.

Но и это не дало эффекта. Он полол сорняки, обрабатывал теплую плодородную землю, носил ведра со строительным раствором к дальним концам террасы, он сидел, скрестив ноги, совершенно отрешенный целыми часами во время медитации, каждую ночь, ложась, молился, чтобы Леди позвала его, однако ничего не случалось.

— Долго ли это будет продолжаться? — спросил он Делиамбера однажды в бассейне.— Пятая неделя, а может, и шестая — я уже сбился со счета. Сколько я должен быть здесь? Год? Два? Три?

— С некоторыми пилигримами дело обстоит именно так,— ответил вруон.— Я разговаривал с одним хьортом.

Он служил в патруле при Лорде Вариаксе. Он провел здесь четыре года и, кажется, вполне примирился с тем, что останется тут навсегда.

— Ему не надо никуда идти. Гостиница тут достаточно приятная. Но у меня...

— Важные дела на востоке,— закончил за него Делиамбер.— Однако ты осужден оставаться здесь. В твоей дилемме парадокс, Валентин: ты отрекаешься от цели, но твое отречение само по себе цель. Разве ты этого не понимаешь? Твоя толковательница снов наверняка понимает.

— Конечно, понимаю. Но что мне делать? Как я могу уверять, что не беспокоюсь, не придется ли мне остаться тут навеки?

— Утверждать нельзя. Однако, как только ты по-настоящему перестанешь беспокоиться, ты двинешься вперед, но не раньше.

Валентин покачал головой.

— Это все равно, как если бы мое спасение зависело от того, чтобы я никогда не вспоминал о джи-птицах. Как бы я ни старался не думать о них, они все время будут лезть мне в мозг. Что мне делать, Делиамбер?

Других советов у Делиамбера не было.

На другой день Валентин узнал, что Жанамир и Виноркис продвинулись на Террасу Начала.

Прошло два дня, прежде чем Валентин и Делиамбер встретились снова. Колдун заметил, что Валентин плохо выглядит. Валентин ответил с явным раздражением:

— А как я, по-твоему, должен выглядеть? Ты знаешь, сколько сорняков я выдрал, сколько плит обтесал, а Барджазед сидит себе в Горном Замке в Алханроле и...

— Спокойно,— мягко сказал Делиамбер.— Это не похоже на тебя.

— Спокойно? Сколько я могу быть спокойным?

— Может быть, испытывают твое терпение. В этом случае, милорд, ты провалишь испытание.

Валентин задумался, а затем сказал:

— Я согласен с твоей логикой. Но, может быть, испытывают мою изобретательность? Делиамбер, пошли в мою голову призывный сон в эту ночь.

— Мое колдовство мало чего стоит на этом острове.

— Ну, попробуй. Составь послание от Леди и введи его в мой мозг, а там увидим.

Делиамбер пожал плечами и коснулся щупальцами руки Валентина для передачи мысли. Валентин почувствовал слабый, далекий звон контакта.

— Твое колдовство работает,— сказал он.

В эту ночь он видел во сне, что плавает, как вольвант, в бассейне, прикрепленный к камням какой-то пленкой, выделяющейся из его ног, и пытается освободиться, и в это время в ночном небе появилось улыбавшееся лицо Леди. Она сказала:

— Иди ко мне, Валентин.

Пленка растаяла, он всплыл вверх и полетел с ветром к Внутреннему Храму.

Валентин передал этот сон Стоминоп. Та равнодушно выслушала. После следующей ночи Валентин сказал, что видел тот же сон, и Стоминоп снова промолчала. В третий раз Валентин повторил то же и попросил толкования. Стоминоп сказала:

— Толкование твоего сна таково: на чужих крыльях птица не летает.

Валентин покраснел и вышел.

Через пять дней Талинот Изолд сказал, что Валентину даровано разрешение перейти на Террасу Начала.

— Но почему? — спросил Валентин Делиамбера.

— Почему? — переспросил вруон.— Здесь это бесполезный вопрос. В тебе явно что-то изменилось.

— Однако мой сон был незаконным!

— Может, и законным,— сказал колдун.

Один из служителей повел Валентина по лесной тропинке к следующей террасе. Дорога была запутанная, извилистая, иногда возвращавшаяся обратно, так что казалось, что они идут совсем не в том направлении. Валентин полностью утратил счет времени. Через несколько часов они вдруг оказались в громадном свободном пространстве. От розовых каменных плит террасы шли с правильными интервалами пирамиды из темно-голубого камня в десять футов высотой.

Жизнь тут была, в основном, такая же — черная работа, медитация, встречи с толковательницей снов, аскетическая комната, скудная пища. Но было также и начало священного обучения, час ежедневно, где принципы благоволения Леди объяснялись посредством эллиптических сравнений и круговых диалогов.

Сначала Валентин слушал все это нетерпеливо. Все казалось ему неопределенным и абстрактным. Ему трудно было сосредоточиться на таких туманных материях, потому что им владела прямая политическая страсть — добраться до Замка и устроить допрос правительству Маджипура. Однако на третий день его поразило то, что служитель

говорил о чисто политической роли Леди. Она была регулирующей Силой, как понял Валентин, строительным раствором любви и веры, скрепляющим воедино центры власти на этой планете. Кроме этого, она разработала свою магию снов-посланий.

Конечно, нельзя было поверить народному мифу, что она каждую ночь прикасается к мозгам миллиардов жителей, но было ясно, что ее спокойный дух смягчает и облегчает мир. Аппаратура Короля Снов посылает прямые и специальные сны, бичующие виновных и предупреждающие неуверенных, и послания Короля могут быть жестокими. Однако, как тепло океана делает умеренным климат страны, так и Леди смягчает грубые Силы управления Маджипура, и теология считает Леди воплощением Божественной Матери. Теперь Валентин понял метафору о разделении власти, которую изобрели ранние правители Маджипура.

Теперь он слушал с неослабевающим интересом. Он отбросил свое жадное желание прыгать по террасам и решил научиться здесь большему.

На этой террасе Валентин был совсем одинок. Жанамир и Виноркис не попадались — может, их уже послали на Террасу Зеркал? — а остальные, насколько ему было известно, остались позади. Больше всего ему не хватало кипучей энергии Карабеллы и сардонической мудрости Делиамбера, но другие тоже стали частью его души за долгое и тяжелое путешествие через Зимрол, и не иметь их рядом было очень неуютно. Его время, как жонглера, казалось, давно миновало и никогда не вернется. Иногда в свободные минуты он рвал плоды с деревьев и бросал их хорошо знакомым методом, чтобы развлечь новичков и служителей. Один широкоплечий чернобородый мужчина по имени Фарсел особенно внимательно следил за жонглированием Валентина.

— Где ты научился этому искусству? — спросил он.

— В Пидруде,— ответил Валентин.— Я был в труппе жонглеров.

— Хорошая, верно, была жизнь?

— Да,— сказал Валентин.

Он вспомнил возбуждение выступления перед темнолицым Лордом Валентином на арене в Пидруде, на широких подмостках Непрерывного Цирка в Долорне и прочие незабываемые сцены прошлого.

— Этому можно научиться? — спросил Фарсел.— Или это врожденный дар?

— Любой научится, если него быстрый глаз и умение сосредоточиться. Я учился всего две недели.

— Ври! Наверняка всю жизнь жонглировал!

— До прошлого года — нет.

— Тогда зачем ты взялся за это?

Валентин улыбнулся.

— Нужно было зарабатывать на жизнь, а в Пидруд на фестиваль Короналя приехали странствующие жонглеры, и им нужны были лишние руки. Они меня быстро научили, и я мог бы научить тебя.

— Думаешь, получится?

— Лови,— сказал Валентин и бросил чернобородому один из крепких зеленых плодов, которыми жонглировал.— Перебрасывай его из руки в руку. Пальцы держи свободно. Тебе надо усвоить несколько основных положений и приемов, попрактиковаться в них, а потом...

— А чем ты занимался до жонглирования? — спросил Фарсел, перебрасывая плод.

— Бродяжничал,— сказал Валентин.— Держи руки вот так...

Он с полчаса тренировал Фарсела, как Карабелла и Слит тренировали его самого в Пидруде. У Фарсела были быстрые руки и хорошие глаза, и учился он быстро, хотя и не так молниеносно, как в свое время Валентин. Через несколько дней он усвоил часть элементарных приемов и мог жонглировать, хотя и не изящно. Он был весьма разговорчивым и не закрывал рта, пока перебрасывал плод. Родился он, по его словам, в Ни-мойе, много лет был торговцем в Пилиплоке, недавно пережил душевный кризис, который ввел его в смущение и затем послал в паломничество на Остров. Он рассказывал о своей женитьбе, о своих ненадежных сыновьях, о том, как выигрывал и проигрывал за игорным столом целые состояния. И он хотел знать все о Валентине, о его семье, о его склонностях, о причинах, приведших его к Леди. Валентин отвечал на эти вопросы достаточно правдоподобно, а более неприятные обходил, быстро переключаясь на советы по искусству жонглирования.

В конце второй недели работы, учебы, медитации, периодов свободного времени, проводимого в жонглировании с Фарселом,— устойчивый и постоянный круг — Валентин вновь почувствовал неудержимое желание двинуться дальше.

Он не имел представления, сколько здесь террас — девять? девяносто? — однако, если он будет тратить столько времени на каждую, он и за много лет не дойдет до Леди. Как-то надо было сократить процесс подъема.

Поддельные сны-вызовы, похоже, не срабатывали. Он попробовал протащить свой сон о дрейфе в бассейне Силимейн, здешней толковательнице, однако он не произвел на нее впечатления. Во время медитации и ночного сна он пытался достичь мозга Леди и умолить ее вызвать его, но и это оказалось бесполезно. Он спросил тех, кто сидел рядом с ним за обедом, давно ли они на этой Террасе. Один сказал — два года, другой — восемь месяцев. Их это, казалось, не тревожило.

— А ты? — спросил он Фарсела.

Фарсел ответил, что пришел за несколько дней до Валентина. В нем тоже не чувствовалось нетерпения.

— Куда спешить? Мы везде служим Леди, верно? Одна терраса так же хороша, как и другая.

Валентин кивнул, едва сдерживая недовольство.

В конце третьей недели он вдруг увидел Виноркиса, шедшего через поле, где Валентин работал. Однако на большом расстоянии Валентин не был уверен, Виноркис ли это, а для оклика было слишком далеко.

На следующий день, жонглируя с Фарселом возле бассейна, он опять увидел Виноркиса на другой стороне площадки. Валентин извинился и бросил жонглировать. После стольких недель пребывания вдали от своих спутников он рад был увидеть хотя бы хьорта.

— Значит, это т ы проходил по полю? — спросил Валентин.

Виноркис кивнул.

— В последние дни я несколько раз видел тебя, милорд. Но терраса так велика, что я никак не мог подойти ближе. Когда ты прибыл?

— Через неделю после тебя. Кто из наших еще здесь?

— Вроде бы никого,— ответил хьорт.— Был Жанамир, однако ушел дальше. Как вижу, ты не утратил своего умения жонглировать, милорд. Кто твой партнер?

— Человек из Пилиплока. Быстрые руки.

— И язык тоже?

Валентин нахмурился.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты говорил ему что-нибудь о своем прошлом или будущем, милорд?

— Конечно, нет! — Валентин уставился на хьорта.— Нет, Виноркис! Как могут шпионы Короналя быть на Острове Леди?

— А почему нет? Разве так трудно сюда проникнуть?

— Но почему ты подозреваешь?..

— Прошлой ночью после того, как я мельком увидел тебя на поле, я пришел сюда и поспрашивал о тебе. Один из тех, кого я спрашивал, был твой новый друг, милорд. Я спросил его, знает ли он тебя, и он тут же начал допрашивать м е н я : друзья ли мы с тобой, знал ли я тебя в Пидруде, почему мы пришли на Остров и так далее. Я не люблю, милорд, когда чужаки задают вопросы, особенно здесь, где учат держаться в стороне от других.

— Может, ты излишне подозрителен, Виноркис?

— Может быть. Однако, будь осторожен, милорд.

— Я так и делаю. Он не узнал от меня ничего, кроме того, что уже знал, а именно — о жонглировании.

— Может, он уже слишком много знает о тебе, — угрюмо сказал хьорт. — Но мы последим за ним, как он следит за тобой.

Известие, что даже здесь он, возможно, находится под наблюдением, расстроило Валентина. Здесь же святилище! Ах, если бы рядом были Слит или Делиамбер! Шпион ведь может стать и убийцей, когда Валентин подойдет ближе к Леди и, таким образом, явится угрозой для узурпатора.

Однако Валентину казалось, что он так и не подойдет ближе к Леди. Прошла еще неделя по тому же образцу. Затем, когда он уже готов был уверовать, что останется на Террасе Начала до конца своих дней, и, в общем-то, это было не так уж и важно, его вызвали с поля и сказали, чтобы он приготовился идти на Террасу Зеркал.

Глава 9

Третья терраса была головокружительно прекрасна. Блеск ее напомнил Валентину Долорн. Она прилепилась к основанию Второго Утеса, неприступной вертикальной стеной вздымавшегося вверх и казавшегося абсолютным барьером против проникновения внутрь, а когда солнце освещало западную сторону утеса, от отраженного света слепило глаза и захватывало дух.

Там были зеркала — громадные, грубо вырезанные плиты полированного черного камня, воткнутые краем в грунт вокруг террасы. Они сияли внутренним светом.

Валентин первый раз критически взглянул на себя, отыскивая перемены, произведенные путешествием, какую-нибудь затуманенность того теплого излучения, которое исходило от него, начиная с Пидруда, следы усталости или потрясений, но ничего такого он не увидел: знакомый золото-

волосый улыбающийся мужчина. Он приветственно махнул своему отражению и дружески подмигнул ему, а через неделю вообще перестал замечать его. Если бы ему приказали не обращать внимания на зеркала, он, вероятно, жил бы в постоянном напряжении, невольно бросая на них взгляд и тут же отводя его, однако никто не сказал ему, для какой цели здесь зеркала и как он должен относиться к ним, поэтому он вскоре просто забыл о них.

Зеркала, как он понял позднее, были ключом к движению вперед на Острове: эволюция духа, растущая способность отличать и отбрасывать ненужное.

Здесь он был совсем одинок: ни Жанамира, ни Виноркиса, ни Фарсела. Валентин внимательно пригляделся к чернобородому: если бы тот и в самом деле был шпионом, он, без сомнения, нашел бы возможность следовать за Валентином с террасы на террасу, но здесь он не появился.

Валентин пробыл на Террасе Зеркал одиннадцать дней и отправился дальше с пятью другими новичками на санях на воздушной подушке к краю Второго Утеса на Террасу Посвящения.

Отсюда открывался великолепный вид на первые три террасы, находившиеся далеко внизу. От Террасы Оценки видна была лишь узкая розовая линия на фоне темной зелени леса, однако большая Терраса Начала внушительно развертывалась на середине нижнего плато, а Терраса Зеркал прямо внизу сверкала, как миллион ярких погребальных костров в полуденном свете.

Теперь ему уже стало безразлично, насколько быстро он сможет продвигаться. Время утратило свое значение. Он полностью вошел в здешний ритм. Он работал на полях, слушал неторопливые лекции духовного обучения, проводил много времени в темном каменном здании — месте поклонения Леди — и спрашивал, будет ли ему дарован свет. Иногда он вспоминал, что намеревался быстро пройти к сердцу Острова и к женщине, которая живет там, но теперь это имело для него мало значения. Он становился истинным пилигримом.

За Террасой Посвящения находилась Терраса Цветов, за ней — Терраса Преданности, а затем Терраса Окружения. Все они были на Втором Утесе, так же как и Терраса Восхождения — последняя ступень, с которой поднимались на плато, где жила Леди. Каждая из террас, как начал понимать Валентин, полностью окружала Остров, так что на них в любое время могло находиться по миллиону почитателей, если не больше, однако каждый

пилигрим знал только крошечный участок целого, пока шел к центру. Сколько труда было положено, чтобы выстроить все это, сколько жизней было отдано целиком на служение Леди! И каждый паломник шел в сфере молчания. Здесь не заводили дружеских отношений, не обменивались откровенностями, не обнимались любовники. Фарсел был единственным исключением из этого обычая. Вообще это место существовало как бы вне времени и в стороне от обычных ритуалов жизни.

В этой средней зоне Острова было меньше акцента на обучение, а больше на тяжелую работу. Валентин знал, что, достигнув Третьего Утеса, он присоединится к тем, кто фактически несет по всему миру работу Леди. Теперь он понимал, что большую часть посланий излучает не сама Леди, а миллионы ее передовых служителей Третьего Утеса, чьи мозг и дух наполнены благоволением Леди, но отнюдь не все достигают Третьего Утеса, очень многие старые служители десятилетиями остаются на Втором утесе, выполняя административную работу, не надеясь и не желая продвигаться к более тяжелой ответственности внутренней зоны.

В третью неделю Террасе Посвящения Валентину было дано познать настоящий, безошибочный сон-вызов.

Он видел, что идет по опаленной пурпурной равнине, которая так затемняла его сон в Пидруде. Солнце висело низко над горизонтом, небо было тяжелое и унылое, вдали виднелись две широкие горы, поднимавшиеся как гигантские кулаки. В усыпанной камнями долине между горами виднелся последний красный отблеск солнца, необычный, масляный, зловещий свет. Из этой странно освещенной долины дул холодный сухой ветер и нес с собой вздыхающие, поющие звуки, мягкую меланхоличную мелодию. Валентин шел и шел, однако горы не становились ближе, пески пустыни тянулись бесконечно, а он все шел, чтобы не угасла последняя искра света. Силы его слабели. Угрожающие миражи танцевали перед ним. Он видел Симона Барджазеда, Короля Снов, и его трех сыновей. Он видел призрачного дряхлого Понтификса, хохотавшего на своем подземном троне. Он видел чудовищ, медленно ползавших по дюнам, и морды массивных дункаров, высунувшихся из песка и нюхавшие воздух в поисках добычи. Кто-то шипел, звякал, шептал, насекомые собирались в мерзкие тучи, начался дождь из сухого песка, забивавшего глаза и ноздри. Валентин устал и готов был остановиться, упасть и лежать, пока песчаные дюны не закроют его, и только одно тянуло его вперед: в долине ходила улыбавшаяся женщина. Леди, его мать, и он

стремился вперед, как только увидел ее. Он ощущал тепло ее присутствия, притяжение ее любви.

— Иди ко мне, Валентин,— шептала она.

Ее руки тянулись к нему через пустыню. Плечи его согнулись, ноги подкашивались. Он не мог идти, но знал, что должен.

— Леди,— шептал он,— я не могу больше. Я должен отдохнуть, уснуть!

Свет между горами стал теплее и ярче.

— Валентин,— звала она,— сын мой!

Он с трудом удерживался, чтобы не закрыть глаза. Так заманчиво было лечь в теплый песок.

— Ты мой сын,— звучал голос Леди с невообразимо далекого расстояния.— Ты нужен мне.

Когда она сказала эти слова, он обрел новые силы и пошел быстрее, а затем легко побежал широкими шагами. Теперь расстояние быстро сокращалось. Валентин уже ясно видел ее на террасе из лилового камня. Она ждала его, протягивала к нему руки, называла его имя, и голос ее звенел, как колокольчики в Ни-мойе.

Он проснулся. Ее голос все еще звенел в мозгу.

Наступил рассвет. В душу Валентина влилась удивительная энергия. Он встал, спустился к большому аметистовому бассейну, служившему для купания, и нырнул в холодную родниковую воду, потом побежал в комнату Минесипты, здешней его толковательницы снов, плотной, узкокостной особе с горящими черными глазами и худощавым лицом, и торопливо рассказал ей свой сон.

Минесипта молчала. Ее холодность как водой окатила красноречие Валентина. Он вспомнил, как пошел к Стоминоп на Террасе Начала с фальшивым сном-вызовом, и о том, как быстро Стоминоп отмела этот сон. Однако ведь э т о т - т о не фальшивый, тут не было Делиамбера с его колдовством. Валентин медленно спросил:

— Могу я спросить определения?

— У сна знакомые обертоны,— спокойно ответила Минесипта.

— Это все, что ты скажешь о нем?

— А что бы ты хотел услышать?

Валентин сжал кулаки.

— Если бы кто-нибудь пришел ко мне за толкованием такого сна, я бы сказал, что это сон-вызов.

— Прекрасно.

— Ты согласна? А т ы назвала бы это сном-вызовом?

— Если хочешь.

— Мое желание тут не причем,— раздраженно сказал Валентин.— Либо это сон-вызов, либо нет. Как ты смотришь на него?

Криво улыбнувшись, толковательница сказала:

— Я назову твой сон сном-вызовом.

— И что дальше?

— Дальше? У тебя есть свои утренние обязанности.

— Сон-вызов, как я понимаю, требует появления у Леди.

— Да.

— Разве я не должен теперь идти во Внутренний Храм?

Минесипта покачала головой.

— Никто со Второго Утеса не идет во Внутренний Храм. Вот когда ты достигнешь Террасы Поклонения, сна-вызова будет достаточно. А сейчас — твой сон интересен и важен, однако он ничего не меняет. Возвращайся к своим обязанностям, Валентин.

В нем клокотала злоба, когда он выходил из комнаты. Он понимал, что был глуп, что простого сна недостаточно для того, чтобы перенести его через барьеры, отделявшие его от Леди, однако же он так надеялся... Он думал, что Минесипта всплеснет руками, радостно вскрикнет и тут же пошлет его во Внутренний Храм, но ничего этого не случилось, его просто выставили из комнаты, и он страдал и злился.

Дальше было еще хуже. Через два часа, когда он возвращался с поля, его остановил служитель и сказал:

— Тебе приказано немедленно отправится в гавань Талис, где твоего руководства ждут новые пилигримы.

Валентин остолбенел. Меньше всего он хотел возвратится к исходной точке.

Он тут же вышел и пошел пешком один, от террасы к террасе, чтобы как можно скорее оказаться на Террасе Оценки. Ему выдали запас пищи и прибор, указывающий направление — наручный амулет, издававший тихий высокий звук. Он оставил Террасу Оценки в середине дня, однако пошел не к побережью, а вглубь, к Террасе Преданности.

Решение это пришло неожиданно и действовало с непреодолимой силой. Он просто не мог позволить себе отвернуться от Леди. Идя по неразрешенному пути на этом высоко дисциплинированном острове, он подвергался серьезному риску, но иначе поступить не мог.

Валентин обогнул край террасы, нашел травянистую тропинку и прошел наискосок через поле к главной дороге. Здесь он предполагал свернуть влево к внешним террасам,

однако, чувствуя, что будет слишком бросаться в глаза, повернул направо. Скоро он оставил позади населенную часть террасы, и дорога с широко мощеного тракта сузилась до лесной тропы, сжатой со всех сторон.

Через полчаса он вышел на развилку дороги. Он наудачу свернул влево, но спокойный свист указывавшего дорогу прибора исчез. Когда Валентин вернулся и повернул направо, свист возобновился.

«Полезный прибор»,— подумал Валентин.

Он шел ровным шагом до темноты, затем устроился в приятной рощице возле ручья и позволил себе поесть немного сыра и нарезанного ломтиками мяса. Потом он уснул на влажной земле между двумя деревьями.

Первые проблески зари разбудили его. Он потянулся, открыл глаза, быстро умылся в ручье. Сейчас чуточку позавтракать и...

Он услышал позади себя треск: кто-то шел через кусты. Он бесшумно откатился за толстое дерево и осторожно выглянул. Он увидел крепко скроенного чернобородого человека. Тот вылез из кустов и остановился, оглядываясь вокруг. Это был Фарсел в одежде пилигрима, но с кинжалом за поясом.

Обоих мужчин разделяли какие-то двадцать пять футов. Валентин хмурился прикидывая свои возможности, обдумывая тактику. Где Фарсел нашел кинжал на этом мирном острове? Зачем он шел за Валентином как не для того, чтобы убить?

Насилие было чуждо Валентину, однако захватить Фарсела врасплох, казалось, имело смысл. Валентин покачался взад и вперед, концентрируя мозг, как перед жонглированием, и выскочил из укрытия. Фарсел крутнулся и выхватил кинжал. Внезапным резким движением Валентин ударил по руке Фарсела ребром ладони. Рука Фарсела онемела, кинжал выпал, но в следующий миг могучие руки Фарсела сгребли Валентина. Они стояли, сцепившись, лицом к лицу.

Фарсел был на голову ниже Валентина, однако шире в груди и в плечах. Он пытался повалить Валентина, но тот отбивался. Вены на лбах обоих набухли, лица покраснели от напряжения.

— Это безумие,— пробормотал Валентин.— Уходи, я не собираюсь вредить тебе.

Фарсел в ответ крепче сжал Валентина.

— Кто тебя послал? — спросил Валентин.— Что тебе от меня надо?

Последовало молчание. Мощные, как у скандара, руки неумолимо сдавливали Валентина. Валентин стал задыхаться. Боль слепила его. Он пытался раздвинуть локти и разорвать захват, однако у него не получилось. Лицо Фарсела безобразно исказилось от усилий, губы плотно сжались. Он медленно и постепенно валил Валентина на землю.

Сопротивляться этому захвату было немыслимо. Валентин резко прекратил попытки и расслабился, как тряпичная кукла. Удивленный Фарсел дернул его в сторону. Валентин согнул колени и не противился, когда Фарсел швырнул его вниз. Валентин легко упал на спину с согнутыми ногами, и когда Фарсел яростно бросился на него, он изо всей силы ударил его ногами в живот. Фарсел задохнулся и ошеломленно качнулся назад. Валентин вскочил, обхватил Фарсела сильными, тренированными многомесячным жонглированием руками, повалил на землю и прижал руками и коленями.

«Как странно,— подумал Валентин,— драться врукопашную, словно мы дети.»

Это походило на сон. Фарсел яростно смотрел на него и колотил ногами по земле, тщетно пытаясь скинуть Валентин с себя.

— Теперь говори,— сказал Валентин,— что все это значит? Ты пришел убить меня?

— Ничего я не скажу.

— Ты однако был очень болтлив, когда мы с тобой жонглировали.

— То было раньше.

— Что мне с тобой делать? — спросил Валентин.— Если я тебя отпущу, ты снова нападешь на меня, если же буду держать тебя — сам задержусь.

— Долго ты меня не продержишь.

Фарсел вновь попытался подняться. Сила его была огромна, но Валентин крепко держал его. Лицо Фарсела стало ярко-красным, жилы на горле вздулись, глаза горели злобой и отчаянием поражения. Некоторое время он лежал тихо, затем собрал все силы и рванулся вверх. Валентин не смог противостоять этому рывку. Настал момент, когда никто из них не управлял ситуацией.

Валентин наполовину скатился, а Фарсел изворачивался, чтобы навалиться на него. Валентин схватил Фарсела за толстые плечи и пытался опрокинуть его на спину, но Фарсел оттолкнул его и нацелился пальцами в глаза. Валентин увернулся, а затем не раздумывая, схватил Фарсела за жесткую черную бороду, дернул в сторону

и ударил его головой о камень, выступавший из влажной почвы. Фарсел глухо заворчал и затих. Валентин вскочил, поднял валявшийся кинжал и встал над врагом. Он дрожал — не от страха, а от ослабления напряжения, как дрожит тетива лука, отпустившая стрелу.

— Фарсел! — окликнул он, опустившись на одно колено.

Ответа не было. Мертвый? Нет. Громадная грудная клетка медленно поднималась и опускалась, и Валентин услышал хриплое, прерывистое дыхание.

Валентин оглядел кинжал. Что теперь делать? Слит сказал бы — покончить с поверженным, пока он не встал. Нет, не возможно. Убить можно только в самозащите и уж, конечно, не бессознательного, пусть тот и убийца. Убить разумное существо — значит, всю жизнь иметь страшные сны. Однако, если уйти, Фарсел придет в себя и бросится за ним. Вот когда пригодилась бы птицеловная лиана! Валентин увидел другой сорт лианы с ветвями в палец толщиной, взобравшейся высоко на дерево. Несколькими сильными ударами кинжала он отрезал пять больших побегов и крепко связал ими Фарсела, который шевелился и стонал, однако в себя не приходил. За десять минут Валентин спеленал его, как мумию, от груди до лодыжек, подергал — лиана держала крепко. Тогда он собрал свое немногочисленное имущество и поспешил уйти.

Дикое столкновение в лесу потрясло Валентина: не только сама драка, хотя она была достаточно варварской и должна была надолго расстроить его, но и мысль, что его враг больше не удовольствовался шпионажем, а послал убийцу.

«Раз это так, — думал он, — могу ли я еще сомневаться в видениях, сказавших мне, что я Лорд Валентин?»

Валентин плохо воспринимал концепцию преднамеренного убийства. Никто не может отнимать жизнь у другого. В мире известном ему, это была основа. Даже узурпатор, столкнувший его с трона, не посмел убить его, боясь черных снов, которые обязательно придут. Однако сейчас он, видимо, согласился пойти на этот страшный риск. Если только Фарсел не решился на попытку убийства Валентина самостоятельно, в призрачной надежде на милость своих нанимателей, когда увидел, что Валентин идет к внутренней зоне Острова.

Это было черное дело. Валентин поежился. Шагая по лесным тропам, он не раз напряженно оглядывался, опасаясь опять увидеть преследующего его чернобородого.

Но преследования не было. К концу дня Валентин увидел вдали Террасу Окружения, а за ней плоский белый пик Третьего Утеса. Никто вроде бы не обращал внимания на спокойно идущего паломника. Он вошел на Террасу Окружения с таким видом, словно имел полное право на это.

Терраса была обширной, богатой, с рядом величественных зданий из синего камня в восточном конце и рощей фруктовых деревьев с этой стороны. Валентин положил в дорожный мешок с полдюжины спелых басса-плодов и направился к бассейну, где смыл с себя дорожную пыль. Набравшись нахальства, он вошел в столовую и взял себе суп и тушеное мясо, затем так же небрежно вышел и направился в дальний конец террасы. Уже наступила ночь.

Он снова уснул на импровизированной постели, часто просыпаясь, а когда стало достаточно светло, встал и пошел дальше. Высоко над лесом поднималась ошеломляющая белая стена Третьего Утеса.

Он шел весь день, но так вроде бы и не приблизился к утесу. Пешком через лес он вряд ли делал больше пятнадцати или двадцати миль в день, а кто знает, сколько их до Третьего Утеса. Пятьдесят или восемьдесят? А сколько оттуда до Внутреннего Храма? Путешествие может занять не одну неделю. Однако он шел вперед и шел более быстро.

На четвертый день Валентин подошел к Террасе Восхождения. Он ненадолго остановился, вымылся, выспался в тихой роще и утром пошел дальше, пока не достиг Третьего Утеса.

Он ничего не знал о механизме, управлявшем санями на воздушной подушке. Отсюда ему был виден маленький поселок-станция в несколько коттеджей, немногочисленные служители работали в поле. Сани стояли у подножия утеса. Валентин подумал, не подождать ли темноты и попробовать пустить сани в ход, но решил, что не стоит: лезть на такую страшную высоту без всякой помощи, пользуясь непонятным оборудованием, было слишком рискованно. Вынуждать служителей помочь было еще менее приятно. Оставался еще один способ. Валентин привел в порядок свою запыленную одежду, принял самый что ни на есть авторитетный вид и степенно пошел к станции.

Трое служителей холодно посмотрели на него.

— Сани готовы к работе? — спросил он.

— У тебя дело на Третьем Утесе?

— Да.— Валентин улыбнулся самой ослепительной своей улыбкой, показывая также скрытые под улыбкой силу и полнейшую самоуверенность.

— Я Валентин из Алханрола, по особому вызову Леди. Меня ждут, чтобы проводить во Внутренний Храм.

— Почему нам об этом не сказали?

Валентин пожал плечами.

— Откуда я знаю? Ясно, чья-то ошибка. Что же мне — ждать здесь, пока вам принесут бумаги? И Леди пусть ждет? Давайте ваши сани.

— Валентин из Алханрола, особый вызов Леди...— Служители задумались, покачали головами и переглянулись.— Все это совершенно неправильно. Кто ты сказал, проводит тебя там?

Валентин сделал глубокий вдох.

— Встретить меня послана сама Главная Толковательница Тизана из Фалкинкипа! — решительно объявил он.— Она тоже должна ждать, пока вы тут возитесь? Вам придется отвечать перед ней за опоздание! А вы знаете каков характер у Главной Толковательницы!

— Верно,— согласились служители. Они закивали, словно такая особа действительно существовала здесь, и гнев ее был чем-то очень страшен.

Валентин понял, что выиграл. Быстрыми нетерпеливыми жестами он понукал служителей и через минуту уже сидел в санях, и торжественно возносился на самый высокий и самый священный из трех Утесов Острова Сна.

Глава 10

Воздух на вершине Третьего Утеса был чистым и холодным, потому что этот уровень Острова лежал на высоте тысячи футов над уровнем моря, и здесь, в жилище Леди, окружение резко отличалось от двух нижних ступеней. Деревья были высокими, гладкими, с игловидными листьями и симметрично расходившимися ветками, а растения вокруг них имели субтропическую твердость, толстые глянцевые листья и крепкие стебли. Посмотрев назад, Валентин не увидел океана, только заросший лесом Второй Утес и далеко в низу — намек на Первый.

Дорога из красиво уложенных каменных плит шла от края Третьего Утеса к лесу. Валентин без колебаний пошел по ней.

Он не представлял себе топографию этого уровня, знал только, что здесь много террас, и последняя из них — Терраса Поклонения, где ждали вызова Леди. Он надеялся пройти незамеченным весь путь до порога Внутреннего

Храма, но он пройдет, сколько сможет, а когда его схватят, как правонарушителя, он назовет свое имя и попросит, чтобы это довели до сведения Леди, а остальное будет зависеть от ее милости и благорасположения.

Его остановили еще до того, как он дошел до внешнего края террасы. Пять служителей в одежде внутренней иерархии, золотой с красной отделкой, вышли из леса и преградили путь Валентину. Трое мужчин, две женщины, все немолодые. Седая женщина с тонкими губами и темными внимательными глазами сказала:

— Я Лоривейд с Террасы Теней и от имени Леди спрашиваю тебя, как ты сюда попал?

— Я Валентин из Алханрола,— спокойно ответил он.— Я плоть от плоти Леди, и вы должны отвести меня к ней.

Это наглое утверждение не вызвало даже улыбки на лицах иерархов. Лоривейд сказала:

— Ты уверяешь, что ты родственник Леди?

— Я ее сын.

— Ее сына зовут Валентин, он Корональ на Замковой Горе. Ты в своем уме?

— Передайте Леди, что ее сын Валентин пришел к ней через Внутреннее Море, через весь Зимрол и что у него золотистые волосы. Больше я ничего у вас не прошу.

Мужчина рядом с Лоривейд сказал:

— На тебе одежда Второго Утеса. Тебе не позволено подниматься сюда.

Валентин ответил со вздохом:

— Я это знаю. Я поднялся без разрешения, незаконно и нахально. Однако у меня важнейшие причины. Если мое сообщение не сразу дойдет до Леди, вы за это ответите.

— Мы здесь не привыкли к угрозам,— сказала Лоривейд.

— Я не угрожаю, я только говорю о неизбежных последствиях. Женщина справа от Лоривейд сказала:

— Он сумасшедший. Нам придется запереть его и заботиться о нем.

— И высказать осуждение бригаде внизу,— сказал другой мужчина.

— Узнать с какой он Террасы и как ему позволили уйти оттуда,— сказал третий.

— Я прошу только, чтобы вы передали мое сообщение Леди,— спокойно сказал Валентин.

Они окружили его и быстро повели по лесной тропе к тому месту, где были припаркованы плавучие сани и ожидало множество более молодых служителей. Видимо,

они готовились к серьезным неприятностям. Лоривейд махнула одному служителю и отдала короткий приказ. Затем пять иерархов сели в сани и отбыли.

Служители подошли к Валентину и не слишком вежливо стали толкать его к саням. Он улыбнулся и показал, что не будет сопротивляться, но его крепко держали и грубо втолкнули в сани. Сани поднялись на полный прыжок, и животные, запряженные в них, по сигналу побежали к ближайшей террасе, с широкими низкими зданиями и большими каменными площадками.

Терраса Теней, и тени, давшие ей название, были здесь черными, как чернила,— таинственные, все поглощающие озера мрака, тянувшиеся в странно-значимом рисунке над абстрактными каменными изваяниями.

Однако шествие Валентина по террасе было непродолжительным: его стражники остановились у приземистого здания без окон. Искусно сделанная дверь беззвучно открылась от легкого прикосновения. Валентина втолкнули внутрь. Дверь закрылась, не оставив в стене никакого следа. Он был в тюрьме.

Квадратная комната с низким потолком, почти пустая. Единственный тусклый светильник бросал зеленовато-желтый свет. Здесь были очиститель, раковина, комод, матрац и больше ничего.

Отнесут ли они Леди его сообщение? Может, они оставят его здесь, пока проверят, как он попал на Третий Утес, и островная бюрократия затянет дело на несколько недель?

Прошел час, другой, третий. Пусть его пошлют на допрос, только бы не эта тишина, скука, одиночество. Он считал шаги. Нет, комната не точно квадратная: две стены на полтора шага длиннее другой пары. Он искал очертания двери, но так и не нашел. Подгонка была изумительная, просто чудо — Валентин не мог не восхититься.

Он придумывал диалоги то с Делиамбером, то с Леди, то с Карабеллой, то с Лордом Валентином, однако и это развлечение скоро надоело.

Он услышал слабый звук, повернулся и увидел отверстие в стене, в которое скользнул поднос. Ему дали печеной рыбы, горсть ягод цвета слоновой кости и чашу холодного красного сока.

— Сердечно благодарю за еду,— сказал он громко. Пальцы его ощупывали стену, отыскивая место, откуда появился поднос. Следа не было.

Он ел и вновь придумывал диалоги, мысленно разговаривал со Слитом, с толковательницей снов Тизаной,

с Залзаном Каволом, с капитаном Гарцвелом. Он спрашивал их о их детстве, о их мечтах и надеждах, политических мнениях, о вкусах в пище, напитках, одежде. Через какое-то время он устал от этой игры и лег спать.

Спал он тоже плохо, часто просыпаясь. Сны были отрывочные. Через них проходили Леди, Фарсел, Король Снов, вождь метаморфов, иерарх Лоривейд, однако они только произносили непонятные, неразборчивые слова. Когда он окончательно проснулся, появился поднос с завтраком.

Прошел долгий день. Валентин никогда не знал такого бесконечного дня. Делать было абсолютно нечего. Он мог бы жонглировать тарелками, но они были настолько тонки и легки, что это было все равно что жонглировать перьями. Он пытался жонглировать ботинками, однако их было только два, так что это было глупо. Он стал жонглировать воспоминаниями, оживляя в памяти все, что произошло с ним, начиная с Пидруда, однако перспектива делать это часами ужасала его.

На вторую ночь Валентин сделал попытку общения с Леди. Он подготовил себя ко сну, но, когда его мозг начал освобождаться от сознания, он постарался проскользнуть в промежуток между сном и бодрствованием — в род транса. Это было тонким делом, потому что если он слишком сосредоточится, то полностью проснется, а если слишком расслабиться, то уснет. Он долгое время балансировал на плавучей точке, жалея, что во время путешествия по Зимролу не выбрал случая поучиться этому у Делиамбера. Наконец, он послал свой дух вдаль.

— Мать!

Он представлял себе, как его дух парит высоко над Террасой Теней и тянется от террасы к террасе, внутрь к сердцу Третьего Утеса, к Внутреннему Храму, к комнате, где отдыхает Леди Острова.

— Мать, это Валентин, твой сын. Мне многое нужно сказать тебе и о многом спросить. Помоги мне добраться до тебя. — Валентин лежал неподвижно. Он был совершенно спокоен. В его мозгу, казалось, сиял чистый луч. — Мать, я на Третьем Утесе в тюремной камере Террасы Теней. Я шел так долго, но теперь остановлен. Пошли за мной, мать! Мать... Леди... Мать... — Он заснул.

Луч все еще сверкал. Валентин заметил первый закон музыки сна, увертюры, первое ощущение контакта. Пришли видения. Он больше не был взаперти. Он лежал под холодными белыми звездами на громадной круглой платформе полированного камня, как бы на алтаре. К нему

подошла женщина в белом платье, с блестящими черными волосами, встала рядом с ним на колени, слегка коснулась его и сказала нежным голосом:

— Ты мой сын Валентин, и я признаю тебя своим сыном перед всем Маджипуром и призываю тебя ко мне.

И все. Проснувшись, он помнил из сна только это.

В это утро подноса с завтраком не было. Но, может быть, еще не утро, и он проснулся среди ночи? Проходили часы. Поднос не появлялся. Не забыли ли о пленнике? Может, они хотят уморить его голодом?

Он почувствовал приступ ужаса. Он позвал, однако сам понимал, что это бесполезно. Это место запечатано, как могила. Он угрюмо посмотрел на старые подносы и швырнул их к дальней стене. Он вспоминал радости пищи, сосиски лимена, рыбу, которую Кон и Слит жарили на берегу Стейча, вкус плодов двикка, пальмовое вино в Пидруде. Голод становился сильнее. Валентин был испуган. Он уже не скучал, а боялся. Может, они там держали совет и осудили его на смерть за его чрезмерное безумие? Шли минуты, часы. Прошло уже полдня.

Безумием было считать, что он прикоснется во сне к мозгу Леди. Безумием было думать, что он беспрепятственно войдет во Внутренний Храм и добьется ее помощи. Безумием было надеяться, что он вернется в Горный Замок, если он вообще был там когда-нибудь. Он прошел полмира, подгоняемый только безумием, и теперь получит награду за свою самонадеянность и глупость.

Послушался уже знакомый слабый звук, но открылось не отверстие для подноса, а дверь. В комнату вошли два седовласых иерарха. Они глядели на него холодно и недовольно.

— Вы принесли мне завтрак? — спросил Валентин.

— Мы пришли,— ответил более высокий,— проводить тебя к Внутреннему Храму.

Глава 11

Он настоял на том, чтобы его сначала накормили — мудрое решение, потому что путешествие должно было растянуться на весь остаток дня — с быстрыми животными, тянувшими фургон на воздушной подушке. Иерархи сели по бокам Валентина и молчали. Если он спрашивал название террасы, мимо которой они приезжали, они односложно отвечали, и только.

У Третьего Утеса было множество террас — Валентин сбился со счета после седьмой,— и они были гораздо ближе друг к другу, чем террасы на других утесах: их разделяли лишь полоски леса. Эта центральная часть Острова, похоже, была деловым и населенным местом.

В сумерках они прибыли на Террасу Поклонения, в область спокойных садов и разбросанных низких зданий из белого камня. Как и все остальные террасы, она была круглой, однако меньше других, поскольку это была внутренняя часть Острова. Ее, вероятно, можно было обойти за час или два, в то время как для объезда террасы Первого Утеса понадобилось бы взять животных. Древние деревья с овальными розовыми листьями стояли с правильными интервалами вдоль ее края. Между зданиями вились беседки пышно цветущих лиан. Повсюду были внутренние дворы, украшенные колоннами полированного черного камня и цветущими кустами.

Слуги Леди по двое и по трое не спеша проходили по этим мирным местам. Валентина проводили в комнату куда более уютную, чем его предыдущая, с широкой и глубокой ванной, с приглашающей постелью, с окнами в сад, с корзинками фруктов на столе.

Иерархи оставили его одного. Он вымылся, поел фруктов и начал ждать следующих событий. Прошел час или чуть больше. Раздался стук в дверь, и мягкий голос спросил, желает ли он ужинать. В комнату вкатилась тележка с едой, какую он редко ел на Острове — жареное мясо, синие тыквы, фаршированные рыбой, чаша с чем-то холодным, напоминающим вино. Валентин с удовольствием поел. Потом он долго стоял у окна, глядя в темноту.

Он ничего не видел и не слышал. Он проверил дверь. Она была заперта. Значит, он все еще был пленником, хотя и в более приятном положении, чем раньше.

Он спал крепко, без сновидений. Его разбудил лившийся в комнату поток солнечного света. Валентин вымылся. Тот же скромный слуга принес завтрак сосиски и запеченные розовые фрукты. Вскоре пришли два хмурых иерарха и сказали ему:

— Леди вызывает тебя.

Они провели его через изумительной красоты сад, потом по изящному мосту из чистого белого камня, выгибавшемуся над темным прудом, где плавали золотые рыбы. Впереди лежала удивительно ухоженная лужайка. В центре ее стояло одноэтажное здание, на редкость изящное по форме, с длинными узкими крыль-

ями, которые выходили, как звездные лучи, из круглого центра.

Наверняка это был Внутренний Храм, как подумал Валентин. Он задрожал. Он шел — он уже не помнил, сколько месяцев — к этому месту, к порогу царившей там таинственной женщины и воображал, что это его мать. И вот он, наконец, здесь. Но что если все это окажется вздором, фантазией или ужасным заблуждением? Что если Валентин вообще никто, желтоволосый бродяга из Зимрола, потерявший память от какой-нибудь дурацкой случайности, и которому в шутники забили голову бессмысленными амбициями? Эта мысль была непереносимой. Если Леди оттолкнет его, если не признает...

Он вошел в Храм. По-прежнему с иерархами по бокам Валентин долго шел по невозможно длинному холлу, где через каждые двадцать футов стояли стражи. Затем он, вошел во внутреннюю комнату, восьмиугольную, со стенами из прекраснейшего белого камня, с восьмиугольным же бассейном в середине. Утренний свет входил через восьмигранную стеклянную крышу. В каждом углу комнаты стояла суровая фигура в одежде иерарха. Валентин слегка растерянно оглядел их по очереди и не увидел на их лицах приветствия, только неодобрительно сжатые губы.

Раздался легкий музыкальный звук. Когда он смолк, в комнату вошла Леди Острова. Она была очень похожа на ту, которую Валентин так часто видел во сне: женщина средних лет, обычного роста, со смуглой кожей, блестящими черными волосами, с теплым взглядом, с полными губами, поднятыми в уголках улыбкой, с серебряной полосой на лбу и цветком с толстыми зелеными лепестками за ухом. Вокруг нее, казалось, была аура, нимб, излучение силы, авторитета и величия, как приличествует Власти Маджипура, и Валентин не был готов к этому: он надеялся только лишь на материнское тепло женщины, забыв, что она королева, жрица, почти богиня. Он молча стоял перед ней, и она некоторое время изучала его с дальней стороны бассейна, устремив на его лицо светлый, однако проницательный взгляд. Затем она сделала резкий знак выйти — не ему, а иерархам.

Это сломало их ледяное спокойствие. Они переглянулись, явно растерянные. Леди повторила жест — легкий поворот запястья, и в ее глазах вспыхнуло что-то властное. Трое или четверо иерархов вышло из комнаты, остальные остались, как бы не в силах поверить, что Леди хочет остаться наедине с паломником. На секунду показалось,

что потребуется третий взмах ее руки, но тут самый старый и самый важный из иерархов с явным протестом протянул к ней дрожавшую руку, однако под взглядом Леди рука опустилась, и иерархи вышли.

У Валентина возник импульс упасть на колени. Он чуть слышно сказал:

— Я не имею понятия, как полагается высказывать повиновение, и не знаю Леди, как я должен обращаться к тебе, не оскорбив тебя.

Она спокойно ответила:

— Вполне достаточно, Валентин, если ты назовешь матерью.

Эти спокойные слова ошеломили его. Он сделал несколько неуверенных шагов и испуганно остановился.

— А это так? — прошептал он.

— В этом нет никакого сомнения.

Он почувствовал, как запылали его щеки. Он стоял беспомощный, онемевший от благоволения. Она поманила его легким движением пальца, и он качнулся, как будто попал в океанский шторм.

— Подойди,— сказала она.— Ты боишься? Подойди ко мне, Валентин!

Он пересек комнату, обошел бассейн и встал рядом с ним. Она взяла его за руки, и он ощутил удар энергии, ощутимую, осязаемую пульсацию, сходную с той, которую он чувствовал, когда Делиамбер касался его для колдовских целей, но неизмеримо более мощную, неизмеримо более пугающую. Он хотел освободить руки при этом первом ударе силы, однако Леди держала их и вглядывалась в его глаза, как бы читая его тайны.

— Да,— сказала она наконец.— Клянусь Божеством, да! Твое тело чужое, но твой дух создан мною. О, Валентин, что они сделали с тобой? Что они сделали с Маджипуром?

Она сжала его руки и притянула его к себе, и он оказался в ее объятиях. Он чувствовал теперь, что она дрожит, не богиня, а только женщина-мать, обнимающая встревоженного сына. В ее объятиях он стал таким спокойным и умиротворенным, каким не был со своего пробуждения в Пидруде, и он цеплялся за нее, молясь, чтобы она не отпускала его. Затем она отступила и, улыбаясь, оглядела его.

— Во всяком случае, тебе дали красивое тело, ничуть не похожее на прежнее, однако приятное на вид, сильное и здоровое. Могло быть хуже. Они могли сделать тебя старым, больным, калекой, но, я думаю, у них не хватило

смелости. Они знали, что в дальнейшем сторицей заплатят за все свои преступления.

— Кто, мать?

Она, казалось, удивилась этому вопросу.

— Как кто? Барджазед и его выводок!

— Я ничего не знаю, мать, кроме того, что приходило ко мне во сне, да и это было туманным и неопределенным.

— И что ты знаешь об этом?

— То, что мое тело было отнято у меня, что каким-то колдовством Короля Снов я очутился возле Пидруда таким, каким ты меня видишь, что кто-то другой, вероятно, Доминик Барджазед правит теперь из Горного Замка. Однако все это я знаю из самых недостоверных источников.

— Все это правда,— сказала Леди.

— Когда это случилось?

— В начале лета, когда ты совершал великий объезд по Зимролу. Я не знаю, как это было сделано, но однажды ночью во сне я почувствовала рывок, как будто сердце планеты дало трещину. Я проснулась с сознанием, что случилась что-то чудовищно злое. Я послала свой дух к тебе, однако не смогла тебя достичь. Там, где ты был, была только тишина, пустота, но не та тишина, которая ударила меня, когда погиб Вариакс. Я чувствовала твое присутствие, однако за пределами моей досягаемости, как бы за толстым стеклом. Однажды я спросила о Короналe. Мои люди сказали мне, что он в Фил-ононе. «Здоров ли он?» — спросила я. «Да,— сказали,— здоров и сегодня плывет к Пидруду.» Но я не могла добиться контакта. Я послала свой дух во все концы мира, чего не делала много лет, однако тебя нигде не было, но одновременно ты где-то был. Я растерялась и испугалась, однако ничего не могла сделать, только искать и ждать. До меня дошли известия, что Лорд Валентин в Пидруде, и я видела его через все это расстояние, и его лицо было лицом моего сына, но мозг его был другим и закрытым для меня. Я пыталась дать послание, однако не смогла. Тогда я, наконец, начала понимать.

— И ты узнала, где я?

— Не сразу. Они переключили твой мозг, так что он полностью изменился. Каждую ночь я посылала свой дух в Зимрол искать тебя, пренебрегая всем остальным здесь, но ведь подмена Короналя — дело нешуточное, и мне показалось, что я уловила проблеск твоей истиной сущности, фрагмент ее, а потом смогла установить, что ты жив, что на северо-западе Зимрола, однако достичь

тебя не могла. Оставалось ждать, пока ты начнешь приходить в себя, пока их чародейство поблекнет и твой истинный мозг поправится хотя бы частично.

— Он и сейчас не полный, мать.

— Я знаю. Но я уверена, что это излечимо.

— Когда ты, наконец, достигла меня?

Она на секунду задумалась.

— Это было возле гейрогского города Долорна, кажется, и я впервые увидела тебя через мозг других, которые увидели во сне правду о тебе. Я коснулась их мозгов, отобрала и очистила то, что было в них, и увидела, что твой дух поставил на них свою печать и что они лучше тебя знают о том, что свалилось на тебя. Таким путем я очертила тебя кругом и смогла войти в твой мозг. С этого момента ты получал знание о твоем прежнем «я», и я трудилась через все эти тысячи миль, чтобы вылечить тебя и привести ко мне, однако все это было нелегко. Мир снов — трудная и меняющаяся область, трудная даже для меня, и пытаться управлять ею — все равно, что писать на песке на берегу моря: прибой вернется и смоет почти все, и ты пишешь опять и опять. Но все-таки ты здесь.

— Ты знала, когда я достиг Острова?

— Да, я чувствовала твое приближение.

— И ты оставила меня тянуться с одной террасы на другую несколько месяцев!?

Она засмеялась.

— На внешних террасах миллионы пилигримов. Почувствовать тебя — одно дело, а точно определить — другое, куда более трудное. Кроме того, и ты не был готов прийти ко мне, и я — принять тебя. Я проверяла тебя, Валентин, следила за тобой издалека, изучала, какая часть твоей души выжила, осталось ли в тебе что-нибудь от Короналя. Я должна была знать это до того, как увижу тебя.

— И много ли во мне осталось от Лорда Валентина?

— Большая часть, значительно большая, чем предполагали враги. Их схема плохо сработала. Они считали, — то перечеркнули тебя, а на самом деле лишь одурманили и сбили с толку.

— Не разумнее ли было, с их стороны, убить меня сразу, а не пересаживать мой дух в другое тело?

— Разумнее, да, — ответила Леди. — Однако они не рискнули. Ты помазанник, Валентин, а эти Барджазеды суеверные скоты. Они рискнули свергнуть Короналя, но

не убить его, потому что боятся мести духа. Их трусливое колебание принесет крушение их планам.

— Ты думаешь, что я когда-нибудь смогу снова занять свое место? — тихо спросил Валентин.

— Ты в этом сомневаешься?

— У Барджазеда лицо Лорда Валентина, народ принимает его за Короналя. Он управляет мощью Горного Замка, а у меня всего десяток приверженцев, и меня никто не знает. Кто мне поверит, если я объявлю себя истинным Короналем? Много ли времени пройдет, прежде чем Доминик сделает со мной то же самое, что уже раз сделал в Фил-ононе.

— У тебя есть поддержка Леди, твоей матери.

— У тебя есть армия?

Леди ласково улыбнулась.

— Нет, армии у меня нет, но я — Власть Маджипура, а это не так уж мало.

Она коснулась серебряного обруча на голове.

— Через него ты посылаешь послания?

— Да. Через него я могу достичь мыслей всех жителей Маджипура. У меня нет способности Барджазеда контролировать и управлять, как это делают его приборы, однако я могу сообщать, могу вести, могу влиять. И у тебя будет такой обруч, прежде чем ты уйдешь с Острова.

— И я спокойно пройду через Алханрол, неся гражданам послания любви, пока Доминик Делиамбер не спустится с Горы и не вернет мне трон?

В ее глазах сверкнуло что-то вроде ярости, какую видел Валентин, когда она выгоняла иерархов из комнаты.

— Что это за речи? — резко спросила Леди.

— Мать...

— Да, они действительно изменили тебя! Тот Валентин, которого я родила и вырастила, не смирился бы с мыслью о поражении!

— И я не мирюсь, мать. Но все это выглядит таким огромным, а я так устал. А вести войну против народа Маджипура, даже против узурпатора... Мать, с самых ранних времен на Маджипуре не было войны. И я нарушу мир?

Глаза ее были безжалостными.

— Мир уже нарушен, Валентин. На тебе лежит обязанность восстановить порядок в королевстве. Фальшивый Корональ правит почти год. Ежедневно выходят жестокие и глупые законы. Невинный наказан, виновный торжествует. Нарушается равновесие, установленное тысячелетия

тому назад. Когда наш народ пришел сюда со Старой Земли четырнадцать тысяч лет тому назад, было совершено много ошибок, много страданий претерпели люди, прежде чем мы нашли способ управления. Начиная со времени первого Понтификса мы стали жить без больших потрясений, а со времени Лорда Стиамота на планете царил мир. А теперь мир разорван, и ты должен привести все в порядок.

— А если я соглашусь с тем, что сделал Доминик Барджазед? А если я втравлю Маджипур в гражданскую войну? Каковы будут последствия?

— Ты и сам знаешь ответы на эти вопросы.

— А хотел бы услышать от тебя, потому что сам еще колеблюсь.

— Мне стыдно слышать от тебя такие слова.

— Мать, я испытал много странного в этом путешествии, и это отняло у меня много сил. Разве я не имею права устать?

— Ты король, Валентин.

— Возможно, я был им и, возможно, буду им вновь. Однако многое из моей королевской сущности украдено у меня в Фил-ононе. Теперь я обычный человек. Но даже короли подвержаны усталости и упадку духа, мать.

Леди сказала более мягким тоном:

— Барджазед еще не стал абсолютным тираном, потому что это может восстановить народ против него, и он все еще не уверен в своей власти, пока ты жив. Однако он правит для себя и своей семьи, а не для блага Маджипура. Ему не хватает чувства справедливости, и он делает то, что только к а ж е т с я полезным и целесообразным. Но с ростом его самоуверенности будут расти и его преступления, и Маджипур застонет под кнутом чудовища.

Валентин кивнул.

— Когда я не такой усталый, я тоже понимаю это.

— Подумай также, что произойдет, когда умрет Тиверас, Понтификс, а это рано или поздно случится, и более вероятно, что это случится скоро.

— В Лабиринт войдет Барджазед и станет бессильным затворником. Ты это имеешь в виду?

— Понтификс не бессилен, и ему не обязательно быть затворником. На протяжении твоей жизни был только Тиверас, и он становиться все более старым и более странным. Но Понтификс в полной силе — совсем другое

дело. Что если Барджазед станет Понтификсом через пять лет? Удовлетворится ли он пребыванием в этой подземной норе, как удовлетворен теперь Тиверас? Он будет править силой, Валентин.

Она пристально взглянула на него.

— А кто, по-твоему, станет Короналем?

Валентин покачал головой.

— У Короля Снов три сына,— сказала Леди.— Минакс, старший, на днях получает трон в Суврейле. Доминик теперь Корональ и станет Понтификсом, если ты позволишь ему. Кого он выберет Короналем, как не своего младшего брата Кристофа?

— Но это противоестественно, чтобы Понтификс отдал Горный Замок собственному брату!

— Также противоестественно, чтобы Король Снов свергал законного Короналя,— сказала Леди. Ее глаза опять сверкнули.— Подумай вот еще о чем: когда сменяются Коронали, сменяется Леди Острова. Я буду доживать свой дни во дворце для отставных Леди на Террасе Теней, а кто придет во Внутренний Храм? Мать Барджазедов! Как видишь, они захватят все и будут править всем Маджипуром!

— Этого не должно быть! — сказал Валентин.

— Этого не должно быть.

— Что я должен сделать?

— Ты сядешь на корабль в моем порту Пуминор со своими людьми и с теми, кого я дам тебе, и поплывешь в Алханрол, высадишься на мысе Стоенцар и отправился в Лабиринт получать благословение Тивераса.

— Однако, если Тиверас сумасшедший...

— Он не совсем безумен. Он живет в непрерывном сне и очень странном, но я недавно коснулась его. Где-то в нем жив прежний Тиверас. Он сорок лет Понтификс, а до этого долгое время был Короналем, и он знает, как надо править нашим королевством. Если ты сможешь добраться до него, если сумеешь показать ему, что ты настоящий Лорд Валентин, он даст тебе помощь. Тогда ты пойдешь на Замковую Гору. Тебя пугает эта задача?

— Меня пугает только то, что я внесу хаос в Маджипур.

— Хаос уже есть. Ты принесешь порядок и справедливость.— Она придвинулась к нему, так что вся устрашающая мощь ее личности раскрылась ему, прикоснулась к нему рукой и сказала низким, страстным голосом: — Я

родила двух сыновей, и каждый, кто видел их в колыбельках, уже знал, что они предназначены быть королями. Старшим был Вариакс. Ты помнишь его? Думаю, что нет... пока. Он был великолепным, замечательным мужчиной, героем, полубогом. Его еще в детстве знали на Замковой Горе. Он должен был стать Короналем, когда Лорд Малибор станет Понтификсом. Вариакс был чудесен, но был и второй сын, Валентин, такой же сильный и великолепный, как Вариакс, однако он не так сильно отдавался подвигам и спорту, как старший. Он был теплее душой и мудрее, он без слов понимал, что правильно и что нет, в его духе не было жестокости, характер его был ровным и жизнерадостным, его все любили и уважали, и говорили, что он был бы даже лучшим Короналем, чем Вариакс, но Вариакс мог быть только первым министром. Малибор не стал Понтификсом, а преждевременно умер, охотясь на драконов, и эмиссары Тивераса пришли к Вариаксу и сказали: «Ты Корональ Маджипура», и первым, кто упал перед ним на колени и сделал знак горящей звезды, был его брат Валентин. И вот, Лорд Вариакс правил на Замковой Горе, и правил хорошо, а я прицла на Остров Сна, как полагалось, и восемь лет все было хорошо на Маджипуре, а потом произошло непредвиденное — Лорд Вариакс погиб преждевременно, как и Лорд Малибор. Его убила на охоте случайная стрела. Однако оставался еще Валентин, и, хотя редко бывало, чтобы брат Короналя становился Короналем после него, споров было мало, потому что все признавали его качества. Таким образом, в Замок вошел Лорд Валентин, а я, мать двух королей, осталась во внутреннем Храме, радуясь сыновьям, которых я отдала Маджипуру, и уверенная, что правление Лорда Валентина послужит славе Маджипура. Неужели ты думаешь, что я позволю Барджазедам долго сидеть там, где раньше сидел мой сын? Неужели ты думаешь, что я могу вынести вид лица Лорда Валентина, маскирующего подлую душу Барджазеда? Ох, Валентин, от тебя осталась лишь половина того, чем ты был раньше, даже меньше, чем половина, но ты снова будешь сам собой, и Горный Замок вновь будет твоим, и судьба Маджипура не станет более изменяться ко злу. И не говори больше, что боишься принести на планету хаос. Хаос над нами. Ты — освободитель. Понимаешь?

— Понимаю, мать.

— Тогда пойдем со мной, и я сделаю тебя целым.

Глава 12

Она увела его из восьмиугольной комнаты вниз по лестнице Внутреннего Храма, мимо застывших стражей и хмурых иерархов в маленькую светлую комнату, украшенную яркими цветами. Здесь был письменный стол из цельного куска сверкающего камня, низкая кушетка и несколько мелких предметов меблировки. Похоже, это был рабочий кабинет Леди. Она указала Валентину на сиденье и достала из стола две маленькие фляжки.

— Выпей это вино залпом,— сказала она.

Она протянула ему одну фляжку.

— Вино, мать? На Острове?

— Мы с тобой не паломники. Выпей.

Он откупорил фляжку и поднес к губам. Вкус темного, пряного и сладкого вина был ему знаком: таким вином пользовалась толковательница снов Тизана, добавляя в него наркотик, чтобы мозг открылся мозгу. Леди выпила содержимое второй фляжки.

— Значит, будем делать толкование? — спросил Валентин.

— Нет. Мы будем в бодрствующем состоянии. Я долго думала, как это устроить.— Она взяла из стола сияющий серебряный обруч, такой же как у нее, и подала Валентину.— Надень его на лоб и, пока не поднимешься на Замковую Гору, носи его постоянно, потому что он будет центром твоей мощи.

Валентин осторожно надел обруч на голову. Обруч плотно лег на виски и дал странное ощущение, хотя металлическая полоска была так тонка, что Валентин удивился, что вообще чувствует ее. Леди придвинулась и пригладила его густые длинные волосы.

— Золотые,— весело сказала она.— Никогда не думала, что буду иметь сына с золотыми волосами. Что ты чувствуешь с обручем на голове?

— Немножко давит.

— Больше ничего?

— Ничего.

— Как только ты привыкнешь к нему, давить перестанет. Ты еще чувствуешь наркотик?

— Только легкий туман в мозгу. Я бы, наверное, уснул, если можно.

— Скоро тебе будет не до сна,— сказала Леди.

Она протянула к нему руки.

— Ты хороший жонглер, сынок? — неожиданно спросила она.

— Говорят, да.

— Хорошо. Завтра ты покажешь мне свое уменье. Я думаю, мне будет интересно. А сейчас встань и дай мне обе руки. Вот так.

Он несколько секунд держал ее узкие, но выглядевшие сильными кисти рук. Затем она быстрым решительным жестом переплела его пальцы со своими. Это было как удар, и обруч сжался.

Валентин покачнулся и чуть не упал, однако Леди крепко держала его. Ему показалось, что через основание его черепа прошло что-то острое. Все вокруг него завертелось, он не мог управлять своими глазами, сфокусировать их и видел только отдельные расплывчатые образы: лицо матери, сверкавшую поверхность стола, яркие оттенки цветов, и все это пульсировало, билось и кружилось.

Сердце его колотилось, в горле пересохло. Легкие были пустыми. Это было еще страшнее, чем оказаться в брюхе морского дракона. Ноги полностью изменили ему, он больше не мог стоять и опустился на колени, смутно сознавая, что Леди тоже стоит на коленях перед ним, что пальцы их все еще переплетены. Лицо ее было близко от его лица. Ужасный, опаляющий контакт их душ не был нарушен.

Перед ним поплыли воспоминания. Он видел гигантское величие Замковой Горы и раскинувшиеся на ее вершине немыслимую громаду Замка Короналей. Его мозг со скоростью молнии проносился по парадным комнатам с золочеными стенами и высокими сводчатыми потолками, по банкетным залам и совещательным палатам, по коридорам, широким, как площадь. Яркий свет ослеплял его. Он ощущал рядом с собой мужчину, высокого, мощного, самоуверенного, сильного, который держал его за руку, и женщину, тоже сильную и уверенную, державшую его за другую руку, узнал, что это его родители, и видел мальчика впереди — своего брата Вариакса.

— Что это за комната, отец?

— Это тронный зал Конфалума.

— А кто этот человек с длинными рыжими волосами, который сидит в большом кресле?

— Это Корональ Лорд Малибор.

— А что такое Корональ?

— Это король, Валентин, младший из двух королей. А второй — Понтификс, который раньше сам был Короналем.

— Который?

— Вон тот, высокий, худой, с черной бородой.

— Его зовут Понтификс?

— Его зовут Тиверас. Понтификсом он зовется как наш король. Он живет недалеко от Стоенцара, но сегодня приехал сюда, потому что Лорд Малибор женится.

— А дети Лорда Малибора тоже будут Короналями?

— Нет, Валентин.

— А кто будет?

— Пока этого никто не знает, сынок.

— А я буду? Или Вариакс?

— Это может случиться, если вы будете мудрыми и сильными.

— О, я обязательно буду, отец!

Комната растаяла. Валентин увидел себя в другой, такой же великолепной, однако не столь большой, и сам он был теперь уже не мальчиком, а молодым человеком, и здесь был Вариакс со звездной короной на голове и с каким-то одурманенным взглядом.

— Лорд Вариакс!

Валентин опустился на колени и поднял руки с растопыренными пальцами. Вариакс улыбнулся и махнул ему.

— Встань, брат. Тебе не пристало ползать передо мной.

— Ты будешь самым замечательным Короналем за всю историю Маджипура, Лорд Вариакс.

— Зови меня братом, Валентин. Я Корональ, но я по-прежнему твой брат.

— Долгой жизни тебе, брат! Да здравствует Корональ!

И все вокруг закричали:

— Да здравствует Корональ!

Однако что-то изменилось, хотя комната была та же: Лорда Вариакса не было, а странная корона теперь на Валентине, и все встали перед ним на колени, махали в воздухе пальцами и выкрикивали его имя. Он с удивлением смотрел на них.

— Да здравствует Лорд Валентин!

— Благодарю вас, друзья мои. Я постараюсь быть достойным памяти моего брата.

— Да здравствует Лорд Валентин!

— Да здравствует Лорд Валентин! — тихо сказала Леди.

Валентин заморгал. С минуту он был полностью дезориентирован и не понимал, почему он стоит на коленях, где он и кто эта женщина, лицо которой так близко от его лица. Затем тени в мозгу рассеялись. Он встал.

Он чувствовал себя полностью преображенным. Через его мозг проходили воспоминания: годы на Замковой Горе, учеба, сухая история, перечень Короналей и Понтификсов, целые тома конституционных знаний, экономический обзор провинций Маджипура, долгие занятия с учителями с постоянной проверкой со стороны отца и матери и другие, менее деловые минуты: игры, путешествия по реке, турниры, друзья Элидат, Стазилейн и Тонигорн, льющееся вино, охота, счастливое время с Вариаксом, когда они оба были в центре всеобщего внимания. И страшная весть о смерти Лорда Малибора в море, испуганный и радостный взгляд Вариакса, когда его нарекли Короналем, а потом, через восемь лет, делегация высоких принцев пришла к Валентину и предложила ему корону брата...

Он вспомнил все до той ночи в Фил-ононе, когда все оборвалось. После этого он знал только залитый солнцем Пидруд, камешки, летящие мимо него с обрыва, мальчика Жанамира, стоявшего рядом с ним со своими животными. Он мысленно смотрел на себя, и ему казалось, что он отбрасывает две тени: светлую и темную. Он смотрел сквозь иллюзорный туман мнимых воспоминаний, вложенных в него в Фил-ононе, оглядывался назад: поверх непроницаемой темноты на то время, когда он был Короналем, и он знал, что теперь его мозг опять стал целым, каким был раньше.

— Да здравствует Лорд Валентин! — снова сказала Леди.

— Да,— сказал он,— я Лорд Валентин и буду им вновь. Мать, дай мне корабли. Барджазед уже слишком долго на троне.

— Корабли ждут в Пуминоре, и люди, преданные мне, будут служить тебе.

— Хорошо. А здесь надо собрать моих. Я не знаю, на каких они терраса, однако их нужно найти быстро: маленького вруона, несколько скандаров, хьорта, глубокоуважаемого инопланетянина и нескольких людей. Я дам тебе список имен.

— Мы найдем их,— сказала Леди.

— Спасибо тебе, мать, что ты вернула мне меня самого.

— За что спасибо? Я дала тебе это изначально. За это благодарности не требуется. Теперь ты родился вторично, Валентин, и, если понадобится, я сделаю это и в третий раз. Но будем надеяться, что этого не придется делать. Твоя судьба теперь идет вверх.— Глаза ее весело блеснули.— Ты покажешь мне вечером, как ты жонгли-

руешь? Сколько мячиков ты можешь держать в воздухе одновременно?

— Двенадцать.

— Ну да, как же! Скажи правду.

— Меньше двенадцати,— произнес он,— однако больше двух. После обеда я устрою представление. И.. знаешь что, мать?

— Да?

— Когда я опять буду в Горном Замке, я устрою большой фестиваль. Ты приедешь с Острова и еще раз посмотришь, как я жонглирую на ступенях трона Конфалума. Обещаю. Да, на ступенях трона.

Часть IV

КНИГА ЛАБИРИНТА

Глава 1

Из порта Пуминор отплыли семь кораблей Леди с широкими парусами и высокими стройными мачтами под командой хьорта Эйзенхарта, адмирала Леди, они несли пассажиров: Лорда Валентина Короналя, его первого министра Стифона Делиамбера — вруона, его адъютантов Карабеллу из Филонона и Слита из Нарабала, его военного адъютанта Лизамон Холтен, его полномочных министров Залзана Кавола — скандара и Жанамира из Фалкинкипа и других. Флот направлялся в Стоен на конце алханрольского мыса Стоенцар, в дальней стороне Внутреннего Моря. Корабли уже не одну неделю были в море, подгоняемые западным ветром, который дул в этих водах поздней весной, однако берега еще не будет видно много дней.

Валентин нашел долгое путешествие удобным для себя. Он не боялся задач, стоявших перед ним, но и не торопился начинать их: ему нужно было время, чтобы привыкнуть к своему восстановленному мозгу и обдумать, кем он был и кем надеется стать, а что для этого может быть лучше великих просторов океана, где ничто, кроме узора облаков, не меняется, и время как бы стоит на месте? Валентин часами стоял у поручней флагманского судна «Леди Тиин» в стороне от своих друзей.

Личность, которой он когда-то был, нравилась ему: сильнее и тверже характером, чем Валентин-жонглер, однако без отталкивающих качеств души, которые иной раз встречаются у правителей. Бывшее «я» Валентина казалось ему рассудительным, здравомыслящим и умеренным. Это был человек серьезный, но любящий шутку, понимающий природу ответственности и обязательств.

Он был хорошо воспитан, как и должен быть тот, кто всю жизнь проводил в подготовке к высокому положению, в основательном изучении истории, законодательства, управления и экономики, чуть меньше — литературы и философии и, насколько представлял Валентин, лишь поверхностно — математических и физических наук, которые были не в чести на Маджипуре.

Обретение бывшего «я» было для Валентина как находка клада. Однако он все еще не объединился с другим «я» и имел тенденцию думать «он» и «я», или «мы» вместо того, чтобы видеть себя единым целым. Но брешь эта с каждым днем уменьшалась. Слишком велик был вред, нанесенный мозгу Короналя в Филононе, чтобы теперь не было разрыва между Лордом Валентином и Валентином-жонглером. Возможно, вдоль этой трещины навсегда останется рубец, однако Валентин мог по желанию перешагнуть эту трещину и идти в любую точку своей жизни: в детские годы или в короткое время своего царствования. И куда бы он ни взглянул, он видел такое богатство знаний, опыта, зрелости, о каком и не мечтал во время своих странствий. Он входил в эти воспоминания, как в энциклопедию, в библиотеку, и был уверен, что полное объединение его с прежним «я» своевременно произойдет.

На девятую неделю путешествия на горизонте показалась тонкая зеленая линия суши.

— Стоенцар, — сказал адмирал Эйзенхарт. — Видишь, сбоку темное пятно? Это гавань Стоен.

Валентин изучал берег приближавшегося континента в подзорную трубу. Валентин-жонглер ничего не знал об Алханроле, кроме того, что это самый большой континент на Маджипуре, первый заселенный людьми, место огромной населенности и потрясающих чудес природы и местопребывание правительства Маджипура, дом Короналя и Понтификса.

Память Лорда Валентина знала много больше. Для него Алханрол означал Замковую Гору, саму по себе почти планету, на склонах которой можно было потратить всю жизнь, но так и не успеть насытится всеми чудесами Пятидесяти Городов. Алханрол — это Замок Лорда Малибора на Горе, потому что Валентин так называл его, когда был мальчиком, и сохранил привычку даже во время своего правления. Теперь он мысленно видел этот замок, охватывающий вершину Горы, которая походила на многорукое существо, протянувшее свои скалы, пики и альпийские луга, а ниже — громадные долины и холмы.

Замок со многими тысячами комнат, здание, которое как бы жило собственной жизнью и добавляло по собственному желанию новые флигели и пристройки. Алханролом был также холм над Лабиринтом Понтификса и сам подземный Лабиринт, полная противоположность Острову Леди. Леди жила во Внутреннем Храме на согретом солнцем и омытой ветром высоте, окруженной кольцом открытых террас, а Понтификс зарылся, как крот, глубоко под землю, в самую нижнюю часть своего королевства, окруженную кольцами Лабиринта. Валентин только однажды был в Лабиринте по поручению Лорда Вариакса много лет тому назад, однако воспоминание о винтовых пещерах все еще было свежо.

Алханрол также означал шесть рек, сбегавших со склонов Замковой Горы, и животные-растения Стоенцара, которых он скоро увидит, и деревья Треймона, и каменные руины Веласьерской Равнины, которые, как говорят, существовали еще до появления человека на Маджипуре. Тонкая линия на востоке стала шире, но все еще была едва заметна. Валентин ощутил всю обширность Алханрола, развертывающуюся перед ним, как титанический свиток, и спокойствие, царившее в его мозгу во все время путешествия, сразу растаяло. Он жаждал как можно скорее высадиться на берег и начать поход к Лабиринту. Он спросил Эйзенхарта:

— Когда мы достигнем земли?

— Завтра вечером, милорд.

— Тогда сегодня устроим праздник. Лучшее вино для всех и представление на палубе.

Эйзенхарт серьезно посмотрел на него. Адмирал был аристократом среди хьортов, более стройный, чем большинство его соплеменников, и имел до странности сдержанные манеры, что Валентин находил несколько неприятным. Леди весьма высоко ценила адмирала.

— Какое представление, милорд?

— Немножко жонглирования. Мои друзья чувствуют ностальгическое желание снова заняться своим ремеслом. Вот как раз подходящий случай отпраздновать благополучное окончание нашего путешествия.

— Да, конечно,— сказал Эйзенхарт. Он официально поклонился, но ему явно не нравились такие штучки на борту его флагмана.

Валентин предложил это из-за Залзана Кавола. Скандару было беспокойно на корабле, он часто двигал своими четырьмя руками в ритме жонглирования, хотя никаких предметов не держал. Ему было труднее, чем кому-либо

другому, мириться с обстоятельствами в походе через Маджипур. Год тому назад Залзан Кавол был королем в своей профессии, непревзойденным мастером жонглирования, со славой ехавшим из города в город в своем знаменитом фургоне. Теперь же он был лишен всего. Фургон сгорел в лесах Пьюрифайна, два брата остались там же, а третий — на дне моря. Он больше не отдает приказаний своим работникам и не видит их повиновения, а вместо вечернего представления перед пораженной публикой, наполнявшей его карманы кронами, он идет теперь в кильватере Валентина от места к месту, как второстепенный персонаж. В Залзан Каволе копилась неиспользованная сила и энергия. Это было видно по его лицу и поведению, потому что в прежние дни его грубый характер выплескивался наружу, а теперь стал как бы придавленным и почти мягким, и Валентин понимал, что это признак тяжелого внутреннего кризиса. Агенты Леди нашли Залзана Кавола на Террасе Оценки, где он неуклюже и сонно выполнял черную работу и как бы покорился тому, что будет заниматься ею до конца жизни.

— Хочешь поработать с факелами и кинжалами? — спросил его Валентин.

Залзан Кавол просиял.

— Еще бы! А ты видел эти щепки? — Он указал на несколько здоровых дубин фута в четыре длиной, лежавших кучей возле мачты.

— Прошлой ночью, когда все спали, мы с Ирфоном попрактиковались с ними. Если твой адмирал не возражает, мы возьмем их вечером.

— Эти? Разве можно жонглировать такими длинными?

— Ты только получи разрешение адмирала, милорд, а вечером сам увидишь!

Все послеобеденное время труппа репетировала в большом пустом трюме. Это было впервые после Илиривойна, а тех пор, казалось, прошла вечность. Однако, пользуясь импровизированным набором предметов, собранных скандарами, все быстро вошли в ритм. Валентин с теплотой смотрел на них.

Слит и Карабелла яростно обменивались булавами, Залзан Кавол, Роворн и Ирфон придумали замысловатый новый обмен вместо того, который пропал со смертью их братьев. На минуту показалось, что вернулись старые времена Фалкинкипа или Долорна, когда ничто не имели значения, кроме как быть нанятыми на фестиваль или в цирк, и самое главное было — держать координацию

руки и глаза. Но те дни больше не вернутся. Теперь труппа ввязалась в политическую интригу со сменой Власти, и никто из них не станет прежним. Эти пятеро обедали с Леди, делили жилье с Короналем, плыли на свидание с Понтификсом. Они уже стали частью истории, даже если компания Валентина ни к чему не приведет. Но все-таки они вновь жонглировали, как если бы жонглирование было всем в их жизни.

Потребовалось много дней, чтобы собрать их всех во Внутреннем Храме. Валентин думал, что Леди в ее иерархам достаточно закрыть глаза, чтобы добраться до любого мозга на Маджипуре, однако все оказалось не так просто: связь была не точной и ограниченной. Первым делом нащупали скандаров на внешней террасе. Жанамир был на Втором Утесе и по своей юношеской бесхитростности, быстро продвигался; Слит, не юный и не бесхитростный, тем не менее ухитрился попасть на Второй Утес, как и Виноркис; Карабелла была как раз перед ними на Террасе Зеркал, но ее по ошибке искали сначала в другом месте; отыскать Кона и Лизамон оказалось просто, поскольку они внешне сильно отличались от остальных пилигримов; однако три бывших работника Гарцвела — Панделон, Корделон и Тизи прямо-таки растворились в населении Острова, как невидимки, так что Валентину пришлось бы оставить их на Острове, если бы они не объявились в последний момент. Труднее всего оказалось выследить Делиамбера. На Острове было много вруонов, некоторые из них тоже были мелкими колдунами, поэтому было много ошибок в установлении личности. Флот готовился к отплытию, а Делиамбера все еще не нашли. Валентин в отчаянии разрывался между необходимостью двигаться дальше и нежеланием уехать без своего самого полезного советника, но тут вруон сам появился в Пуминоре, никак не объяснив, где он был и как прошел через весь Остров незамеченным. Итак, все собрались вместе.

На Замковой Горе Лорд Валентин имел свой круг приближенных, чьи лица и имена восстанавливались теперь в памяти Валентина, принцев и придворных, близких ему с детства. Элидат, Стазилейн, Тонигорн были самыми близкими. Однако, хотя он и чувствовал, что предан этим людям, все стали страшно далекими его душе. Ему гораздо ближе была эта случайно собранная во время странствий компания, и он думал, как он сумеет примирить эти две группы, когда вернется в Замок. В одном, по крайней

мере, успокоила его восстановившаяся память: в Замке его не ждали ни жена, ни невеста, ни даже сколько-нибудь заметная любовница, могущая оспаривать место Карабеллы рядом с ним. Как принц и как молодой Корональ, он жил, благодаренье Божеству, свободным от забот и привязанностей. И так нелегко будет показать двору, что возлюбленная Короналя — простая женщина из нижнего города, странствующий жонглер, а если бы его сердце было отдано кому-то раньше, было бы совсем немыслимо требовать его обратно.

— Валентин! — окликнула его Карабелла.

Ее голос вывел его из задумчивости. Он оглянулся. Она засмеялась и бросила ему булаву. Он поймал ее, как его учили, между большим пальцем и остальными, так чтобы головная часть булавы была обращена к углу. Тут же прилетела вторая булава от Слита и третья от Карабеллы. Он засмеялся и послал булавы кружиться над головой старым знакомым рисунком, бросал и ловил, а Карабелла хлопала в ладоши и тоже бросала и ловила. Как хорошо было опять жонглировать!

Лорд Валентин, великолепный атлет с хорошим глазомером, ловкий во многих играх, но прихрамывающий после давнего падения с лошади, не умел жонглировать.

Жонглирование было искусством простого Валентина. На борту этого корабля он нес теперь ауру авторитета, пришедшего к нему после того, как мать вылечила его мозг, и чувствовал, что его компаньоны держаться от него на расстоянии, однако, тем не менее, пытаются по возможности видеть в нем прежнего Валентина из Зимрола. Поэтому ему было особенно приятно, что Карабелла так непочтительно швырнула ему булаву. Работать с булавами ему тоже было приятно, даже когда он уронил одну, а пока поднимал, вторая стукнула его по голове, что вызвало презрительное фырканье Залзана Кавола.

— Сделаешь так вечером,— сказал скандар,— и быть тебе неделю без вина!

— Не бойся,— ответил Валентин,— я уронил ее только для практики в поднимании. Вечером ты таких ошибок не увидишь.

Их и в самом деле не было. Весь корабельный народ собрался на палубе, когда зашло солнце. Эйзенхарт со своими офицерами занял платформу, откуда было лучше всего видно. Он позвал Валентина, предлагая ему почетное кресло, но тот с улыбкой отказался. Эйзенхарт растерянно посмотрел на него, однако выражение его лица даже

близко не соответствовало тому, каким оно стало через несколько минут, когда Жанамир, Виноркис и Лизамон ударили в барабаны и затрубили в трубы, из люка показались жонглеры, и среди них — Лорд Валентин Корональ, который начал весело швырять булавы, блюда и плоды, словно самый обыкновенный жонглер.

Глава 2

Если бы адмирал Эйзенхарт действовал по своему усмотрению, Валентину была бы устроена в Стоене пышная встреча вроде фестиваля в Пидруде во время визита фальшивого Короналя. Но Валентин, узнав о планах Эйзенхарта, тут же запретил это. Он еще не был готов требовать трон, публично обвинить того, кто называл себя Лордом Валентином, или ждать какого-то почета от горожан.

— Пока я не получу поддержки Понтификса, — твердо сказал он адмиралу, — я намерен спокойно идти и собирать силы, не привлекая внимания. Так что никаких фестивалей для меня в Стоене не будет.

Итак, «Леди Тиин» причалила сравнительно незаметно в этом большом порту на юго-западе Алханрола. Хотя флот состоял из семи кораблей, а корабли Леди, достаточно известные в гавани Стоена, обычно не бывали в таком количестве, все они вошли спокойно, без каких-либо особо вычурных флагов.

Портовая администрация почти не задавала вопросов: корабли явно прибыли по делам Леди, а ее дела были вне компетенции обычных чиновников. Для подкрепления этого мнения адмирал в первый же день разослал агентов по району верфей покупать материал для парусов, пряности, инструменты и тому подобное.

Тем временем Валентин и его компания потихоньку поселились в скромном торговом отеле.

Стоен был преимущественно приморским городом — экспорт-импорт, склады, судостроение. Город с населением около пятнадцати миллионов тянулся на сотню миль вдоль края громадного мыса, отделявшего Залив Стоен от основной части Внутреннего моря. Ближайшим портом от Острова был не Стоен, а Алейсор, в тысячах миль к северу, однако в этот сезон, когда господствовавшие ветры создавали течения, быстрее и легче было совершить долгое путешествие до Стоена, чем рискнуть на более короткий, но более трудный переход к Алейсору.

Пополнив запасы воды и продовольствия, они должны были плыть по спокойному заливу вдоль северного берега мыса Стоенцар в тропический Карсиден, а затем в Треймон, прибрежный город, недалеко от Лабиринта.

Стоен показался Валентину поразительно красивым. Весь мыс был плоским, едва ли двадцать футов над уровнем моря в самых высоких точках, однако жители города соорудили удивительные платформы из кирпича, облицованные белым камнем, чтобы создать иллюзию холмов. Среди этих платформ не было двух одинаковых по высоте: одни едва достигали десяти футов, другие поднимались в воздух на сотни футов. Весь район поднимался вверх гигантскими пьедесталами в несколько десятков футов высотой и более четверти мили шириной. Некоторые значительные здания имели собственные платформы и стояли как на ходулях над окружающими домами. Чередование высоких и низких платформ создавало потрясающий эффект.

Все, что выглядело явно механической причудой, смягчалось тропической растительностью, равной которой Валентин еще не знал. В основании каждой платформы росло множество деревьев с широкими кронами. Их ветви, переплетаясь, создавали непроницаемое покрывало. По стенам платформ спускались каскады лиан. Широкие скаты, шедшие с уровня улиц на платформы, были окаймлены бетонными ящиками с группами кустов, узкие листья которых поражали разнообразием расцветок. В больших общественных парках города были собраны все наиболее поразительные растения.

Там были сады знаменитых одушевленных растений, которые вообще-то были растениями, поскольку жили, укоренившись, на одном месте и питались с помощью фотосинтеза, однако казались животными, потому что у них были трубчатые тела, качавшиеся и изгибавшиеся, руки, двигавшиеся в разных направлениях, пристально смотревшие глаза. Хотя они получали достаточно питания от солнечного света и воды, они всегда были не прочь сожрать и переварить какое-нибудь мелкое живое существо, если удавалось его схватить. Элегантно рассаженные группы этих растений, окруженные каменной стеной как с декоративной, так и с предупредительной целью, были в Стоене повсюду. Валентин находил в них какое-то зловещее очарование. Он подумал даже, нельзя ли будет привезти такую коллекцию в Горный Замок.

— У меня от них мурашки по коже,— сказал Слит.— А тебе они нравятся, милорд?

— Не то что нравятся. Они интересные.

— Может, ты и тех, людоедских, привезешь?

— Конечно! — воскликнул Валентин.

Слит только застонал. Но Валентин не обратил на это внимания. Взяв за руки Слита и Карабеллу, он сказал:

— Каждый Корональ что-то добавлял к Замку: библиотеку, обсерваторию, парапет, оружейную палату, пиршественный зал, палату трофеев, и с каждым правлением Замок рос, изменялся, становился богаче и сложнее. Я так недолго был Короналем, что не успел даже обдумать, что вложу в него. Но скажите: какой Корональ видел Маджипур так, как я? Кто путешествовал так далеко и с такими переживаниями? Чтобы отметить свои приключения, я соберу все странные растения, которые я видел: и плотоядные, и эти одушевленные, и деревья-пузыри, и пару деревьев двикка, и рощу огненных пальм, сенситивы и поющий папоротник — все чудеса, виденные нами. В Замке нет ничего подобного, лишь маленькая оранжерея, устроенная Лордом Конфалумом. А я увеличу ее. Сад Лорда Валентина! Звучит, как по-вашему?

— Это будет чудесно, милорд,— сказала Карабелла.

Слит кисло заметил:

— Я не хотел бы гулять среди плотоядных растений ни в саду Лорда Валентина, ни в герцогствах Ни-мойе и Пилиплока.

— Мы не заставим тебя гулять по саду,— сказал Валентин.

Он засмеялся.

Однако, пока Валентин не поселился снова в замке Лорда, не будет никаких прогулок и никаких садов. А он целую неделю бездельничает в Стене, ожидая, пока Эйзенхарт пополнит свои запасы.

Три корабля, груженные нужными Острову товарами, собирались вернуться обратно на Остров, остальные пойдут следом за Валентином, как эскорт. Леди дала ему более сотни своих самых крепких телохранителей под командой грозного иерарха Лоривейд. Они не были воинами в точном смысле этого слова, потому что на Острове не бывало насилия после последнего вторжения туда метаморфов несколько тысяч лет тому назад, но это были компетентные и бесстрашные мужчины и женщины, преданные Леди и готовые отдать жизнь за восстановление гармонии в королевстве. Они были ядром частной армии — первой такой военной силы, организованной на Маджипуре, если не считать древних времен.

Наконец, флот был готов к отплытию. Первыми ушли корабли, возвращавшиеся на Остров. Они отплыли на северо-запад ранним утром Второго дня. Остальные ждали до полудня Морского дня и поплыли в том же направлении, однако с наступлением темноты свернули на восток, в залив.

Длинный и узкий мыс Стоенцар выступал из центрального массива Алханрола. На его южной морской стороне было нестерпимо жарко. На этом побережье, покрытом джунглями и заполненном насекомыми, почти не было поселений. Основная часть населения группировалась вдоль берега залива. Там были большие города через каждую сотню миль, а между ними непрерывная линия рыбачьих деревушек, мелких городков и фермерских округов. Сейчас здесь было начало лета, и на почти неподвижной воде залива лежала плотная дымка жары. Флот остановился на день в Карсидене, где берег сворачивал к северу, а затем тянулся к Треймону.

Валентин проводил много времени в своей каюте, осваивая обруч, данный ему Леди. Через неделю он овладел искусством впадать в легкий дремотный транс, научился опускать сознание ниже порога сна с полной готовностью поднять его вновь и в то же время сознавать внешнее окружение. В таком состоянии транса он мог, пусть слегка и не без труда, входить в контакт с другими разумами, мысленно пройти по кораблю и отметить ауру спящих, поскольку спящий мозг более уязвим для такого проникновения, чем бодрствующий. Он мог слегка коснуться мозга Карабеллы, Слита, Жанамира, передать им свое изображение или доброе пожелание. Добраться до мозга малознакомых, как, например, плотника Панделон или иерарха Лоривейд, было пока еще трудно, разве что короткими фрагментарными вспышками, а вот коснуться мозга нечеловеческого происхождения вообще не удавалось, даже когда дело касалось хорошо знакомых, вроде Залзана Кавола, Кона или Делиамбера. Однако Валентин продолжал учиться и чувствовал, что его умение растет с каждым днем, как было когда-то с жонглированием. Да, по существу, это и был род жонглирования, потому что он так же занимал положение в самом центре своего духа, не отвлекался на посторонние мысли и координировал все аспекты своего существа на контакте. К тому времени, когда «Леди Тиин» была в виду Треймона. Валентин продвинулся до уровня возможности поместить в чей-нибудь мозг начало сна с событиями и образами.

Он послал Жанамиру сон о Фалкинкипе, о пасущихся на лугах животных и спускающихся с неба громадных джорна-птицах. Утром за столом мальчик описал в деталях свой сон, но сказал, что птицы были милофты, пожиратели падали, с оранжевым клювом и мерзкими синими когтями.

— Что означает такой сон, когда спускаются милофты? — спросил он.

— Может, ты плохо запомнил сон,— сказал Валентин,— а видел других птиц, скажем джорна? Они служат добрым предзнаменованием.

Жанамир простодушно покачал головой.

— Если я не отличил джорну от милофта, милорд, то мне следует вернуться в Фалкинкип и чистить стойла.

Валентин отвернулся, чтобы скрыть улыбку, и решил работать более тщательно над техникой посылки образов.

Карабелле он послал сон о жонглировании хрустальными стаканчиками с золотым вином. Она рассказала об этом, описав форму стаканчиков. Слиту он послал сон о саде Лорда Валентина, где было множество всяких растений, однако хищных не было. Слит с восторгом описал сон и сказал, что, если бы у Короналя в Замке был такой сад, он, Слит, был бы счастлив погулять в нем.

Сны приходили и к Валентину. Почти каждую ночь Леди, его мать, издалека касалась его духа. Ее присутствие проходило через его спящий мозг, как холодный лунный свет, успокаивало и ободряло. Он видел также былые дни в Замке, юношеские игры, друзей, брата Вариакса, учившего его обращению с мечом и луком, и Лорда Малибора Короналя, который путешествовал по городам, расположенным на Горе, как некий великий сияющий полубог, и многое другое, вышедшее из глубин его мозга.

Но не все сны были приятными. Накануне похода «Леди Тиин» к Треймону Валентин увидел себя на берегу какой-то затерянной бухты, поросшего низким искривленным кустарником. Он шел к Замковой Горе, высившейся вдали, но на его пути встала стена выше белых утесов Острова Сна, и была она железной — такого количества металла не существует на всем Маджипуре — темное, страшное железное кольцо, казалось, опоясывающее весь мир от полюса до полюса, и Валентин был по одну сторону, а Замковая Гора — по другую. Подойдя ближе, он заметил, что стена потрескивает, как наэлектризованная, и от нее исходит низкое гудение, а когда он подошел совсем близко, он увидел в блестящем металле свое отражение, однако лицо, смотревшее на него с этого страшного железа, было лицом Короля Снов.

Глава 3

Треймон был городом прославленных по всему Маджипуру деревьев-домов. На второй день после высадки Валентин пошел посмотреть на них в ближний район к югу от устья реки Трей. Деревья-дома не приживались нигде, кроме как на наносной равнине Трея. У них были короткие стволы, несколько напоминающие двикка, но не такие толстые, с красивой блестящей бледно-зеленой корой. Из их бочко-образного тела росли короткие ветви, отгибавшиеся вверх и наружу, а по ним вились лианы, закрепляясь во многих местах и образуя уютные чашеобразные укрытия. Древесный народ Треймона устраивал жилища по собственному вкусу, вытягивая гибкие ветви в форме комнат и коридоров и закрепляя их, пока их кора не срасталась вместе. Из листьев готовили вкусный салат, пыльца душистых кремовых цветов была слабым наркотиком, синеватые плоды использовались по-разному, а легко выжимавшийся сладкий сок служил вместо вина. Каждое дерево жило тысячу лет, а то и больше. Семьи ревностно следили за ними. На равнине было десять тысяч деревьев, все зрелые и все обитаемые. На окраине района Валентин видел несколько молодых саженцев.

— Они недавно посажены,— сказали ему,— чтобы заменить умершие в последние годы.

— А что делает семья, когда ее дерево умирает?

— Идет в город, в так называемые траурные дома, пока не вырастет новое дерево. А это продлится лет двадцать. Мы очень боимся такого, но это случается только в одном из десяти поколений.

— А нельзя выращивать эти деревья где-нибудь в другом месте?

— Ни на один дюйм дальше того места, где ты их видишь. Они растут только в нашем климате и только на этой почве. В любом другом месте они проживут год-два и зачахнут.

Валентин сказал Карабелле:

— А мы все-таки сделаем эксперимент. Интересно, уделят ли они немного этой драгоценной почвы для сада Лорда Валентина?

Она улыбнулась.

— Даже маленькое дерево-дом — хорошее место, куда ты сможешь уходить, устав от правления, и ты будешь сидеть в листве, вдыхать аромат цветов, срывать плоды... Ох, хорошо бы тебе иметь такую вещь!

— Когда-нибудь я буду это иметь, — сказал Валентин, — и ты будешь сидеть там рядом со мной.

Карабелла испуганно взглянула на него.

— Я, милорд?

— Конечно. Кто же еще? Доминик Барджазед? — Он слегка коснулся ее руки. — Ты думаешь, наше совместное путешествие кончится, когда мы достигнем Замковой Горы?

— Не будем сейчас говорить об этом, — сказала она.

От Треймона до Лабиринта было несколько недель пути на скоростной плавучей — на воздушной подушке — повозке. Лабиринт находился в центре Алханрола. Местность была, в основном, низинная, с плодородной красной почвой в речной долине и тощей песчаной серого цвета вне ее, а по мере продвижения Валентина и его отряда поселения становились все более редкими. Иногда здесь шел дождь, но вода, казалось, тут же впитывалась в пористую землю. Климат был жаркий, и иногда жара прямо давила. День за днем проходили в монотонном движении.

Теперь такое путешествие было для Валентина полностью лишено магии и таинственности. Он с грустью вспоминал, как месяцами ехал по Зимролу в элегантном фургоне Залзана Кавола. Тогда каждый день казался путешествием в неизвестное, со свежими впечатлениями на каждом повороте, остановками в удивительных городах, и всегда — возбуждение от выступлений. А теперь? Все для него делалось адъютантами и помощниками. Он опять становился принцем, хотя и с очень скромным могуществом — всего лишь с сотней приверженцев, — и он вовсе не был уверен, что это ему нравится.

На вторую неделю пути ландшафт резко изменился, стал грубым и неровным. Из сухой, глубоко изрезанной земли поднимались холмы с плоскими черными вершинами. Из растений здесь были только чахлые кусты, темные, искривленные, с мелкими восковыми листьями, а на более высоких склонах — колючие заросли лунных кактусов, призрачно-белых, вдвое превышающих рост человека. Маленькие длинноногие животные с рыжим мехом и короткими пышными желтыми хвостиками нервно шныряли вокруг и исчезали в горах при приближении каравана.

— Это начало пустыни Лабиринта, — сказал Делиамбер. — Скоро мы увидим каменные ворота древних.

В своей прошлой жизни Валентин подходил к Лабиринту с другой стороны, с северо-запада. Там тоже были пустыня и громадные руины города, однако он спускался с Замковой Горы на речном судне и проплыл мимо всех этих

мертвых земель, окружавших Лабиринт, так что эта унылая отталкивающая зона была для него новой. Сначала он находил ее захватывающе странной, особенно при заходе солнца, когда безоблачное небо прочерчивалось гротескными полосами яркой окраски, а сухая почва казалась металлической. Но через несколько дней все это перестало ему нравиться, стало казаться тревожным, угрожающим. Было что-то в резком воздухе пустыни, что действовало неблагоприятно на его чувства. Он никогда не бывал в пустыне, потому что их не было в Зимроле, да и нигде в хорошо обеспеченном водой Алханроле, кроме этого сухого участка. Условия пустыни здесь имели что-то общее с Суврейлом, который Валентин достаточно часто посещал во сне, и он не мог отогнать от себя непонятное и иррациональное ощущение, что едет на свидание с Королем Снов.

— Вот развалины,— сказал Делиамбер.

Сначала их трудно было отличить от скал пустыни. Валентин видел только темные монолиты, как бы раскиданные гигантской рукой по небольшому пространству в одну-две мили. Однако постепенно он начал различать формы: вот кусок стены, вот основание какого-то циклопического дворца, а это — возможно, алтарь. Все было выстроено в титанических масштабах, только отдельные группы развалин, наполовину занесенные песком, были невыразительными сторожевыми заставами.

Валентин велел каравану остановиться у особенно широко разбросанных развалин и с несколькими спутниками осмотрел их. Он осторожно притрагивался к камням, опасаясь, не совершает ли какого-нибудь святотатства. Камни были холодные, гладкие на ощупь, слегка инкрустированные наросшим желтым лишайником.

— Это работа метаморфов? — спросил он.

Делиамбер пожал плечами.

— Мы думаем так, но точно никто не знает.

— Я слышал,— заметил адмирал Эйзенхарт,— что эти города построены первыми людьми вскоре после их высадки на планету и были разрушены в гражданскую войну еще до измены Понтификса Дворна.

— Записей, конечно, с тех пор не сохранилось,— сказал Делиамбер.

Эйзенхарт искоса взглянул на вруона.

— Значит, ты другого мнения?

— Я? Я вообще не имею мнения о событиях, происходивших четырнадцать тысяч лет тому назад. Я не так стар, как вы полагаете, адмирал.

Иерарх Лоривейд сухо сказал:

— Мне кажется невероятным, чтобы первые поселенцы строились так далеко от моря и что они могли найти поблизости такие громадные каменные плиты.

— Значит, ты думаешь, что это города метаморфов? — спросил Валентин.

— Метаморфы — дикари,— сказал Эйзенхарт.

Лоривейд, недовольная вмешательством адмирала, ответила Валентину с явным раздражением:

— Я думаю, что это вполне возможно.— Затем она добавила, обращаясь к адмиралу: — Не дикари, адмирал, а изгнанники. Они вполне могли опуститься с более высокого положения.

— Вернее сказать — были скинуты,— заметила Карабелла.

А Валентин сказал:

— Правительство должно бы организовать изучение этих руин, а может, это уже сделано? Нам нужно узнать как можно больше о дочеловеческих цивилизациях Маджипура, и, если это места метаморфов, их следует взять под охрану.

— Развалины не нуждаются в охране, кроме той, которую уже имеют,— внезапно произнес новый голос.

Валентин, вздрогнув, обернулся. Из-за монолита возникла странная фигура — тощий, почти бесплотный человек лет шестидесяти-семидесяти, с горящими злобой глазами и тонким, широким, явно беззубым ртом, искривленным в насмешливой ухмылке. Он был вооружен длинным узким мечом, а одежда его целиком состояла из рыжего меха животных пустыни. На голове его была шапка из толстого хвостового меха. Он снял ее широким жестом и низко поклонился. Когда он выпрямился, рука его легла на рукоять меча.

Валентин вежливо спросил:

— И мы в присутствии одного из таких охранников?

— Не одного,— ответил тот.

Из-за камней вышло еще с десяток таких же фантастических типов, столь же костлявых, также одетых в меховые куртки и штаны и с такими же немыслимыми шапками. У всех были мечи и все, казалось, были готовы пустить их в ход. Затем появилась вторая группа, как бы материализовавшись из воздуха, а потом третья, большая — человек в тридцать. В отряде Валентина было одиннадцать душ, в основном, безоружных. Все остальные остались в плавучих повозках в двухстах ярдах отсюда

на шоссе. Пока они стояли тут, рассуждая о древней истории, их окружили.

— По какому праву вы вторглись сюда? — спросил лидер.

Валентин услышал легкое покашливание Лизамон и увидел напряженную позу Эйзенхарта. Он дал им знак успокоиться и сказал:

— Могу я узнать, кто ко мне обращается?

— Я герцог Насимонт из Вернек Грега, верховный лорд Западных Границ. Вокруг меня ты видишь знатных людей моего герцогства, которые верно служат мне.

Валентин не помнил провинции с таким названием, как Западные Границы, и такого герцога. Может, он позабыл географию? Но не настолько же. Однако решил не шутить с герцогом Насимонтом и торжественно сказал:

— Мы не собирались вторгаться, ваша милость, проходя через ваши владения. Мы путешественники, едем в Лабиринт, у нас дело к Понтификсу, а здесь, кажется, наиболее прямая дорога от Треймона.

— Верно. Но для вас лучше было бы ехать к Понтификсу дорогой менее прямой.

— Не докучай нам! — внезапно рявкнула Лизамон.— Знаешь ли ты, кто перед тобой?

Валентин с досадой щелкнул пальцами, чтобы великанша замолчала. Насимонт мягко сказал:

— Это не имеет значения. Будь он хоть сам Лорд Валентин, он не пройдет здесь легко. В сущности, любой пройдет здесь легче, чем Лорд Валентин.

— У тебя какая-то ссора с Лордом Валентином? — спросил Валентин.

Бандит грубо захохотал.

— Корональ — мой самый главный враг.

— Ну, тогда ты восстаешь против всей планеты, потому что все обязаны повиноваться Короналю. Как ты можешь быть герцогом и не признавать авторитета Короналя?

— Этого Короналя,— ответил Насимонт. Он медленно миновал пространство, отделявшее его от Валентина, и остановился перед ним, не убирая руки от меча.— На тебе хорошая одежда, от тебя пахнет городским комфортом. Ты, наверное, богат, живешь в большом доме где-нибудь на Горе, и слуги исполняют каждое твое желание. Что бы ты сказал, если бы в один прекрасный день все это с тебя содрали и по чьему-то капризу ты был ввергнут в нищету?

— У меня был такой опыт,— сказал Валентин.

— А теперь у тебя целая кавалькада плавучих повозок и свита. Кто же ты?

— Лорд Валентин Корональ,— без колебаний ответил Валентин.

Глаза Насимонта сверкнули яростью. Казалось, он вот-вот выхватит меч, однако он сдержался и сказал:

— Да, ты такой же Корональ, как я герцог. Ну, Лорд Валентин, твоя родня заплатит мне за мои потери, за то, что ты прошел через зону развалин,— с тебя тысяча реалов.

— У нас нет такой суммы,— спокойно ответил Валентин.

— Тогда ты останешься с нами, пока твои лакеи не достанут денег.— Он сделал знак своим людям.— Хватайте их и свяжите. Одного отпустим — врубна. Он будет посланником. Эй, врубн, скажешь там в повозках, что мы задержим этих, пока нам не уплатят тысячу реалов. Будем ждать месяц. Если ты вернешься с ополчением вместо денег, то имей ввиду, что мы знаем эти холмы, а офицеры — нет. И вы не увидите своих друзей живыми.

— Подожди,— сказал Валентин, когда люди Насимонта шагнули вперед.— Расскажи мне о своей ссоре с Короналем.

Насимонт нахмурился.

— Он прошел через эту часть Алханрола в прошлом году, возвращаясь из Зимрола. Я тогда жил в предгорьях горы Эберсинол, возле озера, выращивал рикку, фиол и милай, и мои плантации были лучшими в провинции, потому что шестнадцать поколений моей семьи выращивали их. Корональ и его отряд остановились у меня, как у наиболее способного оказать им гостеприимство. Он явился с сотнями прихлебателей и слуг, со множеством придворных. Ртов было столько, что они могли объесть половину континента. За время от одного Звездного дня до следующего они опустошили мои винные погреба, устроили фестиваль в полях и вытоптали все посевы, спьяну подожгли мой дом, разрушили плотину на озере и затопили поля. Они полностью разорили меня ради своих развлечений, а потом уехали, даже не зная, что сделали со мной, или не интересуясь этим. Все остальное теперь у ростовщиков, а я живу в скалах Вернек Грега, благодаря Лорду Валентину и его друзьям. Это справедливо? Если ты хочешь уйти из этих древних развалин, чужеземец, это будет стоить тебе тысячу реалов. Хотя я задержал тебя не по злобе, я перережу тебе глотку так же спокойно, как Лорд Валентин сломал мою плотину,

если не принесут денег.— Он обернулся и снова приказал: — Вяжите их!

Валентин глубоко вздохнул, закрыл глаза и, как учила его Леди, ввел себя в сон-бодрствование, в транс, который оживлял его обруч, и послал свой разум в темную, желчную душу верховного лорда Западных Границ, и затопил ее любовью. Это потребовало всех его сил. Он закачался и положил руку на плечо Карабеллы, черпая ее энергию и жизненную силу и посылая ее Насимонту. Теперь он понял, какую цену платил Слит за слепое жонглирование: это вытягивало из него все жизненные силы.

Насимонт застыл на месте, его тело повернулось, глаза встретились со взглядом Валентина. Валентин, не ослабляя, держал его душу и омывал ее состраданием, пока железное негодование Насимонта размягчилось и спало с него, как шелуха, и тогда Валентин влил с душу ставшего уязвимым человека видение всего того, что произошло с Валентином в Филононе, спрессовав все это в одну головокружительную точку света.

Он разорвал контакт и, пошатнувшись, ухватился за Карабеллу, которая поддержала его. Насимонт уставился на Валентина, как человек, которого коснулось Божество, а затем упал на колени и сделал знак горящей звезды.

— Милорд,— прохрипел он едва слышно,— прости...

Глава 4

Наличие в пустыне такого количества разбойников удивило и испугало Валентина, потому что в истории почти не бывало подобной анархии на благополучном Маджипуре. Пугало также, что эти бандиты были ранее преуспевающими фермерами, доведенными до нищеты грубым вторжением Короналя. На Маджипуре не было принято, чтобы правители так беззастенчиво пользовались своим положением. Если Доминик Барджазед считает, что может вести себя таким образом и удержаться на троне, то он не только негодяй, но и дурак.

— Ты не скинешь узурпатора? — спросил Насимонт.

— Со временем,— ответил Валентин.— До этого еще многое надо сделать.

— Я в твоем распоряжении, если могу пригодиться.

— Много еще разбойников между этими развалинами и входом в Лабиринт?

Насимонт кивнул.

— Много. В этой провинции входит в обычай бежать в холмы.

— Ты имеешь на них влияние, или твой титул герцога только выдумка?

— Они повинуются мне.

— Хорошо. Я попрошу тебя проводить нас до Лабиринта и предостеречь своих друзей от нападения на нас.

— Сделаю, милорд.

— Однако никому ни слова о том, что я показал тебе. Относись ко мне просто как к чиновнику Леди, посланному к Понтификсу.

Слабый блеск подозрения мелькнул в глазах Насимонта. Он недовольно спросил:

— Почему я не могу объявить тебя истинным Короналем?

Валентин улыбнулся.

— В этих нескольких плавучих повозках вся моя армия. Я не могу объявить войну узурпатору, пока у меня не будет побольше сил. Отсюда секретность, отсюда и мой визит в Лабиринт. Чем скорее я получу поддержку Понтификса, тем скорее начнется кампания. Как скоро ты будешь готов?

— Через час, милорд.

Насимонт и кое-кто из его людей сели в передовую повозку вместе с Валентином.

Ландшафт становился все более голым. Теперь это была темная, почти безжизненная пустыня, где под сильным горячим ветром поднимались пылевые смерчи. Иногда вдали от шоссе возникали люди в грубой одежде, группами по трое-четверо. Они останавливались поглазеть на путешественников, но и только: никаких инцидентов не происходило. На третий день Насимонт предложил срезать путь к Лабиринту и тем самым сэкономить несколько дней.

Валентин согласился без колебаний, и караван свернул к огромному высохшему озеру, а потом поплыл над скверной дорогой, изрезанной оврагами, мимо ряда туповерхих гор из красного песчаника и, наконец, по широкому плоскогорью, которое, казалось, не имело никаких отличительных черт: крупный песок и гравий до самого горизонта. Валентин видел, как тревожно переглянулись Слит и Залзан Кавол, когда повозки оказались в этом унылом месте, и подумал, что они, наверное, шепчутся об измене и предательстве, однако его вера в Насимонта не поколебалась. Он касался своим разумом мозга пред-

водителя бандитов через обруч Леди и чувствовал, что это душа не предателя.

День и еще день путешествия в никуда, и Карабелла нахмурилась, иерарх Лоривейд стала еще угрюмее, а Лизамон Холтен отвела Валентина в сторону и сказала спокойно, как бы о пустяках:

— А что, если этот тип Насимонт нанят мнимым Короналем и получил плату за то, чтобы бросить тебя в таком месте, где тебя никогда не найдут?

— Тогда мы погибнем, и наши кости навеки останутся здесь,— сказал Валентин.— Но я не придаю значения этим опасениям.

Все-таки в нем росло некоторое раздражение. Вспоминая искренность Насимонта, он не мог поверить, чтобы какой-то агент Барджазеда выбрал такой сложный способ избавиться от Валентина, когда для этого достаточно было одного удара мечом в метафорских развалинах, однако у него не было полной уверенности, что Насимонт знает, куда ехать. Здесь не было воды, и даже животные, способные питаться любой органической материей, худели, по словам Жанамира, и слабели, с трудом находя тощие пучки травы. В этом месте все было не так и не было надежды на избавление, но пробным камнем для Валентина был Делиамбер: колдун был весьма опытным и умелым в смысле самосохранения, а сейчас выглядел спокойным.

Наконец Насимонт остановил караван в том месте, где две гряды голых холмов сходились в узкий, с высокими стенами каньон, и сказал Валентину:

— Ты думал, милорд, что мы сбились с пути? Пойдем, я покажу тебе кое-что.

Валентин прошел за ним к началу каньона — на расстоянии пятидесяти шагов. Насимонт показал на огромную долину, начинавшуюся от каньона.

— Смотри.

Долина была пустынна: громадное веерообразное пространство серого песка тянулось к северу и к югу по крайней мере на сто миль. Точно в середине долины Валентин увидел темный круг, тоже колоссального размера, слегка приподнятый над плоской поверхностью долины. Валентин вспомнил: это была огромная насыпь земли, покрывавшая Лабиринт Понтификса.

— Послезавтра мы будем у Врат Лезвий,— сказал Насимонт.

Валентин вспомнил, что у Лабиринта было семь входов, устроенных на равных расстояниях вокруг громадного

сооружения. Когда он был там с поручением Вариакса, он вошел через Врата Вод с противоположной стороны, там где с Замковой Горы через плодородные северо-восточные провинции спускалась река Глейг. Это был самый легкий путь в Лабиринт, и им пользовались высокие чиновники, когда у них было дело к министрам Понтификса. Со всех других сторон Лабиринт окружала куда менее приятная местность, однако все-таки более приемлемая, чем та, по которой только что он вышел к Лабиринту.

Лабиринт занимал огромное пространство, и, поскольку состоял из многих уровней, спускаясь вниз по спирали, население его было многочисленным. Сам Понтификс занимал внутренний сектор, куда почти никто не имел доступа. Окружавшая его зона была областью правительственных министров, громадного количества преданных душ, всю жизнь остававшихся под землей и занимавшихся делами, которых Валентин не понимал. Вокруг правительственной зоны много тысячелетий развивалась внешняя оболочка Лабиринта — путаница круговых проходов, населенных миллионами темных личностей: конторщиками, торговцами, нищими, карманниками и бог знает кем еще, мир в себе, куда никогда не проникали ни солнечное тепло, ни холодный свет луны, всю красоту и чудеса Маджипура заменили бледные радости подземной жизни.

Наконец плавучие повозки добрались до Врат Лезвий. Небольшое крытое отверстие давало доступ в уходивший в землю туннель. Впереди стоял ряд вделанных в бетон древних ржавых мечей. Он составлял барьер более символический, чем реальный, поскольку мечи были расставлены редко.

«Сколько же времени,— подумал Валентин,— понадобилось, чтобы мечи заржавели в сухом климате?»

Стражи Лабиринта ждали прямо за входом. Их было семеро — два хьорта, гейрог, скандар, лимен и два человека, все в масках, как было принято у официальных лиц Лабиринта. Маски были, в основном, символические — лоскут блестящей желтой ткани закрывал нос и вокруг глаз,— однако создавали эффект необычности, а это и требовалось. Стражи молча и невозмутимо встали перед Валентином и его отрядом. Делиамбер сказал Валентину:

— Они попросят платы за вход. Такова традиция. Подойди к ним и изложи свое дело.

Валентин сказал стражам:

— Я Валентин, брат покойного Вариакса, сын Леди Острова, пришел просить аудиенции у Понтификса.

Такое странное и вызывающее заявление не вызвало реакции со стороны стражей. Гейрог сказал только:

— Понтификс каждого к себе не допускает.

— Тогда я буду просить аудиенции у его главных министров, которые могут передать мое послание Понтификсу.

— Их ты не увидишь,— сказал один из хьортов.

— В таком случае, я обращусь к заместителям министров или, если понадобится, к заместителям заместителей министров. Единственное, о чем я вас прошу,— разрешить мне и моим спутникам пройти в Лабиринт.

Стражники посовещались, тихо жужжа, видимо, с помощью какого-то прибора. Это был какой-то ритуал чисто механического свойства, поскольку они вряд ли слушали друг друга. Затем гейрог повернулся к Валентину.

— Каково твое приношение?

— Какое приношение?

— Входная плата.

— Назови, и я уплачу.

Валентин сделал знак Жанамиру, и тот достал кошелек, но стражники недовольно покачали головами, а некоторые даже отвернулись.

— Не деньги,— презрительно сказал гейрог.— П р и н о ш е н и е.

Валентин опешил и растерянно обернулся к Делиамберу. Тот ритмично покачал щупальцами, как бы подбрасывая что-то. Валентин понял. Жонглирование!

— Слит, Залзан Кавол...

Из одной повозки достали булавы и мячики. Слит, Карабелла и Залзан Кавол встали перед стражниками и по сигналу скандара начали жонглировать. Семеро стражей смотрели, неподвижные как статуи. Все это казалось Валентину таким абсурдным, что он с трудом удерживался от смеха, однако три жонглера выполняли свою работу строго и с большим достоинством, словно это был религиозный обряд. Они выполнили три полных рисунка обмена, разом остановились и поклонились стражам. Гейрог чуть заметно кивнул — единственное одобрение представления.

— Можете войти,— сказал он.

Глава 5

Они провели повозки между лезвиями в нечто вроде вестибюля, темного и затхлого, из которого открывалась

покатая дорога. Вниз на небольшое расстояние — и путь им пересек изогнутый туннель, первое из колец Лабиринта.

Туннель был с высоким потолком, ярко освещенный, он вполне мог служить улицей торгового города: тут были ларьки, магазины, пешеходное движение и плавучие экипажи всех видов и размеров. Однако при внимательном осмотре становилось ясно, что это не Пидруд, не Пилиплок и не Ни-мойе. Люди на улицах были удивительно бледными, *похожими на привидения, что говорило о жизни* без солнца. Одежда их была до крайности архаичной по стилю, в тусклых, темных тонах. Многие были в масках — слуги чиновников Понтификса. В общем контексте Лабиринта они были незаметны, и никто не обращал внимания на их маски.

Валентин подумал, что у всех, у замаскированных и с открытыми лицами, было какое-то напряженное выражение, что-то странное вокруг глаз и рта. Снаружи, на свежем воздухе, под благодатными лучами солнца, народ Маджипура улыбался легко и свободно, не только губами, но и глазами, и щеками, всем лицом, всей душой, а в этих катакомбах души были другие. Валентин спросил Делиамбера:

— Ты знаешь здесь дорогу?

— Нет. Однако гидов легко найти.

— Как?

— Останови повозки, выйди и оглянись растерянно,— сказал вруон.— Через минуту у тебя будет полно гидов.

Это заняло куда меньше минуты. Валентин, Слит и Карабелла вышли из повозки, и к ним тут же подбежал мальчик лет десяти.

— Показать вам Лабиринт? Одна крона за весь путь.

— У тебя есть старший брат? — спросил Слит.

Мальчик посмотрел на него.

— Ты считаешь меня слишком маленьким? Тогда поезжайте одни! Через пять минут вы заблудитесь!

Валентин засмеялся.

— Как тебя звать?

— Гиссан.

— Скажи, Гиссан, сколько уровней придется нам проехать, прежде чем мы доберемся до правительственного центра?

— Вы хотите ехать т у д а ?

— А почему нет?

— Они там все чокнутые,— сказал мальчик. Он усмехнулся.— Работают, весь день перебирают бумаги, бормочут что-то и надеются продвинуться еще глубже. За-

говори с ними — они даже не ответят. От такой работы у них и мозги-то не ворочаются. До них семь уровней: Двор Колонн, потом Холл Ветров, Место Масок, Двор Пирамид, Арена, а затем выходите к Дому Записей. Я провожу вас туда, однако не за крону.

— А за сколько?

— Полреала.

Валентин присвистнул.

— Зачем тебе столько денег?

— Я куплю матери плащ, зажгу пять свечей Леди и отведу сестру к врачу. — Мальчик подмигнул. — А может останется и на угощение для меня.

Во время этого разговора вокруг собралась толпа ребятишек не старше Гиссана, несколько юношей и несколько взрослых. Все они стояли плотным полукругом и напряженно следили, получит ли Гиссан работу. Все они молчали, но Валентин краем глаза видел, как они старались привлечь его внимание, а маленькие вставали на цыпочки, чтобы казаться взрослее и солиднее. Если он откажет мальчику, тут же поднимется дикий хор голосов и лес машущих рук. Однако Гиссан, похоже, знал свое дело.

— Ладно, — сказал Валентин, — веди нас к Дому Записей.

— Все эти повозки — твои?

— Вот эта, эта и эта.

Гиссан присвистнул.

— Ты, стало быть, важный? Откуда ты?

— С Замковой Горы.

— Я так и думал, что ты важный. Но, если ты едешь с Замковой Горы, как ты попал со стороны Врат Лезвий?

Мальчик был явно неглуп. Валентин сказал:

— Мы путешествовали. Мы только с Острова Сна.

— Ух ты!

Глаза мальчика округлились. Это была первая брешь в его небрежной улично-мудрой холодности. Без сомнения, Остров был для него, по-существу, мифическим местом, далеким как звезды, и он, помимо своей воли, почувствовал благоговение перед особой, действительно побывавшей там. Он облизал губы.

— Как мне тебя называть?

— Валентин.

— Валентин, — повторил мальчик. — Валентин с Замковой Горы. Приятное имя. — Он взобрался в первую повозку и, когда Валентин сел рядом, спросил: — Ты в самом деле Валентин?

— В самом деле.

— Очень приятное имя, — снова сказал мальчик. — Ну, плати мне полреала, Валентин, и я покажу тебе Лабиринт.

— Валентин знал, что полреала — это оплата нескольких дней работы искусного ремесленника, однако спорить не стал. Ему казалось, что человеку его положения не пристало торговаться с ребенком. Возможно, Гиссан именно на это и рассчитывал.

Во всяком случае, гонорар обернулся ценным капиталовложением, потому что мальчик был экспертом в изгибах и поворотах Лабиринта и вел с поразительной скоростью к нижним и внутренним кольцам. Они спускались вниз и кругом, делая неожиданные повороты, срезая путь узкими, едва проходимыми переулками, спускались по скрытым скатам, которые, казалось, переносили их через немыслимые бездны пространства.

Чем ниже, тем темнее и запутаннее становился Лабиринт. Хорошо выглядел только внешний уровень, а окружности внутри него были темными и зловещими, с тускло освещенными коридорами, отходившими от главного во всех направлениях, со странными статуями и архитектурным орнаментом, которые смутно различались в мрачных сырых углах. Это место, по мнению Валентина, смущало дух, оно пахло заплесневевшей историей, оно имело холодную влажность невообразимой древности, без солнца, без воздуха, гигантская пещера забытого страшного мрака, где хмурые фигуры с жестким взглядом двигались по делам таким же таинственным, как и они сами.

Все ниже, ниже, ниже...

Караван спускался весь день. Проехали через Двор Колонн, где тысячи громадных серых столбов поднимались как поганые грибы и болота почти неподвижной маслянистой черной воды покрывали каменный пол на три-четыре фута глубиной. Проехали Холл Ветров, устрашающее место, где порывы холодного ветра непонятным образом проникали сквозь изящно вырезанные каменные решетки в стенах. Видели Место Масок — извилистый коридор, где на мраморных постаментах стояли лица без тел, с пустыми щелями глаз. Видели Двор Пирамид — целый лес многогранных остроконечных белых монолитов, стоявших так близко друг к другу, что между ними нельзя было пройти. Некоторые были правильными четырехгранниками, но большинство было странно вытянуто, скручено и выглядело зловеще. Ниже, не следующем уровне, был прославленный Двор Шаров — сложное строение в пол-

торы мили длиной, где находились сферические предметы — одни размером с кулак, другие — с гигантского морского дракона. Они висели, неизвестно как подвешенные, и освещались снизу. Гиссан указал на самый большой шар: под ним была могила архитектора — плита черного камня без надписи.

Ниже, ниже...

Во время своего первого визита Валентин ничего этого не видел. Из Врат Вод он быстро спустился по проходам, предназначенным лишь для Короналя и Понтификса, в имперское логово в сердце Лабиринта.

«Если я вновь стану Короналем,— думал Валентин,— когда-нибудь мне придется стать преемником Тивераса — Понтификсом. Когда этот день настанет, я скажу народу, что не хочу жить в Лабиринте, а построю себе дворец в более приятном месте.»

Он сам улыбнулся своим мыслям. Интересно, сколько Короналей до него, увидев ужасную громаду Лабиринта, давали себе такие же обещания? Однако же, все они рано или поздно уходили от мира и обосновывались здесь. Конечно, пока он молод и полон жизни, ему легко принимать такие решения, легко подумать, что можно перевести Понтификс из Алханрола на какое-нибудь подходящее место на более молодом континенте — в Ни-мойе, например, или в Долорн, и жить среди красоты и радости. Ему было трудно представить себе, что он добровольно заточит себя в этом фантастическом и отталкивающем Лабиринте. Но все до него поступали именно так — уходили из Замка в эту темную нору, когда наступало время.

Может, это и в самом деле на так плохо, как кажется. Может, когда человек достаточно долго пробыл Короналем, он рад случаю удалиться с высот Замковой Горы.

«Ладно,— сказал себе Валентин,— в подходящее время можно будет обдумать и это.»

Караван плавучих повозок сделал резкий поворот и спустился на уровень ниже.

— Арена,— торжественно объявил Гиссан.

Валентин осмотрел громадное помещение, такое большое в длину и ширину, что стен не было видно, только далекий свет шевелился в затемненных углах. Никаких подпорок для потолка не было видно. Было просто поразительно, если подумать о чудовищном весе верхних уровней с бесконечными улицами и переходами, с миллионами жителей, зданиями, статуями и прочим, что ничем не укрепленный потолок Арены выдерживает это колоссальное давление.

— Слушай,— сказал Гиссан.

Он вылез из повозки, приложил руки ко рту и пронзительно крикнул. Эхо вернуло крик резкими скачущими звуками, отражаясь от стен сначала громко, а потом постепенно затихая. Мальчик крикнул еще раз, а затем с самодовольной улыбкой вернулся в повозку.

— Для чего служит это помещение? — спросил Валентин.

— Ни для чего.

— Совсем ни для чего?

— Просто пустота. Понтификс Дизимол хотел иметь здесь большое пустое пространство. Здесь никогда ничего не происходит. Строить здесь что-нибудь не разрешается, даже если бы кто и хотел. Это просто место. Хорошее эхо, ты не находишь? Единственная польза. Ну-ка, Валентин, сотвори эхо!

— В другой раз.— Валентин с улыбкой покачал головой.

Чтобы проехать Арену, казалось, понадобится целый день. Они ехали и ехали, однако не видели ни стен, ни колонн, словно путешествовали по открытой равнине, если не считать еле видимого потолка наверху.

Валентин даже не заметил момента, когда они выехали с Арены. Уже спустя некоторое время он осознал, что пол каким-то образом превратился в скат, и они постепенно спускаются на нижний уровень по уже знакомым кольцам Лабиринта. Пока они путешествовали вниз по этому новому коридору, он становился все светлее, пока, наконец, не сделался таким же ярко освещенным, как верхний уровень с рынками и магазинами. Вдали прямо перед ними поднимался высоченный экран со сверкающими цветными надписями.

— Мы дошли до Дома Записей. Дальше я не могу следовать с вами.

И в самом деле, дорога заканчивалась пятиугольной площадью с этим громадным экраном впереди. Теперь Валентин видел, что этот экран — Хроника Маджипура. На левой его стороне были записаны имена Короналей — такой длинный список, что Валентин едва мог разобрать верхние имена. На правой стороне — соответствующий список Понтификсов. Возле каждого имени стояла дата правления. Глаза Валентина пробежали по списку.

Здесь были сотни имен, некоторые знакомые — великие имена истории планеты: Стиамот, Тимин, Конфалум, Деккерит, Престимион, а другие — просто набор букв, ничего

не значивший для Валентина. Он читал эти имена, когда был мальчиком, в списке Правителей, но ничего не знал о них, кроме того, что они когда-то — три, четыре, пять тысяч лет тому назад — правили, прошли имперскую стадию и исчезли в истории.

«Лорд Спорифон, Лорд Скейл, — думал Валентин, — кто они были? Какого цвета были их волосы, в какие игры они играли, какие законы издавали, спокойно ли встретили свою смерть? Оказали ли какое-то влияние на жизнь миллиардов на Маджипуре или нет?»

Некоторые, как читал Валентин, были Короналями всего несколько лет, а затем быстро уходили в Лабиринт заменить умершего Понтификса, а другие правили в Замке в течение целого поколения. Вот Лорд Мейк был Короналем тридцать лет, а потом еще двадцать лет Понтификсом. Пятьдесят лет высшей власти! А кто знает теперь о Лорде Мейке и Понтификсе Мейке? Он посмотрел в конец списка: Лорд Тиверас, Лорд Малибор, Лорд Вариакс, Лорд Валентин...

Лорда Валентина, во всяком случае должны бы запомнить. На Маджипуре через много поколений будут рассказывать о черноволосом молодом Коронале, изменнически брошенном в тело блондина и о захвате его трона сыном Короля Снов. Но что скажут о нем? Что он бесхитростный дурак, вроде Ариока, который сам себя сделал Леди Острова? Что он слаб и не сумел уберечь себя от зла? Что он перенес такое ошеломляющее падение и мужественно вернул себе свое место? Как будут рассказывать историю Лорда Валентина через тысячу лет? Стоя перед огромным списком Дома Записей, Валентин молился об одном: только бы не говорили о Лорде Валентине, что он героически отвоевал обратно свой трон, а потом пятьдесят лет правил слабо и беспомощно. Лучше уж оставить замок Барджазеду, чем получить такую известность.

Гиссан потянул его за руку.

— Валентин! — Валентин, вздрогнув, обернулся. — Я оставлю тебя здесь, — сказал мальчик. — Люди Понтификса скоро придут за тобой.

— Спасибо тебе, Гиссан, за все, что ты сделал. Но как ты вернешься обратно?

— Да уж не пешком. — Гиссан подмигнул. — Это я тебе точно скажу!

Он сделал паузу.

— Валентин...

— Да?

— У тебя случайно не было черных волос и бороды?

Валентин засмеялся.

— Ты думаешь, что я Корональ?

— О, я это знаю! Это написано на твоем лице. Только лицо у тебя не то.

— А что? Лицо неплохое,— сказал Валентин. Он рассмеялся.— Чуточку более добродушное, чем мое прежнее, может, более красивое. Я думаю, что я его оставлю себе. Полагаю, что тот, кому оно прежде принадлежало, теперь в нем не нуждается.

Мальчик широко раскрыл глаза.

— Значит ты в другом облике?

— Вроде того.

— Я так и подумал.— Он вложил свою маленькую руку в руку Валентина.— Ну что ж, удачи тебе, Валентин. Если ты когда-нибудь вернешься в Лабиринт, спроси меня, и я вновь буду твоим проводником, и бесплатно. Запомни мое имя: Гиссан.

Мальчик опять подмигнул и исчез.

Валентин снова обернулся к экрану истории. Лорд Тиверас, Лорд Малибор, Лорд Вариакс, Лорд Валентин...

«А может, когда-нибудь — Лорд Гиссан,— подумал он.— Почему бы и нет? Мальчик, кажется, знает не меньше иных правителей, и у него, надо думать, хватило бы ума не пить одурманенное вино Барджазеда. Я запомню его.»

Глава 6

Из ворот в дальней стороне площади вышли три фигуры: женщина-хьорт и двое людей в официально принятых в Лабиринте масках. Они неторопливо подошли к тому месту, где стояли Валентин, Слит, Карабелла и еще кое-кто. Хьорт внимательно оглядела Валентина.

— У тебя здесь дело? — спросила она.

— Мне необходимо получить аудиенцию у Понтификса.

— Аудиенцию у Понтификса? — повторила хьорт с таким изумлением, словно Валентин просил пару крыльев или разрешения выпить океан. Она засмеялась.— Понтификс не дает аудиенций.

— Ты его главный министр?

Она засмеялась громче.

— Здесь Дом Записей, а не Двор Тронов. Здесь нет министров.

Три чиновника повернулись и направились обратно к воротам.

— Подождите! — крикнул Валентин.

Он скользнул в состояние транса и послал им необходимое видение. В нем не было специфического содержания, а лишь общий смысл того, что стабильность мира в опасности, что над самим чиновничьим аппаратом нависла страшная угроза и что только он с друзьями может отвести силы хаоса. Чиновники продолжали путь, и Валентин удвоил интенсивность сообщения, пока не вспотел от усилий. Чиновники остановились. Хьорт оглянулась.

— Чего ты хочешь? — спросила она.

— Допустите нас к министрам Понтификса.

Они стали шепотом совещаться.

— Что мы должны делать? — спросил Валентин у Делиамбера. — Жонглировать для них?

— Имей терпение, — прошептал вруон.

Валентин нашел это трудных делом, однако придержал язык. Через некоторое время чиновники вернулись и сказали, что он и пять его спутников могут войти, а остальные должны ночевать на верхнем уровне. Валентин нахмурился, но спорить явно не имело смысла. Он выбрал Делиамбера, Карабеллу, Слита, Эйзенхарта и Залзана Кавола.

— А как остальные найдут себе помещение? — спросил он.

Хьорт пожала плечами. Это ее не касалось. Откуда-то сбоку донесся чистый высокий голос:

— Не нужно ли кого-нибудь проводить на верхний уровень?

Валентин улыбнулся.

— Гиссан, ты все еще здесь?

— Я подумал, что могу понадобиться.

— Так оно и есть. Найди приличное место на внешнем кольце возле Врат Вод, где мои люди могут остановиться и подождать, пока я здесь закончу с делами.

Гиссан кивнул.

— Я попрошу только три кроны.

— Вот как? Тебе же все равно нужно подниматься наверх! И всего пять минут тому назад ты сказал, что в следующий раз, когда ты будешь моим гидом, ты не возьмешь ничего!

— Так то в следующий раз, — серьезно ответил мальчик, — а сейчас пока еще первый раз. Неужели ты лишишь бедного мальчишку его куска хлеба?

Вздохнув, Валентин сказал Залзану Каволу:

— Дай ему три кроны.

Мальчик прыгнул в головную повозку, и вскоре весь караван развернулся и отправился в обратный путь. Валентин и его пятеро спутников прошли через ворота Дома Записей.

Коридоры шли во всех направлениях. В скудно освещенных маленьких комнатках служащие низко склонялись над горами документов. Воздух здесь был сухой и затхлый. Общее впечатление места были еще более отталкивающее, чем на предыдущих уровнях. Валентин понял, что здесь был административных центр Маджипура, место, где велась реальная работа по управлению двадцатью миллиардами жителей планеты.

Сознание, что эти суетившиеся гномы, эти подземные жители осуществляют истинную власть над миром, неприятно холодило его. Он думал, что истинным королем был Корональ, а Понтификс — просто номинальный глава. Ведь именно Корональ командовал силами порядка, если где-то возникал хаос, сильный динамичный Корональ. В то время как Понтификс оставался замурованным внизу и выходил из Лабиринта лишь в случаях величайшей государственной важности. Теперь он уже не был так уверен в этом.

Сам Понтификс, возможно, и был всего лишь свихнувшимся стариком, однако ставленники Понтификса, сотни тысяч серых чиновников в масках в совокупности могли иметь куда большую власть на Маджипуре, чем энергичный Корональ со своими помощниками. Здесь составлялись списки налогов, здесь налаживался торговый баланс между провинциями, координировался контроль провинций над шоссейными дорогами, учебными и воспитательными заведениями и прочим. Валентин не был убежден, что централизованное управление возможно на такой громадной планете, как Маджипур, однако, во всяком случае, основные формы этого управления существовали хотя бы как структурные контуры. Он понял, идя по внутренней части Лабиринта, что управление Маджипуром состоит отнюдь не в больших процессиях и посланий снов. Большая часть работы делается скрытыми здесь чиновниками. Это был тяжелый труд.

Несколькими уровнями ниже Дома Записей находились помещения для официальных лиц провинций, посещавших Лабиринт по правительственным делам. Там Валентину предоставили скромную квартиру, где и оставили его на следующие несколько дней. Сдвинуться с этой точки, казалось, не было никакой возможности. Как Корональ, он,

конечно, имел право требовать немедленного допуска к Понтификсу, однако он не Корональ в настоящем смысле этого слова, и такое требование, вероятно, вообще лишило бы его возможности действовать.

Порывшись в памяти, он вспомнил имена первых министров Понтификса. Если с тех пор ничего не изменилось, у Понтификса было пять полномочных официальных лиц, близких к нему: Горнкейст, главный спикер, Делифон, личный секретарь, Шинаам, гейрог, министр внешней политики, Сиполтрейв, министр по делам науки и личный врач Понтификса, и Нарамир, толковательница снов, которая, как говорили, имела власти больше всех остальных, советница, выбравшая в Коронали Вариакса, а затем Валентина. Добраться до любого из этих пятерых было так же трудно, как и до самого Понтификса. Они, как и Тиверас, захоронились в глубинах, далекие, недоступные.

Способности Валентина управлять обручем, данным ему матерью, не простирались на установление контакта с незнакомым мозгом на неизвестном расстоянии. Он скоро узнал, что два меньших, но все-таки значительных чиновника служили сторожами на центральных уровнях Лабиринта. Это были имперские мажордомы Дондак-Саямир, су-сухирис, и Джитаморн Сол, человек.

— Однако,— сказал Слит, поговорив с управляющим домом для гостей,— эти двое уже год как поссорились и почти не сотрудничают друг с другом. А тебе, чтобы попасть к министрам, нужно согласие обоих.

Карабелла недовольно фыркнула.

— Мы потратим всю жизнь, собирая здешнюю пыль! Валентин, зачем мы вообще связались с Лабиринтом? Может уйдем отсюда и отправимся прямо на Замковую Гору?

— Точно — моя идея,— сказал Слит.

Валентин покачал головой.

— Главное — поддержка Понтификса. Так сказала Леди, и я с ней согласен.

— Для чего — главное? — спросил Слит.— Понтификс спит под землей и ничего ни о чем не знает. Он что, даст тебе армию? Да и вообще, существует ли он?

— Понтификс имеет армию, служащих и чиновников,— мягко сказал Делиамбер.— Для нас они были бы исключительно полезны. Они не воины, но управляют равновесием власти в нашем мире.

Слита это не убедило.

— А по-моему, надо поднять знамя горящей звезды и идти под звуки труб и барабанный бой через Алханрол,

объявляя себя Короналем и рассказывая всему миру об узурпаторе. В каждом городе на своем пути ты завоюешь поддержку народа своим теплом и искренностью и, может быть, немножко обручем Леди. И, пока ты идешь по Замковой Горе, десять миллионов пойдет за тобой, и Барджазед сдастся без боя.

— Приятная картина,— сказал Валентин,— однако я думаю, что сначала пусть за нас поработает содействие Понтификса, прежде чем мы бросим открытый вызов. Я повидаюсь с этими мажордомами.

В этот же день его проводили в штаб-квартиру Дондак-Саямира — на удивление унылый маленький офис в глубине путаницы крошечных служебных каморок. Валентин больше часа ожидал в тесном и шумном вестибюле, прежде чем его допустили к мажордому.

Валентин мало представлял себе, как обращаться к су-сухирису. Может, одна голова — Дондак, а другая — Саямир? Обращаться к обеим или только к одной голове, которая разговаривает с вами? Может, полагается переводить взгляд с одной головы на другую, пока говоришь?

Дондак-Саямир оглядел Валентина как бы с высоты своего величия. В кабинете повисла напряженная тишина, пока четыре холодных глаза рассматривали посетителя. Су-сухирис был стройным удлиненным существом, безволосым и гладкокожим, трубчатым по форме, с палкой-шеей, поднимавшейся на десять-двенадцать дюймов и имевшей на конце развилку для поддержки двух узких веретенообразных голов. Он держался с видом такого превосходства, словно должность мажордома Понтификс была важнее должности самого Понтификса. Валентин знал, что это холодное высокомерие просто было свойством этой расы: су-сухирисы всегда выглядели величественными и надменными. Наконец, левая голова Дондак-Саямира заговорила:

— Зачем ты пришел сюда?

— Просить аудиенции у первых министров Понтификса.

— Так написано в твоем письме. Какое дело у тебя к ним?

— Государственное дело чрезвычайной важности.

— Да?

— Вряд ли ты можешь рассчитывать, что я буду обсуждать это дело с кем-то ниже самого высокого уровня власти.

Дондак-Саямир бесконечно долго обдумывал сказанное. Он вновь заговорил уже правой головой. Второй голос был много ниже первого.

— Если я зря потревожу верховных министров, мне будет плохо.

— Если ты воспрепятствуешь моему свиданию с ними, тебе будет еще хуже.

— Угрожаешь?

— Отнюдь нет. Скажу тебе только, что если они не получат этой информации, последствия будут весьма серьезными. Министры, без сомнения, рассердятся, узнав, что ты не допустил до них эту информацию.

— Я не один,— сказал су-сухирис.— Есть второй мажордом, и прошение такого рода мы должны одобрить оба. Ты еще не разговаривал с моим коллегой?

— Нет.

— Она сумасшедшая. Она намеренно и злобно отказывается сотрудничать со мной уже много месяцев.— Теперь Дондак-Саямир говорил обеими головами сразу в тонах неполной октавы,— Даже если я дам тебе свое согласие, она откажет, так что ты никогда не увидишь верховных министров.

— Но так не должно быть! Нельзя ли как-нибудь обойти ее?

— Это незаконно.

— Если она блокирует законное дело, то...

— Это на ее ответственности,— ответил равнодушно су-сухирис.

— Нет,— сказал Валентин,— ответственность на вас обоих! Ты не можешь просто сказать, что из-за ее нежелания сотрудничать с тобой я не двинусь вперед, когда на карту поставлено само существование правительства!

— Ты действительно так думаешь?

Вопрос поставил Валентина в тупик. То ли он относился к идее угрозы королевству, то ли к замечанию, что су-сухирис несет равную ответственность, препятствую Валентину. После паузы он спросил.

— Что же ты мне посоветуешь?

— Возвращайся домой,— сказал мажордом,— живи счастливо и плодотворно и оставь проблемы управления тем, чья судьба — распутывать их.

Глава 7

Не больше удовлетворения получил он и у Джитаморн Сол. Второй мажордом был менее надменным, однако вряд ли более сговорчивым.

Эта женщина была лет на десять-двенадцать старше Валентина, высокая брюнетка делового, компетентного вида. На ее столе в кабинете более веселом и привлекательном, хотя столь же маленьком, как и у су-сухириса, лежало прошение Валентина. Она постучала несколько раз по письму и сказала:

— Ты не можешь увидеться с ними.

— Могу я узнать, почему?

— Потому что их никто не видит.

— Никто?

— Никто с внешней стороны. Теперь это не делается.

— Из-за разрыва между тобой и Дондак-Саямиром?

Джитаморн Сол поджала губы.

— Он идиот! Но, даже если бы он как следует выполнял свою работу, тебе все равно не добраться до министров. Они не желают, чтобы их беспокоили. На них лежит великая ответственность. Понтификс стар, как тебе, наверное, известно, он мало занимается делами управления, поэтому на тех, кто его окружает, ложится тяжелое бремя. Ты понимаешь это?

— Однако я д о л ж е н их увидеть.

— Я не могу тебе помочь. Их нельзя тревожить даже по самым важным причинам.

— А предположим,— медленно сказал Валентин,— что Корональ был свергнут, и в Замке сидит фальшивый?

Она подняла маску и ошеломленно посмотрела на Валентина.

— Что ты хочешь этим сказать? Так вот: твое прошение отклонено.— Она встала и сделала быстрый прогоняющий жест.— У нас в Лабиринте и так хватает сумасшедших, а тут еще приходят из...

— Подожди,— сказал Валентин.

Он вошел в состояние транса и вызвал силу обруча. Он потянулся к душе Джитаморн Сол, коснулся ее и окутал своей душой. Он не собирался раскрывать лишнее мелким служащим, однако тут, похоже, не было альтернативы, кроме как взять ее в поверенные. Он держал контакт, пока не почувствовал слабость и головокружение. Тогда он прервал его и быстро вернулся к полному бодрствованию. Она растерянно смотрела на него, щеки ее горели, глаза блуждали, грудь тяжело вздымалась. Заговорила она не сразу.

— Что это за фокус?

— Это не фокус. Я сын Леди, и она научила меня искусству посланий.

— Лорд Валентин брюнет.

— Был, а теперь нет.

— Ты хочешь, чтобы я поверила...

— Пожалуйста,— сказал он, вкладывая в это слово всю силу своего духа,— поверь мне. Все зависит от моего доклада Понтификсу о случившемся.

Но ее подозрения были слишком глубоки. Она не преклонила колени, не сделала знака горящей звезды, в ней была лишь угрюмая растерянность. Ей явно не хотелось, чтобы Валентин навязал этот рассказ какому-нибудь другому чиновнику.

— Су-сухирис наложит вето на все, что бы я не предложила,— сказала она наконец.

— Даже если я покажу ему то, что показал тебе?

Она пожала плечами.

— Его упрямство просто легендарно. Даже для спасения жизни Понтификса он не согласится ни с одним из моих предложений.

— Но это безумие!

— Именно так. Ты говорил с ним?

— Да. Он показался мне недружелюбным и распухшим от гордости, однако не сумасшедшим.

— Тебе бы пообщаться с ним подольше, прежде чем составить окончательное суждение о нем.

— А если подделать его подпись, и я пройду так, чтобы он не знал?

Она была шокирована.

— Ты толкаешь меня на преступление?

Валентин пожал плечами.

— Преступление уже совершено, и немалое,— сказал он ровным голосом.— Я, Корональ Маджипура, изменнически смещен. Твоя подпись необходима для моего восстановления. Неужели это не превышает все остальные пустяковые правила? Неужели ты не понимаешь, что я имею власть простить тебе нарушение этих правил? — Он наклонился к ней.— Время не ждет. Замок стал домом узурпатора. Я бегаю туда-сюда между подчиненными Понтификса вместо того, чтобы вести через Алханрол армию освобождения. Дай мне твое разрешение, и ты получишь вознаграждение, когда на Маджипуре опять будет порядок. Она холодно посмотрела на него.

— Твой рассказ требует от меня слишком большой веры. Что если ты лжив? Что если ты подкуплен Дондак-Саямиром?

— Клянусь,— простонал Валентин.

— Не надо. Такое вполне возможно. Это может оказаться ловушкой. Твоя фантастическая история и какой-то вид гипнотизма предназначены для того, чтобы погубить меня и дать су-сухирису высшую власть, которой он давно жаждет...

— Клянусь Леди, моей матерью, что я не солгал тебе.

— Всякой преступник клянется чьей-нибудь матерью, но что толку?

Валентин заколебался, однако затем взял Джитаморн Сол за руки и пристально взглянул ей в глаза. То, что он хотел сделать было ему неприятно, но и все эти мелкие чиновники тоже чинили ему неприятности. Придется пойти на несколько бесстыдный обман, иначе он навек запутается здесь. Он сказал:

— Даже если бы Дондак-Саямир подкупил меня, я никогда бы не предал такую красивую женщину, как ты.

Она посмотрела на него презрительно, однако щеки ее окрасились румянцем.

— Поверь мне,— продолжал он.— Я — Лорд Валентин, и ты будешь одной из героинь моего возвращения. Я знаю, что ты хочешь больше всего на свете, и ты получишь это, когда я снова вернусь в Замок.

— Ты знаешь?

— Да,— шепнул он и ласково похлопал ее по рукам, теперь вяло лежавшим в его ладонях.— Ты хочешь быть единственным авторитетом во Внутреннем Лабиринте, верно? Ты хочешь быть единственным мажордомом?

Она кивнула, как бы во сне.

— Так и будет,— сказал он.— Стань моей союзницей, и Дондак-Саямир будет лишен своего ранга за то, что преграждал мне дорогу. Станешь? Ты поможешь мне добраться до верховных министров?

— Это трудно.

— Но возможно! Когда я вновь стану Короналем, су-сухирис потеряет свой пост! Это я тебе обещаю!

— Поклянись!

— Клянусь! — горячо сказал Валентин. Он чувствовал себя грязным и испорченным.— Клянусь всем, что для меня свято! Этого достаточно?

— Достаточно,— сказала она. Ее голос чуть изменился.— Но как это сделать? На пропуске должны быть обе подписи, а если моя будет, он откажется добавить свою.

— Подпиши пропуск и дай его мне. Я вернусь к су-сухирису и уговорю его подписать.

— Он ни за что этого не сделает.

— Я поработаю над ним. Я умею убеждать. Получив его подпись, я войду во Внутренний Лабиринт и добьюсь того, что мне нужно. А вернусь я с полномочиями Короналя и смещу с поста Дондак-Саямира.

— Но как ты получишь его подпись? Он уже сколько месяцев ничего не подписывает.

— Положись на меня.

— Она достала из стола темно-зеленый кубик из какого-то гладкого блестящего материала и поместила его на короткое время в машину, которая бросила на него опаляюще-желтое пламя. Когда мажордом опять достала кубик, поверхность его сияла новым блеском.

— Вот это твой пропуск. Однако предупреждаю тебя, что без второй подписи он недействителен.

— Я получу ее,— сказал Валентин.

Он вернулся к Дондак-Саямиру. Су-сухирис неохотно встретил его, но Валентин был настойчив.

— Теперь я понимаю твое отвращение к Джитаморн Сол,— сказал он.

Дондак-Саямир холодно улыбнулся.

— Она и тебе противна? Полагаю, что она отказала тебе в просьбе.

— Нет,— сказал Валентин. Он достал кубик и положил его перед мажордомом.— Она дала мне его довольно охотно, зная, что ты мне откажешь и ее разрешение окажется недействительным. А вот другой ее отказ меня сильно задел.

— Какой?

— Тебе это покажется глупостью,— безмятежно сказал Валентин,— может быть даже отталкивающей, однако я был прямо захвачен ее красотой. Должен сказать, что для человеческих глаз эта женщина исключительно привлекательна физически, она излучает эротическую силу, и это... Ну, ладно, неважно. Я потянулся к ней в наивном смятении и таким образом стал открытым и уязвимым, а она жестоко посмеялась надо мной. Она отнеслась ко мне с презрением, а это мне как ножом в сердце. Как она могла быть такой безжалостной, такой надменной к незнакомцу, который только тем и виноват, что имел к ней такие горячие, глубоко страстные чувства?

— Ее красоты я не вижу,— сказал су-сухирис,— но ее холодность и высокомерие мне хорошо известны.

— Теперь я разделяю твою неприязнь к ней,— сказал Валентин.— Если пожелаешь, я предложу тебе свои услуги, и мы вместе сделаем то, что погубит ее.

Дондак-Саямир задумчиво сказал:

— Да, возможно это подходящий момент, чтобы скинуть ее. Но как?

Валентин постучал по кубику, лежащему на столе.

— Добавь свою подпись на этот пропуск. Тогда я смогу войти во Внутренний Лабиринт. Пока я буду там, ты начнешь официальное расследование обстоятельств, при которых меня пропустили, и заявишь, что ты не давал такого разрешения. Когда я вернусь, закончив свое дело с Понтификсом, ты позовешь меня для проверки. Я скажу, что ты отказал в моей просьбе, однако я получил полностью оформленный пропуск от Джитаморн Сол и не подозревал, что кто-то по злобе забыл о тебе. Твое обвинение в забывчивости вкупе с моим свидетельством свалит ее. Ну, что скажешь?

Су-сухирис сунул кубик в машину, и сверкающий розовый жар перекрыл желтое пламя Джитаморн Сол. Теперь пропуск был оформлен по всем правилам. Валентин подумал, что вся эта интрига была почти сродни замысловатости самого Лабиринта, но она сработала и сработала успешно. Пусть теперь эти двое строят друг другу козни, а он пойдет к министрам. Вероятно, мажордомы будут разочарованы тем, как он выполнит свои обещания, поскольку он намеревался, если сможет, отстранить от власти обоих соперников. Однако он не чувствовал себя вполне чистым и безгрешным по отношению к тем, чья роль в управлении, видимо, состояла в том, чтобы препятствовать и возражать. Он взял кубик у Дондак-Саямира и благодарно склонил голову.

— Да будет тебе вся власть и престиж, каких ты заслуживаешь,— сказал он елейно и вышел.

Глава 8

Стражи Внутреннего Лабиринта, казалось были ошеломлены, что кто-то снаружи ухитрился получить разрешение на вход в их царство. Они подвергли кубик сканированию и, с большой неохотой признав его законность, пропустили Валентина со спутниками.

Узкая тупоносая повозка быстро и бесшумно несла их по проходам этого внутреннего мира. Чиновники в масках, сопровождавшие их, казалось, и не вели повозку, да это было бы нелегкой задачей, поскольку на этих уровнях Лабиринт бесконечно разветвлялся и кружил.

Любой чужак быстро и безнадежно затерялся бы в тысячах изгибов, поворотов и перепутанных коридорах. Однако повозка, как видно, плыла под каким-то скрытым управлением по кратчайшей, хотя отнюдь не прямолинейной дороге вглубь и вглубь, в кольца проулков.

На каждом контрольно-пропускном пункте Валентина допрашивали недоверчивые чиновники, почти неспособные понять, как это пришедший снаружи едет к министрам Понтификса. Их бесконечные колкости были надоедливыми, но пустыми. Валентин размахивал своим кубиком-пропуском, как волшебным жезлом.

— У меня поручение высочайшей важности,— повторял он снова и снова,— и я буду говорить только с высшими чинами Двора Понтификса.— Вооружившись всем своим достоинством и правом командовать, он отметал все возражения, все увертки.— Вам же станет хуже, если вы будете меня задерживать!

И вот наконец — Валентину казалось, что прошло сто лет с тех пор, как он вошел в Лабиринт через Врата Лезвий,— он очутился перед Шинаамом, Делифоном и Нарамир — тремя из пяти первых министров Понтификса. Они приняли его в темной холодной комнате, с высоченным потолком и остроконечными арками. Это было неприятное, давящее помещение, более похожее на подземную тюрьму, чем на совещательную комнату.

Войдя туда, Валентин почувствовал здесь вес Лабиринта. Он был как бы прижат здесь, в этом царстве вечной ночи, под гигантским холмом земли и многими милями извилистых проходов. Это путешествие вглубь Лабиринта высушило его, как если бы он не спал несколько недель. Валентин коснулся рукой Делиамбера, и вруон дал ему звенящий заряд энергии. Он взглянул на Карабеллу, и она послала ему воздушный поцелуй. Он посмотрел на Слита, и тот кивнул и ухмыльнулся. Он взглянул на Залзана Кавола, и гордый седой скандар сделал быстрое жонглирующее движение рукой, чтобы подбодрить Валентина. Его спутники, его друзья, его оплот во всем этом долгом и удивительном путешествии. Он взглянул на министров.

Они были без масок и сидели рядом в креслах, величественных как троны. Шинаам — министр внешней политики, гейрог по происхождению, змееподобный с холодными глазами и мелькавшим раздвоенным красным языком — находился в центре. Направо от него сидел Делифон, личный секретарь Тивераса, хрупкая призрачная фигура с белыми, как у Слита, волосами, увядшей пер-

гаментной кожей и горевшими, как угли, глазами — из древней расы. По левую сторону гейрога сидела Нарамир, имперская толковательница снов, стройная элегантная женщина явно преклонного возраста, поскольку ее сотрудничество с Тиверасом восходило к тем временам, когда он был Короналем. У нее была гладкая, без морщин кожа, темно-рыжие волосы, пышные и блестящие. Только отстраненное, загадочное выражение глаз намекало на мудрость, опыт, накопленную за много десятилетий силу. Вот какова она была. Валентин решил, что это какое-то колдовство.

— Мы прочитали твою петицию,— сказал Шинаам низким скрипучим голосом с легким шипением.— Нам трудно поверить в твою историю.

— Вы говорили с Леди, моей матерью?

— Да. Она признает тебя своим сыном.

— Леди требует, чтобы мы сотрудничали с тобой,— сказал Делифон надломленным голосом.

— Она явилась к нам в послании,— мягко музыкально произнесла Нарамир.— Она поручает тебя нам и просит, чтобы мы оказали тебе всю помощь, которую ты потребуешь.

— И что дальше? — спросил Валентин.

— Существует возможность,— сказал Шинаам,— что Леди была обманута.

— Вы думаете, что я самозванец?

— Ты просишь нас поверить,— сказал гейрог,— что Кораль Маджипура был приведен младшим сыном Короля Снов в бессознательное состояние, извлечен из его собственного тела — что лишило его памяти — и помещен в совершенно иное тело, удачно оказавшееся под руками, а узурпатор вошел в пустой корпус Короналя, сохранив собственное сознание. Мы находим, что в это весьма трудно поверить.

— Существует искусство переносить дух из одного тела в другое,— сказал Валентин.— Вот прецедент.

— Нет прецедента,— возразил Делифон,— чтобы таким образом переносили Короналя.

— Однако это случилось. Я, Лорд Валентин, милостью Леди вылечил свою память и прошу поддержки Понтификса в возвращении ответственности, которую он возложил на меня после смерти моего брата.

— Да,— сказал Шинаам,— если ты тот, кем себя называешь, тебе, вероятно, нужно вернуться в Горный Замок. Но как мы можем это знать? Это очень серьезное дело. Как можем мы советовать Понтификсу ввергнуть

мир в гражданскую войну только на основании утверждения какого-то чужака, который почему-то...

— Свою мать я уже убедил в своей подлинности,— сказал Валентин.— Мой мозг был открыт ей на Острове, и она видела, кто я.— Он коснулся серебряного луча на лбу.— Как вы думаете, откуда я взял этот обруч? Это ее дар, из ее собственных рук, когда мы с ней были во Внутреннем Храме.

— В том, что Леди признала тебя и поддерживает, нет никакого сомнения,— спокойно заметил Шинаам.

— Но вы сомневаетесь в ее суждении?

— Мы требуем более веских доказательств,— сказала Нарамир.

— Тогда позвольте мне сейчас же дать послание, чтобы я мог убедить вас в справедливости моих слов.

— Как желаешь,— сказал Делифон.

Валентин закрыл глаза и вошел в транс. Из него со страстью и убеждением хлынул сияющий поток его существа. Однако он чувствовал, что неспособен преодолеть непоколебимый скептицизм министров Понтификса.

Мозг гейрога был полностью непрозрачен для Валентина — стена, такая же недоступная, как белые утесы Острова Сна. Валентин ощущал лишь туманные проблески сознания за мысленным щитом Шинаама и не мог пробить его, хотя изливал на этот щит всю свою силу. Мозг дрожавшего старого Делифона тоже был отдаленным, но не потому, что был экранирован, а потому, что был открытым, пористым как соты и не предоставлял сопротивления. Валентину удалось осуществить контакт только с мозгом Нарамир, однако и то неудовлетворительный. Казалось, она пила его душу, впитывала все, что он давал, но все это высыхало в бездонных пещерах ее существа, так что он посылал и посылал, однако так и не добрался до центра ее духа.

Однако он не отступал. С яростной силой он бросал всю полноту своего духа, называл себя Лордом Валентином из Горного Замка и требовал от них доказательств, что он кто-то другой. Он дошел до глубины воспоминаний о матери, о короле-брате, о своем воспитании, о своем свержении в Филононе, о странствиях по Зимролу — обо всем, что сформировало человека, пробившегося в недра Лабиринта за помощью. Он полностью отдавал себя, пока не выдохся, не оцепенел от истощения. Он повис в поддержавших руках Слита и Карабеллы, как ненужная одежда, сброшенная владельцем.

Он вышел из транса, боясь провала. Он дрожал от слабости, пот покрыл его тело, перед глазами все плыло, и дико болели виски. Он постарался обрести силы, закрыв глаза и глубоко дыша, а потом посмотрел на трех министров.

Их лица были жесткими и сумрачными, глаза — холодными и неподвижными. Они выглядели надменными, презрительными и даже враждебными. Валентин вдруг испугался: может эти трое — ставленники самого Доминика Барджазеда? Чего он может просить у своих врагов? Он уверял себя, что это невозможная, немыслимая вещь, что это порождение усталого мозга. Нельзя поверить, что заговор против него достиг самого Лабиринта.

— Ну? — хрипло спросил он. — Что вы теперь скажете?

— Я ничего не почувствовал, — сказал Шинаам.

— Я не убежден, — сказал Делифон. — Такие послания может дать любой колдун. Твои искренность и страсть могут быть и притворными.

— Я согласна, — сказала Нарамир, — послание может быть как настоящим, так и лживым.

— Нет! — закричал Валентин. — Я был широко открыт перед тобой.

— Недостаточно широко, — ответила Нарамир.

— Что ты имеешь в виду?

— Давай сделаем снотолкование вдвоем здесь, в этой комнате, при этих свидетелях. Пусть наши разумы станут поистине одним. Тогда я смогу оценить правдоподобность твоей истории. Согласен? Выпьешь наркотик со мной?

Валентин беспокойно взглянул на своих спутников и увидел на их лицах отражение своей тревоги — у всех, кроме Делиамбера, выражение лица которого было нейтральным, словно Делиамбер был совершенно в другом месте. Рискнуть? Смеет ли он? Наркотик может лишить его сознания, сделать абсолютно проницаемым, полностью уязвимым. Если эти трое связаны с Барджазедом и хотят сделать Валентина беспомощным, это, видимо, нелегкое дело.

Предложение войти в его мозг исходит не от какой-нибудь деревенской толковательницы снов, а от толковательницы Понтификса, женщины, по крайней мере, столетнего возраста, хитрой и могущественной, прославленной хозяйки Лабиринта, контролирующей всех, включая Тивераса. Делиамбер намеренно не подал ему знака. Решение целиком лежит на Валентине.

— Да, — сказал он, глядя ей в глаза. — Если ничто другое не подходит, пусть будет толкование. Здесь. Сейчас.

Глава 9

Они, похоже, ожидали этого. Прислужники по сигналу принесли все необходимое: толстый ковер ярких цветов с темно-золотой каймой, высокий графин из белого полированного камня и две изящные фарфоровые чаши. Нарамир сошла со своего кресла, своими руками налила в чаши сонного вина и одну из них предложила Валентину.

Он взял чашу, однако выпил не сразу. Однажды он также принял вино из рук Доминика Барджазеда, и от одного глотка все для него изменилось. Может ли он выпить сейчас это, не опасаясь последствий? Где он проснется и в каком обличье? Нарамир молча наблюдала за ним. Глаза толковательницы снов были непроницаемы, таинственны, пронзающи. Она улыбалась почти двусмысленной улыбкой, то ли ободряющей, то ли торжествующей. Он поднял чашу в коротком салюте и поднес к губам. Эффект был мгновенным и неожиданным.

Валентин покачнулся. Туман и паутина окутали его мозг. Может, это вещество было много крепче, чем то, что давала ему Тизана в Фалкинкипе? Какая-то дьявольская добавка Нарамир? Или он сам был сейчас более чувствителен — усталый и истощенный от использования обруча? Затуманенными глазами он увидел, что Нарамир выпила свое вино, бросила пустую чашу прислужнику и быстро сняла платье. Ее нагое тело было гибким, гладким, девичьим — плоский живот, стройные бедра, высокие округлые груди. Валентин подумал, что это колдовство. Кожа ее имела глубокий коричневый оттенок. Почти черные соски уставились на Валентина, словно слепые глаза. Он был уже слишком опьянен наркотиком, чтобы раздеться самому, это сделали руки его друзей. Он почувствовал холод и понял, что он голый.

Нарамир поманила его к ковру. Валентин подошел на подгибающихся ногах, и она уложила его. Он закрыл глаза, представляя себе, что он с Карабеллой, но Нарамир ничуть не походила на Карабеллу. Ее объятия были сухими и холодными, тело твердое, неэластичное. В ней не было ни тепла, ни гибкости. Ее юность была всего лишь хитроумной имитацией. Лежать в ее объятия было все равно что на ложе из гладкого холодного камня. Всепоглощающее озеро тьмы окружило его, густая теплая маслянистая жидкость становилась все глубже, и Валентин легко уходил в нее, чувствуя, как она приятно скользит по его ногам, по талии, по груди.

Он чувствовал, что его засасывает водоворот, как в тот раз, когда его заглотил морской дракон. Так легко и приятно было не сопротивляться, куда лучше, чем бороться. Так привлекательно, так маняще — отказаться от всякой воли, расслабиться, принять все, что может случиться, позволить себе идти вниз. Он устал, он так долго боролся. Теперь он может отдохнуть и позволить черному прибою сомкнуться над ним. Пусть другие храбро сражаются за честь, за власть, за аплодисменты. Пусть другие...

Нет. Вот чего они хотели: поймать его в ловушку его собственной слабости и усталости. Он был слишком доверчив, слишком бесхитростен. Он ужинал с врагом, не зная этого, и был погублен. Он будет погублен еще раз, если откажется сейчас от усилий. Сейчас не время погружаться в теплые черные воды.

Он поплыл вверх. Сначала это было трудно, потому что озеро было глубоким, а черная жидкость, липкая и тяжелая, сжимала его руки. Однако после нескольких взмахов Валентин нашел способ сделать свое тело более угловатым, как режущее лезвие. Он двигался все быстрее, руки и ноги работали согласованно. Озеро, которое искушало его забвением, теперь дало ему поддержку. Оно твердо держало его на плаву, пока он быстро плыл к далекому берегу. Солнце, яркое, безмерное, громадный пурпурно-желтый шар, бросало ослепительные лучи по воде, как огненный след.

— Валентин! — Голос был низкий, раскатистый как гром. Валентин не узнал его.— Валентин, почему ты так упорно плывешь?

— Чтобы достичь берега.

— А зачем?

Валентин продолжал плыть. Он видел остров, широкий белый пляж, заросли высоких деревьев, лианы, плотно опутавшие их вершины. Он плыл и плыл, но все не приближался к берегу.

— Вот видишь? — сказал громовой голос.— Нет смысла утомляться.

— Кто ты? — спросил Валентин.

— Я Лорд Спорифон,— сказал величественно звучавший голос.

— Кто?

— Лорд Спорифон Корональ, преемник Лорда Скейла, ныне Понтификса. Я советую тебе отказаться от этой глупости. Чего ты надеешься достичь?

— Горного Замка,— ответил Валентин и поплыл быстрее.

— Но Корональ — я!

— Я никогда не слышал о тебе.

Лорд Спорифон издал резкий визгливый звук. Гладкая маслянистая поверхность озера зарябила и пошла складками. Валентин заставил двигаться вперед, однако быть уже не угловатым, а чем-то тупым и упрямым, и пробиваться через завихрения руками и ногами.

Берег был уже близок. Валентин опустил ноги и почувствовал внизу песок, горячий, корчившийся, убегавший из-под ног, но не настолько сильно, чтобы помешать Валентину выбраться на берег. Он выполз на пляж и на секунду встал на колени. Подняв глаза, он увидел бледного, худого человека, смотревшего на него печальными голубыми глазами.

— Я Лорд Гонзимар,— тихо сказал человек,— Корональ из Короналей, которого никогда не забудут, а это — мои бессмертные спутники.— Он сделал жест рукой.— Это Лорд Стрейн, это Лорд Пранкипин, Лорд Мейк, Лорд Скейл, Лорд Спорифон, великие и могущественные Корональ. Падай ниц перед ними!

Валентин засмеялся.

— Вы полностью забыты!

— Нет!

Валентин указал на последнего в ряду.

— Ты, Спорифон, никто не помнит тебя!

— Л о р д Спорифон, будь любезен.

— А ты, Лорд Скейл? Три тысячи лет начисто стерли твою славу.

— Ты ошибаешься. Мое имя записано в списке Властителей.

Валентин пожал плечами.

— Это верно. Ну и что из этого? Все вы — Лорд Пранкипин, Лорд Мейк, Лорд Гонзимар — всего лишь имена, и ничего больше. Только имена...

Они стали уменьшаться, сжиматься, пока наконец на берегу не остались крошечные существа, бегающие вокруг и выкрикивающие свои имена резкими голосами. Затем они исчезли, и на их месте оказались маленькие белые шары, не крупнее жонглерских мячиков. Валентин наклонился рассмотреть их и увидел, что это черепа. Он подобрал их и стал подбрасывать в воздух, ловить и снова бросать, и они летели сверкавшим каскадом. Их челюсти щелкали и дребезжали. Валентин усмехался.

Сколькими он может жонглировать за раз? Здесь было всего шесть. Однако за все прошлые тысячелетия были сотни Короналей. Он мог бы жонглировать всеми. Он достал из воздуха самых великих — Конфалума, Престимиона, Стиамота, еще дюжину, сотню и всех их бросал и ловил. Никогда еще на Маджипуре не было такого искусного жонглирования. Но теперь это были уже не черепа: они превратились в сверкающие многогранные диадемы, в шары — тысяча имперских шаров, рассыпавших искрившийся свет во всех направлениях. Он безошибочно жонглировал ими зная, какого правителя представлял каждый шар — вот Лорд Конфалум, вот Лорд Спорифон, вот Лорд Деккерит,— и всех их бросал вверх, так что они составили громадную перевернутую пирамиду света.

Все королевские особы Маджипура танцевали над ним и все возвращались к золотоволосому улыбавшемуся человеку, крепко стоявшему на горячем золотом песке пляжа. Он поддерживал их всех. Вся история планеты была в его руках, и он помогал ей в ее полете. Ослепительные диадемы составили наверху громадную горящую звезду света. Не переставая жонглировать, Валентин пошел с пляжа по дюнам к плотной стене зарослей. Деревья расступались перед ним, освобождая ему путь — ярко-красную мощеную дорогу, ведущую вглубь острова. Вдали он увидел низкие серые холмы предгорья, переходившие в гранитные уступы, за которыми были зубчатые пики гигантской горной цепи, тянувшейся до середины континента. На самом высоком пике на страшной высоте раскинулись опорные стены Замка.

Валентин шел к нему, не переставая жонглировать. Мимо него по тропе проходили фигуры, уступали ему дорогу, махали, улыбались и кланялись. Лорд Вариакс, Леди, Понтификс Тиверас — все они сердечно приветствовали его, и он тоже махал им, не уронив ни одной диадемы, не нарушив ясного рисунка жонглирования. Вот он уже в предгорье и поднимается вверх без усилий. Вокруг него собирается толпа — все его друзья и множество других: хьорты, гейроги, вруоны, лимены, торговцы, фермеры, рыбаки, акробаты, герцог Насимонт — предводитель разбойников, Тизана, Джитаморн Сол и Дондак-Саямир, держащиеся за руки, орда пляшущих метаморфов, шеренга драконьих капитанов с гарпунами, лесные братья, раскачивающиеся на деревьях вдоль тропы,— все поют, смеются, провожая его в Замок Лорда Малибора, Лорда Спорифона, Лорда Конфалума, Лорда Стиамота, в Замок Лорда Валентина...

Замок Лорда Валентина...

Он уже почти там. Хотя горная дорога идет почти отвесно вверх, хотя густой туман низко стелется над ней, он идет дальше ускоряя шаг, подскакивает, бежит, жонглируя сотнями блестящих сфер. Он видит впереди три громадных огненных столба. Подойдя ближе, он узнает их. Это Шинаам. Делифон и Нарамир стоят бок о бок на его пути.

— Куда ты идешь? — спрашивают они хором.

— В Замок.

— В чей?

— В Замок Лорда Валентина.

— Кто ты?

— Спросите их,— говорит Валентин, показывая на толпу за собой.— Пусть они скажут вам мое имя!

— Лорд Валентин! — кричит Жанамир, первым приветствуя его.

— Он Лорд Валентин! — кричат Карабелла, Слит и Залзан Кавол.

— Лорд Валентин Корональ! — кричат метаморфы, драконьи капитаны и лесные братья.

— Это верно? — спрашивают министры Понтификса.

— Я Лорд Валентин,— отвечает он.

Он высоко подкидывает тысячу диадем, и они летят вверх, пока не скрываются во мраке, что простирается между мирами, и оттуда медленно плывут вниз, мерцающие и искрящиеся, как снежные хлопья на склонах северных гор, и когда они касаются Шинаама, Делифона и Нарамир, три министра тут же исчезают, оставив позади лишь серебряный блеск, и ворота Замка раскрываются.

Глава 10

Валентин проснулся. Он почувствовал шерсть ковра под своим телом, увидел остроконечные арки, каменный потолок высоко вверху. Мир сна был еще так ярок, что Валентину на миг захотелось вернуться в него, а не оставаться в этом помещении с затхлым воздухом и темными углами. Однако он сел и огляделся. Его спутники сгрудились у задней стены, напряженные и испуганные.

Он повернулся в другую сторону, рассчитывая увидеть трех министров, восседавших на своих тронах. Они и в самом деле были тут, но появилось еще два великолепных

кресла, так что теперь перед Валентином сидело пятеро. Нарамир, уже одетая, сидела слева. В середине был круглолицый мужчина с широким тупым носом и темными глазами. Валентин узнал в нем Горнкейста, главного спикера Понтификса. Рядом с ним сидел Шинаам, а крайнее правое место занимал незнакомый Валентину человек — тонкогубый, с резкими чертами лица, с серой кожей, иноземец. Все пятеро строго смотрели издали на Валентина, словно были членами тайного судилища, собравшиеся для вынесения приговора. Валентин встал, не делая попыток одеться. Почему-то казалось, что перед этим судилищем положено стоять голым.

— Твой разум ясен? — спросила Нарамир.

— По-моему, да.

— После того, как твой сон кончился, ты проспал еще час. Мы ждали, когда ты проснешься. — Она указала на серокожего. — Это Сиполтрейв, врач Понтификса.

— Я так и подумал, — сказал Валентин.

— А этого человека ты, наверное, знаешь.

Она указала на того, кто сидел в центре.

— Да, это Горнкейст. Мы встречались. — Широко улыбнувшись, он добавил: — Только я был в другом теле. Вы согласились с моим утверждением?

— Мы согласились с твоим утверждением, Лорд Валентин, — мелодичным голосом сказал Горнкейст. — Великое и удивительное преступление совершилось в этом мире, однако все будет поправлено. Оденься. Тебе не пристало явиться голым перед Понтификсом.

Горнкейст возглавил процессию в имперский тронный зал. *За ним шли Нарамир и Делифон с Валентином*, Сиполтрейв с Шинаамом замыкали шествие. Спутникам Валентина пришлось остаться. Они шли через узкий, с высоким сводом туннель из сиявшего зеленоватого стекла, в глубине которого мелькали странные искаженные отражения. Туннель завивался спиралью в глубину с небольшим уклоном. Через каждые пятьдесят шагов туннель полностью перегораживали бронзовые двери. Горнкейст прикасался пальцем к скрытой панели, и дверь бесшумно отходила, пропуская их в следующий отрезок туннеля. Наконец, они дошли до двери, богато украшенной резным золотым символом Лабиринта, и выше его — имперской монограммой Тивераса. Валентин знал, что это самое сердце Лабиринта, самая глубокая и центральная его точка. Когда от прикосновения Горнкейста эта последняя дверь отошла в сторону, они оказались в громадной

сферической комнате с круглыми стеклянными стенами, где на роскошном троне сидел Понтификс Маджипура.

Валентин видел Понтификса Тивераса пять раз: первый, когда Валентин был еще ребенком, а Понтификс прибыл в Горный Замок на свадьбу Лорда Малибора; второй — через несколько лет на коронации Лорда Вариакса; третий — через год на свадьбе Вариакса; четвертый, когда Валентин приехал в Лабиринт по поручению брата, а последний — три года тому назад, когда Тиверас приехал на коронацию Валентина. Понтификс и при первой встрече с Валентином был уже стар: огромного роста, худой, отталкивающего вида человек с грубым угловатым лицом, с очень черной бородой и мрачными, глубоко сидящими глазами. Чем старше он становился, тем более подчеркнутыми становились эти его характерные черты, и он выглядел чем-то вроде трупа — негнущийся, медленно двигающийся, старый, засохший стебель человека, но, тем не менее, внимательный, знающий, все еще мощный духом, все еще излучающий ауру безмерной власти и величия. Однако теперь...

Трон, на котором сидел Тиверас, был тот же, который видел Валентин при своем первом посещении Лабиринта: роскошное золотое сиденье с высокой спинкой, к которому вели три широкие низкие ступени, но теперь этот трон был полностью заключен в шар из голубоватого стекла, где тянулась широкая сложная сеть поддерживающих жизнь трубок, составлявшая как бы кокон. Прозрачные трубки с цветными жидкостями, счетчики и шкалы, измерительные пластинки на щеках и лбу Понтификса, соединения и зажимы — все это выглядело дико и пугающе. Хотя бы уже потому, что ясно показывало, что жизнь Понтификса держалась не в Понтификсе, а в приборах, окружавших его.

— И давно он так? — прошептал Валентин.

— Система была разработана двадцать лет тому назад, — с явной гордостью ответил Сиполтрейв, — однако только последние два года мы держим его в ней постоянно.

— Он в сознании?

— О да, в сознании, — ответил врач. — Подойди поближе, посмотри на него.

Валентин неловко подошел и остановился в футе от трона, вглядываясь в удивительного старика в стеклянном пузыре. Да, он видел, что свет еще горит в глазах Тивераса, бесплотные губы решительно сжаты. Кожа на черепе Понтификса стала совсем пергаментной, а

длинная борода, все еще на удивление черная, сильно поредела. Валентин взглянул на Горнкейста.

— Он узнает людей? Он говорит?

— Конечно. Дай ему время.

Глаза Валентина встретились с глазами Тивераса. Стояла страшная тишина. Старик нахмурился и быстро провел языком по губам. Затем он издал дрожащий звук вроде хныкающего стона.

— Понтификс приветствует своего возлюбленного сына Лорда Валентина Короналя.

Валентин подавил дрожь.

— Скажи его величеству, скажи ему, что его сын Лорд Валентин Корональ пришел к нему с любовью и почтением, как всегда.

Так было принято: никто никогда не говорил непосредственно Понтификсу, а только через главного спикера, который должен был все повторять, хотя практически этого не делал.

Понтификс вновь сказал что-то столь же неразборчивое. Горнкейст сказал:

— Понтификс выражает озабоченность беспорядком в королевстве. Он спрашивает, что планирует Лорд Валентин для приведения всего в должный вид.

— Скажи Понтификсу, что я планирую идти к Замковой Горе и призвать всех граждан к содействию мне. Я прошу его указания заклеймить Доминика Барджазеда как узурпатора и осудить всех тех, кто поддерживает его.

Понтификс издал более живые звуки, резкие и высокие, с сильнейшей энергией.

— Понтификс желает быть уверенным,— сказал Горнкейст,— что ты будешь избегать сражений и уничтожения жизней, насколько это возможно.

— Скажи ему, что я предпочел бы взять Замок, не потеряв даже одной жизни с той или другой стороны, но не знаю, удастся ли это.

Раздались странные булькающие звуки. Горнкейст растерянно прислушивался.

— Что он сказал? — шепотом спросил Валентин.

Главный спикер покачал головой.

— Не все сказанное его величеством можно перевести. Иногда он заходит в слишком далекие для нашего понимания области.

Валентин кивнул. Он с жалостью и даже с любовью смотрел на гротескного старика, запертого в шаре, который поддерживал в нем жизнь, и способного общаться только

такими стонами. Более чем столетний, много десятилетий являвшийся высшим монархом планеты, теперь лепечет и булькает как младенец, и все-таки где-то в разлагающемся и размягчающемся мозгу все еще живет разум прежнего Тивераса, захваченного разрушением плоти. Смотреть на него теперь значило понять конечную бессмысленность высшего титула: Корональ жил в мире обязанностей и моральной ответственности лишь для того, чтобы унаследовать Понтификат и, в конце концов, исчезнуть в Лабиринте в старческом слабоумии. Интересно, часто ли Понтификсы становятся пленниками своих спикеров, врачей и толкователь ниц снов, и легко ли отказаться от мира ради того, чтобы великое чередование Властителей привело на трон более жизнеспособного человека? Теперь Валентин понял, почему система разделила исполняющего и управляющего, почему Понтификс со временем уходит от мира в Лабиринт. Придет и его время спуститься сюда, но, может быть, по воле Божества, это случится не скоро. Он сказал:

— Скажи Понтификсу, что Лорд Валентин Корональ, его приемный сын, сделает все, что в его силах, чтобы залечить трещину в ткани общества. Скажи Понтификсу, что Лорд Валентин надеется на поддержку его величества, без которой не может быть скорой поправки.

Сначала на троне было молчание, потом долгий, болезненный, неразборчивый поток звуков, повышавшихся и понижавшихся, как мелодии гейрогов. Горнкейст напряженно выхватывал то тут, то там обрывки смысла. Понтификс замолчал, а смущенный Горнкейст сжал челюсти и прикусил губу.

— В чем дело? — спросил Валентин.

— Он думает, что ты Лорд Малибор, — удрученно ответил Горнкейст. — Он предупреждает тебя насчет риска выхода в море и охоты на драконов.

— Мудрый совет, — сказал Валентин, — однако несколько запоздавший.

— Он сказал, что Корональ слишком ценная фигура, чтобы рисковать жизнью в таких развлечениях.

— Скажи ему, что я согласен, что, если я опять попаду в Замок, я вплотную займусь моими задачами и буду избегать любых таких отвлечений.

Врач Сиполтрейв выступил вперед и сказал:

— Мы утомили его. Боюсь, что аудиенцию придется закончить.

— Еще минуту, — сказал Валентин.

Сиполтрейв нахмурился, но Валентин, улыбаясь, подошел к самому подножию трона, встал на колени, протянул руки к древнему старцу в стеклянном пузыре, вошел в транс и послал Тиверасу свой дух с импульсами почтения и любви. Показывал ли кто-нибудь когда-нибудь любовь и привязанность страшному Тиверасу? Скорее всего, нет. Однако много десятилетий этот человек был центром и душой Маджипура, и теперь, сидя здесь, затерянный в безвременном сне и сознавая лишь иногда свою былую ответственность, он заслужил чтобы его сын, будущий преемник высказал ему такую любовь, и Валентин дал ее полностью, насколько позволила мощь обруча.

Тиверас как бы окреп, глаза его засияли, щеки чуть заметно покраснели. Неужто эти дрожащие губы улыбнулись? Неужто левая рука Понтификса слегка приподнялась благославляющим жестом? Да! Вне всякого сомнения, Понтификс почувствовал волну тепла от Валентина, был рад этому и ответил. Тиверас коротко сказал что-то почти неразличимое.

Горнкейст сказал:

— Он говорит, что дарует тебе свою полную поддержку, Лорд Валентин.

«Живи подольше, старик, — подумал Валентин, вставая и кланяясь. — Вероятно, тебе лучше бы уснуть вечным сном, не я желаю тебе долгой жизни, потому что у меня есть работа на Замковой Горе.»

Он повернулся и сказал пяти министрам:

— Пошли. Я получил то, что мне нужно.

Они тихо вышли из тронного зала. Когда дверь за ними закрылась, Валентин спросил Сиполтрейва:

— Долго он может прожить так?

Врач пожал плечами.

— Почти неограниченно. Система отлично поддерживает его. Мы можем сохранить его, время от времени поправляя все, еще сто лет.

— Это необязательно, однако хорошо бы ему остаться с нами еще лет двенадцать-пятнадцать. Вы можете это сделать?

— Рассчитывай на это, — сказал Сиполтрейв.

— Ну и хорошо.

Валентин посмотрел в сиявший винтовой проход. Он достаточно долго пробыл в Лабиринте. Пора вернуться в мир солнца и ветра, реальных вещей и уладить дело с Домиником Барджазедом. Он сказал Горнкейсту:

— Отведите меня к моим людям и приготовьте транспорт. Перед своим отъездом я хотел бы детально изучить военные силы и вспомогательный персонал, какие вы можете предоставить в мое распоряжение.

— Слушаюсь, милорд,— сказал главный спикер.

«Милорд». Это был первый показатель покорности, который он получил от министров Понтификса. Главное сражение еще впереди, но Валентин, услышав это слово, почувствовал, что он как бы уже достиг Замка.

Часть V

КНИГА ЗАМКА

Глава 1

Подъем из глубин Лабиринта был совершен куда быстрее, чем спуск, потому что по бесконечной спирали спускался никому не известный авантюрист, лавировавший меж равнодушных чиновников, а вверх поднимался Властитель королевства. Теперь для него не было извилистых переходов с уровня на уровень, с кольца на кольцо через все хитросплетение понтификатской берлоги, Дома Записей, Арены и прочего. Он и его товарищи поднимались быстро и без задержек по проходу, предназначенному только для властителей.

Уже через несколько часов они достигли внешнего кольца, гостиницы на краю подземного города. Как бы быстро они ни поднимались, новости о личности Валентина дошли сюда еще быстрее. Каким-то образом через весь Лабиринт прошло известие, что здесь Корональ, таинственно измененный, однако, тем не менее, Корональ, и когда Валентин вышел из имперского прохода, там уже собралась громадная толпа, разглядывавшая его, как невиданного девятиголового зверя. Толпа молчала. Кто-то сделал знак горящей звезды, некоторые выкрикнули его имя, но основная масса только глазела.

Лабиринт был владением Понтификса, и Валентин понимал, что преклонение перед Короналем возможно где угодно на Маджипуре, но только не здесь. Благоговейный страх — да, почтение — да, но прежде всего — любопытство. Никакого воодушевления и приветственных жестов, которые он наблюдал, когда поддельный Корональ ехал в церемониальной процессии по улицам Пидруда.

«Вот и хорошо»,— подумал Валентин.

Он не привык быть объектом поклонения, да и не стремился к этому. Вполне достаточно, даже более чем достаточно, что его теперь признали за того, кем он себя назвал.

— Так ли все будет легко? — спросил он Делиамбера. — Просто ехать по Алханрол, объявляя себя настоящим Лордом Валентином, и все само падет мне в руки?

— Очень сомневаюсь. Барджазед носит облик Короналя. Он держит печати власти. Здесь, внизу, если министры Понтификса сказали, что ты Корональ, граждане будут приветствовать тебя как Короналя. Скажи они, что ты Леди Острова, и здешние жители наверняка станут приветствовать тебя как Леди Острова. Я думаю, что вне Лабиринта все будет по-другому.

— Я не хочу кровопролития, Делиамбер.

— Никто не хочет. Однако кровь прольется, прежде чем ты снова сядешь на трон Конфалума. Этого не избежать, Валентин.

Валентин угрюмо сказал:

— Я, кажется, скорее оставил бы власть Барджазеду, чем ввергнул эту планету в какое-нибудь насилие. Я хочу мира, Делиамбер.

— Мир и будет, — сказал маленький колдун. — Но дорога к миру не всегда бывает мирной. Смотри, твоя армия уже собралась.

Валентин увидел неподалеку кучу народу, частью знакомого, частью нет. Здесь были все те, кто шел с ним в Лабиринт, однако было также несколько сотен, носивших цвета Понтификса, уже собравшийся первый отряд — чего? Войска? У Понтификса не было войск. Гражданского ополчения? В любом случае — армии Лорда Валентина.

— Моя армия, — сказал Валентин. Слово имело горький привкус. — Армия из времен Лорда Стиамота. Делиамбер, сколько тысяч лет прошло со времени последней войны на Маджипуре?

— Долгое время все было спокойно, — ответил врун, — но, тем не менее, маленькие армии существуют: телохранители Леди, слуги Понтификса... А как насчет рыцарей Короналя, а? Как ты их назовешь, если не армией? Они носят оружие, тренируются на полях Замковой Горы. Кто они, Валентин? Лорды и леди, забавляющиеся играми?

— Я именно так и думал, когда был одним из них.

— Пора думать по-другому, милорд. Рыцари Короналя составляют ядро военной силы, и только дурак может думать иначе. Ты неизбежно обнаружишь это, когда подойдешь ближе к Горе.

— Неужели Доминик бросит моих собственных рыцарей в сражение против меня? — спросил Валентин. Он был в ужасе.

Вруон холодно взглянул на него.

— Человек, которого ты называешь Домиником Бардджазедом, в данный момент Лорд Валентин Корональ, и рыцари Замковой Горы клялись ему в верности. Ты забыл об этом? При удаче и умении ты, может быть, убедишь их, что они клялись душе и разуму Лорда Валентина, а не его лицу и бороде. Однако некоторые останутся верными тому, кого считают тобой, и его именем поднимут мечи против тебя.

Противно было даже думать об этом. После восстановления памяти Валентин не раз думал о своих друзьях, благородных мужчинах и женщинах, с которыми он вырос и учился, чьи привязанность и дружба были главными в его жизни до того, как узурпатор разбил эту жизнь. Смелый охотник Элидат из Марвола, золотоволосый проворный Стазилейн, Тонигорн, отличный лучник, и многие другие — теперь для него только имена, смутные фигуры из далекого прошлого, однако же эти тени могут обрести жизнь, цвет и силу. Неужели они выступят против него? Его друзья, его любимые товарищи... Что ж, если ему придется сражаться с ними за Маджипур, пусть будет так, но думать об этом не хотелось.

Он покачал головой.

— Может, удастся избежать этого. Пошли. Нам пора уходить отсюда.

Возле выхода, называемого Вратами Вод, он встретился со своими ликовавшими последователями и с офицерами, предоставленными ему министрами Понтификса. Похоже, это была способная команда, обрадовавшаяся возможности покинуть мертвящие глубины Лабиринта. Их лидером был невысокий, крепкого сложения человек по имени Ирманар, с тугими завитками рыжеватых волос и короткой кудрявой остроконечной бородкой. По своим габаритам, движениям и открытости он вполне мог бы быть братом Слита. Валентину он сразу понравился. Ирманар сделал Валентину знак горящей звезды быстрым официальным жестом, тепло улыбнулся и сказал:

— Я буду рядом с тобой, милорд, пока ты не окажешься вновь в своем Замке.

— Да будет легким путешествие на север,— сказал Валентин.

— Ты выбрал дорогу?

— На речном судне по Глейгу будет быстрее всего, или нет?

Ирманар кивнул.

— В любое время года, кроме осени. Осенью идут дожди необычайной силы.

Он достал маленькую карту центрального Алханрола. На куске темной ткани блестящей красной краской были показаны округа от Лабиринта до Замковой Горы.

— Видишь, милорд, Глейг спускается с горы и впадает в озеро Рогойз, а его воды при разливе появляются здесь и продолжаются до Врат Вод. Как раз сейчас река разлилась и опасна от озера до Пендивейна. Я предлагаю идти по суше, по крайней мере до Пендивейна, а там мы сможем погрузиться на корабль до верховьев Глейга.

— Разумно. Ты знаешь дорогу?

— Довольно хорошо, милорд.— Он ткнул пальцем в карту.— Многое зависит от того, насколько сильно залита равнина Глейга, так ли она сильно залита, как об этом говорят. Я бы предпочел идти через долину Глейга вот таким образом: обогнув северную сторону озера Рогойз и не удаляясь далеко от реки.

— А если долина залита?

— Тогда пойдем более дальней дорогой. Однако земля там сухая, неприятная, почти пустыня. Будет трудно с провиантом. И там мы окажемся слишком близко к этому месту.— Он показал на карте точку к северо-востоку от озера.

— Велализер? — спросил Валентин.— Руины? Почему тебя это смущает, Ирманар?

— Это нездоровое место, милорд, дурное. Там бродят духи, воздух заражен неотмщенными преступлениями. Мне не нравится то, что рассказывают о Велализере.

— С одной стороны у нас наводнение, с другой — развалины, населенные призраками. Здорово, а? — Валентин улыбнулся.— А почему бы не пойти на юг от реки?

— На юг? Нет, милорд. Ты помнишь пустыню, через которую ты ехал из Треймона? На юге много хуже: ни капли воды, никакой еды, только песок и камни. Я скорее пойду прямиком через Велализер, чем по южной пустыне.

— Выходит, у нас нет выбора? Остается только долина Глейга. Будем надеяться, что она не очень сильно залита. Когда выступаем?

— Когда ты желаешь?

— Два часа тому назад,— сказал Валентин.

Глава 2

После полудня армия Лорда Валентина вышла из Лабиринта через Врата Вод. Это ворота были широкими и украшенными, как и полагалось правительственному входу. Жители Лабиринта собирались толпами, чтобы поглядеть, как выезжает Лорд Валентин со своими спутниками. Как хорошо было опять увидеть солнце, снова вдохнуть настоящий воздух — не сухой, жесткий воздух пустыни, а мягкий сладкий воздух низинной долины Глейга. Валентин находился в первой из длинной процессии плавучих повозок. Он приказал открыть окна.

— Воздух-то, как молодое вино! — воскликнул он.— Ирманар, как ты можешь жить в Лабиринте, зная, что снаружи?

— Я родился в Лабиринте,— спокойно ответил офицер.— Мой род служил Понтификсу в течение пятидесяти поколений. Мы привыкли к тамошним условиям.

— Значит, свежий воздух тебе неприятен?

— Почему неприятен? — Ирманар удивился.— Нет, отнюдь. Я ценю его качества, милорд: Просто он... Как бы это сказать? Он не необходим мне.

— А вот мне он необходим,— сказал Валентин и засмеялся.— Посмотри, как все кругом свежо и зелено!

— Осенние дожди несут жизнь этой долине,— сказал Ирманар.

— Как я понимаю, в этом году излишне много влаги,— заметила Карабелла.— Ты не знаешь, насколько сильно наводнение?

— Я послал разведчиков,— ответил Ирманар.— Скоро узнаем.

Караван двигался вперед по мирной, спокойной местности. Здесь Глейг не выглядел необузданным, вроде бы спокойный поток, как подумал Валентин. Правда, это была не сама река, а нечто вроде канала, прорытого тысячи лет тому назад, чтобы связать озеро Рогойз с Лабиринтом. Сам Глейг, как вспоминал Валентин, был куда более впечатляющим — быстрая, широкая, благородная река, но, конечно, едва ли не ручеек по сравнению с могучим Зимром на другом континенте. В первое свое посещение Лабиринта Валентин плыл по Глейгу летом, причем сухим летом, и река была достаточно спокойной. Однако сейчас совсем другой сезон, и Валентину не хотелось бы вновь попасть в разлив, он хорошо помнил ревущий Стейч.

Если бы им податься немного на север, тогда все было бы в порядке, пусть даже пришлось бы проехать через развалины Велализера — и это не так плохо, хотя суеверный Ирманар не хотел этого.

В эту ночь Валентин впервые ощутил прямое противодействие узурпатора. Едва он уснул, как пришло послание от Короля, зловещее, сильное. Сначала он почувствовал тепло в мозге. Жар быстро накапливался и превратился в пожарище, с яростной силой бившее в стенки черепа. Яркая игла пронзила его душу. За лобной костью ощущался прилив агонизировавшей пульсации. Вместе с этими ощущениями пришло нечто еще более болезненное. Его разум пропитало чувство вины и стыда, сознание провала и неудачи, обвинение, что он предал и обманул тех, кто выбирал его в правители.

Валентин принимал послание, пока мог терпеть. Затем он с криком проснулся, весь в поту, дрожащий, как бы избитый сном.

— Милорд! — шепотом окликнула его Карабелла.

Он сел, закрыв лицо руками. Он не мог говорить. Карабелла прижала его к себе и погладила по голове.

— Послание,— выговорил он наконец,— от Короля.

— Его уже нет, любимый, все прошло.

Она покачивалась, обняв его, и постепенно его ужас и паника отступили.

— Плохое,— сказал он,— хуже, чем в нашу первую ночь в Пидруде.

— Не могу ли я чем-нибудь помочь?

— Не думаю. Они обнаружили меня, и теперь Король не оставит меня в покое.

— Это был просто страшный сон, Валентин...

— Нет. Это было послание от Короля, первое из многих.

— Я позову Делиамбера,— предложила она.— Может, он знает, что делать.

— Не уходи, Карабелла, не оставляй меня.

— Но сейчас все в порядке. Пока ты не спишь, посланий не будет.

— Не оставляй меня,— бормотал он.

Она погладила его, заставила снова лечь и пошла за колдуном. Тот выглядел серьезным и расстроенным. Он коснулся Валентина, чтобы погрузить его в сон без сновидений.

В следующую ночь Валентин вообще боялся уснуть, однако, в конце концов, сон пришел и вновь принес с собой послание, еще более ужасное, чем первое. В его мозгу кружились образы — пузыри света с отврати-

тельными лицами, цветные шары, которые насмехались над ним и обвиняли его, серебряные копья жарких лучей били в него. Затем вокруг него закружились метаморфы: странные, текучие, они махали ему тонкими длинными пальцами, визгливо хохотали и называли его трусом, слабаком, дураком и простаком. Отвратительные маслянистые голоса нестройно пели детскую песенку:

— У старого Короля Снов каменное сердце.

— Он никогда не спит...

Смех, нестройная музыка, шепот за порогом слышимости... Пляшущие скелеты, мертвые братья скандара, призрачные, изувеченные, окликали его по имени.

Валентин заставил себя проснуться и несколько часов ходил по тесной повозке.

В следующую ночь пришло третье послание, хуже первых двух.

«Что же мне — никогда больше не спать?» — спрашивал он себя.

Когда он сидел, бледный и измученный, к нему пришли Делиамбер и иерарх Лоривейд.

— Я слышала о твоих неприятностях, — сказала она. — Разве Леди не показала тебе, как защищаться обручем?

Валентин тупо взглянул на нее.

— Что ты имеешь в виду?

— Одна сила не может напасть на другую, милорд. — Она коснулась обруча на его голове. — Он отгонит атаку, если ты будешь правильно пользоваться им.

— А как?

— Когда ты готовишься ко сну, сплети вокруг себя стену силы. Проецируй свою личность, наполни воздух вокруг себя своим духом, и тогда никакое послание не заденет тебя.

— Ты научишь меня?

— Постараюсь, милорд.

В своем усталом и изнеможенном состоянии он сумел спроецировать лишь тень силы, а не полные возможности Короналя, и, хотя Лоривейд добрый час тренировала его в обращении с обручем, четвертое послание все-таки пришло в эту ночь, однако оно было много слабее предыдущих, и Валентину удалось избежать его тяжелого влияния, и он, наконец, погрузился в спокойный сон. Днем он чувствовал себя почти в порядке и много занимался обручем.

В последующие ночи послания приходили, но очень слабые, пробные, пытавшиеся отыскать брешь в его броне. Валентин отражал их с растущей уверенностью. Он чу-

вствовал напряжение постоянной бдительности, и оно утомляло его. Затем было несколько ночей, когда он не чувствовал, как щупальца Короля Снов пытались проникнуть в его спавшую душу, однако свою защиту поддерживал и остался невредимым.

Они ехали вдоль долины Глейга еще пять дней, а на шестой вернулись разведчики Ирманара.

— Наводнение не так сильно, как рассказывали, — сообщил Ирманар.

— Прекрасно, — одобрил Валентин. — Значит продолжаем двигаться к озеру и там берем корабль?

— Между нами и озером находятся вражеские силы, милорд.

— Силы Короналя?

— По-видимому, милорд. Разведчики сообщили только, что поднявшись на гребень Луманцар, чтобы взглянуть на озеро и окружающую его равнину, они увидели там вражеские отряды и значительные силы молиторов.

— Наконец-то война! — радостно закричала Лизамон.

— Нет, — сумрачно сказал Валентин. — До Замковой Горы еще тысячи миль. Вряд ли мы можем начать сражение так далеко на юге. К тому же, я надеюсь вообще избежать войны или хотя бы отсрочить ее до последней минуты.

— Что будем делать, милорд?

— Пойдем, как шли, на север по долине Глейга, однако свернем на северо-запад при любом движении этой армии в нашу сторону. Я имею в виду — обойти ее, если возможно, и отплыть по реке, а они пусть себе сидят у озера и ждут, когда мы там появимся.

— Идти к р у г о м ? — Ирманар заморгал.

— Если я не ошибаюсь, Барджазед посла их охранять подступы к озеру. Они не пойдут за нами далеко вглубь.

— Но там...

— Да, я знаю. — Валентин положил руку на плечо Ирманара и мягко сказал: — Прости, друг, однако я думаю, что мы сможем сделать обход по Велализеру.

— Я боюсь этих развалин, милорд, и не один я.

— Понятно. Но у нас есть могучий колдун и много храброго народа. Что может пара призраков против Лизамон Холтен, Кона с Кайнимора, Слита, Карабеллы или Залзана Кавола? Позволим скандару немного покричать на этих призраков, и они будут бежать до самого Стоена!

— Милорд, твое слово закон, однако я с детства слышал страшные рассказы о Велализере.

— Ты когда-нибудь бывал там?

— Нет, милорд.

— Можешь ли ты точно знать об опасностях того места?

— Нет, милорд.

— Но перед нами армия врагов и орда ужасных военных молиторов, верно? Мы не знаем, что сделают нам призраки, но зато отлично знаем, какие бедствия принесет нам война. Я считаю, что надо уклониться от битвы и попытать счастья с призраками.

— Я бы предпочел другой путь обхода,— сказал Ирманар. Он попытался улыбнуться.— Однако я буду рядом с тобой, милорд, даже если ты велишь мне идти пешком через Велализер безлунной ночью. Можешь быть уверен в этом.

Пока они продолжали путь в прежнем направлении. По мере их продвижения на север рельеф местности постепенно повышался. Скоро река находилась ниже уровня долины в ста футах, как узкая светлая нитка, окаймленная густыми зарослями кустарника, а над дорогой теперь нависал край длинного гребня. Ирманар сказал, что это гребень Луманцар, и с его вершины можно видеть местность на очень далекое расстояние.

Валентин, Слит, Делиамбер и Ирманар поднялись по краю гребня. Внизу лежали природные террасы, уровень за уровнем спускаясь от гребня к широкой равнине, центр которой занимало озеро Рогойз. Озеро казалось огромным как океан.

Валентин помнил, что оно большое, да и должно быть большим, потому что Глейг собирал воду со всего юго-западного склона Замковой Горы и нес ее в озеро, однако таким огромным Валентин его не помнил. Теперь ему стало понятно, почему городки по берегам озера строились на высоких сваях. Теперь эти городки были уже не на берегу, а далеко в воде, и нижние этажи домов, хоть и стояли на столбах, заливались водой.

— Очень высокая вода,— сказал он Ирманару.

— Да, почти вдвое выше обычного. Но бывало и хуже.

— Где твои разведчики видели армию?

Ирманар оглядел горизонт в подзорную трубу. Валентин подумал, что, может, они ушли обратно на Гору, а может, разведчики ошиблись, и армии вообще здесь не было...

— Вон там, милорд,— сказал Ирманар.

Валентин взял подзорную трубу. Сначала он увидел только деревья и луга, и потоки воды из переполненного озера, но Ирманар направил трубу, и Валентин увидел.

Невооруженному глазу солдаты показались бы скопищем муравьев неподалеку от озера, однако это были не муравьи. Тысяча отрядов стояла там лагерем, ну, может поменьше, но все равно громадная армия, слишком большая для планеты, где было забыто само понятие войны. Она в несколько раз превосходила числом армию Валентина. Здесь же паслось около сотни молиторов — массивных бронированных животных, искусственно выведенных в древние времена. На Замковой Горе молиторов часто использовали как боевое оружие в рыцарских играх. Они двигались исключительно быстро на толстых коротких ногах и могли причинять большие разрушения, когда высовывали тяжелую голову из-под непробиваемого панциря, кусали разрывали и раздавливали. Валентин видел, как они разрывали все поле сильными кривыми когтями, как они неуклюже носились взад и вперед, сталкивались и ударяли головами друг друга в тупой ярости. Десяток этих животных, поставленных на дороге, заблокирует ее лучше любой стены. Слит сказал:

— Мы могли бы напасть неожиданно, послать один отряд навести беспорядок среди молиторов и обойти с другой стороны, пока...

— Нет,— возразил Валентин.— Сражаться было бы ошибкой.

— Если ты думаешь, милорд,— настаивал Слит,— что завоюешь Замковую Гору, никого не тронув пальцем, то ты...

— Я знаю, что кровопролитие будет,— резко прервал его Валентин,— однако я хочу свести его к минимуму. Эти отряды внизу — армия Короналя, помни это и помни, кто настоящий Корональ. Они не враги. Враг только Доминик Барджазед. Мы будем сражаться только тогда, когда нас вынудят, Слит.

— Значит, сменим дорогу? — спросил Ирманар.

— Да. Мы пойдем на северо-запад от Велализера, затем обогнем дальнюю сторону озера и двинемся по долине к Пендивейну, если нас там не ждет еще одна армия. У тебя есть карта?

— Только по долине и до половины пути к Велализеру. Дальше там пустыня, милорд, и карты мало что дают.

— Что ж, постараемся обойтись без карт,— сказал Валентин.

Когда караван пошел обратно к развилке дорог, которые уводили от озера, Валентин подозвал к своей повозке разбойничьего герцога Насимонта.

— Мы направляемся к Велализеру и, может быть, нам придется идти прямо через него. Тебе знакомы эти места?

— Я был там однажды, милорд, когда был молодым.

— Искал призраков?

— Искал сокровища древних, чтобы украсить свое поместье. Нашел очень мало. Видимо, это место было уже давно и основательно разграблено.

— Значит ты не боялся рыскать по городу призраков?

Насимонт пожал плечами.

— Я слышал легенды. Но я был молод и не труслив.

— Поговори с Ирманаром. Скажи ему, что ты был в Велализере и остался жив. Ты можешь проводить нас туда?

— Это было сорок лет тому назад, милорд, однако я постараюсь.

Изучая заплатанные, неполные карты, данные Ирманаром, Валентин заключил, что единственная дорога, которая не пройдет опасно близко от ожидавшей их армии, тянется по краю разрушенного города, если не прямо через него. Валентин не жалел об этом. Развалины Велализера, что бы там не говорили, не пугали его. Кроме того, едва ли Доминик Барджазед поставит там отряды ожидать Валентина.

Обход может оказаться выгодным, если фальшивый Корональ рассчитывает, что Валентин пойдет по дороге выше долины Глейга. Если путешествие по пустыне будет слишком тяжелым, они, может быть смогут держаться к северу от реки и воспользоваться преимуществом внезапности, когда, в конце концов, повернут к Замковой Горе.

«Пусть себе Велализер выпустит духов, если может,— думал Валентин.— Лучше обедать с призраками, чем идти под гребнем Луманцар в зубы молиторов Барджазеда.»

Глава 3

Дорога от озера шла через невероятно сухую территорию. Темная плодородная почва долины сменилась легким кирпично-красным песком, где лишь в небольшом количестве росли кривые колючие растения. Дорога постепенно поднималась к невысоким холмам, отделявшим район Рогойза от пустыни Веласьерской долины.

Ирманар послал разведчиков в надежде найти подходящую дорогу, которая вела бы к озеру, чтобы не приближаться к развалинам, но дороги там не было. Волей-неволей приходилось двигаться через холмы и спускаться в район, населенный духами. Ближе к вечеру они начали

спуск. Стали собираться тяжелые тучи, и закат высветил половину неба как громадное кровавое пятно. Перед наступлением темноты луч темно-красного света прорезал тучи и осветил сиянием развалины Велализера.

Громадные блоки голубого камня устилали землю. Мощная стена из монолитов в два, а в некоторых местах и в три ряда тянулась более чем на милю с западного края города, резко заканчиваясь грудой каменных кубов. Еще видны были контуры зданий — целый форум дворцов, базилик и храмов, наполовину занесенных песком. На востоке поднимались шесть колоссальных, островерхих, с узким основанием колонн, поставленных в один ряд, и остаток седьмой, которая, видимо, была кем-то разрушена, потому что обломки лежали вокруг широкой дугой. Впереди, где горная дорога входила в город, располагались две широкие каменные платформы восемь или десять футов. Вдали Валентин увидел громадное овальное здание, возможно, амфитеатр, с высокими стенами, со множеством окон и грубым рваным проломом в центре. Масштабы всего, в том числе и пространства, поражали. По сравнению с этим местом безымянные руины с другой стороны Лабиринта, где обитал герцог Насимонт, казались самыми тривиальными. Дневной свет исчез, разрушенный город стал более бесформенным и в темноте казался хаотически разбросанными скалами.

Насимонт сказал:

— Милорд, дорога идет между двумя платформами через группу строений позади них и вокруг шести колонн с северо-восточной стороны. В темноте идти трудно, даже при лунном свете.

— Мы и не пойдем в темноте. Мы разобьем лагерь и будем ждать утра. Вечером я хочу посмотреть развалины, раз уж мы здесь.

Ирманар приглушенно кашлянул. Валентин глянул на маленького офицера, на его унылое лицо.

— Успокойся, — шепнул он. — Я думаю, духи позволят нам побыть сегодня здесь.

— Милорд, для меня это не предмет шуток.

— А я и не думаю смеяться, Ирманар.

— Ты хочешь идти к развалинам один?

— Один? Нет, не думаю. Делиамбер, пойдешь со мной? Слит? Карабелла? Залзан Кавол? И ты, Насимонт, ты уже бывал здесь и меньше боишься, чем кто-либо из нас, пойдешь?

Главарь бандитов улыбнулся.

— Я в твоем распоряжении, Лорд Валентин.

— Хорошо. А ты, Лизамон?

— Конечно, милорд.

— Вот у нас и группа из семи исследователей. После ужина пойдем.

— Восемь исследователей, Корональ,— спокойно сказал Ирманар.

— Зачем бы...

— Милорд, я дал клятву быть рядом с тобой, пока Замок опять не станет твоим. Если ты идешь в мертвый город, я иду с тобой. Если опасность нереальна — бояться нечего, а если реальна — мое место рядом с тобой. Прошу тебя, милорд.

Ирманар, похоже, был абсолютно искренен. Лицо его было напряженным, однако, как подумал Валентин, больше от опасений, что его не возьмут, чем от страха перед тем, что может скрываться в развалинах.

— Прекрасно,— согласился Валентин.— Отряд из восьми человек.

В этот вечер луна была почти полной, и в ее холодном свете город безжалостно показывал воздействие тысячелетий заброшенности, которое не так бросалось в глаза при более мягком, более фантастическом свете заката. У входа была полустертая табличка с почти неразборчивой надписью, что Велализер — королевский исторический заповедник по указу Лорда Симинейва Короналя и Понтификса Калинтейна. Но они правили пять тысяч лет тому назад, и после них, как видно, указа не слишком придерживались. Камни двух громадных платформ растрескались, стали шероховатыми. В трещинах между плитами рос мелкий сорняк с клейкими стеблями. Он с неистощимым терпением раздвигал громадные блоки. В некоторых местах расстояние между блоками позволяло укорениться даже кустарнику. Еще одно-два столетия — и целый лес кустарника захватит платформы, и громадные квадратные плиты полностью скроются из виду.

— Все это следует расчистить,— сказал Валентин,— и поправить руины, как они были до появления этой растительности. Как могли допустить такое пренебрежение?

— Об этом месте никто не заботится,— сказал Ирманар,— никто и пальцем не коснется.

— Из-за духов?

— Из-за метаморфов,— сказал Насимонт.— Эти развалины вдвойне прокляты.

— Почему вдвойне?

— Разве ты не знаешь легенды?

— Нет. Расскажи.

— Когда Маджипуром правили метаморфы, Велализер был их столицей. Двадцать или двадцать пять тысяч лет тому назад это был самый крупный город на планете. В нем жило два или три миллиона жителей, и племена со всего Алханрола платили ему дань. На этих платформах устраивались фестивали, а каждую тысячу лет бывал особый фестиваль, который отмечался возведением колонны, так что городу было, по крайней мере, семь тысяч лет. Но в нем царило зло. Я не знаю, что именно метаморфы считали злом, однако, во всяком случае, оно здесь процветало. Это был главный город всякой мерзости. Жители провинций испытывали к нему отвращение, потом стали возмущаться, и в один прекрасный день выступили против города, сравняли с землей храмы и большую часть городских стен, уничтожили места, где творилось зло, а жителей города частью выслали, частью обратили в рабство. Мы знаем, что резни не было, потому что тут было полно зарытых сокровищ — я сам искал их, как тебе известно, — и если бы здесь оставались миллионы закопанных скелетов, они были бы обнаружены. Так что этот город был разрушен и покинут задолго до появления на Маджипуре людей, и на нем лежит проклятие. Реки, питавшие город, были отведены, и вся равнина стала пустыней. Пятнадцать тысяч лет никто не жил здесь, кроме призраков тех, кто умер при разрушении города.

— Рассказывай дальше, — сказал Ирманар.

Насимонт пожал плечами.

— Больше я ничего не знаю, друг.

— О призраках, — сказал Ирманар. — Знаете ли вы, сколько времени им суждено бродить здесь? До тех пор, пока метаморфы снова станут править Маджипуром, а мы сделаемся их рабами. Тогда Велализер вновь выстроят на старом месте, и он будет больше, чем раньше, и опять станет столицей Изменяющих Форму, и души мертвых, наконец будут освобождены от камней, которые держат их здесь.

— Ну, им еще долго предстоит цепляться за камни, — сказал Слит. — Нас двадцать миллиардов, а метаморфов — горсточка, да и та живет в джунглях. Какая это угроза?

— Они уже ждали восемь тысяч лет, — сказал Ирманар, — с тех пор, как Лорд Стиамот сломил их силу, и будут ждать еще столько же, если понадобится. Но

они мечтают о возрожденном Велализере и не откажутся от своей мечты. Я иногда слышал во сне, как они рассуждают о том дне, когда башни Велализера поднимутся снова, и это пугало меня. Вот почему я не хотел быть здесь. Я чувствую, как они следят за этим местом, чувствую вокруг нас их ненависть. Это как бы в воздухе, невидимое, однако реальное...

— Значит, этот город для них одновременно проклят и свят,— сказала Карабелла.— Нам трудно понять, как работают их мозги.

Валентин сошел с тропы. Город пугал и восхищал его. Он пытался представить себе, каким был этот город во времена своего величия. А что теперь? По камням шныряют ящерицы, сорная трава раздвигает плиты огромных церемониальных бульваров.

Двадцать тысяч лет! А каким станет Ни-мойё двадцать тысяч лет спустя, или Пидруд, или Пятьдесят Городов на склонах Замковой Горы? Будет ли цивилизация, построившая их, жить вечно, как, говорят, живет цивилизация старой матери-Земли, или когда-нибудь по развалинам Замка, Лабиринта, Острова Снов будут толпами ходить туристы и гадать, какое значение имели эти руины для древних?

«Мы поработали достаточно хорошо,— думал Валентин, вспоминая тысячелетия мира и стабильности.— Однако сейчас прорываются диссонансы, запланированный порядок вещей разрушен, нельзя предсказать, что может случиться. Метаморфы, разбитые и изгнанные, чье несчастье заключалось в том, что они владели этой планетой, а ее пожелал другой, более сильный народ, эти метаморфы могут смеяться последними.»

Он вдруг остановился. Что за звук: шаги? И тень мелькнула по камням. Валентин пристально вгляделся в темноту. Он подумал, что это ночное животное ищет пищу. Ведь у призраков нет тени, да и призраков здесь нет. Их вообще нет. Но все-таки... Он осторожно сделал несколько шагов. Слишком темно, слишком много упавших стен.

Он смеялся над Ирманаром, однако страхи офицера каким-то образом подействовали и на его воображение. Он думал о суровых таинственных метаморфах, скользящих между упавшими зданиями,— приведениях почти таких же старых, как само время, формах без тел, образах без субстанции...

Затем раздались шаги позади. Валентин быстро обернулся. За ним бежал Ирманар, только и всего.

— Подождите, милорд!

Валентин остановился. Пальцы его, как ни странно дрожали. Он заложил руки за спину.

— Вы не должены ходить одни, — сказал Ирманар. — Я знаю, вы легко относитесь к воображаемым мною опасностям, однако эти опасности все-таки могут существовать. Ты обязан заботиться о своей безопасности, милорд.

Подошли остальные, и все вместе продолжали путь через освещенные луной развалины. Валентин ничего не сказал о том, что видел и слышал. Конечно, это было какое-то животное. И очень скоро животные появились: вроде маленьких обезьянок, может, родственники лесных братьев. Они, видимо, жили в рухнувших строениях. Тут же в тени быстро мелькали ночные мелкие млекопитающие — минтоны и дроли.

«Но, — думал Валентин, — разве могли обезьяны или дроли производить звуки, похожие на шаги?»

Когда они прошли мимо обломков базилики, Слит, шедший чуть поодаль, вдруг рванулся обратно и сказал Валентину:

— Я слышал что-то странное вон там сбоку.

— Приведение, Слит?

— Может быть. Или просто бандит.

— Или обезьянка, — легкомысленно сказал Валентин. — Я слышал всякие шорохи.

— Милорд...

— Ты заразился страхами Ирманара?

— Я думаю, мы ходим тут достаточно долго, милорд, — тихо сказал Слит.

Валентин покачал головой.

— Будем внимательнее следить за темными углами. Однако здесь есть на что посмотреть.

— Может, нам вернуться обратно, милорд?

— Не бойся, Слит.

Жонглер пожал плечами и отошел. Валентин вглядывался в темноту. Он ни в коей мере не недооценивал остроту слуха Слита, который жонглировал с завязанными глазами, руководствуясь только звуком, но уйти из этого места чудес только из-за того, что они слышали странные шаги, — нет, на стоит торопиться. Однако он стал более осторожен. Пусть призраков и не существует, но в этом странном городе глупо действовать необдуманно.

Когда они осматривали наиболее богато украшенное здание в центральном районе дворцов и храмов, Залзан Кавол, шедший впереди, вдруг резко остановился: у самых его ног упал откуда-то сверху камень. Скандар выругался.

— Эти вонючие обезьяны...

— Нет, я думаю, это не обезьяны,— спокойно сказал Делиамбер.— Это был кто-то более крупный.

Ирманар осветил фонариком нависавший край соседнего строения. На мгновение стал виден силуэт вроде бы человека, однако затем исчез. Лизамон бросилась к дальней стороне здания, за ней последовал Залзан Кавол, размахивая энергометом. Слит и Карабелла побежали с другой стороны. Валентин хотел было идти за ними, но Ирманар схватил его за локоть и держал с поразительной силой, говоря извиняющимся тоном:

— Я не могу позволить тебе идти на риск, милорд, если мы не знаем...

— Стой! — послышался вдали бухающий голос Лизамон.

Затем раздались звуки какой-то возни, кто-то протопал по камням отнюдь не призрачным шагом. Валентину очень хотелось знать, что там, однако Ирманар был прав. Короналю Маджипура не положено бегать за неизвестным врагом в темноте и по незнакомой местности. Он услышал ругань, крики и визгливый вскрик боли. Почти тут же появилась Лизамон, таща человека с эмблемой горящей звезды Короналя на плече. Она охватила его вокруг тела, и его ноги болтались дюймах в шести от земли.

— Шпион,— сказала она.— Он прятался наверху и следил за нами. По-моему, их было двое.

— Где второй? — спросил Валентин.

— Удрал. Залзан Кавол побежал за ним.

Лизамон бросила своего пленника на землю перед Валентином и прижала его ногой.

— Пусть встанет,— сказал Валентин.

Человек встал. Он выглядел испуганным. Ирманар и Насимонт быстро обыскали его. Оружия не было.

— Кто ты? — спросил Валентин.— Что ты здесь делал?

Ответа не было.

— Говори. Мы не повредим тебе. У тебя на плече горящая звезда. Ты из армии Короналя?

Неизвестный кивнул.

— Ты послан следить за нами?

Незнакомец опять кивнул.

— Ты знаешь, кто я?

Человек молча уставился на Валентина.

— Ты умеешь говорить? У тебя есть голос? Скажи что-нибудь, все равно что.

— Я... Если я...

— Прекрасно. Говорить ты можешь. Ну, ты знаешь, кто я?

Пленник ответил шепотом.

— Нам сказали, что ты хочешь украсть трон у Короналя.

— Нет,— сказал Валентин,— ты ошибаешься. Вор тот, кто сидит сейчас в Замке. Я — Лорд Валентин и требую от тебя преданности.

Человек смотрел на него растерянно, непонимающе.

— Сколько вас тут?

— Пожалуйста, господин...

— Сколько?

Наступило угрюмое молчание.

— Дай, я немного покручу его руку,— предложила Лизамон.

— В этом нет необходимости,— сказал Валентин. Он подошел ближе к струсившему человеку и мягко заговорил.— Ты ничего этого не понимаешь, но со временем тебе все станет ясно. Я — истинный Корональ, ты клялся служить мне, и теперь я требую ответа. Сколько вас здесь?

На лице пленника отражались противоречивые чувства. Он медленно и неохотно ответил:

— Только двое, господин.

— Могу я верить этому?

— Клянусь Леди, господин!

— Двое? Ладно. Давно вы следите за нами?

— От Луманцара.

— С каким приказом?

Снова последовало колебание.

— Наблюдать за вашими передвижениями и утром сообщить в лагерь.

Ирманар нахмурился.

— Это значит, что второй уже на полпути к озеру.

— Ты так думаешь? — сказал хриплый голос Залзан Кавола.

Скандар шагнул к ним и бросил перед Валентином тело второго человека со звездной эмблемой. Энергомет Залзана Кавола прожег в нем дыру.

— Я бежал за ним с полмили, милорд. Проворный, дьявол! Он легче меня прыгал через кучи камней и начал отрываться от меня. Я приказал ему остановиться, но он продолжал бежать. И пришлось...

— Закопай его где-нибудь,— отрывисто приказал Валентин.

— Милорд, я плохо сделал, что убил его?

— У тебя не было выбора,— сказал Валентин уже более мягким тоном.— Я хотел, чтобы ты поймал его, однако ты не смог, так что выбора не было. Все в порядке, Залзан Кавол.

Валентин отвернулся. Убийство потрясло его, но ничего иного он не мог бы требовать. Этот человек умер только потому, что был предан Короналю — или тому, кого он считал Короналем. Гражданская война получила свою первую жертву. Кровопролитие началось в городе мертвых.

Глава 4

Теперь уже никто не думал продолжать осмотр. Все вернулись в лагерь, взяв с собой пленника. Утром Валентин отдал приказ двигаться через Велализер и начать поворот на северо-восток.

Днем развалины не казались такими таинственными, однако все равно впечатляли. Трудно было понять, каким образом хилый и не пользовавшийся техникой народ мог передвигать эти гигантские плиты, но, возможно, тысячи лет тому назад метаморфы не отвергали механизмы. Изменяющие Форму лесов Пьюрифайна, тростниковых хижин и грязных улиц были жалкими остатками расы, некогда правившей Маджипуром.

Валентин обещал себе вернуться сюда, когда его дело с Домиником Барджазедом будет закончено, и детально обследовать древнюю столицу, очистить и реконструировать ее. Если удастся, он пригласит метаморфских вождей принять участие в этой работе, хотя сильно сомневался, что они пожелают сотрудничать. Однако что-то нужно сделать для общения двух рас планеты.

— Если я вновь буду Короналем,— сказал он Карабелле,— я намерен...

Они миновали колонны и выезжали из Велализера.

— К о г д а ты опять будешь Короналем,— поправила его Карабелла.

Валентин улыбнулся.

— Да, когда я снова буду Короналем, я намерен изучить всю проблему метаморфов и вновь ввести их в главный поток жизни Маджипуре, если это возможно, даже дать им место в правительстве.

— Если они возьмут его.

— Я имею ввиду — победить их злобу. Я посвящу этому мое правление. Все наше общество, наше удиви-

тельное, гармоничное и сердечное королевство было основано на краже и несправедливости, и мы унаследовали привычку не замечать этого.

Слит искоса взглянул на него.

— Изменяющие Форму не использовали планету полностью. Их было двадцать миллионов на все это огромное пространство, когда наши предки пришли сюда.

— Но эта планета принадлежала метаморфам! — вскричала Карабелла. — По какому праву...

— Полегче, — сказал Валентин. — Не стоит спорить о действиях первых поселенцев. Что сделано, то сделано, прошлого не воротишь, однако в нашей власти изменить это.

Делиамбер сказал тихо, но так, что привлек внимание слушателей.

— Возможно, все теперешние затруднения являются началом возмездия за подавление метаморфов.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Валентин. Он был удивлен.

— Только то, что мы прошли долгий путь на Маджипуре, ничего не заплатив за первородный грех завоевателей. Как тебе известно, счет накапливает проценты. Теперь эта узурпация, зло, творимое новым Короналем, стоящая перед нами война, смерть и разрушение, хаос... Может быть, прошлое начинает, наконец, сводить с нами счеты.

— Валентин не имеет отношения к подавлению метаморфов, — возразила Карабелла. — Почему он должен страдать один? Почему именно его сбросили с трона, а не какого-нибудь своевольного Короналя прошлого?

Делиамбер пожал плечами.

— Такие дела не распределяются справедливо. Почему ты думаешь, что наказан бывает только виновный?

— Божество...

— А почему ты считаешь Божество справедливым? За долгое время все ошибки выправляются, каждый минус уравнивается плюсом, колонки подсчитываются, итог оказывается правильным. Однако за достаточно продолжительное время. Мы живем недолго, и многое часто бывает несправедливым. Компенсирующие силы Вселенной приводят в порядок все счета, но в этом процессе производят как добро, так и зло.

— Более того, — сказал вдруг Валентин, — может быть, я выбран орудием этих компенсирующих сил, и мне необходимо было страдать, чтобы стать настоящим Короналем.

— В каком смысле?

— Если бы со мной не случилось ничего необычного, я, вероятно, правил бы на Замковой Горе, как все прочие до меня, довольный собой, принимающий вещи, как они есть, поскольку не видел бы в них ничего неправильного. Однако все эти приключения сформировали мой взгляд на мир, какого я никогда бы не имел, оставаясь укрытым в Замке. Может быть, теперь я готов по-другому сыграть предназначенную мне роль... — Он помолчал. — Все эти разговоры впустую. Первое, что нам надо сделать, это взять обратно Замок, а вот уж потом поговорим о природе компенсирующих сил Вселенной и о замыслах Божества.

Он оглянулся на разрушенный Велализер, проклятый город древних, хаотический, но великолепный, на заброшенной пустынной равнине, затем отвернулся и молча стал смотреть на пейзаж впереди. Теперь дорога резко повернула к северо-востоку, вверх по гряде холмов и спускалась в плодородную долину Глейга у самого северного конца озера Рогойз. Сейчас они находились в сотнях миль от лагеря армии Короналя.

Ирманар, встревоженный присутствием в Велализере двух шпионов, послал разведчиков проверить, не двинулась ли армия на север наперерез им. Валентин счел это разумным, однако решил сделать и собственную разведку.

— Наведи чары, — приказал он Делиамберу, — чтобы я знал, где ожидает нас вражеская армия. Сможешь?

Яркие золотые глаза вруона весело блеснули.

— Могу ли я? Упряжное животное может есть траву? Морской дракон может плавать?

— Тогда сделай.

Делиамбер отошел, зашептал что-то и замахал щупальцами, свивая и переплетая их в самые замысловатые узоры. Валентин подозревал, что большая часть колдовства Делиамбера была рассчитана на зрителей, что настоящая передача не зависит от размахивания щупальцами и произнесения формул, а зависит только от броска проницательного и сенситивного разума колдуна. Пусть себе вруон играет свой маленький спектакль. Определенная работа напоказ была существенной частью деятельности не только у колдунов и жонглеров, но и у Короналя, Понтификса, Леди, Короля Снов, толкователь-ниц снов, учителей священных таинств, может быть, даже у таможенников провинциальных границ и продавцов сосисок в уличных ларьках. Занимаясь делом, нельзя быть чрезмерно прямым и резким, надо прикрывать его магией, театральностью.

Делиамбер сказал:

— Отряды узурпатора, похоже, остались на месте.

— Вот и хорошо. Пусть торчат там подольше, ожидая, когда мы вернемся с нашей экскурсии по Велализеру. Ты можешь отметить другие армии к северу отсюда?

— На большом расстоянии не могу. Я чувствую присутствие рыцарских сил на Замковой Горе, однако они всегда там. Я определяю небольшие отряды там и тут в Пятидесяти Городах, но тоже ничего особенного. У Короналя времени хватает. Он сидит себе в Замке и ждет, когда ты подойдешь, а затем объявит великую мобилизацию. Что ты будешь делать, Валентин, когда миллионы воинов спустятся к тебе с Замковой Горы?

— Ты думаешь, я не задумывался над этим?

— Я знаю, что ты думал, но мало. Следует крепко подумать — наши сотни против их миллионов.

— Миллион — неудачная мера для армии, — сказал Валентин и засмеялся. — Жонглировать булавами много легче, чем стволами двикка-деревьев. Тебя пугает будующее Делиамбер?

— Нисколько.

— И меня тоже.

Конечно, это была бравада. Валентин сам понимал это. Боялся ли он? Всерьез — нет. Смерть все равно придет — рано или поздно, бояться ее глупо. Валентин знал, что мало боится смерти, потому что он стоял перед ней в лесу у Авандройна, в быстринах Стейча, в брюхе морского дракона, в драке с Фарселом на острове и ни в одном из этих случаев не испытывал того, что можно назвать страхом. Если армия, ждущая его на Замковой Горе, захлестнет его малые силы и зарубит его самого — это, конечно, печально. Как печально было бы разбиться в куски на порогах Стейча, однако эта перспектива не ужасала его.

Страх за собственную жизнь был куда менее значителен, чем страх за судьбу Маджипура. Если он, Валентин, погибнет — от неуверенности, глупости или просто неравенства сил, Замок останется в руках Барджазедов, и ход истории навеки изменится, пострадают миллиарды невинных. Предупредить это — великая ответственность, и Валентин чувствовал ее тяжесть. Если он героически погибнет, пытаясь подняться на Замковую Гору, его испытания закончатся, но это станет началом агонии Маджипура.

Глава 5

Теперь они ехали через мирные сельские округа, по периметру громадного сельскохозяйственного пояса Замковой Горы, снабжавшего продуктами Пятьдесят городов. Валентин все время выбирал главные дороги. Время секретности прошло, караван бросался в глаза, скрыть его едва ли было возможно. Наступил час, когда мир должен был узнать, что борьба за обладание Замком Лорда Валентина вот-вот начнется. Мир уже начал узнавать об этом. Разведчики Ирманара, вернувшиеся из города Пендивейна выше по Глейгу, принесли известия о первых контрмерах узурпатора.

— Между нами и Пендивейном нет армий,— доложил Ирманар,— но в городе объявлено, что ты мятежник, разрушитель, враг общества. Заявления Понтификса в твою пользу, кажется еще не объявлялись. Горожан Пендивейна принуждают объединяться в отряды, чтобы защищать их подлинного Короналя и истинный порядок вещей от твоих посягательств. И широко распространились послания.

— Какого рода? — Валентин нахмурился.

— От Короля. Ты, видимо, слабо поддаешься ему по ночам, однако Король присутствует в твоих снах и жужжит тебе о преданности и о страшных последствиях, если Кораль будет скинут.

— Естественно,— пробормотал Валентин.— Король работает для сына со всей своей энергией. Там, в Суврейле, небось, день и ночь шлют послания. Но мы повернем это против него, а, Делиамбер? Король Снов говорит народу, как ужасно скинуть Короналя. Прекрасно. Я хочу убедить народ именно в этом. Я хочу довести до него, что эта ужасная вещь у ж е произошла на Маджипуре и что народ должен исправить все это.

— И что Король Снов является заинтересованной стороной в этой войне,— сказал Делиамбер.— Мы должны пояснить народу и это — что выигрывает Король от изменнических действий своего сына.

— Мы это сделаем,— горячо сказала Лоривейд.— С Острова с удвоенной силой идут послания Леди. Они противодействуют ядовитым снам Короля. В прошлую ночь Леди пришла ко мне во сне и показала какое послание она пошлет. Это видение наркотизации в Филононе, подмена Короналя. Она покажет народу твое новое лицо, Лорд Валентин, и окружит его сиянием

Короналя, горящей звездой власти. И будет портрет фальшивого Короналя, как предателя, подлого и темного.

— Когда это будет? — спросил Валентин.

— Она ждет твоего одобрения.

— Тогда открой сегодня свой мозг Леди и скажи ей, что послания должны начаться.

Кон с Кайнимора сказал:

— Мне так странно все это! Война снов! Если бы я когда-нибудь усомнился в том, что я в чужом мире, эта стратегия убедила бы меня.

Валентин с улыбкой ответил:

— Лучше сражаться снами, чем мечами и энергометами, дружище. Мы стараемся победить убеждением, а не убийством.

— Война снов, — растерянно повторил Кон. — У нас на Кайниморе все по-другому. Но кто скажет, что лучше? Правда я думаю, что здесь будут не только послания, но и сражения, прежде чем все устроится как надо, Лорд Валентин.

Валентин печально посмотрел на синекожего.

— Боюсь, что ты прав.

Через пять дней они подошли к предместьям Пендивейна. Известие об их приближении разнеслось по всей округе. Фермеры прекращали работу на полях и таращили глаза на караван плавучих экипажей, а в наиболее населенных секторах на шоссе стояли толпы.

Валентин считал, что все это хорошо.

Ни одна рука не поднялась против них. Толпа смотрела с любопытством, а не угрожающе. Большего он не мог желать. Однако, когда они были в дне пути от Пендивейна, передовой отряд вернулся с известием, что у западных ворот города их ждет вооруженный отряд.

— Солдаты? — спросил Валентин.

— Гражданское ополчение, — сказал Ирманар, — наскоро организованное, судя по виду. У них нет униформы, только повязки с эмблемой горящей звезды на рукаве.

— Великолепно. Горящая звезда посвящена мне. Я пойду к ним и попрошу их лояльности.

— Что ты наденешь, милорд? — спросил Виноркис.

Валентин растерянно указал на простую одежду, в которой приехал с Острова, — белую тунику с поясом и легкую верхнюю блузу.

— Это, я полагаю.

Хьорт покачал головой.

— Ты должен быть одет богато и в короне. Я думаю, что это очень важно.

— Я не думал появляться слишком подчеркнуто. Если они увидят человека в короне, однако не с лицом Лорда Валентина, которое они знают, их первой мыслью будет, что я у з у р п а т о р. Ведь так?

— Я думаю иначе,— возразил Винорќис.— Ты идешь к ним и говоришь, что ты истинный король. Но ты н е п о х о ж на короля. Простая одежда и манеры могут завоевать тебе друзей в спокойной беседе, однако не перед военной силой. Ты должен быть одет более впечатляюще.

— А я как раз надеялся на простоту и искренность, как действовал всегда, начиная с Пидруда.

— Простота и искренность — это пожалуйста, но еще и корона,— сказал Винорќис.

— Карабелла, Делиамбер, что вы посоветуете?

— Небольшая подчеркнутость не повредит,— сказал вруон.

— Это будет твое первое выступление с требованием Замка,— сказала Карабелла,— немного царственной пышности тебе, по-моему, хорошо послужит.

Валентин засмеялся.

— Боюсь, что за многие месяцы странствий я отвык от таких костюмов. Мысль о короне мне теперь кажется смешной. Вещь из изогнутого металла, напяленная на голову, немного драгоценностей...

Он остановился, видя, как они разинули рты.

— Корона,— продолжал он менее легкомысленным тоном,— только вещь, безделушка, украшение. На детей такие игрушки производят впечатление. Однако взрослые горожане...— Он опять умолк.

— Милорд,— сказал Делиамбер,— помнишь ли ты, что чувствовал, когда пришли к тебе в Замок и впервые надели на тебя корону?

— Признаюсь, у меня дрожь прошла по телу.

— Да. Пусть корона — детское украшение, глупая безделушка, но она также — символ власти, она выделяет Короналя из всех прочих, превращает просто Валентина в Л о р д а Валентина, наследника Лорда Престимиона, Лорда Конфалума, Лорда Стиамота. Мы живем этими символами. Милорд. Твоя мать Леди многое вернула тебе от той особы, которой ты был до Филонона, однако в тебе еще очень много от Валентина-жонглера, и вообще-то это неплохо. Но сейчас, я полагаю, требуется больше экспрессивности и меньше простоты.

Валентин молча слушал Делиамбера и думал, что иногда нужно позволить себе театральность, чтобы до-

биться желаемого эффекта. Да, они были правы, а он ошибался.

— Хорошо. Я надену корону, если ее можно быстро изготовить.

Один из людей Ирманара сделал для него корону из частей испорченного механизма плавучей повозки — единственного метала, который был под рукой. Рассматривая эту поспешную импровизацию, Валентин подумал, что это работа мастера: места соединений были не грубыми, лучи горящей звезды были расположены на равном расстоянии друг от друга, внутренние орбиты были гладко закольцованы. Конечно, ее нельзя было сравнивать с подлинной короной из семи различных драгоценных металлов с инкрустацией и гравировкой, с отшлифованными редкими камнями, с тремя сверкавшими камнями диниаба на лобной части. Однако та корона, сделанная в великое царствование Лорда Конфалума, вызывавшая восторг более всех других атрибутов империи была сейчас далеко, а эта, заняв свое место на его освященной голове, вероятно магически обретет соответствующее величие. Валентин долго держал ее в руках. Он только вчера смеялся над такими вещами, *однако сегодня он чувствовал перед этой* короной некоторое благоговение.

— Милорд,— мягко сказал Делиамбер,— ополчение Пендивейна ждет.

Валентин кивнул. Он оделся во взятый взаймы пышный наряд: зеленую пару, принадлежащую одному из товарищей Ирманара, желтый плащ, данный ему Эйзенхартом, тяжелую золотую цепь иерарха Лоривейд, высокие блестящие сапоги, отделанные белым мехом, позаимствованные у Насимонта. Он не носил такой одежды с того злосчастного банкета в Филононе, когда был в другом теле, и ему казалось странным быть одетым столь претенциозно. Не хватало только короны.

Он хотел было надеть ее, но остановился. Нравилось ему это или нет, однако это был исторический момент: он надевает горящую звезду впервые в этом своем втором воплощении. И вдруг это событие показалось ему не столько маскарадом, сколько коронацией. Он беспокойно оглянулся.

— Я не должен сам надевать ее,— резко сказал он.— Делиамбер, ты мой первый министр. Сделай это.

— Милорд, я недостаточно высокого роста.

— Я встану на колени.

— Это не годится,— сказал вруон чуть резко. Он явно не хотел этого делать.

Валентин взглянул на Карабеллу, но та чуть отступила, шепча с ужасом:

— Я же из простонародья, милорд!

— При чем тут...

Валентин тряхнул головой. Это начинало ему надоедать. Он посмотрел на иерарха Лоривейд, величавую женщину с холодными глазами.

— Ты представительница Леди, моей матери, и ты высокого ранга. Могу я просить тебя...

Однако Лоривейд строго ответила:

— Милорд, корона дается Короналю властью Понтификса. Самое подходящее, чтобы ее надел на тебя Ирманар, поскольку он самый высокопоставленный служащий Понтификса среди нас.

Валентин вздохнул и повернулся к Ирманару.

— Полагаю, что это правильно. Ты сделаешь это?

— Это великая честь для меня милорд.

Валентин протянул корону Ирманару и опустил обруч Леди как можно ниже. Ирманар, человек невысокого роста, взял корону обеими чуть дрожащими ладонями, вытянул руки вверх и величайшей осторожностью надел ее на голову Валентина.

— Ну вот,— сказал Валентин,— я одет...

— Лорд Валентин! Виват, Лорд Валентин! Да здравствует Лорд Валентин!

Все упали перед ним на колени, делали знак горящей звезды, и выкрикивали его имя, даже инопланетник Кон.

Смущенный этим Валентин делал протестующие жесты, хотел сказать, что это не настоящая церемония, что это все только для того чтобы произвести впечатление на горожан Пендивейна, но слова не шли из его горла, потому что он знал, что они не искренни, что это импровизированное действие было фактически его второй коронацией. Он чувствовал холод в спине, дрожь и удивление. Он стоял, простирая руки и принимая знаки почтения. Затем он сказал:

— Встаньте. Пендивейн ждет нас.

Разведчики доложили, что ополчение и городские власти уже несколько дней стоят лагерем перед западными воротами Пендивейна, ожидая его прибытия. Но кто знает, каково настроение народа после столь долгого ожидания и какой прием собираются оказать Валентину.

До Пендивейна оставался всего час езды. Они быстро ехали через леса и широкие луга, а затем через жилые округа с маленькими каменными домами с островерхими кры-

шами из красной черепицы. Дальше находился сам город, столица провинции с населением в двенадцать или тринадцать миллионов. В основном он был торгово-промышленным складом, однако через него шла в Пятьдесят Городов и сельскохозяйственная продукция низовий долины Глейга.

У ворот ждало по крайней мере десятитысячное ополчение. Оно заполнило дорогу, рассыпалось по проулкам рыночной площади, приютившейся у внешней стены Пендивейна. Вооруженные энергометами, правда в небольшом количестве, и более простым оружием, передние ряды стояли напряженно, стараясь держаться по-солдатски, что для них было явно непривычно.

Валентин приказал каравану остановиться в нескольких сотнях ярдов от передней линии, чтобы между ополчением и ним было свободное пространство, что-то вроде буферной зоны. Он вышел вперед. Справа от него шла иерарх Лоривейд в сверкавшем облачении высших служащих Леди, а слева — Ирманар с яркой эмблемой Понтификса на груди. За Валентином шли Залзан Кавол и его устрашающие братья, позади них — Лизамон Холтен в полной боевой форме со Слитом и Карабеллой по бокам. Стифон Делиамбер сидел на плече великанши. Медленно, легко, безошибочно величественным шагом Валентин вышел на открытое пространство. Горожане Пендивейна зашевелились, смущенно переглядывались, переминались с ноги на ногу, потирали грудь ладонями. Наступила полная тишина. Валентин остановился в двадцати ярдах от передовой линии и сказал:

— Добрый народ Пендивейна, я законный Корональ Маджипура и прошу вашей помощи в возвращении мне того, что мне было даровано Волей Божества и указом Понтификса Тивераса.

Тысячи широко открытых глаз неотрывно смотрели на него. Он чувствовал себя совершенно спокойно.

— Я прошу выйти вперед герцога Хельмсторга и Редварда Хелигорна, мэра Пендивейна.

В толпе произошло движение, затем она раздалась и вышел полный мужчина в синем с оранжевой отделкой мундире. Лицо его казалось серым от страха и напряжения. Черная перевязь мэра пересекала его широкую грудь. Он сделал несколько неуверенных шагов к Валентину, яростно сигналя за спиной, чтобы этого жеста не видели стоявшие перед ним. Через минуту пять или шесть муниципальных чиновников смущенно и неохотно встали позади мэра. Толстяк сказал:

— Я Редвард Хелигорн. Герцога Хельмсторга вызвали в Замок Лорда Валентина.

— Мы уже встречались, мэр Хелигорн,— приветливо сказал Валентин.— Ты не помнишь? Это было несколько лет тому назад, когда Короналем был мой брат Лорд Вариакс, а я ехал в Лабиринт с поручением к Понтификсу. Я остановился в Пендивейне, и ты дал мне банкет в большом дворце на берегу реки. Помнишь, мэр Хелигорн? Было лето, засушливый год, река сильно обмелела, не то что нынче.

— Да, тот кто стал Лордом Валентином, был здесь в сухой год, но он был черноволос и бородат.

— Правильно. Совершено колдовство страшной природы, мэр Хелигорн. Теперь в Горном Замке сидит предатель, а я был изменен и изгнан. Однако я Лорд Валентин и властью горящей звезды, которую ты носишь на рукаве, требую, чтобы ты принял меня как Короналя.

Хелигорн совсем растерялся. Ему явно хотелось бы находиться сейчас в любом другом месте, даже в коридорах Лабиринта или в жарких пустынях Суврейла. Валентин продолжал:

— Рядом со мной иерарх Лоривейд с Острова Сна, ближайшая наперсница моей матери, твоей Леди. Как ты думаешь, станет она обманывать тебя?

Иерарх сказала ледяным тоном:

— Это истинный Корональ, а Леди проявит высшую любовь к тем, кто поддержит его.

— А вот стоит Ирманар, высокопоставленный слуга Понтификса Тивераса,— сказал Валентин.

— Вы все слышали,— заговорил Ирманар,— указ Понтификса, что этого белокурого человека следует приветствовать как Лорда Валентина Короналя. Кто из вас выступит против указа Понтификса?

Лицо Хелигорна выражало ужас. Вероятно Валентину труднее было бы иметь дело с герцогом Хельмсторгом, поскольку тот был высокого происхождения и весьма надменным, и его вряд ли мог легко смутить человек в самодельной короне и с небольшим отрядом странно подобранных спутников, но Редварду Хелигорну, простому выбранному чиновнику, много лет занимавшемуся только устройством банкетов да дебатами о налогах с товаров, это дело было не по зубам. Он сказал почти невнятно:

— Был приказ из Замка Лорда Валентина, чтобы тебя схватить, связать и представить на суд.

— В последнее время из Замка Лорда Валентина немало было приказов неразумных, несправедливых и

несвоевременных, не так ли, мэр Хелигорн? — сказал Валентин. — Это приказы узурпатора, они ничего не стоят. Ты слышал голоса Леди и Понтификса. Ты получал послания, требующие от тебя покорности мне.

— Были и другие послания, — прошептал Хелигорн.

— Да, от Короля Снов! — Валентин засмеялся. — А кто узурпатор? Кто украл трон Короналя? Доминик Барджазед, сын Короля Снов! Теперь тебе понятны послания из Суврейла? Ты понимаешь теперь, что произошло на Маджипуре?

Валентин вошел в транс и затопил беспомощного Хелигорна полной силой своего духа, посланием наяву от Короналя. Хелигорн зашатался. Лицо его пошло красными пятнами. Он отступил и ухватился за своих товарищей, чтобы удержаться на ногах, однако те тоже получили волну от Валентина и сами едва устояли.

— Дайте мне свою поддержку, друзья, — сказал Валентин. — Откройте мне ваш город. Отсюда я пойду на завоевание Замковой Горы, и велика будет слава Пендивейна, первого города на Маджипуре, восставшего против узурпатора!

Глава 6

Так Пендивейн сдался без сопротивления. Редвард Хелигорн преклонил колени перед Валентином и сделал знак горящей звезды, затем тоже самое сделали два его заместителя. Внезапно тысячи людей стали оказывать знаки почтения и выкрикивать, сначала без большого убеждения, а потом вполне уверенно:

— Валентин! Лорд Валентин! Да здравствует Лорд Валентин Корональ!

Ворота Пендивейна открылись.

— Все довольно просто, — шепнул Валентин Карабелле. — Может, так пойдет и по Замковой Горе? Застращать одного-двух жирных мэров и получить обратно трон без всяких возражений?

— Вряд ли, — ответила она. — Наверху тебя ждет Барджазед с телохранителями, и его не запугаешь словами и драматическими эффектами. Сражения будут, Валентин!

— Пусть бы было только одно!

Она слегка коснулась его руки.

— Ради тебя хочу надеяться, что будет только одно, и то небольшое!

— Не ради меня, а ради всего мира. Я не хочу, чтобы мой народ погибал исправляя то, что принес нам Доминик Барджазед.

— Я не думала, что короли могут быть такими мягкосердечными, милый. Ты опечален?

— Я опасаюсь грядущего.

— Грядущее — это обязательно борьба, победа и восстановление порядка. Если ты хочешь быть настоящим Короналем, помаши рукой своему народу, улыбнись и сотри с лица трагическое выражение.

Валентин кивнул.

— Да, ты права.

Он взял ее за руку и быстро и нежно провел по ней губами. Повернувшись к толпам, выкрикивавшим его имя, он поднял руки и принял приветствия.

Было до странности знакомо въезжать в большой город, где по сторонам бульваров собрались приветствовавшие его толпы. Он как бы вспоминал сон — начало своей великой церемониальной поездки, как он плыл по реке в Алейсор на западном берегу, потом на Остров — преклонить колени перед матерью во Внутреннем Храме, затем большое морское путешествие в Зимрол. Народ приветствовал его в Пилиплоке, Вилатесе, Нарабале. Парады, банкеты, возбуждение, пышность. Потом Филонон, где его тоже встречали приветственными криками. Он вспомнил, как был удивлен, что Доминик Барджазед, сын Короля Снов, приехал в Филонон, чтобы приветствовать его и почтить пиром. Барджазеды обычно оставались дома, в своем прокаленном солнцем королевстве, сторонились общества и заботились только о своих сонных машинах, отправляя послания поучающие, приказывающие или карающие. Банкет в Филононе, бокал вина из рук Барджазеда и... город Придруд, фальшивые воспоминания о детстве где-то на востоке Зимрола. И вот теперь, столько времени спустя на улицах большого города вновь выкрикивают его имя.

Очутившись в королевских апартаментах дворца мэрии, Валентин вызвал к себе мэра Хелигорна, все еще ошеломленного и растерянного.

— Мне нужна флотилия речных судов, чтобы плыть к истокам Глейга. Стоимость ее будет выплачена из имперской казны после моего восстановления.

— Слушаюсь, милорд.

— Сколько отрядов ты мне можешь дать?

— Каких отрядов?

— Ополчения, воинов, носителей оружия.

Лицо мэра выразило ужас.

— Мы в Пендивейне не знаем военного искусства, милорд.

Валентин улыбнулся.

— Никто на Маджипуре не знает военного искусства, благодарение Божеству. Однако, несмотря на наше миролюбие, мы сражаемся, если нам угрожают. Узурпатор угрожает всем нам. Разве ты не чувствовал жала новых непонятных налогов и непривычных указов в минувшем году?

— Конечно, чувствовал, но...

— Что, «но»,— резко спросил Валентин.

— Мы думали, что новый Корональ хочет показать свою власть.

— И вы спокойно позволите давить на вас тому, кто должен служить вам?

— Милорд...

— Ладно. Ты много выиграешь, когда я приведу все в порядок. Ты это понимаешь? Дай мне армию, мэр Хелигорн, и храбрость народа Пендивейна будет воспеваться в балладах тысячи лет.

— Я отвечаю за жизнь моего народа, милорд...

— А я отвечаю за жизнь твоего народа и еще двадцати миллиардов людей. Однако без армии я слишком уязвим. С армией я выступаю как король: имперские силы идут рассчитаться с врагом. Понимаешь, Хелигорн? Собери народ, скажи, что должно быть сделано, и вызывай добровольцев.

— Слушаюсь, милорд,— ответил мэр трепеща.

— И смотри, чтобы добровольцы были на самом деле добровольцами!

— Будет сделано, милорд,— пробормотал Хелигорн.

Армия собралась быстрее, чем ожидал Валентин, Подбор, экипировка, провиант — вопрос дней. Хелигорн действительно старался — может мечтал, чтобы Валентин как можно скорее уехал куда-нибудь в другой район.

Народное ополчение, ранее собиравшееся защищать Пендивейн от вторжения претендента, теперь составило ядро поспешно созданной преданной армии — тысяч двадцать мужчин и женщин. Город с тринадцатью миллионами жителей мог бы дать и больше, но Валентин не хотел обирать Пендивейн. Он не забыл собственную мысль насчет того, что легче жонглировать булавами, нежели стволами двикка. Двадцать тысяч выглядели вполне приличной военной силой, и он уже давно разработал стра-

тегию постепенного накопления поддержки. Даже колоссальный Зимр, как рассуждал Валентин, начинается с простых ручейков где-то в северных горах.

Все речные суда на пятьдесят миль в окрестности были мобилизованы для транспортировки армии. Громадная флотилия двинулась к северу под зелеными с золотом флагами Короналя. Валентин стоял на носу флагманского корабля. Рядом с ним были Карабелла, Делиамбер, адмирал Эйзенхарт. Омытый дождем воздух был свеж и приятен, добрый свежий ветер дул с Замковой Горы и создавал у Валентина ощущение, что он наконец-то едет домой. Суда восточного Алханрола были более обтекаемы и мене вычурны, чем те, которые Валентин видел на Зимре. Большие простые корабли, высокие и узкие, с мощными машинами, двигающими суда против сильного течения Глейга.

— Быстрое течение, — заметил Эйзенхарт.

— Так и должно быть, — сказал Валентин. Он указал на какую-то невидимую точку далеко на севере и высоко в небе. — Глейг начинается на нижних склонах Горы. На протяжении нескольких тысяч миль в него впадает десять рек, и вся масса воды направлена против нас, когда мы поднимаемся к истокам.

Моряк-хьорт улыбнулся.

— Когда подумаешь о встрече с такой силой, плавание в океане кажется детской забавой. Я никогда не понимал рек: узкие, быстрые... Нет, мне дай открытое море, драконов и все такое — и я буду счастлив.

Однако Глейг, хоть и быстрый, был приручен. Когда-то на нем были пороги и водопады, и сотни миль его не были пригодны для навигации. Четырнадцать тысяч лет человеческого присутствия на Маджипуре все это изменили. Дамбы, шлюзы, отводные каналы и другие средства заставили Глейг, как и все Шесть Рек, спускавшихся с Горы, служить его хозяевам на всем своем протяжении. Только внизу, где ровная долина позволяла реке разливаться, возникали некоторые затруднения, да и то только в период больших дождей. Провинции вдоль Глейга тоже были спокойными: зеленая фермерская местность, прерываемая большими городскими центрами.

Валентин смотрел в пространство, щуря глаза от яркого утреннего света, и искал серую громаду Горного Замка, но на расстоянии двух тысяч миль не было видно даже Горы, как огромна она ни была.

Первым значительным городом вверх по реке после Пендивейна был Макропрозопос известный своими тка-

чами и художниками. Когда корабли подошли поближе, Валентин увидел, что весь порт украшен огромными эмблемами Короналя, видимо, поспешно вытканными.

— Что означают эти флаги,— задумчиво спросил Слит.— Открытую преданность темному Короналю или капитуляцию перед тобой?

— Конечно, это уважение к тебе, милорд,— сказала Карабелла.— Они знают, что ты идешь вверх по реке, вот и повесили флаги, чтобы приветствовать тебя!

Валентин покачал головой.

— Я думаю, этот народ просто осторожен. Если мои дела на Замковой Горе пойдут плохо, всегда можно сказать, что эти флаги — знак преданности тому Короналю. Если же тот падет, город скажет, что признал меня следом за Пендивейном. Я думаю, мы не позволим им такой двусмысленности. Эйзенхарт!

— Да, милорд?

— Веди нас в гавань Макропрозопоса.

Для Валентина это было нечто вроде игры. Особой надобности причаливать здесь не было, и он меньше всего хотел бы сражаться с этим городом так далеко от Горы, однако важно было испробовать свою стратегию.

Проба произошла почти сразу. Он был еще далеко от берега, когда услышал крики:

— Да здравствует Лорд Валентин! Да здравствует Корональ!

Мэр города выбежал на пирс с приветствиями и дарами — тюками прекрасных тканей, изготовленных в его городе. Мэр считал излишним стрелять и драться и охотно отдал восемь тысяч своих граждан для армии восстановления.

— В чем тут дело? — спросила Карабелла.— Может они примут за Короналя любого, кто достаточно громко потребует трон и помашет несколькими энергометами?

Валентин пожал плечами.

— Это миролюбивый народ, спокойный, живущий хорошо и богато. Он тысячелетиями знал только процветание и хочет, чтобы оно продолжалось и следующие тысячелетия. Мысль о вооруженном сопротивлении чужда им, вот они и сдались сразу же, как только мы вошли в гавань.

— Так-то оно так,— сказал Слит,— а если через неделю сюда придет Барджазед, они столь же охотно будут кланяться ему.

— Вероятно, однако я пользуюсь моментом. Поскольку эти города присоединились ко мне, другие побоятся от-

казать мне в преданности. Немножко паники не помешает, верно?

Слит нахмурился.

— То что ты делаешь сейчас, может сделать любой, и это мне не нравится. Что если через год появится рыжий Лорд Валентин и скажет, что о н настоящий Корональ? Что, если какой-нибудь лимен будет требовать, чтобы все вставали перед ним на колени, и своих соперников назовет колдунами? Этот мир сойдет с ума.

— .Помазанный Король только один,— спокойно сказал Валентин,— и народ этих городов независимо от своих мотивов поклоняется воле Божества. Когда я вернусь в Горный Замок, больше не будет ни узурпаторов, ни претендентов. Это я обещаю.

Тем не менее, про себя он признавал мудрость сказанного Слитом. «Как хрупка,— думал он,— связь, объединяющая наше правительство! Только одна добрая воля поддерживает ее. Доминик Барджазед показал, что измена может уничтожить добрую волю, а запугивание тоже можно считать изменой. Но когда кончится этот конфликт, станет ли Маджипур прежним?»

Глава 7

После Макропрозопоса были другие города, и все они, не теряя времени, приняли сторону светловолосого Лорда Валентина. На это и надеялся Валентин. Эти речные жители не имели влечения к войне, и ни один из этих городов не подумал сражаться ради того, чтобы выяснить кто из соперников истинный Корональ. Раз Пендивейн и Макропрозопос покорились, остальные быстренько подравнялись по ним. Однако Валентин понимал, что речные города с той же готовностью сменят преданность, если увидят, что удача отвернется от него. Законность, помазание, воля Божества — все это в реальном мире значит куда меньше, чем предполагают в Горном Замке. Но все-таки лучше иметь хотя бы номинальную поддержку прибрежных городов, чем их неповиновение его требованиям. С каждого он взял рекрутов, немного, по тысяче с города, но армия его быстро росла и он опасался, как бы она не оказалась слишком неповоротливой. Хотел бы он знать, что думает Доминик Барджазед о событиях вдоль берегов Глейга. Может он трусит, думая, что все двадцать миллиардов жителей Маджипура выступили

против него? Или он просто тянет время, устраивая внутреннюю линию защиты, и готов ввергнуть всю планету в хаос, лишь бы не сдать Гору?

Путешествие по реке продолжалось. Они были на подступах к громадному плато, и бывали дни, когда Глейг, казалось, поднимался перед ними вертикальной стеной воды.

Все здесь было хорошо знакомо Валентину, потому, что в юности он часто бывал в верховьях всех Шести Рек, охотился или рыбачил с Вариакисом или Элидатом, а то просто спасался ненадолго от воспитателей и учителей. Его память восстановилась почти полностью, процесс излечения продолжался, и вид хорошо знакомых мест напомнил образы прошлого, которые пытался стереть Доминик Барджазед. В городе Джерико, в верховьях Глейга, Валентин однажды всю ночь играл со старым вруоном и в бесконечных бросаниях костей проиграл кошелек, меч, верховое животное, свое благородное звание и все земли, кроме одного клочка болота, а потом все это отыграл. Правда, он всегда подозревал, что его компаньон осторожно поворачивал вспять поток своего успеха, вместо того, чтобы радоваться победе. Как бы о ни было, это был полезный урок. А в Гильзельдорне, где население жило в войлочных палатках, он и Вариакс провели веселую ночь с черноволосой ведьмой, которая утром привела их в трепет, раскинув семена пингла на их будущее и объявив, что им обоим суждено стать королями. Вариакс был очень огорчен этим пророчеством, поскольку решил, что они будут править совместно, как совместно обнимали ведьму, а такое двойное правление было неслыханным делом на Маджипуре. Им не пришло в голову, что Валентин может стать преемником Вариакиса. А в Эмблморне, самом юго-западном из Пятидесяти Городов, Валентин, тогда еще почти мальчик, скакал через лес, упал и сломал левую ногу. Обломки кости торчали наружу, и Элидат, как мог, выправил их до того как удалось получить помощью врача. После этого осталась легкая хромота. Однако теперь, эта хромая нога, как с удовольствием подумал Валентин, принадлежит Доминику Барджазеду, а тело, которым обладает Валентин теперь, не имеет никаких изъянов.

Все прибрежные города и многие другие сдались ему. Теперь под его знаменем было пятьдесят тысяч отрядов.

Эмблморн был слишком далеко, чтобы армия могла путешествовать по воде. Река в верховьях стала лабиринтом притоков и каналов. Валентин послал Ирманара

с тысячью воинов вперед — найти сухопутные экипажи. Теперь силы Валентина были такими мощными, что Ирманар сумел мобилизовать практически все плавучие повозки в трех провинциях, причем без всяких возражений, так что в Эмблморне подхода основной армии ждало целое море экипажей.

Командовать такой большой армией Валентин в одиночку уже не мог. Его приказы шли через его военного маршала Ирманара пяти высшим офицерам — Карабелле, Слиту, Залзану Каволу, Лизамон и Эйзенхарту, которые командовали дивизиями. Жанамир, заметно выросший и окрепший, служил главным офицером связи.

— Мы готовы выступить, милорд,— доложил Жанамир.— Я отдам приказ?

Валентин кивнул.

— Вели первой колонне двинуться. Если мы выступим сейчас, то к полудню будем в Бимбеке.

— Есть, сэр.

— Да, вот еще что, Жанамир.

— Да, сэр?

— Я знаю, это война, но ты выглядишь слишком уж серьезным.

Жанамир покраснел.

— Однако, ведь это серьезное дело! Под нашими ногами земля Замковой Горы!

Он, казалось благоговел перед этим, сын фермера из далекого Фалкинкипа. Валентин понимал его чувства. Зимрол, казалось, был в миллионах миль отсюда. Валентин улыбнулся и сказал:

— Скажи, Жанамир, правильно ли я запомнил: сто весовых единиц составляют крону, десять крон — реал, а цена сосисок...

Жанамир смутился, потом фыркнул, стараясь удержаться от смеха, но в конце концов захохотал.

— Ох, милорд!

— Помнишь, в Пидруде, когда я хотел заплатить за сосиски пятидесятиреаловой монетой? Помнишь, как ты считал меня простаком? Легкодум, как ты говорил. Думаю, я и в самом деле был тогда простаком.

— Это было очень давно, милорд.

— Верно. Однако, наверное, я все еще простак: лезу на Замковую Гору и пытаюсь вернуть себе тяжелую и ответственную ношу правления. А может и не простак? Надеюсь, что нет. А ты не забывай почаще улыбаться. Иди, прикажи первой колонне выступать.

Мальчик выбежал. Валентин смотрел ему вслед. Как далек теперь Пидруд во времени и в пространстве, в миллионах миль, в миллионах лет! А ведь прошло всего полтора года с тех пор, как он стоял на гребне, смотрел на Пидруд и думал, что делать дальше. Жанамир, Слит, Карабелла, Залзан Кавол! Жонглирование на провинциальных аренах, ночевки на соломенных матрасах в грязных гостиницах... Какое же это было удивительное время, свободная легкая жизнь, ничего более важного, чем быть нанятым в следующем городке и уверенности, что булава не упадет на ноги, чего кстати ни разу не случилось. Как хорошо, что Залзан Кавол взял его к себе в труппу! Как хорошо, что Слит и Карабелла учили его своему искусству! Среди них был Корональ Маджипура и никто этого не знал. Кто из них мог вообразить, что задолго до старости перестанет жонглировать, а будет генералом, ведущим армию освобождения на Замковую Гору?

Первая колонна выступила. Плавучие повозки двигались вверх по нескончаемым склонам, лежавшим между Эмблморном и Замком.

Пятьдесят городов Замковой Горы располагались как изюмины в пудинге, концентрическими кругами от пика Замка. По внешнему, самому большому кольцу шли двенадцать городов, так называемые Города Склона. Это были промышленные и торговые центры, и самый маленький из них имел двенадцать миллионов жителей. Города Склона, основанные десять или двенадцать тысяч лет назад предпочитали оставаться архаичными по стилю: улицы их были когда-то распланированы рационально, однако давно уже стали перегруженными и запутанными из-за беспорядочных изменений. Каждый город имел свою, особую особеннось прославленную во всем мире. Валентин был не во всех этих городах — не хватало времени, чтобы познакомиться со всеми, но многие посетил — Бимбек Восточный и Бимбек Западный с их башнями в милю высотой из сверкающего хрустального кирпича, Форибл и его сказочный сад каменных птиц, Казанлейн с говорящими статуями. Между этими городами находились королевские парки, заповедники флоры и фауны, охотничьи зоны и священные гробницы. Все это простиралось на тысячи квадратных миль — достаточно места, чтобы цивилизация развивалась без толчеи и спешки. На сто миль выше по горе лежало кольцо девяти Свободных Городов. Среди ученых шли споры о происхождении этого названия, потому что на Маджипуре все города были свободными.

Большинство ученых считало, что где-то при Лорде Сти-амоте эти девять городов были освобождены от налогов в знак милости Короналя. И потом Свободные Города требовали такого освобождения и это им часто удавалось. Самым большим из Свободных Городов был Сти на реке того же названия, с тридцатимиллионным населением. Он был так же велик как Ни-мойе, а по слухам даже больше. Валентину не верилось в то, что был город равный по пышности Ни-мойе, но сам он ни разу не был в Сти, да и теперь пройдет вблизи, поскольку Сти находился совсем в другой стороне. Еще выше были одиннадцать сторожевых городов, все большие. Поскольку окружность Горы с высотой уменьшалась, Сторожевые Города располагались ближе друг к другу чем нижние, и считалось, что через несколько столетий оно сольются и опояшут среднюю часть Замковой Горы. Внутри этого кольца лежали девять внутренних Городов. Эти города Валентин хорошо знал с юности, в Хеленксе он родился, в Сайперлите жил во время царствования Вариакса, потому, что этот город находился ближе всего к Замку. Высокий Морпин был его любимым местом в праздничные дни. Он часто приезжал туда кататься на зеркальных горах. Ах, как это было давно!

Теперь, когда он силой вторгся на дороги Горы, он часто вглядывался вдаль, в облачные высоты, надеясь хоть на мгновение увидеть Сайперлит, Хеленкс или Высокий Морпин. Однако надеяться на эти было рано. Дорога из Эмблморна шла между Восточным и Западным Бимбеками, а затем вокруг зазубренного гребня Норморк к городу Норморку, знаменитому своей внешней каменной стеной — имитацией великой стены Велиазера. Бимбек Восточный принял Валентина как законного монарха и освободителя, в Западном же Бимбеке прием был заметно менее сердечным, хотя сопротивления оказано не было: население явно не решило, выгодна ли городу эта удивительная борьба. В Норморке большие Ворота Деккерита были закрыты и запечатаны, возможно впервые со времени их постройки. Это выглядело недружественным жестом, однако Валентин предпочел его интерпретировать как декларацию нейтралитета и проехал мимо Норморка, не делая попытки войти в него. Он меньше всего был настроен осаждать неподдавшийся город. Он думал, что куда проще не считать его врагом.

За Норморком дорога пересекала Барьер Толингар, который вовсе не был барьером, а был парком — сорок

миль ухоженной элегантности для развлечения граждан трех городов. Каждое дерево, каждый куст в нем стриглись и обрезались самыми различными формами. Ни одной кривой ветки, ни одного лишнего побега. Если бы все жители Замковой Горы работали тут садовниками, они не могли бы достичь такого совершенства круглосуточным тяжелым трудом. Это было достигнуто программой контролируемого разведения четыре тысячи лет тому назад при Лорде Хевилбове и последующих трех его преемниках. Эти растения сами формировались и придерживались симметрии форм. Секрет такого садоводческого волшебства был утерян.

Армия восстановления входила на уровень Свободных Городов. Стоя рядом с Валентином на вершине барьера Толингар, Жанамир сказал:

— Я думал, что с Замковой Горы виден весь путь до Пидруда, а мы даже лабиринта не видим! А поднимемся еще выше — больше увидим?

— Нет, — сказал Валентин. — Все ниже Сторожевых Городов скрыто облаками. Иногда можно забыть о существовании всего остального Маджипура.

— Наверху, наверное, очень холодно? — спросил мальчик.

— Нет, совсем не холодно. Так же как здесь, даже теплее. Там постоянная весна, воздух мягкий и легкий, всегда цветут цветы.

— Но ведь Гора уходит далеко в небо! Горы Кантора не такие высокие, их не сравнить с Замковой Горой, однако я слышал, что на их вершинах лежит снег и иногда остается на все лето. Замок, наверное, темен, как ночь и холоден, как смерть.

— Нет. Машины древних творят вечную весну. Они уходят глубоко в Гору и вытягивают ее энергию — я не знаю как, — и перерабатывают ее в тепло, свет, чистый воздух. Я видел эти машины в подземельях Замка. Это громадные металлические предметы — металла хватило бы, чтобы построить город, гигантские насосы, медные трубы...

— *Где мы сейчас, Валентин? Близко?*

— И полпути не прошли. — Валентин покачал головой.

Глава 8

Самая прямая дорога вверх через Свободные Города шла между Байбируном и Верхним Сонбрейком. Это было широкое с легким подъемом плечо Горы. Когда они

приближались к Байбируну, Валентин узнал от Гарцвела, теперь квартирмейстера, что армия нуждается в свежих фруктах и в мясе. Самым разумным было возобновить запасы провианта на этом уровне, прежде чем начать подъем к Сторожевым Городам.

Байбирун имел двенадцать миллионов жителей и вытянулся вдоль стомильного гребня, нависавшего над лицом Горы. К нему можно было подойти лишь с одной стороны — от Верхнего Сонбрейка через ущелье, такое узкое, что сотня воинов могла бы защитить его от миллиона. Валентин не удивился, что ущелье было занято, пожалуй, побольше, чем сотней воинов.

Ирманар и Делиамбер пошли на переговоры. Вернувшись, они сообщили, что отрядами в ущелье командует герцог провинции, чьей столицей был Байбирун, Хайтлог и что он желает говорить с Лордом Валентином.

— Кто такой этот Хайтлог? — спросила Карабелла.— Ты знаешь его?

— Не очень близко. Он из семьи Тивераса. Надеюсь у него нет зуба против меня.

— Он может получить благодарность Доминика Барджазеда, если пристукнет тебя в этом проходе,—сказал Слит.

— Чтобы потом все ночи страдать во сне? — Спросил Валентин и засмеялся.— Он, правда, выпивоха, однако не убийца. Он из знатной семьи.

— Как и Доминик Барджазед, милорд.

— Даже сам Барджазед не рискнул убить меня, когда у него была такая возможность. Пошли, не будем терять время.

Валентин пешком дошел до входа в ущелье, сопровождаемый Ирманаром, Эйзенхартом и Делиамбером. Их ждали герцог и трое его приближенных. Хайтлог был могучим широкоплечим человеком с густыми седыми кудрявыми волосами и цветущим мясистым лицом. Он внимательно разглядывал Валентина, как бы ища под внешностью этого светловолосого незнакомца истинного Короналя. Валентин отсалютовал ему, как полагалось Короналю приветствовать провинциального герцога — прямым взглядом и повернутой натужу ладонью, и Хайтлог тут же оказался в затруднении, явно не зная, как правильно реагировать. После небольшой паузы он сказал:

— Сообщалось, что ты Лорд Валентин, измененный колдовством. Если это так, я приветствую тебя, милорд.

— Поверь мне, Хайтлог, что это так.

— Были послания насчет этого. Но были и противоположные.

Валентин улыбнулся.

— Послания Леди правдивы, послания же Короля учитывают то, что сделал его сын. Ты получил инструкции из Лабиринта?

— Что мы должны признать тебя? Да. Однако все-таки это странно. Если я не должен верить тому, что слышу из Замка, то почему я должен верить приказам из Лабиринта? Может, они поддельные.

— С нами Ирманар, высокопоставленный служащий твоего прадяди Понтификса Тивераса. Он здесь не как пленник и может показать тебе печати Понтификата.

Герцог пожал плечами. Глаза его продолжали сверлить Валентина.

— Непонятная это вещь, чтобы Короналя можно было таким образом изменить. Если это правда — тогда все может быть правдой. Чего ты хочешь от Байбируна, милорд?

— Нам нужны фрукты и мясо. Нам еще осталось пройти сотни миль, а голодные солдаты не самые лучшие.

Дернув щекой, Хайтлог сказал:

— Ты, конечно, знаешь, что ты в Свободном Городе?

— Знаю. Так что из этого?

— Может, кто и забывает о древних традициях, но мы в Свободных Городах придерживаемся их и мы не обязаны снабжать правительство товарами иначе как по законно установленным ценам. Стоимость провианта для такой армии...

— Она будет уплачена полностью из имперской казны,— резко ответил Валентин. Мы не просим у Байбируна даром ничего, даже стоимостью в пять весовых единиц.

— А имперская казна едет с тобой?

Валентин ответил с некоторой злостью:

— Имперская казна находится в Горном Замке, как это повелось со времен Лорда Стиамота. Когда я дойду до Замка и вышвырну узурпатора, я полностью расплачусь за все что мы купим здесь. Разве Короналю не оказывается кредита?

— Кредит К о р о н а л ю существует,— осторожно сказал Хайтлог.— Но тут есть сомнения, милорд. Мы — народ бережливый, и какой позор падет на нас, если обнаружится, что мы оказали кредит тому, кто предъявил нам фальшивые требования!

Валентин пожал плечами.

— Ты называешь меня милордом, а сам говоришь о сомнениях.

— Я не уверен. Признаюсь.

— Хайтлог, отойдем и поговорим наедине.

— Да?

— Отойдем на десять шагов. Не думаешь ли ты, что я вцеплюсь тебе в глотку, как только ты отойдешь от своих телохранителей? Я хочу шепнуть тебе кое-что, о чем ты, возможно, не хотел бы говорить перед всеми.

Герцог, недовольный и надутый, кивнул и отошел с Валентином.

Валентин тихо сказал ему:

— Когда ты был в Горном Замке на моей коронации, ты сидел за столом рода Понтификса и выпил четыре или пять фляжек молдемарского вина, помнишь? Вдрызг пьяный, ты встал, чтобы танцевать, споткнулся о ногу своего кузена Илзандера и растянулся, и тут же начал было драку с Илзандером, если бы я не оттащил тебя в сторону. Ну, ничего из этого в тебе не откликается? Откуда бы мне знать об этом. Если бы я был каким-то выскочкой из Зимрола?

Лицо Хайтлога залилось краской.

— Милорд...

— Вот теперь ты сказал это слово с большим убеждением.— Валентин тепло похлопал герцога по плечу.— Все в порядке, Хайтлог. Помоги мне и, когда приедешь в Замок праздновать мое восстановление, получишь еще пять фляжек доброго молдемарского. Надеюсь, ты будешь более воздержанным, чем в тот раз.

— Милорд, чем я могу служить тебе?

— Я уже сказал. Нам нужны свежие фрукты и мясо. Мы рассчитаемся, когда я вновь стану Короналем.

— Пусть будет так. Но с т а н е ш ь ли ты Короналем?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Наверху ждет армия, и немалая, милорд. Лорд Валентин — я имею ввиду того, кто называется Лордом Валентином — созывает сотни и тысячи горожан для защиты Замка.

— Где собирается эта армия?

— Между Эртсод Грэнд и Бомбифейлом. Он стягивает ее из всех Сторожевых Городов и из городов под ними. Реки крови потекут с Горы, милорд!

Валентин отвернулся на миг и закрыл глаза. Боль и отчаяние захлестнули его разум. Это было неизбежно,

в этом не было ничего неожиданного, именно так он и предполагал с самого начала. Доминик Барджазед позволит ему пройти по нижним склонам, а на верхних подступах выставит мощную защиту, используя против Валентина его же собственных королевских телохранителей, рыцарей высокого происхождения, с которыми Валентин рос. На мгновение решимость Валентина опять поколебалась. Стоит ли становиться второй раз Короналем ценой хаоса, кровопролития и агонии своего народа? Может быть такова воля Божества, чтобы его, Валентина, свергли? Если он пойдет вопреки этой воле, не вызовет ли он этим какого-нибудь страшного катаклизма на равнинах выше Эртсод Грэнд, который оставит шрамы в душах всех людей, а его ночи будут наполнены обвиняющими снами мучительной вины, и его имя будет проклято навеки? Он еще мог повернуть назад, мог отказаться от конфронтации с силами Барджазеда, мог принять приговор судьбы.

Нет! Он уже вел эту борьбу с самим собой и победил, и не нужно начинать ее снова. Подложный Корональ — человек ограниченный и опасный, он занимает самое высокое место и правит грубо и противозаконно. Этого нельзя так оставить. Это важнее всего.

— Милорд! — Окликнул его Хайтлог.

Валентин повернулся к герцогу.

— Мысль о войне причиняет мне боль, Хайтлог.

— Она никому не нравится, милорд.

— Однако приходит время, когда война обязательна, чтобы не произошло худшего. Я думаю, сейчас именно такое время.

— Похоже, что так.

— Значит, ты принимаешь меня за Короналя, Хайтлог?

— Простой претендент не мог бы знать, что я напился на коронации.

— Ты будешь сражаться рядом со мной на Эртсод Грэнд?

— Конечно, милорд. Сколько отрядов ты возьмешь из Байбируна?

— Скажем, пять тысяч воинов. Я не хочу иметь огромную армию.

— Пять тысяч воинов твои, милорд. Если хочешь, бери больше.

— Пяти тысяч хватит, Хайтлог. Спасибо тебе, что ты веришь в меня. А теперь давай распорядимся насчет фруктов и мяса.

Глава 9

Стоянка в Байбируне была короткой — только чтобы Хайтлог успел собрать воинов и необходимый провиант. А затем путь вверх, вверх, вверх. Валентин ехал впереди со своими пидрудскими друзьями. Он радовался, видя их благоговение и удивление, слыша, как ахает от восторга Карабелла и даже Залзан Кавол что-то ошеломленно бормочет, когда перед ними развертывались красоты Замковой Горы. Чем выше они поднимались, тем чище и приятнее становился воздух, потому что они все ближе подтягивались к громадным машинам, поддерживающим на Горе вечную весну. Скоро стали видны контуры Сторожевых Городов.

Гора здесь была громадным серым гранитным щитом, развернувшимся в небо и исчезавшим в море облаков, которые скрывали верхние склоны. Небо было поразительно яркого голубого цвета, глубже по тону, чем над нижними землями Маджипура. Валентин помнил, как ему нравилось это небо, как неприятно было спускаться вниз, в обычный мир обычных красок. У него захватило дух, когда он вновь увидел это небо. Вся вершина и гребень, казалось, были окружены искрившимся нимбом таинственного света. Даже пыль вдоль края шоссе казалась блестящей. Вдали можно было разглядеть небольшие города-спутники, а высоко над ними — несколько крупных центров. Эртсод Грэнд был прямо впереди. Его громадные черные башни отчетливо виднелись на горизонте.

Валентин смущенно заморгал: глаза его вдруг увлажнились. Он похлопал по арфе Карабеллы и сказал:

— Спой мне.

Она улыбнулась и взяла маленькую арфу.

— Мы пели это в Филононе. Замковую Гору там считали выдуманным местом, романтической грезой.

Далеко на востоке есть страна,
Которую мы никогда не увидим,
Где чудеса растут на громадных пиках,
Возвышаются блистающие города.
На Замковой Горе живут властители,
И герои целыми днями развлекаются...

Она замолчала, опустила арфу и отвернулась.

— В чем дело, милая?

— Ничего. Просто я забыла слова.

— Карабелла!

— Ничего, я же сказала!

— Прошу тебя...

Она обернулась к нему. В глазах ее стояли слезы.

— Это все так удивительно, Валентин,— прошептала она,— и так странно, так страшно...

— Удивительно — да, однако не страшно.

— Это прекрасно, я понимаю. Я и представить себе не могла таких городов, таких гор, что составляют только часть большой горы и все прочие чудеса. Только...

— Что?

— Ты идешь домой, Валентин, к своим друзьям, родным, может, к любовницам. Как только мы выиграем войну, все они соберутся вокруг тебя, будут таскать по банкетам и празднествам, и...— она сделала паузу.— Я не хотела говорить тебе этого.

— Говори.

— Милорд...

— Не надо официальности, Карабелла.

Он взял ее за руки и заметил, что Жанамир и Зализан Кавол отошли в другой конец фургона и сели к ним спиной.

— Милорд,— сказала она отрывисто,— что будет с девушкой-жонглером из Филонона, когда ты опять окажешься среди принцев и леди Замковой Горы?

— Разве я давал тебе понять, что я тебя брошу?

— Нет, милорд, но...

— Называй меня Валентином. Что «но»?

Она покраснела и выдернула свою руку.

— Этот твой герцог Хайтлог вчера увидел, что ты обнял меня... Ты не видел его улыбки! Словно я просто игрушка для тебя, безделушка, которую в любое время можно выбросить.

— Я думаю, ты слишком многое прочла в его улыбке,— медленно сказал Валентин.

Он и сам заметил улыбку и был ею смущен. Он понимал, что для Хайтлога и других людей того же ранга Карабелла — всего лишь случайная наложница самого низкого происхождения, незаслуживающая ничего кроме презрения. В его прежней жизни на Замковой Горе подобные классовые различия были в порядке вещей, однако он давно уже был выкинут с Горы и на многое теперь смотрел иначе. Опасения Карабеллы были реальны. Тем не менее эту проблему следовало решать только в подходящий момент. Сейчас на первом плане было другое. Он ласково сказал:

— Хайтлог слишком налегает на выпивку, и душа его загрубела. Не обращай внимания. Ты будешь среди

самых высоких особ Замка, и никто не посмеет отнестись к тебе пренебрежительно. Ну а теперь пой песню.

— Ты любишь меня, Валентин?

— Да. Но, когда у тебя красные опухшие глаза, я люблю тебя меньше.

— Такое говорят ребенку! Ты что же, считаешь меня ребенком?

— Я считаю тебя женщиной, умной и привлекательной. А какого ответа ты ждала?

— Что ты меня любишь. Без дополнений.

— Извини. Впредь я буду осторожнее в выражениях. Так ты будешь петь?

Она снова взяла арфу.

Все утро они поднимались вверх за Свободные Города. Валентин выбрал Пайниторское шоссе, шедшее по пустынной местности каменистых плато. Никто не мешал им подниматься.

— Они не станут пытаться остановить тебя,— сказал Хайтлог,— пока ты не подойдешь к Сторожевым Городам. Там они и хотят захватить тебя.

— Там будет достаточно места,— сказал Валентин.

В голой долине он остановил свою армию и стал совещаться с командирами. Разведчики принесли известие, свинцом легшее на душу Валентина: огромнейшая армия заполнила широкую, в сотни квадратных миль равнину ниже Внутреннего Города Бомбифейла. В основном, там была пехота, однако были и плавучие повозки, и верховые отряды, и корпус молиторов — по крайней мере, в десять раз больше того количества боевых зверей, что ждали их на берегах Глейга. Но Валентин не показал уныния.

— Значит их превосходство — двадцать к одному. Это неплохо. Жаль, что не больше. Такая армия неповоротлива, и нам было бы легче жить.— Он постучал по карте.— Они стоят здесь, на равнине Бомбифейла, и, конечно, видят, что мы идем прямо к этой равнине. Они рассчитывают, что мы поднимемся к Проходу Перитол на западе равнины, и там поставят самую сильную охрану. А мы как раз и пойдем к Проходу Перитол.

Валентин услышал недовольный вздох Хайтлога, увидел удивленный взгляд Ирманара и спокойно продолжал:

— Они пошлют туда подкрепления. Как только они войдут в проход им будет трудно перегруппировываться и менять направление. А мы тут же повернем обратно, поднимемся прямо в середину их лагеря и пробьемся

к самому Бомбифейлу. Выше него дорога на Высокий Морпин, которая приведет нас к Замку. Вопросы есть?

— А что если между Бомбифейлом и Высоким Морпином нас ждет вторая армия? — спросил Ирманар.

— Спроси об этом, когда мы пройдем Бомбифейл. Есть еще вопросы?

Все молчали.

— Хорошо. Тогда вперед!

Еще день — и они въехали в большой зеленый пояс, окружавший Внутренние Города. Теперь они были в облачной зоне, прохладной и влажной, где солнце едва было заметно сквозь постоянный туман. В этом влажном регионе растения, которые внизу едва были по колено человеку вырастали до гигантских размеров, с листьями величиной с большое блюдо и черенками в древесные стволы, и все это сверкало блестящими каплями росы. Ландшафт здесь был сильно изрезанным: глубокие долины резко сменялись горами, и дорога опасно вилась вокруг конических пиков. Выбор дороги стал весьма ограниченным: на западе — непроходимые горы, похожие на клыки, на востоке — широкий и удобный склон Бомбифейлской Равнины, а впереди ряд гигантских естественных ступеней с каменными стенами по бокам — Проход Перитол, где, если Валентин не ошибался, ждали отборные отряды узурпатора. Валентин не спеша вел свою армию к Проходу. Четыре часа езды, ночлег, и с утра все сначала. В бодрящем воздухе Замковой Горы можно было ехать много быстрее, однако Валентин подозревал, что враг следит за ними с высоты, и хотел дать ему больше времени для наблюдения.

На следующий день, они ехали шагом, потому что уже были видны глубокие ступени Прохода. Делиамбер с помощью колдовства послал свой дух вперед и сообщил затем, что защитная армия действительно заняла Проход, а вспомогательные отряды вытянулись к западу от Бомбифейлской Равнины, чтобы оказывать поддержку.

Валентин улыбнулся.

— Теперь уже недолго. Они в наших руках.

За два часа до темноты он отдал приказ разбить лагерь на лугу. Фургоны уже были поставлены защитной стеной. Фуражиры пошли собирать сучья для костров, квартирмейстеры начали раздавать ужин. Когда наступила ночь, по лагерю прошел неожиданный приказ ехать дальше, оставив горящие костры и часть фургонов на месте.

Валентин чувствовал, как в нем поднимается возбуждение. Он видел, как вновь загорелись глаза Карабеллы,

как побагровел старый шрам на щеке Слита. Это были незабываемые часы напряжения перед событиями, которые вот-вот произойдут.

— В прежние дни,— сказала Карабелла,— ты, видимо, глубоко изучал военное искусство, раз придумал такой маневр.

Валентин засмеялся.

— Военное искусство было забыто меньше чем через сто лет после смерти Лорда Стиамота. Я ничего не знаю о войне, Карабелла.

— А как же?..

— Догадка. Случайность. Гигантское жонглирование, которое я делаю на ходу.— Он подмигнул.— Только никому не говори об этом. Пусть думают, что их полководец — гений.

В облачном небе не было видно звезд, и свет луны был очень слабым. Армия Валентина двигалась к Бомбифейлской Равнине, освещая себе путь световыми шарами. Делиамбер сидел в глубоком трансе рядом с Валентином и Ирманаром, пытаясь найти впереди барьеры и препятствия. Валентин молчал. Он чувствовал себя удивительно спокойным.

«Да,— думал он,— это и в самом деле гигантское жонглирование».

Теперь он, как и раньше в труппе, двинулся в то спокойное место в центре своего сознания, где он обрабатывал информацию о постоянно изменяющемся рисунке событий, по существу даже не зная ни об обработке, ни об информации, ни о событиях. Все происходило в свое время, с одним только ясным знанием последовательности действий.

За час до рассвета они добрались до места, где дорога поворачивала вверх к входу на равнину. Валентин опять созвал своих командиров.

— Только три приказа: держаться плотно, не отнимать жизнь без необходимости, пробиваться вперед. Сегодня завтракаем в Бомбифейле, а ужинаем завтра в Замке Лорда Валентина!

Глава 10

Настал момент, которого давно страшился Валентин: он должен был вести граждан Маджипура против граждан Маджипура, поставить на карту кровь своих товарищей

по странствиям против крови товарищей своей юности. Но теперь этот миг настал, и Валентин был твердым и спокойным. В сером свете зари вторгшаяся армия прокатилась по краю равнины и в утреннем тумане Валентин впервые увидел легионы противника. Равнина, казалось, была заполнена черными палатками. Всюду были солдаты, повозки, животные, молиторы.

Силы Валентина построились клином: самые храбрые и преданные в передних фургонах фаланги, отряды герцога Хайтлога — в середине, а тысячи ополченцев из Пендивейна, Макропрозопоса и других городов Глейга составляли арьергард, более значительный по массе, чем по храбрости. В армии освобождения присутствовали все расы Маджипура — скандары, вруоны, целая орда лименов, множество хьортов и гейрогов, даже небольшой элитарный корпус су-сухирисов. Сам Валентин ехал в передней части клина, однако не в самом центре, там Ирманар готовился нанести главный удар силам узурпатора. Повозка Валентина была в правом крыле, Эйзенхарта — в левом, а сразу за ними вели колонны Слит, Карабелла, Залзан Кавол и Лизамон.

— Вперед! — крикнул Валентин.

Битва началась.

Повозка Ирманара рванулась вперед, затрубили рога, вспыхнуло освещение. Валентин двинулся следом и, окинув взглядом дальний конец поля битвы, увидел, что Эйзенхарт держит равнение. Плотным клином они врезались на равнину, и сразу же основная масса защитников рассыпалась в беспорядке. Передний край сил узурпатора развалился с пугающей быстротой, словно это было намеренно. Отряды бросались туда-сюда, сталкивались, путались, хватались за оружие или просто искали спасения. Громадная равнина пошла волнами беспорядочно метавшихся фигур, не имевших ни вождя, ни плана. Вторгшаяся фаланга шла вперед через эти волны. Произошел небольшой обмен огнем: случайные выстрелы энергометов освещали ландшафт, но руководство вражескими силами, видимо, слишком растерялось, чтобы создать правильную защиту, а атаковавший клин, прорвавшийся вперед, не нуждался в убийстве противников.

Делиамбер сказал:

— Они растянуты огромным фронтом миль на сто, если не больше. Это даст им время сконцентрировать силу. После первой паники они опять сгруппируются, и нам будет труднее.

Так оно и вышло. Неопытное гражданское ополчение, набранное Домиником Барджазедом в Сторожевых Городах, могло растеряться, однако ядро его армии составляли рыцари Замковой Горы, тренированные в военных играх, если не в технике самой войны, и теперь они собирались со всех сторон вокруг маленьких клиньев, глубоко врезавшихся в их армию. Каким-то образом подогнали взвод молиторов, и они подступали теперь с фланга Эйзенхарта, щелкая челюстями и хватая когтями. С другой стороны, кавалерийский полк отыскал своих животных и тоже построился, а Ирманар попал под заградительный огонь энергометов.

— Держать построение! — крикнул Валентин. — Сохранять движение вперед!

Они все еще продвигались, хотя их ход сильно замедлился. Если в начале армия Валентина врезалась в гущу врагов, как горячий нож в масло, то теперь она как бы пробивалась сквозь земляную стену. Многие повозки были окружены, некоторые из них остановлены. Валентин мельком увидел, как Лизамон пешком пробивается сквозь толпу защитников, расшвыривая их в стороны, как прутья. Три гигантских скандара тоже вышли на поле и устроили страшную резню своими многими руками, в каждой из которых было какое-нибудь оружие. Затем окружили повозку Валентина, но водитель дернул ее назад и резко повернул кругом, раскидывая вражеских солдат.

Вперед, вперед...

Повсюду лежали тела убитых. Как глупо было надеяться, что завоевание Замковой Горы обойдется без кровопролития. Уже, наверное, сотни погибших, сотни раненых. Валентин хмурился, однако стрелял.

— Валентин! Лорд Валентин!

Крик был общим, но выходил из глоток обеих сторон, а каждая сторона имела ввиду своего Лорда Валентина.

Теперь продвижение, казалось, было полностью заблокировано. Защитники перешли в контратаку, словно не были готовы напасть первыми и позволили армии Валентина пробиться вперед, а теперь перегруппировались, собрались с духом и приняли некое подобие стратегии.

— Похоже, что у них новое руководство, милорд, — сказал Ирманар. — Теперь их командиры держат мощный контроль и жестоко пришпоривают солдат, чтобы они шли на нас.

Вперед выступил строй молиторов, за ним шли в громадном количестве отряды узурпатора, но тупоумные неуправ-

ляемые животные причиняли больше затруднений своим объемом, чем зубами и когтями. Многие из офицеров Валентина выскочили из повозок и яростно сражались, в то время, как их отряды старались прикрыть их. Валентин и сам хотел выйти, однако Делиамбер приказал ему остаться.

— Твоя особа священна,— резко сказал он.— В рукопашном бою воины обойдутся без тебя.

Валентин нахмурился. Он сознавал логику слов Делиамбера, но презирал ее. Тем не менее, он покорился.

— Вперёд! — крикнул он в черный костяной рог полевого коммуникатора.

Однако двинуться вперед они не могли. Тучи защитников собирались со всех сторон и теснили назад армию Валентина. Новые силы узурпатора сконцентрировались неподалеку от Валентина.

«Да, какой-то новый полководец,— подумал Валентин,— сильный и вдохновенный полевой командир, сплотил приведенные в панику отряды.»

— Милорд,— крикнул Ирманар,— видишь холм направо? За ним вражеский командный пункт. Там их генерал.

— Я хочу взглянуть на него,— сказал Валентин.

— Милорд,— продолжал Ирманар,— мы должны сосредоточить свою атаку здесь и убрать его, прежде, чем он добьется большего преимущества.

— Да, конечно,— растерянно пробормотал Валентин.

Он прищурился, вглядываясь. Да, вот он, высокий, выше Валентина, широкий рот, проницательные темные глаза, тяжелая масса блестящих темных волос, заплетенная в косу. Он казался удивительно знакомым. Да, конечно, это был Элидат. Как можно было забыть хоть на миг друга юности, казавшегося иногда даже ближе брата Вариакса, Элидата, близкого Валентину по способностям и характеру, Элидата, которого все, даже сам Валентин, считали следующим возможным Короналем. Элидат руководит вражеской армией. Элидат — опасный полководец, которого надо устранить.

— Милорд,— сказал Ирманар,— мы ждем приказа.

Валентин вздрогнул.

— Окружите его,— сказал он,— нейтрализуйте, возьмите в плен, если удастся.

— Мы можем открыть огонь...

— Не вредить ему,— резко сказал Валентин.

— Милорд...

— Я сказал — не вредить.

— Слушаюсь, милорд,— неуверенно ответил Ирманар. Для него враг был только врагом, а этот генерал принесет немало ущерба, если не будет быстро убит.

Валентин с тревогой и напряжением следил, как Ирманар собрал свои отряды и повел их к лагерю Элидата. Приказать, чтобы Элидату не повредили,— дело простое, но как проследить за этим в разгар битвы? Валентин больше всего боялся, чтобы кто-то из преданных ему не повел бы туда свои отряды. Знать, что Элидат в опасности, что Элидат должен пасть, чтобы армия освобождения пошла вперед,— эти было ужасно!

Валентин встал. Делиамбер сказал:

— Ты не должен...

— Должен! — ответил Валентин.

Он выскочил из фургона, пока вруон не наложил на него какие-нибудь чары. С земли ничего не было видно: все носятся туда-сюда, не отличишь друзей от врагов, кругом суматоха, крики, пыль. Общий вид сражения, который Валентин видел из фургона, здесь не был различим. Валентину казалось, что отряды Ирманара отошли куда-то в сторону, а в направлении командного пункта Элидата идет хаотическая битва.

— Милорд,— окликнул его Жанамир,— тебе нельзя быть на самом виду. Ты...

Валентин отмахнулся от него и двинулся в гущу сражения. События вновь изменились. Теперь казалось, что Ирманар сосредоточил атаку на лагере Элидата. Вторгшиеся пробились и опять привели врага в смятение. Рыцари и горожане отступали, разбегались кругами, пытаясь уклониться от безжалостного наступления атаковавших. А где-то впереди ядро защитников твердо сплотилось вокруг Элидата.

«Только бы он остался невредимым!» — молил Валентин. Победа, казалось, была уже в руках Валентина, однако цена ее будет слишком велика, если надо платить смертью Элидата.

Валентин увидел впереди Лизамон и Кона. Они прорубали тропу, чтобы по ней прошли другие, следовавшие за ними. Кон смеялся, словно всю жизнь ждал минуты для применения силы. Синекожий пришелец получил удар в грудь. Он пошатнулся. Лизамон подхватила его и осторожно опустила на землю.

— Кон,— закричал Валентин и бросился к нему.

Даже с расстояния двенадцати ярдов было видно, что Кон ранен смертельно. Он задыхался, худое, с резкими

чертами лицо посерело, глаза потускнели. Увидев Валентина, он попытался сесть.

— Милорд,— сказала великанша,— тебе здесь не место.

Валентин наклонился над раненым.

— Кон!

— Все правильно, милорд. Так я и знал — была причина, чтобы я приехал на вашу планету. Одно плохо: я не побываю на банкете в честь победы...

Валентин придерживал чужеземца за костлявые плечи, однако жизнь Кона ушла быстро и спокойно. Его долгое путешествие подошло к концу. Он нашел, наконец, цель и покой.

Валентин выпрямился и оглянулся. Его окружал кордон его людей, и кто-то, кажется, Слит — дергал его, чтобы отвести в безопасное место.

— Нет,— сказал Валентин,— я буду сражаться...

— Не здесь, милорд. Ты хочешь разделить судьбу Кона? Что будет со всеми нами, если ты погибнешь? Вражеские отряды идут к нам из Прохода Перитол. Скоро битва станет еще яростнее. Тебе нельзя быть здесь.

Валентин понимал это. Доминика Барджазеда не было на сцене, не следовало быть и Валентину. Но как он может сидеть в фургоне, когда другие умирают, когда Кон, даже не житель этого мира, отдал жизнь за Валентина, когда любимый друг Элидат в опасности? Валентин качнулся в нерешительности. Слит выпустил его и тут же позвал Залзана Кавола. Скандар был неподалеку, с мечами в трех руках и энергометом в четвертой. Держа врагов на почтительном расстоянии, он пробился к Валентину. Валентин вдруг подумал, что скандар может просто утащить его силой с поля, и сказал:

— Подожди. Предполагаемый наследник в опасности. Я приказываю тебе следовать за мной.

Слит и Залзан Кавол опешили.

— Какой наследник?

— Идите за мной. Я приказываю!

— Милорд,— сказал Залзан Кавол,— твоя безопасность...

— Это не единственная важная вещь. Слит, иди слева, Залзан Кавол — справа.

Они были слишком растеряны, чтобы оказать неповиновение. Валентин подозвал также и Лизамон. Под охраной друзей он быстро пошел к переднему краю врага и закричал изо всех сил:

— Элидат!

Голос его разнесся далеко, и звук этого мощного крика на миг остановил все действия вокруг. За неподвижными воинами Валентин увидел Элидата, и глаза их встретились.

— Элидат из Марвола,— снова закричал Валентин,— иди на переговоры!

— Кто выкликает мое имя? — послышался ответ.

Толпа между Валентином и Элидатом вновь раздалась. Валентин протянул руки к хмурой фигуре и начал быстро говорить, но решил, что слова слишком медлительны и неуклюжи, поэтому он быстро вошел в транс и бросил Элидату через разделявшее их пространством полную силу своего духа в образах, спрессованных в долю секунды.

Два мальчика едут верхом по лесу... Толстый корень протянулся, как змея, через тропинку. Животное споткнулось, мальчик упал... Треск, и острая белая кость вылезла сквозь разорванную кожу... Второй мальчик спешился и испуганно присвистнул, увидев рану...

Валентин больше не мог держать мысленные образы. Контакт прервался. Валентин в изнеможении отступил и вернулся к реальности. Элидат растерянно смотрел на него. Они словно были только вдвоем на поле, а все что делалось вокруг, было просто шумом.

— Да,— сказал Валентин, ты знаешь меня, Элидат, но только не в этом теле.

— Валентин?

— Он самый.

Они пошли друг друга навстречу. Кольцо отрядов обеих сторон окружило их молча и заинтересованно. Их разделяло несколько шагов, когда оба остановились и неуверенно приняли боевую позу, словно дуэлянты. Элидат ошеломленно разглядывал Валентина.

— *Как это может быть?* — *спросил он наконец.* — *Разве* существует такое колдовство?

— Мы вместе ездили в лес под Эмблморном,— сказал Валентин.— Я никогда не испытывал такой боли, как в тот день. Помнишь, как ты укладывал сломанную кость на место и сам плакал, будто это была твоя нога?

— Откуда ты это знаешь?

— А потом я не мог ходить несколько месяцев, и ты, Тонигорн и Стазилейн рыскали по Горе без меня. Хромота у меня так и осталась.— Валентин засмеялся.— Доминик Барджазед украл у меня эту хромую ногу вместе с моим телом. Кто еще из близких ему мог рассчитывать на такую милость?

Элидат потряс головой, как бы сбрасывая паутину сна.

— Колдовство!

— Да. А я — Валентин.

— Валентин в Замке. Я виделся с ним вчера, он вызвал меня, разговаривал о старых временах, о наших развлечениях...

— Это украденные воспоминания, Элидат. Он шарил в моем мозге. Ты не заметил в нем ничего необычного за последний год? — Валентин пристально посмотрел в глаза Элидата, и тот отвел взгляд, как бы боясь колдовства. — Тебе ни казалось, что твой Валентин стал отдаленным, задумчивым, таинственным?

— Да, однако я думал, что его сделали таким заботы управления.

— Но все-таки ты уловил разницу, перемену?

— Да, легкую. Некоторую холодность, отчуждение...

— Ты все еще не признаешь меня?

— Валентин? — прошептал Элидат недоверчиво. — Это и в самом деле ты в чужом теле?

— Именно. А тот, который в Замке, обманул и тебя, и весь мир.

— Это так странно...

— Брось, Элидат!

Валентин широко улыбнулся, подтянул Элидата к себе и обнял, как друга. Элидат оцепенел, тело его стало как деревянное. Затем он оттолкнул Валентина и отступил, дрожа.

— Не бойся меня, Элидат.

— Ты слишком многого хочешь от меня. Поверить в такое...

— Поверь.

— Я и так наполовину поверил. Тепло твоих глаз, твоя улыбка, твои воспоминания...

— Поверь мне до конца, — настаивал Валентин. — Леди, моя мать, шлет тебе свою любовь. Ты опять увидишь ее в Замке, когда мы будем праздновать мое восстановление. Поверни свои отряды, мой дорогой друг, присоединяйся ко мне, и мы вместе пойдем на Гору.

Лицо Элидата выражала борьбу, губы его шевелились, мускул на шее дергался. Он молча смотрел на Валентина и, наконец, сказал:

— Пусть это безумие, однако я верю тебе, Валентин. Я присоединяюсь к тебе, но да поможет тебе Божество, если ты обманул меня.

— Обещаю тебе, ты не раскаешься.

Элидат кивнул.

— Я пошлю гонцов к Тонигорну.

— Где он?

— Он охраняет Проход Перитол от твоего предполагаемого нападения. Стазилейн тоже там. Я горевал, что меня оставили командовать здесь, поскольку думал, что пропущу все действие. Ох, Валентин, неужели это и вправду ты? Золотые волосы, невинные глаза...

— Да, я настоящий Валентин. Помнишь, как Вариакс заставил нас полировать его колесницу, которую мы испачкали?

Оба засмеялись и дружески потыкали друг друга кулаками.

— Но где же ты был? — Элидат вдруг нахмурился.— Что с тобой было весь этот год? Ты не болел?

— Это очень долгая история,— серьезно ответил Валентин.— Сейчас не время и не место рассказывать ее. Надо остановить сражение, Элидат. Невинные граждане умирают за Доминика Барджазеда. Мы не можем допустить этого. Собирай свои отряды и поворачивай их обратно.

— В этом сумасшедшем доме это нелегко!

— Отдай приказ. Передай другим командирам. Убийства надо остановить. А затем поедем вместе к Бомбифейлу, а оттуда мимо Высокого Морпина к Замку.

Глава 11

Валентин вернулся в свою повозку, а Элидат исчез в растрепанном строю защитников. От Ирманара Валентин узнал, что во время переговоров его люди сильно продвинулись вперед, по-прежнему держась плотным клином, и привели бо́льшую, однако бесформенную армию мнимого Короналя в почти полный беспорядок. Клин продолжал углубляться, а беспомощные отряды противника уже не имели ни воли, ни желания сдерживать его. С исчезновением лидерства и боевого духа Элидата защитники оказались дезорганизованными. Но остановить битву почти не было возможности. Сотни и тысячи воинов хлынули беспорядочными потоками на Бомбифейлскую Равнину, и еще тысячи бежали из Прохода и обуздать всю эту массу просто не было средств. Валентин увидел звездное знамя Элидата где-то в середине поля и понял, что Элидат пытается связаться со своими офицерами и призвать их к лояльности, однако армия вышла из-под контроля

и солдаты гибли напрасно. Все это камнем легло на Валентина, но он не мог ничего сделать. Он дал сигнал Ирманару усилить наступление.

Через час началась странная трансформация битвы. Клин Валентина шел вперед, почти не встречая сопротивления, а вторая фаланга под предводительством Элидата шла с Востока с той же легкостью. Остатки гигантской армии, занимавшей равнину, были таким образом разделены. Скоро эти бесполезные орды остались далеко в тылу у Валентина, а двойная колонна вошла на верхнюю половину равнины, откуда начинался подъем к Бомбифейлу, самому старому и самому красивому из Внутренних Городов. Когда они поднялись по склону, небо стало ярче и воздух теплее, поскольку они начали выходить из облачного пояса на нижние склоны зоны вершины, которая вечно купалась в лучах солнца.

Бомбифейл уже был виден, он возвышался над ними как видение древней роскоши: громадные зубчатые стены из оранжевого песчаника с большими гранеными плитами голубого сипара, привезенного с берегов Великого Моря во времена Лорда Пинетора, и величественными игольчатыми башнями, стоявшими с правильными интервалами на зубцах стен.

Душа Валентина преисполнилась радостью. Сотни миль Замковой Горы были уже позади. До Замка оставалось меньше дня пути. И, хотя он еще чувствовал по ночам далекие угрожающие приступы посланий Короля Снов, они лишь слегка задевали край его духа. Его любимый друг Элидат поднимался с ним, Стазилейн и Тонигорн тоже ехали, чтобы присоединиться к нему. Как хорошо было смотреть на шпили Бомбифейла, и знать что впереди! Холмы, ограничивающие город вдали, чистая трава лугов, красный камень горной дороги от Бомбифейла до Высокого Морпина. Усыпанные цветами поля, связывающие шоссе Калантен с южным крылом Замка,— он знал все эти места лучше чем свое здоровое, однако же не вполне привычное новое тело. Он был почти дома.

А что дальше? Уладить дело с узурпатором, восстановить порядок... Задача была так страшна, что Валентин не знал, с чего начать. Его не было в Замке почти два года. Законы, изданные Домиником Барджазедом, нужно будет проверить, и скорее всего, отменить. Была еще одна проблема, над которой он доселе просто не задумывался: как ввести своих спутников в имперскую службу. Он должен был найти властные посты для Делиамбера, Слита,

Залзана Кавола и других. Надо думать и об Элидате и прочих, занимавших центральное положение при его дворе. Не мог же он сместить их всех только потому, что вернулся из ссылки с новыми любимцами. Все это было очень сложно, но он надеялся, что сумеет уладить все, не вызвав недовольства и не причинив...

Делиамбер вдруг резко сказал:

— Боюсь, что нас ждут новые неприятности.

— Что ты имеешь ввиду?

— Ты видишь какие-нибудь перемены в небе?

— Да, оно стало ярче, когда мы выбрались из пояса облаков.

— Посмотри внимательнее,— сказал Делиамбер.

Валентин уставился вверх. Да, он и в самом деле ответил слишком поспешно. Небо изменилось, и очень странно: легкое затемнение, как перед грозой, ни одного облачка, только странный и зловещий оттенок серого наползал на голубизну. Знамена, ранее колыхавшиеся на легком западном ветерке, склонились к югу под внезапным сильным порывом ветра с вершины.

— Погода меняется,— сказал Валентин.— Может, дождь пойдет? Ну а нам то что?

— Ты когда-нибудь видел внезапные перемены погоды в этой части Замковой Горы?

— Нет, вообще-то...— Валентин нахмурился.

— Этого никогда не было. Милорд, почему в этом районе такой благословенный климат?

— Потому, что им управляют из Замка громадные погодные машины...

Он замолчал, пораженный ужасной мыслью.

— Вот именно,— сказал Делиамбер.

— Нет, это немыслимо!

— Подумай, милорд. Гора уходит высоко в холодную ночь космоса. В Замке прячется испуганный человек, изменой захвативший трон. Он видит, что большая часть его верных генералов переметнулась на сторону врага. Непобедимая армия беспрепятственно поднимается на вершину Горы. Как может он уберечься от нас? Выключить машины, чтобы этот мягкий воздух замерз в наших легких, чтобы в полдень настала ночь и мрак вакуума обрушился на нас, чтобы Гора снова стала безжизненной, как десять тысяч лет тому назад. Посмотри на небо, Валентин, посмотри на знамена на ветру!

— Но на Горе миллиард жителей! — закричал Валентин.— Если он выключит погодные машины, он убьет

вместе с нами и их всех, и себя тоже, если он не нашел какого-то способа запечатать Замок от наступления холода.

— Ты думаешь его заботит теперь собственная жизнь? Он пропал в любом случае. Однако таким способом он унесет с собой не только тебя, но и всех с Замковой Горы. Посмотри на небо, Валентин. Видишь, как оно темнеет?

Валентин дрожал от ярости. Доминик Барджазед желает уничтожить все города Горы в этом чудовищном катаклизме, убить миллионы матерей с детьми, фермеров на полях, торговцев в лавках, миллионы и миллионы невинных, которые никак не участвуют в этой борьбе за Замок. Зачем эти убийства? Только для того, чтобы излить свою ярость, теряя то, что никогда не принадлежало ему по праву! Валентин смотрел в небо, надеясь, что это какой-то природный феномен. Глупо надеяться! Делиамбер был прав: погода на Замковой Горе *никогда* не была природным феноменом.

— Мы еще далеко от Замка,— сказал Валентин. Он был в тревоге.— Сколько времени пройдет прежде, чем начнется замораживание?

Делиамбер пожал плечами.

— Когда погодные машины были построены, милорд, прошло много месяцев прежде чем воздух достаточно уплотнился, чтобы поддерживать жизнь на этих высотах. Машины работали день и ночь, однако это заняло много месяцев. Ломать — не строить, но все-таки, я думаю, это произойдет не сразу.

— Сможем ли мы вовремя достичь Замка и остановить уничтожение?

— Как знать, милорд.

Валентин приказал остановить повозку и собрал своих офицеров. Фургон Элидата еще до зова спешил к Валентину: видимо Элидат тоже заметил что-то тревожное. В воздухе ощущался лишь слабый намек на похолодание, однако и этого было достаточно. Элидат подбежал к Валентину и указал на темнеющее небо.

— Милорд, безумец делает самое худшее!

— Я знаю. Мы тоже заметили перемену.

— Тонигорн уже близко, а Стазилейн едет со стороны Багледока. Мы должны как можно скорее ехать к Замку.

— Думаешь, успеем? — спросил Валентин.

— Постараемся.— Элидат холодно улыбнулся.

Собрались полностью озадаченные Слит, Карабелла, Лизамон, Эйзенхарт, Ирманар. Эти чужие на Замковой Горе люди, вероятно, заметили перемену погоды, но не

сделали из этого мрачных заключений. Они встревожено смотрели то на Валентина, то на Элидата, чувствуя, что происходит что-то неладное, однако не понимая, что именно. Валентин объяснил.

— Остановки в Бомбифейле не будет, — добавил он. — Едем прямо к Замку мимо Высокого Морпина и нигде не останавливаемся. — Он взглянул на Ирманара. — Я полагаю, что возможна паника среди отрядов. Не допусти ее. Объясни всем, что мы будем спасены, если вовремя достигнем Замка, что единственная надежда в скорости. Понятно? От нее зависит жизнь миллиарда граждан, в том числе и наша.

Глава 12

Подъем на Гору был вовсе не таким радостным, как ранее воображал Валентин. После победы на Бомбифейлской Равнине с него как бы свалился тяжкий груз, потому что он больше не видел препятствий на своем пути. Он думал о безмятежном путешествии к Внутренним Городам, о триумфальном банкете в Бомбифейле, о том, как Барджазед трясется от страха в ожидании, о входе в Замок, о захвате узурпатора, о восстановлении. Но все эти приятные мечты рассыпались в прах. Армия в отчаянной спешке поднималась вверх. Небо с каждой минутой становилось темнее, ветер с вершины крепчал, воздух становился более сырым и едким. Что думают об этих переменах в Бомбифейле, Перитоле и выше, в Хеленксе и Высоком Морпине, да и в самом Замке? Конечно, все понимают, что было сделано нечто ужасное; если вся прекрасная Замковая Гора страдает от непривычных порывов холодного ветра и день вдруг обращается в ночь. Но понимают ли они, какое бедствие обрушивается на них? А народ в Замке? Пытается ли он добраться до погодных машин, которые выключил их сумасшедший Корональ, или узурпатор забаррикадировал проход к машинам, и смерть равно поразит всех?

До Бомбифейла было теперь рукой подать. Валентин сожалел, что проедет мимо, потому что его армия сражалась и теперь нуждается в отдыхе. Однако, если они остановятся в Бомбифейле, они останутся в нем навеки.

Так что вверх и вверх сквозь надвигавшуюся ночь. Как ни быстро они ехали, для Валентина это было слишком медленно, потому, что он представлял себе толпы, собиравшиеся на площадях городов, хаотические толпы пе-

репуганных людей, глядевших в небо и кричавших «Лорд Валентин, спаси нас!», и не знавших, что черноволосый человек, к которому они обращают свои мольбы, виновник их гибели. Он мысленно видел, как жители Замковой Горы миллионами хлынут в панике на нижние уровни в безнадежных, бесплодных попытках избежать смерти. Он представлял себе, как языки пронизывающего ветра лижут беспорядочно-прекрасные растения Барьера Толингар, замораживают каменных птиц Форибла, губят элегантные сады Сти, превращают в лед каналы Хиимара. Это чудо — Замковая Гора — создавалось восемь тысяч лет, а безумец с холодной подлой душой уничтожит ее в одно мгновение.

Стены и башни Бомбифейла, прекрасные даже в этом гаснущем свете, манили к себе Валентина, но он проехал мимо, торопясь дальше по ступеням горной дороги, вымощенной древними плитами красного камня. Повозка Элидата была справа от него, Карабеллы — слева, чуть позади ехали Слит, Залазан Кавол, Ирманар, Лизамон, а за ними все отряды, собранные Валентином в его долгом путешествии. Все спешили за своим Лордом, однако понимали, что наступает миг Апокалипсиса, когда зло готово восторжествовать, и только мужество, храбрость и скорость могут блокировать его победу.

Валентин сжал кулаки и попытался силой воли заставить повозку двигаться еще быстрее. Делиамбер, сидевший рядом, уговаривал его успокоиться. Но как можно быть спокойным, когда сам воздух Замковой Горы уходит молекула за молекулой и тьма ночи захватывает все?

— Видишь, деревья вдоль дороги с малиново-золотыми цветами? — сказал Валентин. — Они были посажены четыре тысячи лет тому назад. Когда они цветут, в Высоком Морпине устраивается фестиваль и тысячи людей танцуют на дороге между ними. Видишь — листья уже почернели и съежились по краям. Они никогда не знали такой низкой температуры, а холод еще только начинается. Что будет с ними через восемь часов? Если даже такой холод губит листья, что будет в настоящий мороз и снег? Снег на Замковой Горе, и даже хуже чем снег, когда исчезнет воздух и все останется нагим под звездами!

— Мы еще не пропали, милорд. Что за город над нами?

— Высокий Морпин, город развлечений где проходят игры.

— Думай об играх, которые будут здесь в следующем месяце, милорд, в честь твоего восстановления.

Валентин кивнул.

— Да,— сказал он без тени иронии. Я буду думать об играх, о смехе, о вине, о цветах на деревьях, о пении птиц. Нельзя ли заставить этот фургон ехать быстрее, Делиамбер?

— Он плавучий, а не летающий. Наберись терпения. Замок уже близок.

— Еще несколько часов,— угрюмо сказал Валентин.

Он изо всех сил старался сохранить душевное равновесие. Он вспоминал Валентина-жонглера, простоватого парня, который похоронен теперь где-то внутри него, который отрабатывал только что выученные приемы, сводя себя до уровня руки и глаза.

«Держись в центре своей души, помни, что жизнь — игра, путешествие, короткие развлечения, что Коронали могут падать в реки, что их могут сожрать морские драконы, высмеять в пантомиме метаморфы.»

Ну и что? Довольно слабое утешение. Это неудача одного человека, довольно простая в глазах Божества, хотя этот человек и был королем. А здесь угроза миллиарду невинных жизней и произведению искусства — Горе, возможно единственной во всем космосе.

Высокий Морпин поднимался справа сияющим плетением. Фантастический город игр, чудес и грез, город, сплетенный из золотой проволоки, как думал в детстве Валентин, когда смотрел на великолепные здания Высокого Морпина. Сейчас он глянул на него и быстро отвернулся. До Замка оставалось десять миль, сущий пустяк.

— Как называется эта дорога? — спросил Делиамбер.

— Большое Калантэнское Шоссе. Я тысячу раз ездил по нему в город развлечений и обратно. Поля, окружающие его засажены таким образом, что в любой день года что-нибудь да цветет, и всегда в приятном сочетании красок. А сейчас, видишь, все цветы отвернулись от нас и повисли на стеблях.

— Их можно будет посадить вновь, если холод их уничтожит. Однако пока этого не случилось. Эти растения не так нежны, как ты думаешь.

— Я чувствую холод на них, как будто на собственной коже.

Теперь они были на вершине Замковой Горы так высоко над равнинами Алханрола, как будто достигли другой планеты. Все здесь заканчивалось фантастическим взлетом островерхих пиков и утесов. Вершина целилась в звезды как бы сотнями копий, и среди этих изящных

каменных шпилей поднимался округлый бугор высочайшего места, где Лорд Стиамот устроил свою имперскую резиденцию восемь тысяч лет тому назад в честь победы над метаморфами, и с тех пор каждый Корональ отмечал свое правление дополнительными залами, пристройками, зубчатыми стенами и парапетами. Замок тянулся на тысячи акров, город в себе, лабиринт более запутанный чем берлоги Понтификса. Совсем стемнело. Холодные безжалостные звезды горели над их головами.

— Наверное воздух уходит,— прошептал Валентин,— скоро придет смерть.

— Это настоящая ночь, а не бедствие,— ответил Делиамбер.— Мы ехали весь день без отдыха, и ты не заметил, как прошло время.

— А воздух?

— Он становится более холодным и более разреженным, но он еще не ушел.

— Время еще есть?

— Есть.

Они проехали последний поворот. Валентин хорошо его помнил: поворот шоссе взлетал резкой дугой вокруг горы и ошеломленных путешественник впервые видел перед собой Замок. Валентин еще не видел Делиамбера таким изумленным.

— Что это за здания, Валентин? — тихо спросил колдун.

— Это Замок.

Да, это был Замок Лорда Малибора, Замок Лорда Вариакса, Замок Лорда Валентина. Ниоткуда нельзя было увидеть его весь целиком или хотя бы значительную его часть, однако отсюда был виден достаточно внушительный сегмент Замка, громадная каменная и кирпичная кладка, поднимавшаяся уровень над уровнем, лабиринт над лабиринтом, вившийся кругом и вокруг себя, блиставший миллионом огней.

Страх Валентина испарился. Лорд Валентин мог не печалиться относительно Замка Лорда Валентина. Теперь он дома, и какая бы рана не была нанесена миру, она скоро залечится.

Калантэнское Шоссе заканчивалось площадью рядом с южным крылом Замка. Она представляла собой огромное открытое пространство, вымощенное кусочками зеленого фарфора с золотой горящей звездой в центре. Валентин вышел из фургона и собрал своих офицеров. Дул пронзительный холодный ветер.

— Здесь есть стража у ворот? — спросила Карабелла.— Нам не придется вести осаду?

Валентин улыбнулся и покачал головой.

— Стражи нет. Кто и когда вторгался в Замок Короналя! Мы просто проедем через вон ту арку. Однако внутри мы можем опять встретиться с вражескими отрядами.

— Стража Замка в моем подчинении,— сказал Элидат,— и я буду иметь с ней дело.

— Хорошо. Держитесь вместе, уповайте на Божество, а утром отпразднуем победу!

— Да здравствует Лорд Валентин! — закричал Слит, и другие подхватили.

Валентин поднял руки как в знак признательности, так и для восстановления тишины.

— Праздновать будем завтра, а сегодня я дам бой, и, надеюсь, последний!

Глава 13

Какое странное ощущение — снова пройти под аркой и увидеть перед собой великолепие Замка! Мальчиком он играл на этих бульварах и улицах, терялся в чудесах бесконечно перепутывающихся проходов и коридоров, благоговейно взирал на стены и башни, ограды и своды. Юношей на службе у своего брата Лорда Вариакса он жил в Замке в Пенитор Корт, где имели резиденцию высокопоставленные официальные лица, и много раз гулял по парапету Лорда Оссира, любуясь зрелищем Верхних Городов. Короналем он занимал самые внутренние зоны Замка. Он с наслаждением прикасался к древним камням башни Лорда Стиамота, проходил через тронный зал Лорда Конфалума, изучал звезды в обсерватории Лорда Киннокена и размышлял о том, что он сам добавит к Замку в последующие годы. И вот теперь вновь здесь и только сейчас осознал, как он любил это место — не за то, что оно было символом власти и имперского величия, а, главным образом, потому, что это была ткань веков, живая, дышащая ткань истории.

— Замок наш! — радостно закричал Элидат.

Армия Валентина вошла в неохраняемые ворота.

«Но что хорошего,— подумал Валентин,— если по всей Горе идет смерть и все жители умрут через несколько часов?»

Слишком много времени прошло с тех пор, как атмосфера начала разрежаться.

Усилившийся холод, тяжело навалившийся на Замковую Гору, нигде не был так заметен, как в самом Замке. Его обитатели, ошеломленные и испуганные событиями гражданской войны, стояли как восковые фигуры, в то время как отряды Валентина врывались внутрь Замка. Некоторые, более практичные или быстрее соображающие кричали:

— Да здравствует Лорд Валентин!

Основная же масса при виде золотоволосого незнакомца вела себя так, словно мозг их уже начал замерзать.

Отряды атаковавших быстро и точно двигались к указанным Валентином целям. Герцог Хайтлог и его воины хлынули по периметру Замка, чтобы нейтрализовать любые враждебные силы. Эйзенхарт и шесть отрядов жителей долин стали закрывать многочисленные ворота Замка, чтобы никто из приверженцев узурпатора не смог ускользнуть. Слит и Карабелла со своими отрядами направились наверх, к имперским холлам внутреннего сектора, чтобы захватить правительственные посты. Сам Валентин с Элидатом и Ирманаром и их объединенными силами спустился по спиральному мощеному проходу к подземелью, где находились погодные машины. Остальные отряды под командованием Насимонта, Залазана Кавола, Жанамира, Лизамон и Гарцвела растеклись по всему Замку в поисках Доминика Барджазеда, который мог скрываться в любой из тысяч комнат.

В конце мощеного спуска Валентин остановился, потому что плавучие повозки не могли двигаться дальше и быстро пошел пешком. Нос, губы и уши немели от холода, сердце его сильно колотилось, легкие тяжело работали в разряженном воздухе. Подземелье было почти незнакомо ему, он был здесь всего раз или два, и то очень давно, однако Элидат похоже знал дорогу. По коридорам, по бесконечным пролетам широкой каменной лестницы в высокую арку. Воздух заметно охлаждался, неестественная ночь все сильнее охватывала Гору. Перед ними оказалась громадная деревянная дверь, обшитая толстыми металлическими полосами.

— Взломать! — приказал Валентин. — Прожечь, если нужно!

— Подожди, милорд, — сказал дрожащий голос.

Валентин быстро обернулся. Из прохода в стене вышел древний гейрог и неуверенными шагами подошел к ним.

— Хранитель погодных машин,— пробормотал Элидат.

Гейрог выглядел почти полумертвым. Он растерянно переводил взгляд с Элидата на Ирманара, с Ирманара на Валентина, а потом упал к ногам Валентина.

— Милорд, Лорд Валентин, спаси нас! Машины выключены!

— Ты можешь открыть дверь?

— Да, милорд. Контрольный пост в этом проходе, но внутри командуют воины, они вытолкали меня. Что они сделали там, милорд? Что будет со всеми нами?

Валентин поднял трясущегося гейрога.

— Открой дверь.

— Слушаюсь, милорд. Минуточку...

«Скорее вечность»,— подумал Валентин.

Послышался устрашающий звук подземного механизма, и тяжелый деревянный барьер со скрипом и стоном начал отходить в сторону.

Валентин хотел первым ворваться в проем, однако Элидат грубо схватил его за руку и оттащил назад. Валентин хлопнул по державшей его руке, словно то было надоедливое насекомое, но Элидат крепко держал его.

— Нет, милорд,— резко сказал он.

— Пусти, Элидат.

— Пусть это будет стоить мне головы, Валентин, но я не пущу тебя туда. Отойди в сторону.

Валентин оглянулся на Ирманара, однако не нашел у него поддержки.

— Гора замерзает, милорд, а ты задерживаешь нас,— сказал Ирманар.

— Я не позволю...

— Отойди! — приказал Элидат.

— Я Корональ!

— А я отвечаю за твою безопасность. Не обижайся, милорд, но внутри вражеские солдаты, отчаянный народ, защищающий последний оплот власти узурпатора. Увидит тебя какой-нибудь снайпер, и вся наша борьба окажется напрасной. Отойдешь сам, Валентин, или я должен совершить предательство по отношению к твоему телу и оттолкнуть тебя с дороги?

Валентин раздраженно уступил и сердито смотрел, как Элидат и отряд копьеносцев прошли мимо него внутрь. Почти сразу же послышались звуки сражения: крики, энергоразряды, стоны. Хотя люди Ирманара стерегли Валентина, он раз десять пытался растолкать их и ворваться в подземелье, однако они держались стойко. Затем

прибыл посланец от Элидата и сообщил, что первое сопротивление сломлено, что они идут вглубь, что там баррикады, ловушки, засады вражеских солдат через каждые несколько сотен ярдов. Валентин сжимал кулаки. Как это ужасно — быть слишком священным и не иметь возможности рискнуть своей шкурой, а стоять в прихожей, пока вокруг кипит война за его восстановление! Он решил войти внутрь — пусть Элидат хоть взбесится.

— Милорд!

К нему бежал запыхавшийся посланец с другого конца коридора.

— В чем дело? — спросил Валентин.

— Меня послал герцог Насимонт. Мы нашли Доминика Барджазеда. Он забаррикадировался в обсерватории. Герцог просит тебя прийти побыстрее.

Валентин кивнул. Это было лучше, чем стоять здесь без дела. Он сказал первому посланцу:

— Скажи Элидату, что я пошел наверх. Ему дается разрешение добираться до погодных машин любым способом, какой он сочтет необходимым.

Едва Валентин пошел по проходам, как появился помощник Гарцвела и сказал, что узурпатор в Пенитор Корт, а еще через несколько минут пришло известие от Лизамон, что она преследует Доминика по спиральному проходу, ведущему к отражающему бассейну Лорда Симинейва. В главном холле Валентин нашел Делиамбера, следившего с помощью чар за ходом действий. Рассказав вруону о противоречиях в рапортах, Валентин спросил:

— Может он быть сразу в трех местах?

— Скорее всего, нет,— ответил колдун, если только он не един в трех лицах, в чем я сомневаюсь. Однако я чувствую его присутствие, темное и сильное.

— В каком именно месте?

— Трудно сказать. Его враждебная жизненная сила такова, что отражается от камней Замка, и эхо сбивает меня с толку. Однако теперь, думаю, я больше не боюсь.

— Лорд Валентин!

Это был новый посланец. У него было знакомое лицо: густые сросшиеся брови, легкая доверчивая улыбка. Это был Тонигорн, второй ближайший друг Валентина, теперь один из главных министров королевства. Он смотрел на незнакомца проницательными глазами, как бы пытаясь обнаружить за странной внешностью настоящего Валентина. Рядом с ним был Жанамир.

— Тонигорн! — воскликнул Валентин.

— Милорд, Элидат сказал мне, что ты изменен, но я не думал...

— Я слишком чужой для тебя с этим лицом?

Тонигорн улыбнулся.

— Привыкнем, милорд. Однако это потом. Я принес хорошие новости.

— Увидеть тебя опять — уже хорошая новость.

— Я принес лучше. Предателя нашли.

— За последние полчаса я слышал уже три раза, что он в трех различных местах.

— Насчет рапортов я ничего не знаю, но мы его нашли.

— Где?

— Он забаррикадировался во внутренних покоях. Последним его видел слуга, старый Канзимар, преданный вам до конца. Он увидел, как тот трясется в ужасе и бормочет что-то невнятное, и понял, наконец, что перед ним не Корональ. Изменник закрыл все помещения от тронного зала до гардеробных и сидит там один.

— Да, это и в самом деле хорошие новости! — Валентин обернулся к Делиамберу.— Твое колдовство подтверждает это?

Делиамбер пошевелил щупальцами.

— Я чувствую злобное, ожесточенное присутствие в том величественном здании.

— Имперские комнаты,— сказал Валентин. Он повернулся к Жанамиру.— Пошли известие Слиту, Карабелле, Залзану Каволу и Лизамон. Я хочу, чтобы они были со мной, когда мы пойдем туда.

— Слушаюсь, милорд.— Глаза мальчика заблестели.

— Кто эти люди, которых ты назвал? — спросил Тонигорн.

— Товарищи по странствиям, дружище. За время моей ссылки они стали близки мне.

— Тогда они будут близки и мне, милорд. Кто бы они ни были, я буду любить их, раз ты их любишь.— Тонигорн плотнее запахнул плащ.— Что за холод! Когда он кончится? Элидат сказал, что погодные машины...

— Да.

— Их можно исправить?

— Элидат там. Кто знает, какой ущерб нанес им Барджазед? Будем надеяться на Элидата.

Валентин посмотрел на возвышавшийся перед ним внутренний дворец и прищурился, как бы стараясь увидеть сквозь благородные каменные стены бессовестное испуганное существо, спрятавшееся за ними.

— Этот холод удручает меня, Тонигорн. Излечение теперь в руках Божества и Элидата. Пошли посмотрим, нельзя ли выкурить это насекомое из его укрытия.

Глава 14

Момент окончательной встречи с Домиником Барджазедом был уже близок. Валентин быстро шел вглубь и вверх через хорошо знакомые апартаменты.

Эта сводчатая постройка была архивом Лорда Престимиона, где великий Кораналь собирал музей истории Маджипура. Валентин улыбнулся при мысли поместить свои жонглерские булавы рядом с мечом Лорда Стиамота и осыпанным драгоценностями мечом Лорда Конфалума. Вот поднимается в головокружительном взлете стройная, кажущаяся хрупкой сторожевая башня, построенная Лордом Ариоком — поистине странная конструкция, указывавшая на значительно большие странности, проявленные Ариоком, когда он был на пути к Понтификату. Там двойной атриум с бассейном в центре — часовня Лорда Киннокена, примыкающая к прекрасному белокаменному залу резиденции Леди, когда она посещала своего сына. А вот стеклянная крыша оранжереи Лорда Конфалума, личная слабость этого обожающего помпу монарха, помещение, где были собраны нежные растения со всего Маджипура. Валентин молил судьбу, чтобы растения пережили эту холодную ночь, потому что он мечтал в ближайшее время пройтись между ними и снова увидеть чудеса, встреченные им в лесах Зимрола и на побережье Стоенцара. Еще выше через бесконечный лабиринт коридоров, лестниц, галерей, туннелей, все дальше и дальше...

— Мы умрем не от холода, а от старости, прежде, чем доберемся до Барджазеда! — ворчал Валентин.

— Теперь уже скоро, милорд, — сказал Жанамир.

— Не так скоро, как мне хочется.

— Как ты его накажешь, милорд?

Валентин взглянул на мальчика.

— Наказать? Какое наказание может быть за то, что он сделал? Отхлестать? Посадить на хлеб и воду? Можно ли наказать Стейч за то, что он выбросил на нас камни?

Жанамир оторопел.

— Совсем не наказывать?

— В твоем понимании наказания — нет.

— Убить, чтобы не делал впредь зла?

— Тоже нет,— сказал Валентин.— Но сначала нужно его найти, а уж потом подумаем, что с ним делать.

Через полчаса Валентин стоял перед самой сердцевиной Замка — огороженными стеной имперскими помещениями, не самыми древними, однако наиболее священными. У ранних Короналей здесь были правительственные залы, но потом их заменили более богатыми и впечатляющими помещениями великих правителей последнего тысячелетия и устроили тут роскошный центр власти в стороне от других запутанных лабиринтов Замка. Самые высокие государственные церемонии проводились в этих великолепных помещениях с высокими сводами, и вот теперь одно единственное презренное существо затаилось за древними кованными дверями с огромными тяжелыми резными болтами.

— Ядовитый газ,— сказала Лизамон.— Накачать через стены одну канистру и прихлопнуть его там.

— Да! — горячо поддержал его Залзан Кавол.— Просунуть в эти трещины тонкую трубочку, и газ, каким в Пилиплоке убивают рыбу, поработает внутри.

— Нет,— сказал Валентин,— мы возьмем его живым.

— А это можно сделать, милорд? — спросила Карабелла.

— Можно выломать двери,— прогудел Залзан Кавол.

— Сломать двери Лорда Престимиона, которые изготовлялись тридцать лет, чтобы вытащить мошенника из укрытия? — спросил Тонигорн.— Милорд, затея с ядом, по-моему неглупа. Нам нельзя тратить время.

— Мы не можем действовать, как варвары. Никаких ядов здесь не будет.— Валентин взял руки Карабеллы и Слита и поднял их вверх.— Вы жонглеры с проворными пальцами, и ты тоже, Залзан Кавол. Не воспользоваться ли вам этими пальцами для других целей?

— Открыть замки, милорд? — спросил Слит.

— Вроде того. В эти комнаты есть множество входов. Может, не все они с засовами. Идите поищите путь в обход барьеров, а я попробую другой способ.

Он подошел к гигантской золоченой двери, на каждом квадратном дюйме которой были вырезаны рельефные сцены правления Лорда Престимиона и его прославленного предшественника Лорда Конфалума, и положил руки на тяжелые бронзовые ручки, как бы намереваясь открыть дверь одним мощным поворотом.

Он стоял так довольно долго, выбросив из своего мозга все, что напряженно кипело вокруг. Он попытался

войти в спокойное место в центр своей души, однако встретил мощное препятствие. Его мозг вдруг наполнился бившей через край ненавистью к Доминику Барджазеду. За этой громадной дверью находился человек, скинувший Валентина с трона, пославший его в странствия, правивший его именем грубо и неправедно, и что хуже всего, совершенно чудовищно и непростительно — собиравшийся уничтожить миллиард невинных, ни о чем не подозревавших граждан, когда его планы начали рушиться. За это Валентин ненавидел Доминика Барджазеда и за это стремился уничтожить его.

Пока он стоял, вцепившись в ручки двери, его мозг наполнили образы жестокого насилия. Он видел Доминика Барджазеда истекающего кровью, прибитого к дереву оперенными стрелами. Он видел Доминика Барджазеда падающего под градом камней. Он видел...

Валентин дрожал от силы собственной ярости. Однако никто в цивилизованном обществе не снимает заживо кожу с врага, никто не поворачивает свою злобу в насилие — даже над Домиником Барджазедом.

«Как,— думал Валентин,— я могу требовать права управлять миром, если не могу справиться с собственными эмоциями?»

Он знал, что пока в его душе кипит эта злоба, он также не пригоден править миром, как и сам Доминик Барджазед. Нужно бороться с этими чувствами. Биение крови в висках, дикая жажда мести — все это должно исчезнуть, прежде чем он сделает хоть одно движение к Доминику Барджазеду.

Валентин боролся. Он расслабил сжатые мышцы плеч и спины, глубоко вдохнул холодный воздух, и постепенно напряжение ушло из его тела. Он нашел то место в своей душе, куда так неожиданно вошло горячее вожделение мести, и очистил это место. Вот теперь он мог двинуться в спокойное место в центре своей души и задержаться в нем, и чувствовать, что в Замке только двое — он и Доминик Барджазед, и дверь — единственный барьер между ними.

Овладеть собой — самая малая победа, все остальное должно еще последовать. Он воззвал к власти серебряного обруча Леди, вошел в транс и послал силу своего духа к врагу. Валентин не послал сон мести и кары: это было бы слишком грубо, слишком дешево, слишком легко. Он послал нежный сон любви и дружбы, и печали о том, что случилось. Такое послание могло только удивить Доми-

ника Барджазеда. Валентин показал ему головокружительно-прекрасный город развлечений Высокий Морпин и их двоих, идущих рядом по авеню Облаков, дружески разговаривающих, улыбающихся и спорящих о различиях между ними, пытающихся сгладить расхождения и опасения.

Это был рискованный путь. Он мог подвергнуть Валентина насмешкам и презрению, если Доминик Барджазед не поймет мотивов Валентина. Но и действовать на него угрозами и яростью было тоже безнадежно. Может быть мягкий путь приведет к победе. Такое послание требовало больших резервов духа, поскольку наивно было бы думать, что Доминика Барджазеда можно было бы обольстить ложью. Если бы любовь Валентина не была искренней, и это не было бы видно, послание было бы глупостью. Валентин не знал, сможет ли он найти в себе любовь к человеку, сделавшему столько зла, однако же нашел и послал ее.

Закончив, Валентин взялся за дверные ручки, восстановил свои силы и стал ждать какого-нибудь знака изнутри.

Неожиданно пришло послание: мощный взрыв ментальной энергии, пугающий, переполняющий вылетел из имперских покоев подобно яростному горячему суврейлскому ветру. Валентин почувствовал опаляющий взрыв глумливого отказа Доминика Барджазеда. Барджазед не нуждался ни в любви, ни в дружбе. Он послал недоверие, ненависть, злобу, презрение, воинственность, декларацию продолжающейся войны. Удар был весьма интенсивным. Валентин даже удивился, что Барджазед способен на послание. Наверняка, тут действовала какая-то машина его отца, какое-то колдовство Короля Снов. Вообще-то Валентин и ожидал чего-нибудь в этом роде. Но это было не важно. Валентин крепко стоял в иссушающей силе энергии, посланной ему Домиником Барджазедом.

Затем он отправил второе послание, настолько же мягкое и искреннее, насколько послание Доминика было грубым и враждебным. Он послал сон прощения, полного забвения. Он показал Доминику Барджазеду гавань, флотилию суврейлских кораблей, ожидающих его возвращения в земли его отца, большой парад, где Валентин и Доминик Барджазед едут вместе в колеснице в порт для церемонии отплытия, стоят на набережной, смеются, прощаются — два добрых врага, имеющих полную власть и теперь расстающихся по хорошему.

В ответ пришел сон смерти, уничтожения, ненависти, отвращения.

Валентин медленно потряс головой, стараясь очистить ее от лившейся к нему ядовитой грязи. В третий раз собрав силы, он стал готовить послание врагу. Он не хотел опуститься до уровня Барджазеда и все еще надеялся победить его теплом и добротой, хотя любой сказал бы, что глупо даже пытаться. Валентин закрыл глаза и сосредоточился на серебряном обруче.

— Милорд!

Женский голос пробился сквозь сосредоточенность Валентина как раз тогда, когда он входил в транс. Вмешательство было резким и болезненным. Валентин повернулся с несвойственной ему злостью. Он был так потрясен неожиданностью, что не сразу узнал голос Карабеллы. Она испуганно попятилась.

— Милорд,— слабо произнесла она,— я не знала...

Он овладел собой.

— В чем дело?

— Мы нашли способ открыть дверь.

Валентин закрыл глаза. Тело его облегченно расслабилось. Он притянул к себе Карабеллу и сказал:

— Веди меня туда.

Карабелла повела его по коридорам с древними драпировками и толстыми коврами, Она шла с уверенностью, удивительной для того, кто никогда не бывал здесь раньше.

Они пришли к той части имперских апартаментов, которой Валентин не помнил,— к служебному входу где-то за тронным залом, маленькому скромному помещению. Слит, стоя на плечах Залзана Кавола, почти пролез во фрамугу и производил какие-то манипуляции на внутренней стороне двери. Карабелла сказала:

— Мы открыли таким способом три двери, это четвертая. Еще минутку...

Слит вытащил голову и оглянулся, пыльный, ухмыляющийся, явно довольный собой.

— Открыто, милорд!

— Вот это здорово!

— Мы войдем и схватим его,— сказал Залзан Кавол.— Где ты будешь ждать его, милорд?

— Нет,— сказал Валентин.— Туда войду я один.

— Ты, милорд? — недоверчиво спросил Залзан Кавол.

— Один? — спросила Карабелла.

Слит, явно оскорбленный закричал:

— Милорд, я не позволю...— Он умолк, испугавшись своих святотатственных слов.

Валентин мягко сказал:

— Не бойтесь за меня. Есть вещи, которые я должен делать сам, без посторонней помощи. Отойдите назад. Я приказываю не входить, пока не позову.

Они смущенно переглянулись. Карабелла начала что-то говорить, запнулась и закрыла рот. Залзан Кавол рыкнул и беспомощно развел всеми четырьмя руками. Валентин толкнул дверь и вошел в какой-то вестибюль, видимо кухонный проход, едва ли знакомый Короналю. Он осторожно прошел через него и очутился в зале, обитом парчой,— комнате для одевания. Позади него была часовня Деккерита, а дальше — судейский зал Лорда Престимиона, громадная сводчатая комната с великолепными окнами матового стекла, канделябрами работы лучших мастеров Ни-мойе. За ним был тронный зал с громадным троном Конфалума. Где-то в этих апартаментах Валентину предстояло найти Доминика Барджазеда. Комната для одевания была пуста и выглядела так, словно ею не пользовались несколько месяцев. Каменная арка в часовню Деккерита не была занавешена. Валентин прошел туда, никого не увидел и пошел дальше по короткому изогнутому коридору с ярким зеленым с золотом мозаичным орнаментом к судейскому залу. Глубоко вздохнув, он открыл дверь.

Сначала он подумал, что громадное помещение тоже пусто. Горел только один из небольших канделябров, и то в дальнем конце, тускло освещая зал. Валентин посмотрел направо и налево по рядам деревянных полированных скамей, по занавешенным альковам, в которых позволялось скрываться принцам и герцогам, пока над ними вершился суд, на высокий трон Короналя. Он увидел фигуру в имперской одежде, стоявшую в тени стола советника у подножия трона.

Глава 15

Из всего, что произошло во время ссылки, самым странным оказалось стоять менее чем в сотне футов от человека с бывшим его, Валентина, лицом. До этого Валентин дважды видел поддельного Короналя во время фестиваля в Пидруде и чувствовал тогда, сам не зная почему, что взгляд Короналя пачкает его и вытягивает из него энергию, но это было до того, как Валентин опять обрел память. Теперь он видел в слабом свете высокого сильного чернобородого мужчину с жестокими глазами,

одетого как принц, и вовсе не съежившегося, бормочущего в страхе, а встречающего его с холодной спокойной угрозой.

«Неужели я так выглядел? — удивился Валентин,— таким равнодушным, ледяным, недоступным?»

Потом он подумал, что за то время, пока Доминик Барджазед владел его телом, чернота души узурпатора проступила на его лице и исказила черты Короналя выражением болезненной ненависти.

Валентин начал привыкать к своему добродушному, жизнерадостному новому лицу и теперь, глядя на свое бывшее лицо, не ощущал желания получить его обратно.

— Я сделал тебя красивым, верно? — сказал Барджазед.

— А себя — куда меньше,— сердечно ответил Валентин.— Зачем ты хмуришься Доминик? Это лицо более известно улыбкой.

— Ты слишком много улыбался, Валентин. Ты был слишком мягким, слишком добродушным, чтобы править.

— Значит, ты так обо мне думал?

— Не только я, но и многие другие. Как я понимаю, ты стал бродячим жонглером.

— Мне нужно было ремесло, раз ты отнял мое прежнее. Жонглирование мне подошло.

— Не удивительно.— Голос Доминика Барджазеда гулко раздавался в пустом зале.— Ты всегда умел развлекать других. Я советую тебе вернуться к жонглированию, Валентин. Печати власти — мои.

— Печати твои, однако власть — нет. Твоя стража сбежала от тебя. Замок в безопасности от тебя. Сдавайся добровольно, Доминик, и мы вернем тебя в земли твоего отца.

— А как насчет погодных машин, Валентин?

— Они снова включены.

— Вранье! Глупое вранье! — Доминик Барджазед быстро повернулся и распахнул высокое окно. Порыв холодного воздуха ворвался так быстро, что Валентин на другом конце зала почувствовал его почти сразу.

— Машины охраняются моими самыми доверенными людьми.

— Не твоими, а моими, привезенными из Суврейла. Они будут охранять машины до тех пор, пока я не прикажу включить их, и если вся Замковая Гора почернеет и погибнет, не дождавшись этого приказа, пусть так и будет. Ты хочешь, чтобы это случилось?

— Этого не будет.

— Будет,— сказал Барджазед, если ты останешься в Замке. Уходи. Я дарую тебе безопасный спуск с Горы и бесплатный переезд в Зимрол. Жонглируй в западных городах, как в прошлом году, и забудь свои глупости насчет трона. Я Лорд Валентин Корональ.

— Доминик...

— Мое имя — Лорд Валентин! А ты — бродячий жонглер из Зимрола! Уходи и займись своим ремеслом.

— Это звучит заманчиво, Доминик,— беспечно ответил Валентин.— Мне нравилось выступать, больше чем все другое, что я делал в жизни. Однако судьба требует, чтобы я нес тяжесть правления, невзирая на свои желания. Пойдем теперь.— Он сделал шаг к Барджазеду, второй, третий.— Пойдем отсюда. Я покажу рыцарям Замка, что этот мятеж закончен, и планета возвращается на истинный путь.

— Не подходи!

— Я не хочу вредить тебе, Доминик. В каком-то смысле я даже благодарен тебе за мой исключительный опыт, за все то, что никогда не случилось бы со мной. Если бы...

— *Назад! Ни шагу далее!*

Валентин продолжал идти вперед.

— Я благодарен тебе также за то, что ты избавил меня от досадной хромоты, которая лишала меня некоторых развлечений.

— Ни шагу!

Теперь их разделяло не более десяти футов. Рядом с Домиником Барджазедом находился стол с принадлежностями судейского зала: три тяжелых бронзовых подсвечника, имперская держава и скипетр. Барджазед с яростным криком схватил обеими руками подсвечник и швырнул его в голову Валентина. Валентин проворно шагнул в сторону и быстрым движением руки поймал тяжелый предмет. Барджазед швырнул второй подсвечник. Валентин поймал и его.

— Давай еще один,— сказал он.— Я покажу тебе, как жонглируют.

Лицо Барджазеда исказилось, он задыхался и шипел от злости. К Валентину полетел третий подсвечник. Первые два уже кружились в воздухе, перелетая из одной руки Валентина в другую, и ему не составляло труда схватить на лету третий и пустить его следом за другими в воздух, создавая перед собой сияющий каскад. Он весело жонглировал ими, смеялся, подбрасывая их все выше. Как

приятно было вновь жонглировать, опять пользоваться старыми навыками.

— Видишь? — спросил он.— Вот так. Мы можем научить тебя, Доминик. Только научись расслабляться. Ну-ка брось мне еще и скипетр, и державу тоже. Я могу работать пятью предметами, а может и большим числом. Какая жалость, что так мало зрителей. Но...

Жонглируя, он шел к Барджазеду, а тот пятился, широко раскрыв глаза и капая слюной на бороду.

Вдруг Валентин резко остановился и покачнулся от послания, ударившего его со страшной силой. Подсвечники со звоном покатились по темному деревянному полу. Последовал второй удар, затем третий. Валентин изо всех сил удерживался на ногах. Игра с Барджазедом кончилась. Началась какая-то новая схватка, которой Валентин пока не понимал. Он рванулся вперед, намереваясь схватить противника, прежде чем сила ударит его снова.

Барджазед отступал, подняв дрожащие руки лицу. От него ли пришло это нападение или в комнате прятался его союзник?

Валентин отпрянул, когда эта неуловимая невидимая сила ударила его в мозг вновь. Он пошатнулся, прижал ладони к вискам и попытался собраться с мыслями. Схватив Барджазеда, он удержится сам, повалит его, сядет на него и позовет на помощь. Он рванулся вперед, схватил за руку лже-Короналя. Доминик взвыл и вырвался.

Валентин хотел прижать его к стене, но Доминик Барджазед с диким воплем страха и отчаяния метнулся мимо него и побежал, ковыляя, через комнату. Он нырнул в один из занавешенных альковов и закричал:

— Отец, помоги мне!

Валентин подбежал и отдернул занавес. Он отступил, ошеломленный. В алькове прятался старик могучего сложения, черноглазый, смуглый, со сверкающим золотым образом на лбу. В руке он держал какой-то прибор из кости и золота с ремешками, застежками и рычажками. Это был Симон Барджазед, Король Снов, устрашающий старожил Суврейла, вдруг очутившийся здесь в судейском зале Короналя. Это он посылал леденившие мозг послания, чуть не сбившие с ног Валентина. Сейчас он силился послать еще одно, однако его отвлекал сын, истерически цеплявшийся за него и умолявший о помощи.

Валентин понял, что одному тут не справиться и громко закричал:

— Слит, Карабелла! Зализан Кавол!

Доминик Барджазед всхлипывал и стонал. Король Снов пнул его, как надоедливую собачонку. Валентин осторожно пробрался в альков, надеясь выхватить у старого Симона Барджазеда его ужасную сонную машину, пока он не нанес с ее помощью большего ущерба. Как только Валентин потянулся к ней, произошло нечто еще более ошеломляющее: контуры лица и тела Симона Барджазеда заколыхались, и стали расплываться, изменяться, превращаться во что-то чудовищно странное, угловатое, тонкое. Глаза скосились внутрь, нос стал просто бугорком, губы почти исчезли.

Метаморф. Не Король Снов, а поддельный, маскарадный Король, Изменяющий Форму, пьюривар, метаморф...

Доминик Барджазед в ужасе завизжал, отскочил от странной фигуры и бросился на пол у стены, дрожа и причитая. Метаморф поглядел на Валентина с нескрываемой ненавистью и со страшной силой запустил в него аппаратом. Валентин отстранился, но недостаточно быстро: машина вскользь ударила его в грудь, и в этот момент метаморф проскочил мимо него, стремительно пронесся через зал к открытому окну, перемахнул через подоконник и исчез в ночи.

Глава 16

Бледный, потрясенный Валентин повернулся и увидел, что зал полон народа: Слит, Карабелла, Делиамбер, Тонигорн и множество других, поспешно вбегавших из узкого вестибюля. Он указал на Доминика Барджазеда, скорчившегося в жалком состоянии шока и коллапса.

— Тонигорн, поручаю тебе заняться им. Отведи его в безопасное место и присмотри, чтобы ему не повредили.

— Пенитор Корт, милорд, самое безопасное место. Дюжина вооруженных людей будет все время охранять его.

Валентин кивнул.

— Хорошо. Не оставлять его одного. И вызови к нему врача: он перенес чудовищный испуг, и это, я думаю, повредило ему.— Он поглядел на Слита.—Дружище, не принесешь ли фляжку вина? Я и сам пережил тут немало.

Слит протянул ему фляжку. Рука Валентина так дрожала, что он чуть не пролил вино, поднося фляжку ко рту. Несколько успокоившись, он подошел к окну, через которое выпрыгнул метаморф. Где-то далеко внизу, футах в ста, если не больше, горели фонари. Несколько фигур во дворе окружили нечто, покрытое плащом.

Валентин отвернулся.

— Метаморф,— растерянно сказал он.— Не сон ли это? Я видел, как здесь стоял Король Снов, и вдруг он превратился в метаморфа и выпрыгнул в окно.

Карабелла тронула его за руку.

— Милорд, не хочешь ли отдохнуть? Замок взят.

— Метаморф,— опять удивленно повторил Валентин.— Как это могло быть?

— Метаморфы были и в зале погодных машин,— сказал Тонигорн.

— Что? Кто это сказал?

— Милорд, Элидат только что вернулся из подземелья с удивительным рассказом.

Тонигорн махнул рукой, и из толпы вышел сам Элидат, усталый, в запачканном плаще и разорванном костюме.

— Милорд!

— Как погодные машины?

— Они невредимы и снова дают теплый воздух, милорд.

Валентин облегченно вздохнул.

— Прекрасно! Там были, ты говоришь, метаморфы?

— Зал охранялся воинами в униформе личной стражи Короналя,— сказал Элидат.— Мы приказали им сдаться, однако они не подчинились даже мне. Тогда мы стали сражаться с ними и уложили их, милорд.

— Другого выхода не было?

— Не было, милорд. Умирая, они изменялись...

— Все?

— Да. Все они были метаморфами.

Валентин вздрогнул. Он чувствовал, как на него наваливается безмерная усталость. Машина жизни крутится вновь, Замок принадлежит ему, фальшивый Кораль — пленник, мир спасен, порядок восстановлен, угроза тирании устранена, и все-таки есть еще новая тайна, а он так страшно устал...

— Милорд,— сказала Карабелла,— пойдем со мной.

— Да,— глухо сказал он,— мне надо немного отдохнуть.— Он слабо улыбнулся.— Отведи меня, милая, на кушетку в комнате для одевания. Я часок посплю. Ты не помнишь, когда я спал в последний раз?

Карабелла взяла его под руку.

— Кажется, несколько дней тому назад.

— Недели, месяцы тому назад. Но все равно, не давай мне спать больше часа.

— Хорошо, милорд.

Он упал на кушетку. Карабелла укрыла его покрывалом, погасила свет, и Валентин позволил усталому телу расслабиться. Через его мозг проносились яркие образы: Доминик Барджазед вцепился в колени старика, Король Снов злобно отталкивает его и орудует той странной машиной, а затем быстрое изменение, и на Валентина смотрит лицо пьюривара. Страшный крик Доминика, метаморф, бросающийся к открытому окну. Все это снова и снова проносилось в измученном мозгу Валентина. Наконец он уснул.

Спал он не час, как намеревался, а несколько больше. Он проснулся от яркого золотого утреннего цвета. Он потянулся. Все тело болело.

«Сон,— подумал он,— дикий смущающий сон. Нет, не сон.»

— Отдохнули, милорд?

Карабелла, Слит, Делиамбер следили, охраняли его сон. Он улыбнулся.

— Отдохнул. И ночь прошла. Что-нибудь произошло?

— Немногое,— сказала Карабелла,— кроме того, что воздух вновь нагревается. Замок ликует. Вниз по Горе идет известие о перемене, пришедшей на планету.

— Метаморф, который бросился из окна, разбился насмерть?

— Конечно, милорд,— ответил Слит.

— На нем были одежда и регалии Короля Снов и один из его приборов. Как это случилось?

— Я могу сделать предположение, милорд,— сказал Делиамбер.— Я разговаривал с Домиником Барджазедом. Он сошел с ума и поправится не скоро, если вообще поправится. Он рассказал мне кое-что. В прошлом году его отец, Король Снов, тяжело заболел, и думали, что он вот-вот умрет. Ты в это время был еще на троне.

— Однако я ничего не слышал об этом.

— Они об этом не извещали. Но он был очень плох, и тогда в Суврейле появился новый врач откуда-то из Зимрола, якобы обладающий большими знаниями. Действительно, Король Снов чудесным образом выздоровел, можно сказать, восстал из мертвых. Вот тогда, милорд, Король Снов вбил в голову сына мысль устроить тебе ловушку в Филононе и сместить тебя.

Валентин задохнулся.

— Врач — метаморф?

— Да, однако принявший вид человека вашей расы. Затем, я думаю, он взял облик Симона Барджазеда

и держал его, пока неистовство сражения в судейском зале не заставило измененную форму заколебаться и исчезнуть.

— А Доминик? Он тоже...

— Нет, милорд. Он настоящий Доминик, и вид того, кого он считал отцом, покалечил его мозг. Но, понимаешь, именно метаморф толкнул его на узурпацию, и легко догадаться, что другой метаморф заменил бы Доминика, как Короналя.

— А метаморфские стражники повиновались приказам лже-Короля Снов, а вовсе не Доминика. Тайная революция, так, Делиамбер? Захват всей власти не семьей Барджазеда, а Изменяющими Форму.

— Боюсь, что так, милорд.

— Это многое объясняет,— сказал Валентин, глядя в пространство,— и вносит еще больше беспорядка.

— Милорд,— сказал Слит,— нужно разыскать тех, кто скрывается среди нас, и истребить, а остальных запереть в Пьюрифайне, где они не смогут вредить нам.

— Полегче, дружище,— сказал Валентин.— Ты ненавидишь живых метаморфов, верно?

— Не без причин.

— Да, возможно. Ну, что ж, мы их разыщем, чтобы не было тайных метаморфов, прикидывающихся Понтификсом, Леди или даже чернорабочим. Однако я думаю, что мы должны установить контакт с этим народом и вылечить их от злобы, если это удастся, иначе Маджипур втянется в бесконечную войну.

Он встал и поднял руки.

— Друзья, у нас впереди много работы, но сначала — праздник! Слит, назначаю тебя распорядителем празднования моего восстановления, устройства банкетов и развлечений, приглашения гостей. Пошли известия по Маджипуру, что все хорошо, или почти хорошо, и что Валентин опять на троне!

Глава 17

Тронный зал Конфалума был самым большим из всех помещений Замка, роскошным величественным залом с яркой позолотой, прекрасными гобеленами, полом из шелковистого дерева с гор Кантора. Там происходили самые важные имперские церемонии, однако зрелище подобное этому тронный зал видел редко.

Высоко на громадном многоступенчатом троне Конфалума сидел Лорд Валентин Корональ, слева на троне чуть пониже сидела Леди, его мать, вся в белом, а направо на троне такой же высоты, что и у Леди, сидел Горнкейст, главный спикер Понтификса: Тиверас прислал свои извинения и Горнкейста вместо себя, а перед ними выстроились герцоги, принцы и рыцари королевства в таком множестве, какого не бывало со времен самого Лорда Конфалума — верховные лорды из далекого Зимрола, из Пидруда, Филонона, Нарабала, герцог-гейрог из Долорна, великие герцоги Пилиплока и Ни-мойе и пятидесяти других городов Зимрола, из сотни городов Алханрола, не считая пятидесяти Замковой Горы.

Но не все, заполнявшие зал, были герцогами и принцами, присутствовал и более скромный народ — Гарцвелскандар, Корделин, парусный мастер, Панделон, плотник, Виноркис-хьорт, торговец шкурами, мальчик Гиссан из Лабиринта, Тизана, толковательница снов из Фалкинкипа, и многие другие рангом не выше этих стояли среди вельмож, и лица их сияли.

Лорд Валентин встал, отсалютовал матери, ответил на салют Горнкейста и поклонился, когда раздались крики:

— Да здравствует Корональ!

Когда настала тишина, он сказал:

— Сегодня мы даем большой фестиваль в честь восстановления всеобщего благосостояния и полного порядка. У нас есть для вас представление.

Он хлопнул в ладоши, и вошли двенадцать музыкантов под предводительством Жанамира. Рога, барабаны, трубы заиграли приятную веселую мелодию.

За ними пошли жонглеры в костюмах редкой красоты, впору хоть принцам: впереди Карабелла, за ней Слит, а потом грубые косматые Залазан Кавол и его два брата. Они несли жонглерский инвентарь всякого рода: мечи, кинжалы, серпы, факелы, яйца, тарелки, ярко раскрашенные булавы и много других вещей. Дойдя до середины зала, они встали на свои позиции лицом друг к другу по лучам воображаемой звезды.

— Подождите, — сказал Лорд Валентин. — Тут есть место еще одному!

Он спустился по ступеням трона Конфалума и остановился на третьей снизу. Он улыбнулся Леди, подмигнул Гиссану и махнул Карабелле, которая кинула ему меч. Он ловко поймал его, она бросила второй и третий,

и он начал жонглировать ими на ступенях трона, как обещал Леди на Острове Сна.

Это было сигналом к началу жонглирования. Воздух засиял от множества предметов, которые, казалось, летали сами по себе. Мир еще не видел жонглирования такого качества, Лорд Валентин был в этом уверен.

Через несколько минут он сошел со ступеней трона, вошел в группу и радостно смеялся, обмениваясь серпами и факелами со Слитом, скандарами и Карабеллой.

— Как в старые времена,— сказал Залзан Кавол.— Однако ты, милорд, теперь работаешь даже лучше.

— Публика вдохновляет меня,— ответил Лорд Валентин.

— А можешь жонглировать как скандар? — спросил Залзан Кавол.— А ну-ка, милорд, хватай! Хватай! Хватай!

Он прямо как из воздуха выдергивал яйца, тарелки и булавы, его четыре руки беспрерывно двигались, и каждую схваченную вещь он бросал Лорду Валентину, а тот без устали принимал их, жонглировал ими и перебрасывал Слиту или Карабелле, а в ушах его звучали похвалы зрителей — не просто льстивые, это было ясно.

Да, вот это была жизнь! Как в старые времена, даже лучше! Он засмеялся, поймал сверкающий меч и высоко подбросил его.

Элидат считал, что Короналю неприлично делать такие вещи перед принцами королевства, и Тонигорн был того же мнения, но Лорд Валентин не согласился с ними, добродушно заметив, что ему плевать на этикет. Теперь он видел, как они смотрят, раскрыв рты, со своих почетных мест на это поразительное зрелище.

Однако он понимал, что пора оставить поле действия. Он поочередно перекидал все предметы, которые поймал, и отступил. Дойдя до первой ступени трона, он остановился и поманил Карабеллу.

— Пойдем со мной и будем зрителями,— сказал он.

Щеки ее залились краской, но она, не колеблясь избавилась от булав, кинжалов и яиц и подошла к трону. Лорд Валентин взял ее за руку и вместе с ней начал подниматься.

— Милорд,— прошептала она.

— Ш-ш-ш. Это очень серьезное дело. Осторожно, не споткнись на ступенях.

— Я споткнусь? Я? Жонглер?

— Прости Карабелла.

— Я прощаю тебя Валентин.

— Лорд Валентин.

— Значит, теперь будет так, милорд?

— Не всегда. Когда мы вдвоем — нет.

Она поднялась на верхнюю ступень. Их ждало двойное сидение, сияющее зеленым и золотым бархатом. Лорд Валентин постоял, вглядываясь в толпу.

— Где Делиамбер? — шепотом спросил он. — Я его не вижу.

— Его не привлекают зрелища, — сказала Карабелла, — и он, наверное, уехал на время празднества. Колдуны скучают на фестивалях, а жонглирование его никогда не интересовало, ты сам знаешь.

— Ему полагалось бы находиться здесь.

— Когда он тебе понадобиться, он вернется.

— Надеюсь. Ну, давай сядем.

Они заняли свои места на троне.

Внизу жонглеры показывали свои лучшие вещи, казавшиеся чудом даже Лорду Валентину, хотя он и знал их секреты. Глядя на них он чувствовал странную печаль, потому, что теперь сам отстранился от группы жонглеров, отошел, чтобы подняться на трон. Это было серьезным изменением в его жизни.

Он понимал, что жизнь бродячего жонглера, свободная и радостная, закончена, что на него снова навалилась всей тяжестью ответственность власти, которой он не желал, однако от которой не мог отказаться. Это его огорчало.

Он сказал Карабелле:

— Как-нибудь, когда двор будет глядеть в другую сторону, мы потихоньку соберемся вместе и покидаем булавы. Как, Карабелла?

— Наверное, да, милорд. Я хотела бы этого.

— Мы вообразим, что мы где-нибудь между Фалкинкипом и Долорном и гадаем, пригласят ли нас в Непрерывный Цирк, найдем ли мы гостиницу и...

— Милорд, ты только взгляни, что делают скандары! Просто глазам не веришь! Так много рук, и все в работе!

Лорд Валентин улыбнулся.

— Я попрошу Залзана Кавола объяснить мне, как это делается, в ближайшие дни, когда у меня будет время.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I
КНИГА КОРОЛЯ СНОВ 3

Часть II
КНИГА МЕТАМОРФОВ 107

Часть III
КНИГА ОСТРОВА СНА 205

Часть IV
КНИГА ЛАБИРИНТА 293

Часть V
КНИГА ЗАМКА 347

СЕРИЯ «ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ»

Силверберг Роберт

ЗАМОК ЛОРДА ВАЛЕНТИНА

Фантастический роман

Ответственный за выпуск *Молокин М. А.*
Художник *Заплавный А. А.*
Технический редактор *Польщикова Л. А.*
Корректор *Руднев С. Б.*

Сдано в набор 18.11.92. Подписано в печать 20.01.93.
Формат 84x108/32. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 22.68
Тираж 50000 экз. Заказ №

Фирма «Тимур», г. Новосибирск. Отпечатано с готовых диапозитивов Новосибирской типографией № 4 ВО «Наука», 630077, Новосибирск-77, ул. Станиславского, 25.

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ